

ISSN 0131-3150

1

1991

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

ИСТОРИЯ
СССР

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Эволюция и крушение политических режимов. СССР и страны Восточной Европы. «Круглый стол» редакции

Судьба крестьянского рынка в послевоенные годы

Исторические взгляды М. Н. Покровского

Министр финансов Бунге и Александр III

Революция цен в России XVIII в.

Историческая мысль в русских провинциях XVIII в.

Н а ш и п у б л и к а ц и и:

Депортация народов. Переписка Берии со Сталиным

Следственное дело провокатора Малиновского

Американские солдаты в Сибири

1

1991

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Н. Е. КОРОЛЕВ, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К — 31, Кузнецкий мост; 19, тел. 925-34-61

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD

K. F. SHATSILLO (*Editor-in-chief ad interim*)
B. V. ANAN'ICH, V. I. BOVICKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL,
V. P. DMITRENKO, A. P. KORELIN, N. E. KOROLEV, Iu. S. KUKUSHKIN,
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address

19, Kuznetsky Most. Moscow, U. S. S. R. Tel. 925-34-61

Managing Editor Iu. V. Mochalova, tel. 924-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ЭВОЛЮЦИЯ И КРУШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

(СЕРЕДИНА 40-Х — КОНЕЦ 80-Х ГГ. XX В.)

Огромные политические перемены, происходящие в СССР и соседних странах Европы в последние годы, опрокидывают многие устоявшиеся представления об истории этого региона за весь послевоенный период. В свете этих революционных событий очевидна настоятельная необходимость разобраться в прошлом и, не забывая о прогностических функциях исторической науки, попытаться определить перспективы на будущее.

Более сорока лет социалистические страны Европы составляли единую систему идеологических, политических, экономических и военных связей. В рамках этого блока у каждой страны складывалась, конечно, своя судьба, понять которую, однако, было бы трудно без анализа проблемы типологизации социально-политических режимов, возникших на востоке, юго-востоке и в центре Европы.

В современной политической лексике для обозначения этой группы стран прочно утвердился термин «Восточная Европа», получивший распространение еще в эпоху конфронтации между Востоком и Западом.

Наиболее характерной чертой взаимодействия стран Восточной Европы было влияние СССР — ведущей силы «социалистического содружества» — на остальных его членов. Но наряду с прояснением роли Советского Союза в складывании и эволюции системы европейских социалистических государств не менее важной задачей для исследователей мог бы стать и анализ обратного и притом нарастающего влияния стран Восточной Европы на развитие событий в СССР, на формирование его внутренней и внешней политики.

Прослеживая действие одного и того же идеологического фактора в различных национальных и социокультурных средах, исследователи получают возможность дать более точный ответ и на ключевой вопрос о соотношении доктринальных и иных причин становления и краха системы «казарменного социализма» применительно к той или иной стране.

Учитывая острую заинтересованность наших читателей в отражении на страницах журнала революционных событий на востоке Европы, затронувших глубокие пласты исторического сознания всех народов этого региона, редакция провела обмен мнениями специалистами, в котором приняли участие: сотрудники Института международных экономических и политических исследований АН СССР — **А. Ф. Елыманов** (научный сотрудник), **И. М. Клямкин** (ведущий научный сотрудник), **Ю. К. Князев** (заведующий отделом стран Восточной Европы), **А. О. Лапшин** (заместитель заведующего отделом политических и идеологических проблем), **М. П. Лебедев** (старший научный сотрудник), **А. Е. Липский** (старший научный сотрудник), **А. И. Савченко** (научный сотрудник), **Д. М. Фельдман** (старший научный сотрудник), **А. С. Ципко** (заместитель директора), **Л. Ф. Шевцова** (заведующая сектором политических проблем); сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР — **Л. Б. Милакова** (старший научный сотрудник), **Ю. С. Новопашин** (заместитель директора), **И. И. Поп** (ведущий научный сотрудник, главный редактор журнала «Советское славяноведение»); заведующий отделом Института истории СССР АН СССР, член редколлегии журнала «История СССР» **Л. Н. Нежинский**.

Вели заседание и. о. главного редактора журнала «История СССР» **К. Ф. Шацлло** и заместитель главного редактора **Е. И. Пивовар**.

В публикуемый ниже текст «Круглого стола» включены представленные по просьбе редакции (после ознакомления с записью состоявшейся беседы) выступления **Н. И. Бухарина** (заведующего сектором Польши ИМЭПИ АН

СССР), **А. П. Бутенко** (главного научного сотрудника ИМЭПИ АН СССР), **Ю. И. Игрицкого** (заведующего отделом стран Восточной Европы Института научной информации по общественным наукам АН СССР), **В. С. Лельчука** (ведущего научного сотрудника Института истории СССР, члена редколлегии журнала «История СССР»), **В. А. Миронова** (научного сотрудника ИМЭПИ АН СССР), **И. С. Яжборовской** (ведущего научного сотрудника Института международного рабочего движения АН СССР).

* * *

К. Ф. Шацлло: Фактическая сторона событий, которые сейчас происходят в Восточной Европе, настолько необычайна, что даже мы, историки, привыкшие к эпитетам со многими восклицательными знаками, не погрешим, если назовем эти события всемирно-историческими, сопоставимыми с теми, которые произошли в этом регионе после первой мировой войны, когда рушились империи, образовывались новые государства.

Нас интересуют мнения участников «Круглого стола» относительно всех проблем, связанных с периодом 1945—1989 гг., и прежде всего о роли политической культуры и соотношении современности и традиционности, так как темпы и последовательность преобразований в этих странах отнюдь не одинаковы. Вторую проблему я бы сформулировал так: во всех этих событиях — от разгрома фашизма до перестройки — роль Советского Союза, конечно же, была огромной, но какой именно?

Е. И. Пивовар: Тема нашего «Круглого стола»: «Советский Союз и страны Восточной Европы», т. е. мы предполагаем обсудить проблемы истории СССР и соседнего региона в их взаимосвязи и взаимозависимости как нечто целостное. При этом, учитывая проблематику нашего журнала, мы хотели бы рассмотреть эти вопросы в их исторической последовательности — от зарождения системы вплоть до наших дней. В качестве некой отправной точки нашей дискуссии редакция наметила следующие сюжеты:

1. СССР и освобождение Восточной Европы от фашизма.
2. Советский Союз и установление единовластия коммунистических партий на востоке Европы. Судьбы других политических партий.
3. Опыт СССР и социально-экономическая политика социалистических государств Европы.
4. Попытки и ход реформ «сверху» в СССР и в соседних социалистических странах. Судьбы реформаторов (середина 50-х — начало 80-х гг.).
5. Сопротивление режиму. Диссидентское движение (участники, формы, методы, результаты).
6. СССР и социально-политические кризисы в европейских социалистических странах. «Доктрина Брежнева» в Восточной Европе.
7. Типология социально-политических режимов на территории Восточной Европы (середина 40-х — конец 80-х гг.).
8. Предпосылки, движущие силы, формы и методы революционных преобразований в СССР и странах Восточной Европы на исходе 80-х гг.

Л. Н. Нежинский: История взаимоотношений СССР со странами Восточной Европы в послевоенные десятилетия имеет весьма обширную историографию — советскую и зарубежную. Нетрудно заметить, что многое из того, что мы писали в предшествующие годы по этим сюжетам, не подтверждается сегодняшней жизнью. Крутые перемены, произошедшие и происходящие во всех без исключения рассматриваемых странах, настоятельно требуют новых, свежих подходов ко всей этой проблематике с теоретико-методологической и конкретно-исторической точек зрения и, конечно же, коренного переосмысления основных направлений и содержания взаимоотношений и взаимовлияния Советского Союза и стран региона. При этом, очевидно, мы не можем абстрагироваться от такого важного фактора, как геополитический. История поместила нас всех не просто в Европе, но рядом, или вблизи. И это обстоятельство никому не дано изменить.

Думается, что присутствие Советского Союза в странах Восточной Европы на разных этапах истории носило различный характер и разную степень интенсивности. Видимо, можно говорить об идейно-политическом, государственном, экономическом, военном, общественном, морально-психологическом присутствии Советского Союза в странах этого региона. Совокупность всех этих «присутствий» возникла и сформировалась не вдруг. У каждого — своя история, нередко уходящая в далекое прошлое, и для разных стран она складывалась по-разному. Скажем, одно дело — Югославия, с ее многолетними традициями взаимного интереса югославянской и российской общественности, другое дело — Венгрия и совсем третий вариант — Польша. И все же история поставила один крупный рубеж, который привел, на мой взгляд, к известной унификации взглядов, позиций сталинского, а затем хрущевского и брежневско-сусловского руководства СССР по отношению к странам рассматриваемого региона. Таким рубежом, по моему представлению, стала вторая мировая война. И в этой унификации уже таился один из зародышей тех бурь и потрясений, которые время от времени потрясали эту часть Европы, и обернулись подлинно «политическим цунами» в конце 80-х гг.

Вместе с тем было бы неверно не замечать действительно глубинный эффект воздействия второй мировой войны на эти страны. Ведь если присмотреться внимательно, то подавляющее большинство населения этих стран ко времени окончания второй мировой войны не хотело дальше так жить, как оно жило до войны, и жаждало перемен, притом перемен демократического характера. И Советский Союз был далеко не самым главным «виновником» такого сдвига влево в этих странах. Другое дело, как эти чаяния и устремления были восприняты, учтены и использованы разными политическими силами в этих странах, а также советским партийно-административным руководством и ведущими политиками Запада. Здесь историкам предстоит еще многое исследовать, в том числе и в плане выявления «упущенных возможностей» прогресса истории. Необходим глубокий анализ соотношения объективных и субъективных, внешних и внутренних факторов, причин, обстоятельств, определивших именно такой, а не иной ход развития этих стран в послевоенные десятилетия, и, разумеется, выяснение масштабов и эффективности «советского вклада» в это развитие.

Нам предстоит заново переосмыслить историю взаимоотношений СССР со странами Восточной Европы, как мне представляется, в двух плоскостях: в плане общерегиональных процессов и разного рода формирований и соглашений (включая СЭВ, ОВД) и в плане создания подлинно научной, объективной картины двусторонних отношений Советского Союза со всеми без исключения рассматриваемыми странами. Последнему вопросу, мне кажется, сегодня следует уделить первостепенное внимание. Я глубоко убежден, что без воссоздания максимально конкретной истории двусторонних (советско-болгарских, советско-венгерских, советско-польских и т. д.) отношений мы не сможем представить себе подлинной картины развития событий в целом по региону. Выполнить эту задачу можно, разумеется лишь при условии, если мы и наши коллеги в рассматриваемых странах, получим, наконец, доступ во все необходимые государственные и партийные архивы, включая архивы ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ и т. п. (Хотя, откровенно говоря, надежды на это невелики. Консервативное чиновничество во многих странах, в том числе и в нашей, давно уже осознало, что обладание архивами — это помимо всего прочего и один из способов удержания в своих руках государственной власти.) Признавая жизненную потребность открытия архивов, не хотелось бы в то же время, чтобы мы забыли о несомненной, на мой взгляд, результативности и плодотворности внимательного, нового прочтения того, что уже опубликовано. Например, чтобы составить себе представление о реакции на XX съезд КПСС в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Албании, ГДР, прежде всего уместно тщательно изучить прессу этих стран того времени, и картина возникает впечатляющая.

Думается, что сегодня мало кто возьмется оспорить тот факт, что долгие годы разными путями и способами насаждаемая и в конце концов весьма

основательно внедренная сталинская модель социализма в странах Восточной Европы потерпела сокрушительный крах. Но правильно ли, исходя из этого, считать что только Советский Союз — стопроцентный вдохновитель, стимулятор и дирижер всего того, с чем завершили 80-е гг. эти страны? Что здесь было «от кесаря», а что от себя? Четыре с половиной десятилетия, да еще в таком бурном XX столетии — срок немалый. И были на этом пути и в СССР, и в рассматриваемых странах разные люди у кормила государственной власти. И по-разному приходили они к этой власти и оставляли ее. Например, В. Гомулка вынужден был отойти от руководства Польшей, находясь на вершине успеха своей внешнеполитической деятельности. (Не частый случай в истории!) Ему удалось то, чего не смог сделать до него никто в польском руководстве послевоенных лет: 7 декабря 1970 г. между Польшей и ФРГ был подписан договор, зафиксировавший признание обеими сторонами территориально-политических реальностей в Европе, сложившихся в итоге второй мировой войны, в том числе такого их существеннейшего элемента, как граница по Одеру — Нейсе. Подписание этого документа содействовало развязыванию одного из главных узлов межевропейских противоречий послевоенного времени. Однако всего через пять дней, 12 декабря, польское руководство, без каких-либо разъяснений, объявило о значительном повышении цен на многие товары широкого потребления, что вызвало взрыв недовольства польского населения, в результате чего В. Гомулка был освобожден от всех занимаемых постов. Никто еще не смог доказать (и, думаю, вряд ли сможет) какую-либо причастность «руки Москвы» к поднятию цен в Польше. Во главе польского руководства встал Э. Герек, без восторга воспринятый Кремлем. Э. Герек и его сторонники располагали широкой свободой действий. И никто из Москвы не рекомендовал ему и его команде пустить на ветер многомиллионные долларовые займы, полученные в 70-е гг. Польшей на Западе, и довести страну до того кризиса, в котором она оказалась в конце 70-х гг. Или другой пример. В течение многих лет и на Западе, и в странах, о которых сегодня идет речь, в разных вариантах обыгрывался тезис о фактически «оккупированном положении» восточноевропейских «сателлитов» СССР, поскольку в некоторых из них присутствовали советские войска. Но ведь общеизвестно, что, например, в Югославии за исключением двух-трех месяцев в конце 1944 — начале 1945 г. не было ни одного советского солдата. Не было советских войск и в Албании. Известно также, что после возникновения советско-югославского конфликта 1948 г. (что было связано и с общим «поправлением» в 1947—1948 гг. нашей политики по отношению ко всем странам региона) ни о каком влиянии, тем более воздействии Советского Союза на Югославию (равно как начиная с 60-х гг. на Албанию) не могло быть и речи, и югославское общество могло развиваться дальше так, как хотело и считало нужным. И тем не менее и Югославия к концу 80-х гг. оказалась в очень схожем социально-экономическом и общественно-политическом состоянии в сопоставлении с другими странами региона. Стало быть, в данном случае не советское «военное присутствие», а какие-то иные, более масштабные и глубинные общественно-политические, исторические факторы и предпосылки привели к отмеченной схожести. Какие именно? Вот это и предстоит выяснить специалистам, изучающим историю этих стран. Короче говоря, мысль моя сводится к тому, что без выяснения всей совокупности исторических обстоятельств и закономерностей, определивших направление жизни стран Восточной Европы в XX в., мы не можем составить подлинно научную и объективную картину истории отношений Советского Союза с этими странами после второй мировой войны.

А. Е. Липский: Есть достаточно распространенное представление о том, что в ходе победоносного освобождения Европы советские войска, вступившие на ее территорию, помогли своим присутствием левым силам победить правые силы, а уж тем более пособников гитлеровцев, либо тех представителей правых, которые поддерживали авторитарные режимы, не будучи прямыми пособниками гитлеровцев. Согласно этой схеме, левые силы, опираясь на поддержку

СССР, пришли к власти, затем (я упрощаю — нет смысла подробно пересказывать то, что всем давно известно) наступил краткий период передышки, когда Советский Союз перед лицом послевоенных трудностей восстановления и надеясь на сохранение сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции, не очень сильно «давил» на своих восточноевропейских соседей, предоставив им определенную свободу действий. Именно в этот период в странах Восточной Европы возникают специфические формы народной демократии с известным плюрализмом, разнообразием форм собственности, отказом от диктатуры пролетариата; в этот период коммунисты соседствуют с социал-демократами, крестьянскими, либеральными партиями и т. п. А уже после 1946 г., точнее в 1947—1948 гг., начинается мощное давление со стороны СССР. Сталинизм внедряется в Восточную Европу, все национально-специфические формы организации общества подавляются, унифицируются модели общественного развития со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В этих представлениях есть значительная доля истины. Да, действительно, после войны возникли режимы, которые пытались использовать национальную специфику и на волне сотрудничества коммунистов, социалистов и других левых и патриотических сил в борьбе с фашизмом создавать народные фронты и т. д. Верно и то, что попытки стран Восточной Европы найти свои национальные пути к социализму были резко пресечены в 1947—1948 гг. Сталиным, опиравшимся на догматические леворадикальные силы внутри этих стран. Однако, если мы остановимся на этом, то скажем лишь полуправду, и не сможем уяснить сущности режимов, которые возникли в Восточной Европе. Наши познавательные возможности искусственно ограничиваются хронологическими рамками, заданными устроителями «Круглого стола»: 1945—1989 гг. Я понимаю, что надо ввести какие-то ограничения, но тем не менее хочу оспорить и ту, и другую дату. Не в 1945 г., а значительно раньше началось фактическое формирование тех режимов, которые сложились в Восточной Европе после войны. С другой стороны, 1989 годом, годом революций в Восточной Европе, история сталинизма и того, что он с собой принес, того опустошения, которое он внес и в экономику, и в политику, и в души, увы, не кончается. Мы сегодня только входим в длительный переходный период, в течение которого нам предстоит воссоздать структуры гражданского общества, рыночной экономики, с трудом изживая последствия сталинизма, буквально вошедшего в наш генетический код. Мне хотелось бы сказать несколько слов о 1945 годе. Во многом я бы согласился с Л. Н. Нежинским, в частности, в том, что нельзя все сваливать на дьявольскую волю Сталина и Советский Союз. В определенной степени социально-экономическая почва для распространения левототалитарных идей, наверное, существовала в этих странах. Вспомним, что кроме Чехословакии с ее нормальным парламентским демократическим строем, все остальные страны имели авторитарные режимы, причем некоторые в той или иной степени приближались к тому, что мы называем фашизмом, хотя с большими нюансами и поправками. Своего рода питательной средой для установления леворадикальных режимов тоталитарного типа являлась и экономическая отсталость этих стран, усугубленная военной разрухой и неизбежной люмпенизацией населения. Но, с другой стороны, уместно вспомнить историю Коминтерна и вспомнить о том, какая велась политика со стороны Коминтерна в отношении левых сил в довоенной Восточной Европе. Активные носители сталинской идеологии были подготовлены именно в этот период, причем зачастую это осуществлялось путем инспирирования, стимулирования раскола в коммунистических партиях этих стран, в результате чего выделялись левосектантские группы, получавшие поддержку СССР и Коминтерна. Причем в расколовшихся коммунистических группах иногда доходило дело и до вторичного раскола. Деятельность по формированию политических сил, преданных сталинской концепции социализма, сопровождалась репрессиями в отношении тех, кто проявлял хоть какие-то несогласия с теми или иными ее аспектами, а в случае с Компартией Польши репрессированной оказалась целая партия.

Таким образом, вследствие деятельности Коминтерна в довоенный период была подготовлена своего рода «агентурная» кадровая база, позже использованная для практической реализации сталинистской политики в Восточной Европе.

Для понимания генезиса режимов, возникших в Восточной Европе после окончания войны, необходимо также проанализировать внешнеполитическую активность Сталина, Советского Союза еще в ходе войны. Во всяком случае изучение польского варианта показывает, что подготовка к формированию выгодной для Сталина структуры и системы власти в Польше активно началась уже в 1943 г., а в известном смысле еще в сентябре 1939 г. Мне представляется, что с точки зрения методологической, мы обязаны помнить, что 1945 год — это не исходная дата для выяснения, какие режимы, как и почему сложились в Восточной Европе после победы СССР над гитлеровской Германией.

Е. И. Пивовар: Хронологические рамки нашего «Круглого стола», разумеется, условны. Если вы заметили, в качестве первого вопроса, предложенного редакцией для обсуждения, была проблема: «СССР и освобождение стран Восточной Европы от фашизма». Естественно, этот процесс начался раньше победного 1945 года, но я согласен с высказанным А. Е. Липским мнением, что в кругу самых сложных тем, позволяющих объяснить и понять многое в истории взаимоотношений СССР со странами региона в 40—80-е гг., следует назвать, например, историю Коминтерна, включая и такие сюжеты, нуждающиеся в глубоком переосмыслении, как: Сталин и Коминтерн, Коминтерн и борьба с фашистской угрозой, Коминтерн и движение Сопротивления в годы второй мировой войны и т. д. Первые публикации по этой проблематике, написанные с новых позиций, уже появились (см., например, работы Ф. И. Фирсова в журнале «Вопросы истории»). Я прошу участников нашего обсуждения иметь в виду и эти сюжеты.

В. С. Лельчук: Размышляя о типологии (и условиях возникновения) социально-политических режимов, существовавших в рассматриваемом нами регионе, уместно обратить внимание на то, как Сталин в конце 30-х гг. и позднее относился к судьбам мировой революции. В заявлениях, предназначенных для международной печати, он говорил: советские люди не собираются изменять лицо окружающих государств, да еще силой. В беседе с одним американским газетным боссом, из которой взяты приведенные слова, вождь ВКП(б) и Коминтерна без тени смущения уверял, что СССР вообще никогда не имел планов и намерений произвести мировую революцию.

Но куда более интересным представляется другой, на этот раз архивный документ, отражающий подлинные думы и чаяния Сталина. Осенью 1938 г., выступая перед участниками совещания, созданного в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)», он высказывался откровенно: «Большевики не просто пацифисты, которые вздыхают о мире и потом начинают браться за оружие только в том случае, если на них напали; неверно это, большевики сами будут нападать, если война справедливая». В тот день его откровенность словно не знала границ: «Крики об обороне — это вуаль...» А. А. Жданов, конспектировавший выступление Сталина, особо выделил последние слова. Запомнились они не только ему, ибо четко раскрывали подлинные представления Сталина о внешнеполитической миссии советского государства.

Соратники вождя хорошо понимали его настрой. Не случайно через несколько месяцев с трибуны XVIII съезда партии раздались призывы добиться победы пролетарской революции во всем мире. Конкретизируя в этой связи задачи, поставленные Сталиным перед Красной Армией, Л. Мехлис одну из них сформулировал так: в случае нападения на первое в мире социалистическое государство «перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских респуб-

лик». Зал аплодисментами поддержал это место выступления члена ЦК ВКП(б), отвечавшего за политработу в армии.

С тех пор прошло более полувека. К нашему стыду мы только теперь начинаем конкретно изучать политическую историю, связанную, если так можно выразиться, с экспортом сталинской модели строительства социализма. Появились материалы о том, как в период Отечественной войны в северной части Ирана, где временно (по договоренности с союзниками) находились воинские части СССР, сначала образовалась Азербайджанская демократическая партия, а потом была сделана попытка добиться автономии данной территории, т. е. Иранского Азербайджана. Вскоре здесь избрали свой парламент-меджлис, сформировали правительство, местные воинские подразделения. Развернулось обсуждение идеи объединения двух Азербайджанов — Советского и Иранского. Возглавлял эту работу небезызвестный А. Багиров, тогдашний руководитель Компартии АзССР. Разумеется, он действовал с ведома и благословения Сталина.

Обращение Ирана в ООН ничего не изменило. По некоторым данным, лишь вмешательство президента США (Г. Трумэн будто бы пригрозил атомной бомбой) привело к возвращению советских войск в СССР. Кровавый террор обрушился на членов Азербайджанской демократической партии, на участников движения за автономию. Трагедия на этом не кончилась. Часть активных деятелей партии и их сторонников сумела уйти (с помощью наших пограничников) на территорию СССР, однако большинство из них вскоре познало все ужасы сталинских лагерей.

Прямое отношение к теме нашего разговора имеют также события, относящиеся к возникновению в 40-х гг. «Восточно-Туркестанской Республики» и ее «самоликвидации». Истоки этого процесса восходят к предвоенному времени. Охватил он соседнюю с нашей страной провинцию Китая — Синьцзян и протекал при участии ряда советских учреждений и органов. По свидетельству проф. Р. А. Тузмухамедова, решение, организация и проведение мероприятий, связанных с короткой биографией названной республики, имели самое прямое отношение к деятельности Сталина и У. Юсупова (последний в упомянутые годы возглавлял Компартию Узбекистана). Характерно, что «самоликвидация» республики произошла во исполнение договоренностей, достигнутых на Крымской конференции и на встречах 1945 г. с министром иностранных дел Китая. Последняя точка была поставлена в начале 60-х гг., когда по согласованию с руководством КНР прошло массовое переселение в пределы СССР людей, которых условно можно назвать жителями несостоявшейся автономии. Переходили они со своим скарбом и скотом на территорию Киргизии и Казахстана. Судя по всему, переселение было вынужденным, и можно порадоваться лишь тому, что сталинских лагерей в ту пору уже не существовало.

Перечень подобного рода событий будет далеко не полным, если мы не вспомним факт превращения Туvinской Народной Республики в 1944 г. сначала в автономную область, а затем АССР в составе Российской Федерации. Правительство СССР не сочло даже нужным сообщить об этом в центральной печати. Небольшая информация появилась только в местной газете.

А как трактовать начало советско-финской войны 1939—1940 гг.? Уже на второй день военных действий в местечке Териоки, куда вошли наши войска, было создано правительство во главе с финским коммунистом, секретарем Коминтерна О. В. Куусиненом. Оно провозгласило себя временным народным правительством Финляндской Демократической Республики. В тот же день (т. е. 1 декабря) Советское правительство признало его и через сутки подписало Договор о взаимопомощи и дружбе с только что объявленной республикой. Молотов получил повод уверять международную общественность (а заодно и советскую) в том, что СССР не ведет войну с Финляндией, а лишь помогает признанному им правительству и народу освободиться от засилья господствующей в стране клики. Одновременно под эгидой правительства Куусинена был создан корпус «Финской народной армии».

Ныне многие подробности того времени известны. Версия радиоперехвата,

с помощью которого Москва узнала о появлении в Финляндии правительства во главе с коммунистом, уже тогда многим казалась, мягко выражаясь, неубедительной. Теперь работники МИД СССР рассказали о хранящихся в архиве материалах, из которых видно, как готовились первые заявления правительства Куусинена, договор о взаимной помощи и дружбе: сохранились тексты на русском языке, правленные рукой Молотова. Да и корпус «Финской народной армии» был сформирован до 1 декабря 1939 г., к тому же на территории Ленинградского военного округа...

Известно и то, чем все это завершилось. Тем не менее ряд аспектов остается до сих пор вне поля зрения исследователей. В самом деле, разве мероприятия, прямо или опосредованно касавшиеся событий, связанных с Иранским Азербайджаном, «Восточно-Туркестанской Республикой» и т. п., не стали репетициями последующих актов выхода сталинской модели на международную арену? Конечно, поначалу удавалось немного. Но ведь в любом случае шло накопление опыта, воспитание и подготовка кадров, необходимых для такого рода энергичной и масштабной работы. Причем, как показали последующие десятилетия, определенные уроки усваивались не только в СССР, но и за его пределами, в том числе в странах, политическая и социально-экономическая история которых является сейчас предметом нашего разговора. Во всяком случае, партии Коминтерна и их руководители, как правило, активно овладевали уроками большевизма в сталинской интерпретации.

С учетом сказанного особый интерес представляет практика Монгольской народно-революционной партии (МНРП), развернувшей в 20—30-е гг. борьбу за переход двухмиллионной страны от феодализма к социализму. Политика тех лет действительно была борьбой, инициаторы которой скопировали едва ли не все худшее из методов ВКП(б) и НКВД. При этом действовали они при прямой поддержке и под началом кремлевских правителей. Недаром именно в 1937 г. в Монголии стали реальностью массовые репрессии, незаконно обрुшившиеся прежде всего на участников революции 1921 г., на интеллигенцию, на многих скотоводов и особенно на священнослужителей. Среди лам были медики, писатели, просветители. Тысячи из них были казнены. Около 700 буддийских монастырей (почти 4 тыс. храмов) были превращены в руины. Чрезвычайные органы возглавил сам Чойбалсан. Оправдывая эти преступления, он говорил своим соотечественникам: «Так, товарищи, в 1937 г. нам удалось отстоять независимость нашего народа...» Видимо, для наибольшей важности и ясности сказал он и о «разгроме контрреволюционных остатков японской агентуры, предателей и изменников родины». Знакомые слова, не правда ли?

Не менее отвратительно и другое. Многие жертвы чойбалсановского произвола оказались в лагерях Колымы, Сибири, Крайнего Севера. Может быть, правильнее говорить о ежово-чойбалсановском терроре или прямо — о сталинском?

Прямое вмешательство советского руководителя в жизнь Монгольской Народной Республики действительно стало нормой. В рамках нашего обмена мнениями один эпизод представляется почти символическим. Оказывается, в 1940 г. Сталин в беседе с маршалом Чойбалсаном высказал мысль о необходимости резкого увеличения поголовья скота. Не будем гадать, почему опытные монгольские араты сами не выдвигали подобную задачу. Доподлинно знаем другое. X съезд МНРП без лишних рассуждений постановил: «Съезд поручает Центральному Комитету по-сталински реализовать указание великого Сталина о поднятии поголовья скота с 26 миллионов до 200 миллионов».

Слов нет, все делалось «по-сталински». Высочайшее указание приняло оперативно, единодушно, разумеется, без всяких обоснований. Никто не спрашивал, почему это надо сделать к 1953 г. и т. д. Все снова до боли знакомо. Аналогичным образом пересматривались задания первой советской пятилетки, потом — второй. В 1931 г. был брошен клич: в 10 лет пробежать путь, на который передовые капиталистические страны затратили 50—100 лет, и одновременно превзойти их. В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), словно забыв эти

лозунги, снова выдвинули задачу: в течение 10—15 лет перегнать капиталистический мир по производству промышленной продукции на душу населения. А сколько схожих программ и планов принимали позднее в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, Китае и других странах, вставших на один с нами путь развития... Остается добавить, что в назначенный срок монгольские араты «указание великого Сталина» не выполнили. Хуже того, в 1953 г. поголовье скота оказалось в МНР намного меньше, чем даже в 1940 г.

Казалось бы, сама жизнь подсказывала партийно-государственному руководству СССР вывод о порочности слепого копирования братскими партиями опыта нашей страны. Тем более кощунственной должна была выглядеть сама мысль о насильственном распространении этого опыта за рубежом, о насаждении там норм, порядков, нашего образа жизни в целом. На деле, однако, реальностью стало прямо противоположное. Фактически к тому времени, когда в Восточной Европе появились страны народной демократии, у Сталина и его окружения уже сложилось представление о том, какими путями и методами СССР должен, выражаясь уже приведенными словами Мехлиса, «выполнить свои интернациональные обязанности» и «умножить число советских республик». От прежних взглядов на мировую революцию, где главная ставка делалась на усилия зарубежного пролетариата и всемерную поддержку со стороны Советского Союза, по существу осталась только фразеология, «вуаль», как цинично выразился однажды лидер ВКП(б) на закрытом совещании.

Ю. С. Новопашин: Касаясь проблемы «СССР и освобождение Восточной Европы от фашизма», я хотел бы сказать, что однозначно судить об этой проблеме нельзя. С одной стороны, Советский Союз сыграл объективно огромную прогрессивную роль, и недаром народы Восточной Европы рукоплескали нашим воинам-освободителям. С другой же стороны, вместе со строевыми частями Советской Армии на территории Восточной Европы оказалось немало количество оперативных работников репрессивно-охранного бериевского ведомства в виде особых отделов НКВД и других «компетентных» органов. Завершив проверку всех наших соотечественников, возвращавшихся из фашистской неволи, из западных лагерей для перемещенных лиц, всех советских военнопленных, многие из которых транспортировались прямым путем на Колыму, неутомимые наши особисты прочно осели в этих странах. Деятельность этих непрошенных советских надзирателей за политической ситуацией в странах Восточной Европы еще ждет своих исследователей. Как известно, архивы КГБ и МВД для научных работников полностью закрыты. Но одно ясно и без всяких архивов: вышеупомянутая антиконституционная деятельность советской госбезопасности была неотъемлемым и важным элементом сталинской системы тотального контроля за характером развития «братских» стран, системы вмешательства в это развитие в тех случаях, когда такое вмешательство считалось необходимым.

Другими словами, скрытые от обычного глаза советские оккупационные, а затем союзнические «органы», укомплектованные бывшими смершевцами, особистами, офицерами КГБ и представлявшие не мифическую, а вполне реальную «руку Москвы», немало способствовали утверждению в странах Восточной Европы тоталитарно-репрессивных сталинских режимов. В политическом плане данные советские «органы» всегда играли в этих странах весьма реакционную роль, и добрым словом их там, конечно, мало кто поминает.

Разумеется, это не единственная причина того, почему тоталитарно-репрессивные сталинские режимы утвердились и долго держались в рассматриваемых странах. Кроме внешней причины была и внутренняя, которую, быть может, и следует считать главной. Все-таки в этих странах существовала немалая опора сталинского курса прежде всего в лице коммунистических и рабочих партий, а также тех общественных слоев, которые шли за ними. Примерно до конца 60-х гг. сталинистские политические режимы имели реальную общественную поддержку, связанную с революционным энтузиазмом и нетерпением определенной части населения. Но когда энтузиазм иссяк, тогда карательная адми-

нистративно-командная коммунистическая система выдвинулась на первый план и намертво закрепила за собой все рычаги власти. Но все же не стоит забывать, что прокоммунистическое общественное движение в первое послевоенное десятилетие имело место. Его участники верили, что именно рабочий класс взял власть в свои руки. Что он может влиять через компартию и другие организации на руководство.

В культивировании там «образцов», сложившихся в СССР, большую роль сыграл Коммунистический Интернационал. Укажу хотя бы на 21 условие вступления в Коминтерн, проект которых был написан Лениным. 15-й пункт этих условий обязывал каждую партию, желавшую принадлежать к всемирной организации коммунистов, «оказывать беззаветную поддержку каждой советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил» (Ленин В. И. ПСС. т. 41, с. 209).

Поскольку же единственной победоносной советской федеративной республикой оказалась наша страна, это условие довольно быстро трансформировалось в требование для зарубежных коммунистов проявлять солидарность со всеми решениями и действиями РКП(б) и Советского государства, беззаветной их поддержки. Именно в этом усматривался главный критерий революционности и интернационализма как важнейших характеристик подлинно коммунистической политики. «Революционер тот, — поучал Сталин членов объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г., — кто без оговорок, без условно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское революционное государство, строящее социализм. Интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР» (Сталин И. Соч., т. 10, с. 51). И если наше руководство решило в 1943 г. вследствие ряда причин распустить Коминтерн, то это не значит, что оно отказалось тем самым от великодержавных претензий руководить, командовать другими.

В Восточной Европе, где, согласно ялтинским и потсдамским соглашениям, СССР сохранил за собой сферу влияния, перед Советским правительством сразу же после войны встала задача укрепить свое господствующее положение, руководящую роль ВКП(б). И это было достигнуто путем проведения ряда мероприятий, в том числе с помощью организации Информбюро компартий, а также серии судебных процессов в восточноевропейских странах, нацеленных на ликвидацию политических позиций не только других партий, но всех тех деятелей компартии, которые были неуютны кремлевским правителям.

В соответствии с потсдамскими соглашениями СССР брал на себя обязательство не препятствовать ни организации свободных выборов в странах Восточной Европы, ни деятельности демократически избранных новых властей. Какое-то весьма небольшое время советское руководство учитывало в своей политике этот фактор. Но как только начали осложняться отношения между военными союзниками по антинацистской борьбе, не по вине, разумеется, одного лишь Запада, как только загремели первые идеологические баталии «холодной войны», кремлевский ареопаг посчитал свои руки полностью развязанными, и вмешательство в восточноевропейские дела уже в 1946 г. существенно усилилось. А в следующем, 1947 году в головах советских руководителей уже окончательно созрела мысль о необходимости решительного поворота в странах Восточной Европы к обеспечению такого же точно коммунистического единовластия, какое уже без малого три десятилетия культивировалось в СССР под марксистско-ленинской вывеской диктатуры пролетариата. То есть в противоположность коалиционной народно-демократической политике стала проводиться совершенно другая политика, направленная против всех партнеров коммунистов по антифашистской, антиимпериалистической борьбе. И развязанные коммунистами репрессии против своих вчерашних союзников, а потом и «врагов» внутри собственной партии были не некой «деформацией», «отступлением» от мифиче-

ского изначально все-таки правильного курса, а явились вполне сознательным курсом, закономерно вытекавшим из большевистско-ленинской доктрины нового строя, согласно которой успешно руководить строительством социализма, последовательно до конца стоять на позициях этого строительства могли только коммунисты.

В этом — суть большевизма, суть позиции Ленина, закрепленной в его основных теоретических работах. Ленин был в этом вопросе отнюдь не либерал и не демократ, он до конца своих дней не признавал плюрализм политических партий в условиях строительства социализма. Держать сторонников этого плюрализма, всяких там меньшевиков, эсеров и пр. в советских тюрьмах или отправлять (т. е. высылать) за границу для свободного обсуждения проблемы политического многообразия с Мартовым, Даном и компанией — вот ленинская позиция. Так что речь идет об общекommunistической позиции, которую верой и правдой проводили прошедшие коминтерновскую выучку руководители партий восточноевропейских стран в послевоенные десятилетия.

Тем, кто во время войны не был связан с Коминтерном, с советским руководством, кто политически вырос на собственной национальной почве, наше руководство не особенно доверяло. Но вот наступил март 1953 г. «Отец всех народов» умер, а новые советские правители во главе с Г. М. Маленковым провозгласили несколько иную политику — повышения материального уровня жизни трудящихся и приостановки машины репрессий. Дело было, конечно, не в том, что они навсегда отказывались от репрессивного механизма, от насилия как такового. Поэтому в данном случае это, скорее, был тактический маневр, чем стратегический поворот. Тем не менее это стало важнейшим шагом и для СССР, и для восточноевропейских стран, партийно-правительственные делегации которых посетили летом 1953 г. Москву и получили новые установки. Отказа от практики «руководства» восточноевропейским регионом тогда не произошло, хотя новый ветерок все-таки ощутимо повеял. Так, скажем, вызвали венгерское руководство, «посоветовали» изменить репрессивную политику и наметили человека, совершенно нам преданного, долго жившего в СССР, верного коминтерновца Имре Надя для того, чтобы он эти изменения осуществил, т. е. провел демократизацию, перестройку на уровне тогдашнего понимания. Уже из этого примера видно, сколь велика была роль Советского Союза, в частности, в установлении единовластия коммунистических партий в странах Восточной Европы.

Несколько слов в связи с выступлением Л. Н. Нежинского, который сказал, что в 1948 г. политика СССР в регионе изменилась, как бы сдвинулась вправо. У нас существует еще с университетской поры представление об «уклонах» правого и левого толка. Правым был всегда уклон в сторону социал-демократии, либерально-буржуазных позиций. А левый — это уклон в ультрареволюционаризм, в коммунистическое сектантство, сторонники которого забирают, так сказать, левее здравого смысла. Поэтому сдвиг произошел влево, а не вправо. Ясно одно: насколько утвердившаяся в 1947—1949 гг. под маркой диктатуры пролетариата модель партократического социализма была репрессивно-административной с самого своего начала, настолько же она была и тупиковой, нежизнеспособной, потому что насилие народ никогда не может принять навсегда. Не может этого принять человеческая природа. Можно смириться с командно-карательной системой на годы войны, на период индустриализации, исчисляемой, скажем, в двух пятилетках, но нельзя постоянно терпеть, когда тебя топчут, плюют в душу. Человеческая природа, которой ни марксизм, ни тем более ленинизм никогда всерьез не занимался, дала о себе знать за десятилетия социалистического эксперимента неодолимым стремлением «управляемых» низов к утверждению собственного достоинства, к свободе от полицейского надзора со стороны «управляющих» верхов, к реализации общечеловеческого содержания демократии. Это — одна из важнейших причин, почему коммунистический тоталитаризм был изначально обречен, почему была обречена марксистско-ленинская доктрина государственного социализма и вся система общественных отношений, строившаяся на основе данной доктрины. Тем более, что кроме

доктринальных принципов была еще унижительная, постыдная практика поощрения послушных сателлитов, всякой серости, посредственности, а то и просто примитивных информаторов наших посольских и иных «компетентных» служб.

Мне уже приходилось писать, как, например, в конце 1953 г. решался вопрос о новом Первом секретаре ЦК БКП. Болгарским товарищам казалась предпочтительнее всего кандидатура Антона Югова, но вмешательство советского посла и некоторых других влиятельных чиновников из ЦК ВКП(б) привело на партийный «трон» совсем другого человека, кое в чем более для нас «полезного» — Тодора Живкова. То же самое можно сказать о «воцарении» Эриха Хонеккера на партийном Олимпе (см.: Советское славяноведение, 1990, № 3, с. 46).

Ясно, что такие «выдающиеся деятели мирового коммунистического движения», государственные и партийные лидеры, да и режимы в целом, которые они возглавляли, держались лишь благодаря силовой поддержке СССР. А как только ко посотевовали нашим войскам оставаться в казармах, эти режимы в одночасье рухнули.

Е. И. Пивовар: Поскольку мы поставили задачу сравнительно-исторического анализа становления политических режимов в Восточной Европе после второй мировой войны, то перед историками, включая специалистов и по истории СССР, и по истории стран Восточной Европы, встает задача выявления той социальной базы, на которую эти режимы опирались. Как мне представляется, в эмоциональном, но не всегда доказательном выступлении Ю. С. Новопашина одна мысль очень важна для нашего разговора: на определенном этапе сталинские политические режимы имели реальную общественную поддержку. Можно и нужно исследовать хронологические рамки этого этапа, как и того периода, когда данный процесс сначала пошел на убыль, а затем, как показал реальный ход событий, самые широкие слои общества выступили против скомпрометировавших себя правителей. Здесь очень важно учитывать и естественный процесс смены поколений, да и сам ход развития мировой цивилизации во второй половине XX в. Ведь на социально-психологическую обстановку как в нашей стране, так и в странах Восточной Европы, не могли не оказывать глубокого воздействия прорывы в науке и общественной мысли в эпоху НТР, которые вступали в вопиющее противоречие с политическими, социальными, морально-нравственными институтами, господствовавшими в Восточной Европе.

А. С. Ципко: В большинстве случаев коммунизм, коллективистская идеология, господство Коммунистической партии и государственная организация производства после второй мировой войны были силой навязаны странам Восточной Европы. Их культурные и духовные традиции, развитие их экономик, политической и идеологической жизни до второй мировой войны никак не вели к социализму как к государству диктатуры пролетариата. Коммунисты как партия III Интернационала во всех этих странах до второй мировой войны, особенно в Польше, Венгрии составляли меньшинство. Даже среди рабочего класса они не пользовались какой-либо значительной поддержкой. В целом ряде стран (Венгрии, Чехословакии) новый политический строй укрепился благодаря политике репрессий, страха. Все это вело к зыбкости, неустойчивости легитимной основы новой власти. С самого начала судьба новых политических образований зависела от способности государства держать в постоянной готовности орудия устрашения населения, сдерживания возможных оппозиционных движений.

Разрыв между ожиданиями, привычками, интересами подавляющего большинства населения этих стран и тем обществом, в котором им приходилось жить, резко увеличился в конце 40-х гг., когда Сталин призвал правившие там коммунистические партии к ускорению темпов коммунистических преобразований, к обострению классовой борьбы, к карательным мерам по отношению ко всем несогласным. Наиболее драматические формы эта борьба с инакомыслящими в это время приняла в Венгрии. Не случайно именно в этой стране в октяб-

ре 1956 г. началось широкое народное восстание против навязанного режима, которое удалось подавить только с помощью войск СССР.

Уже в конце 50-х гг. большинство социалистических стран во имя сохранения экономической и политической стабильности были вынуждены приостановить начатый после революций процесс преодоления оставшейся им в наследство многоукладности, огосударствления производства, а в ряде случаев отступить назад от достигнутого уровня вытеснения мелкого частного производства.

Конечно, в каждом конкретном случае были на то свои особые причины. Но налицо общая тенденция: стремление законсервировать как можно больше переходных структур во имя сохранения гибкости экономики, приличного качества жизни.

Налицо было явное противоречие между требованиями традиционного политико-экономического подхода к действительности и интересами развития социалистических стран, требованиями здравого смысла, побуждающего остановиться, чтобы не наломать дров, не погубить окончательно экономику. Провалились все кампании по воспитанию коммунистической морали, по внедрению в жизнь так называемого безвозмездного, коммунистического труда. Очень скоро, уже с начала 60-х гг., марксистская терминология, отдельные пласты марксизма, в частности его учение о всесторонне и гармонично развитой личности, начало использоваться для борьбы с его политическими выводами, для опрокидывания учения о диктатуре пролетариата и классовой борьбе (Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария). Реальность трудно было осмыслить в рамках традиционного марксизма, его азбучных истин, и потому с начала 60-х гг. в странах Восточной Европы, как и в СССР, как грибы после дождя, начали произрастать деидеологизированные конкретные научные дисциплины, претендующие на независимость от марксизма. Речь идет прежде всего о политологии, социологии, социальной психологии. Процесс вытеснения марксизма из сферы гуманитарного знания происходил очень интенсивно в Чехословакии до 1968 г., а в Польше и Венгрии он практически никогда не прерывался, развиваясь по нарастающей. Это, наверное, связано с тем, что в этих странах особенное раздражение вызывала интернационалистская компонента марксизма. Здесь еще не завершился процесс национально-государственного развития, а марксистская идеология фактически обязывала искусственно прерывать его ради интересов некоего абстрактного пролетариата, принципов интернационализма. К этому следует добавить, что в этих странах марксизм резко обострил комплекс провинциализма, который они настойчиво преодолевали на протяжении всей новой истории. В конкретных условиях этих стран антикапиталистическая, коммунистическая направленность марксизма воспринималась как антизападная, противостоящая всему прежнему развитию этих стран. Антибуржуазная тенденция марксизма воспринималась как антиличностная, как идея насаждения коллективизма, что в еще большей степени способствовало отторжению марксизма теперь уже новой интеллигенцией. Уже с конца 70-х гг. в Польше и Венгрии студенты медицинских и театральных вузов перестали вступать в правящие коммунистические партии. Марксизм оказался в противоречии с основными механизмами формирования личности, развития ее ценностной структуры.

Это во многом объясняет, почему во многих странах Восточной Европы антитоталитарные революции носили мирный характер, все обошлось без катаклизмов и серьезных потрясений. Социальная и культурная инфраструктура гражданского общества во всех этих странах не только сохранилась от прошлого, но и в периоды отступления от требований коммунизма воспроизводилась, расширялась. Большое значение имело и то обстоятельство, что страны Восточной Европы, и прежде всего Восточная Германия, Чехословакия, Венгрия, Польша, значительно дальше продвинулись по пути товарного развития, чем царская Россия. Рыночные отношения, включая и отношения мелкой частной собственности в городе и деревне, были укоренены здесь гораздо сильнее и глубже, чем в соответствующий период в нашей стране. Сам факт их глубокой укорененности связан с исторически сложившимися тесными контактами этих стран с Западной Европой, их ориентацией на включенность в европейское общение и европейский рынок. По этой причине, кстати, страны Восточной Европы болезненно восприняли ту экономическую автаркию, которую им навязал Советский Союз.

Реставрация структур товарного производства в Польше, Венгрии, ГДР началась уже с начала 70-х гг. Особенно быстро в этих странах восстанавливалось мелкое частное производство, традиционное частное ремесло, частная торговля и т. д. Именно в силу того, что в большинстве стран Восточной Европы не удалось разрушить социальную инфраструктуру гражданского общества, тоталитаризм не смог на их почве пустить глубокие корни. Под тонким слоем коммунистического асфальта сохранялась почва европейской цивилизации.

Идея обновления социализма, как теперь становится ясно, является всего лишь переходной формой сознания, но ни в коем случае не переходной, а тем более не устойчивой формой развития жизни. Она была вызвана не столько потребностями жизни, сколько желанием примирить коммунистическую легитимность, власть коммунистической партии с объективными потребностями развития производства, политической жизни. В странах Восточной Европы такая стратегия могла рассчитывать на поддержку населения до тех пор, пока оно было убеждено, что нет другого выхода, ибо реставрация полнокровной, чисто европейской модели развития из-за сопротивления со стороны СССР в принципе невозможна. Но как только мы отказались от доктрины Брежнев, от практики насильственного поддержания социалистического статус-кво, необходимость в подобной политике компромиссов отпала. «Зачем снова экспериментировать, терять время, когда можно вернуться на старый путь и идти проторенной дорогой европейской цивилизации», — так рассуждало население стран Восточной Европы, проголосовавшее против коммунистов и социалистов.

Благородные попытки демократизировать социализм сверху оканчивались в конечном счете поражением тех, кто начинал развивать демократию, оканчивались поражением реформаторов. Лидеры партии, к примеру, Ярузельский и Раковский в Польше, Ньерш и Пожгаи в Венгрии, начавшие на свой страх и риск борьбу с догматиками, марксистскими фундаменталистами в партии, стремящиеся к социал-демократизации партии, полагающие, что они совершают величайшее благо для страны, не получили того, на что рассчитывали. Их победа над догматиками оказалась пирровой победой. Им казалось, что они обновляют социализм, но по сути они подготавливали необходимые условия для галопирующей реставрации старых экономических и политических структур, для собственного поражения. Все это свидетельствует о том, что события, произошедшие в странах Восточной Европы в середине 1989 г., носили объективный, закономерный характер, они были неизбежны, подготовлены прежде всего внутренними противоречиями, структурными изъянами режимов, сложившихся в этих странах после второй мировой войны. Мирные, «бархатные» революции, произошедшие в этих странах в 1989 г., необходимо оценивать как наиболее благоприятный для нас способ преодоления последствий политического волюнтаризма Сталина. Наша политика невмешательства в эти процессы была наглядным доказательством искренности политики доверия и свободы политического выбора, проводимой нынешним руководством КПСС.

Теперь уже ясно, что, в сущности, никакой мировой социалистической системы как саморазвивающегося организма, обладающего внутренней логикой и перспективой развития, не было. Эпоха, которую мы называем эпохой перехода от капитализма к социализму, была по сути эпохой противостояния цивилизации нецивилизованным, тупиковым формам развития, противостояния законов экономики коммунистической иллюзии, рожденной той же капиталистической цивилизацией. Шла борьба между устойчивыми и временными, неустойчивыми формами жизни. В итоге устойчивое гражданское общество выстояло.

1989 год по своей значимости сопоставим лишь с 1789-м или с 1917 годом. Он, в сущности, подвел итоги социально-политическим и экономическим поискам человечества в XX в. Теперь уже ясно, что эксперимент, начавшийся в России в 1917 г., а потом после второй мировой войны продолженный в странах Восточной Европы, в Азии, на Кубе, не удался, не принес ожидаемых успехов. Выяснилось, что у человечества нет альтернативы традиционному, естественному развитию, что искать решения социальных проблем, достижения социальной защищенности личности необходимо внутри гражданского общества, внутри рыночной экономики, а не вне ее, на пути разрушительных экспериментов. Хотя, несомненно, этот продолжающийся на протяжении многих десятилетий социали-

стический эксперимент принес несомненную пользу человечеству, побудил искать новые пути смягчения классовых противоречий, обнаружил утопичность целого ряда популярных социальных идей XIX в. Но одновременно, как теперь признают все, этот эксперимент задержал развитие этих стран, и прежде всего Чехословакии, Польши, Венгрии, Восточной Германии, на несколько десятилет. Они вынуждены осуществлять структурную революцию в крайне неблагоприятных политических и социальных условиях, при сильном давлении уравни- тельных настроений.

В. А. Миров: Прежде всего я хотел бы коснуться проблемы источниковой базы обсуждаемого вопроса. События 1989 г. в Восточной Европе свидетельствуют о завершении определенного этапа развития государств этого региона. Становится историей послевоенный период модернизации социально-экономических и политических структур этих стран. Документы того времени уже не могут оказать определяющего влияния на наши межгосударственные отношения, как раньше. Ведь еще во второй половине XVIII в. первоприсутствующий Коллегии иностранных дел Российской империи гр. Н. И. Панин писал, что «между политическими обществами ни злоба за претерпенное, ни благодарность за прежния одолжения известным образом места иметь не могут» (Сборник РИО, т. 67, с. 410).

По-видимому, настало время предоставить исследователям материалы партийно-государственного руководства рассматриваемых стран. Это необходимо и для того, чтобы ученые помогли народам избавиться от стереотипов, которые создают иллюзорную, мифологизированную историю, не подтвержденную какими-либо математическими выкладками и знанием первоисточников. В противном случае новая картина прошлого будет очень уязвимой и может рухнуть от появления одного неожиданного факта. Вдруг подтвердится слух, просочившийся на страницы польской периодической печати, что на Потсдамской конференции в момент отсутствия представителя Великобритании (Черчилль отправился на выборы, в которых консервативная партия потерпела поражение, а Эттли, глава победивших лейбористов, еще не прибыл) Сталин и Трумэн договорились о разделе сфер влияния в Европе на 50 лет? Документальное подтверждение или опровержение подобного слуха позволяет по-разному интерпретировать развитие событий после второй мировой войны не только в европейском, но и в мировом масштабе.

Однако советские ученые из-за недоступности многих архивов до сих пор вынуждены либо переосмысливать ранее отфильтрованные факты, либо анализировать новые обнародованные, но также подготовленные пристрастным издателем материалы, которые не позволяют создать целостной картины происходивших в то время процессов. В результате участники всевозможных научных дискуссий и обсуждений чаще всего апеллируют не к рассудку, но к чувствам и эмоциям читателей, которые зачастую не стремятся понять происходившие тогда процессы, но пытаются найти подтверждение своим мыслям о происходившем.

Теперь о проблеме становления единовластия коммунистических партий в восточно- и центральноевропейских странах. В большинстве этих стран новая власть была представителем и выразителем интересов меньшинства общества. Она, по-видимому, не смогла бы удерживать в своих руках руль государства без советской военно-экономической помощи. А. Е. Липский очень точно, хотя и в схематизированном виде, обрисовал привычную картину взаимоотношений СССР и государств этого региона после второй мировой войны. В настоящее время имеется множество свидетельств того, что И. В. Сталин строил свои отношения с руководителями Польши, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Албании, Болгарии, Югославии на покровительственно-патерналистской, диктаторской основе. Но следует ли ограничиваться констатацией этого факта без рассмотрения конкретных обстоятельств? Даже самый правильный общий вывод не отражает всей полноты исторического опыта, который можно почерпнуть из происшедших событий. В данном же случае в предложенной схеме недостаточно проработана внутренняя ситуация в руководстве партий и правительствах этих стран. Руководящие круги предстают перед нами послушной однообразно монолитной массой, в которой отсутствуют различия во взглядах на процессы,

происходящие в обществах и государствах. О том, что это не так свидетельствует, в частности, история Польши первых послевоенных лет.

В руководстве правительства Республики Польша и Польской рабочей партии, доминировавшей в правящей коалиции в 1944—1948 гг. (единственным реальным противником ППР являлось Польское сторонничество людове во главе с С. Миколайчиком, но оно начиная с января 1947 г. целенаправленно и активно оттеснялось на обочину политической жизни), большинство составляли сторонники Президента Б. Берута и секретаря ЦК ППР Г. Минца. Они выступали за ускорение проводимых социально-экономических и политических преобразований, за быстрый переход к социалистическому строительству и самое полное использование в нем советского опыта, за разрешение возникающих проблем методами классового противостояния. Еще в декабре 1944 г. во время дискуссии о статусе Союза крестьянской взаимопомощи члены руководства Союза польских патриотов Я. Берман (впоследствии influentialный член Политбюро ЦК ППР), и Л. Касман выступали за проведение производственного кооперирования крестьянских хозяйств. В июне 1946 г. на заседании Экономического совета ППР член Политбюро, секретарь ЦК Г. Минц предлагал скорректировать хозяйственную политику партии и усилить давление на частный сектор. Однако до середины 1948 г. подобные идеи не воплощались в стратегические политические решения, хотя в отдельных случаях они все же реализовывались (в частности, проведенная в 1947 г. «битва за торговлю»). По-видимому, на их пути стоял И. В. Сталин, который в тот момент поддерживал политическую линию, проводимую в партии и государстве В. Гомулкой. По словам Е. Осубки-Моравского, первого премьер-министра возрождаемого Польского государства, глава СССР настоятельно советовал руководству Польши использовать все средства для привлечения новых сторонников. В середине 1947 г. на встрече в Москве с представителем лейбористской партии Великобритании Сталин сказал, что советский опыт социалистического строительства не является единственным.

Генеральный секретарь ЦК ППР В. Гомулка выступал в эти годы за поиск собственного пути развития к социализму, за постепенность проводимых реформ, за более широкую социальную базу новой народной власти. Непременным условием воплощения этой линии считалось, в частности: сохранение союзнических отношений среди бывших членов антигитлеровской коалиции, что позволяло бы Польше получать помощь для восстановления разрушенного хозяйства как с Запада, так и с Востока; существование многосекторной экономики, в которой сфера применения каждой формы собственности была бы четко определена и исключалась бы конкуренция между ними; наличие оппозиции, встроенной в складывающуюся политическую систему. И только разрушение этих предпосылок (начало «холодной войны», экспансия государственной формы собственности в большинстве отраслей экономики, внепарламентские методы борьбы с ПСЛ и уничтожение легального центра оппозиции и т. п.), в чем сказалось и влияние сталинской политики, предопределило отказ от эволюционного пути развития, оттеснение В. Гомулки от руководства партией и взятие всей полноты власти в государстве представителями большинства руководителей ППР, сторонниками Б. Берута, Г. Минца, Я. Бермана.

Итак, можно сказать, что в Польше ряд политических деятелей, выразителей настроений и интересов определенных общественных слоев, были сторонниками ускоренного социалистического строительства еще до того, как Сталин отказался от поисков национальных путей к социализму, и в то же время имелись политики, разрабатывавшие концепцию «польского пути к социализму», эволюционную по своему содержанию и форме. Кроме того, сталинская политика, проводимая в Польше, претерпела определенные изменения: вначале сдерживались силы, призывавшие к разжиганию классовой борьбы в обществе, а затем им была предоставлена свобода рук под советским контролем в реализации их планов.

Мне также хотелось бы заметить, что поворот 1948 г. в политике многих стран Восточной Европы был лишь кульминацией тех больших изменений, которые происходили в государствах этого региона примерно с конца 1946 г. Он не был неожиданным политическим «кульбитом» Сталина, вызванным его столк-

новением с Иосипом Броз Тито — наиболее последовательным проводником советской модели социалистического строительства, но явился закономерным итогом социально-экономических и политических преобразований, проведенных в обстановке противоречий между прагматическими интересами Сталина и части руководства указанных стран и идеологией, ими исповедуемой, с одной стороны, и реальной ситуацией в этих государствах и мире в целом — с другой.

И. С. Яжборовская: Постановка вопроса о поисках системообразующего начала в проблеме «Советский Союз и страны Восточной Европы» весьма плодотворна. В равной мере не только оправдано, но и необходимо видение этой проблемы в более широких хронологических рамках. Прежде всего это диктуется самим ходом исторического процесса: страны региона всегда были близки не только в силу географического соседства, но и вследствие общности развития «второго эшелона» капитализма. Это ярко проявилось и на рубеже новейшей истории, и в период противостояния гитлеровскому фашизму, борьбы с наиболее реакционными силами в годы второй мировой войны, революций 40-х гг., и на современном этапе качественного обновления общества на новом уровне цивилизации. Если не учитывать эту специфику региона, легко впасть в «спрямление» исторического процесса под флагом отрицания закономерности характера революционного преобразования этих стран. Если раньше под идеологическим соусом всячески оправдывалось искусственное форсирование социалистического строительства в странах региона, выхолащивающее подлинное содержание этого процесса, то теперь возникла реальная опасность сближения с известным тезисом о «случайности» и «ненужности» сложного, многоэтапного процесса революционного обновления «малых наций» Восточной Европы, эмоционально-волюнтаристского в своей основе увлечения грешащей немалой односторонностью концепцией «злого гения» — восточного соседа. Прошу понять меня правильно. Над участниками дискуссии со всей очевидностью витает дух покаяния. Для каждого советского человека такая нравственная позиция вполне естественна. Более того, она весьма плодотворна для ученых, позволяя глубже проникнуть в суть явлений. Поэтому не надо поддаваться искушению создания новых схем, упрощения сложных процессов.

Всему региону, который Ленин называл — вместе с Россией — Востоком Европы, свойственны особая острота и переплетение социальных и национальных противоречий. Его историческое развитие имело много сходных черт с развитием России, что обуславливало близость и взаимодействие передовых общественных сил. Это имело как значительные плюсы, так и существенные минусы, проявившиеся в сложные исторические периоды.

Созреванию передовых сил рабочего движения весьма благоприятствовало параллельное, а во многом, и совместное продвижение по пути формирования левого крыла Циммервальда и Кинтала, раннее оформление компартий, их творческое развитие в ленинский период истории Коминтерна, глубокое проникновение в суть как общих закономерностей революционных преобразований, так и специфики своего региона и его стран.

Однако уже с середины 20-х гг. после неудачной попытки руководства Коминтерна форсировать мировую революцию и быстрого утверждения догматической трактовки специфических (а не только общезначимых) черт Октября как общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства, со складыванием сектантских клише «социал-фашизм», «аграр-фашизм», «национал-коммунизм» и т. п. для компартий региона настали мрачные времена. В целом откат революционной волны сопровождался ослаблением потенциала движения и мощи творческой мысли. Однако резко негативные последствия для региона имело формирование в Коминтерне идеологических стереотипов, охватывающих комплекс важнейших проблем, но дававших им все более искаженную интерпретацию, в частности, отсекавших социал-демократическое, крестьянское и национально-освободительное движения. Пересмотр этих стереотипов, да и то непоследовательный и временный, наступил лишь в середине 30-х гг. Укоренялись представления о правомерности утверждавшихся в СССР административно-командных методов, складывались аналогичные политические традиции и в Коминтерне.

Вскоре оказалась сметена та часть кадров молодых компартий, которая была носителем творческого начала последовательного обновления общества. Ведущее положение заняли те кадры, которые сочетали в себе преданность идее, но в догматическом варианте, с безоговорочным принятием автократических методов сталинщины. Не следовало бы огульно записывать всю эту вторую группу в категорию «агентов», «агентуры» сталинщины. Были вполне объективные причины тому, что происходило в Коминтерне, в их числе весьма распространенная — в странах Восточной Европы модель политической культуры. Достаточно напомнить, что она была унаследована регионом от задержавшихся на исторической арене монархий — Австро-Венгерской, Германской и Российской — при некотором диапазоне вариантов. Не до конца было изжито и наследие господства Османской империи. Решительной расчистки всего этого наследия феодальной эпохи не произошло и в годы демократического подъема, воссоздания в послеоктябрьский период в этой части Европы независимых национальных государств. Незавершенность буржуазно-демократических преобразований привела к сохранению или восстановлению в Болгарии, Румынии, Венгрии и Югославии конституционных монархий, в Албании — к превращению республиканского строя в монархический, к повсеместному урезыванию политических свобод. В межвоенный период быстро развился кризис не успевшего пустить глубокие корни парламентаризма. Кроме Чехословакии, везде возобладали авторитарные или военно-авторитарные формы правления.

Следует подчеркнуть, что преобладающей оставалась именно авторитарная разновидность автократической политической культуры плюс сильная, практически неконтролируемая власть, отрицание политических прав и гражданских свобод, слабая политизация населения, его равнодушие или негативное отношение к проблемам власти, функционирования политической системы. Нормы и ценности политики не стали достоянием масс, так как слабо использовались и буржуазией для защиты своих интересов. Преобладали методы прямого насилия. Для достижения послушания масс в качестве инструмента подчинения использовалась идеология.

К концу 30 гг. многопартийная система уже достигла известного развития во всех странах региона, но не настолько, чтобы определенные тоталитарные заимствования правящей верхушки или соперничавших группировок приобрели серьезную базу, а фашистские образования и течения стали воистину массовыми. Как известно, тоталитарный вариант автократических режимов возникает как сочетание культа вождя, сильной власти с вовлечением активно участвующих в политической жизни масс в русло подчиняющей их политическими методами модифицированной политики, которая диктует им тоталитарную систему политических норм и ценностей.

Прогрессирование политизации общества сопровождалось в регионе развитием элементов буржуазно-демократической, либерально-демократической и консервативно-либеральной политической культуры. Поэтому становление политической системы в первый период революций 40-х гг. происходило на фоне развития и реконструкции самых различных вариантов политических культур со значительным преобладанием демократических элементов. Лицо народной власти отнюдь не определялось размахом превентивных репрессий, осуществлявшихся в ряде стран отрядами НКВД «в целях обеспечения безопасности тыла».

В европейских странах народной демократии смена модели политической системы, ее унификация, воссоздание авторитарных начал распространение элементов тоталитарности имеют довольно точную датировку. Они интенсивно готовились в рамках поворота к «холодной войне», создания Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, свертывания народно-демократического этапа революций, форсирования перехода к социалистическому строительству по единой схеме. 1948 год стал годом крутой ломки общественных механизмов и разрушения сформировавшихся структур, энергичного копирования советских командно-административных форм и методов управления, внедрения форм внеэкономического принуждения.

Структура общественного организма трансформировалась по советскому образцу, при помощи «отсечения», вплоть до физического уничтожения тех,

кто не воспринимал в качестве общих закономерностей и непосредственных задач утверждение тяготеющей ко всеобъемлемости государственной собственности и сверхцентрализованного планирования, индустриализацию в связке с коллективизацией, схематизацию и унификацию идеологических установок, выхолащивание всего богатства культурной жизни под лозунгом культурной революции. К власти пришел тот эшелон руководителей, который был исторически подготовлен к проведению именно такого курса. Развернулся процесс деформации политической системы, подавления многообразных форм представительства всего спектра политических интересов общества, перестройки отношений «руководящей и направляющей» партии и государства, прогрессирующей утраты обратной связи между органами политической системы, не только сужения имеющихся основ правового государства, но и прямого нарушения законности. Возникла своеобразная амальгама отношений, сочетающая возврат к авторитаризму и внедрение элементов тоталитаризма. Ее хозяйственной основой стали отход от принципов действия экономических механизмов, разрушение основ рыночной экономики в условиях форсируемого огосударствления и т. д.

Д. М. Фельдман: В отличие от многоуважаемого Ю. С. Новопашина, я должна думать, что история международных отношений не является историей царей, героев, президентов, начальников политотделов или особых отделов. Даже если начальники или сотрудники этих отделов становятся генсеками. Надо сказать, что после 1985 г. очень многие из нас встали на методологические позиции, далекие от материалистического понимания истории. Вынужденные обращаться к данным «чужих» наук (советологии и т. д.) как зачастую к более достоверным, чем отечественные источники, мы вместе с фактами очень часто усваиваем и чужую методологию. А между тем любые, даже самые достоверные факты вне общей теоретико-методологической, мировоззренческой концепции выглядят крайне многозначно, разорванно. Мне многие наши сегодняшние публикации напоминают книжки по критике антикоммунизма 70-х гг., но без слова «якобы». Помните: например: «антикоммунисты утверждают, что в Советском Союзе якобы есть диктат партии». Но подобные констатации — это не конец и уж тем более не вершина исследования. В лучшем случае — это всего лишь его предпосылка. Многое мы берем совершенно не критически. Например, взяли и этот термин, важный для нашей сегодняшней темы — «доктрина Брежнева». Те, кто еще помнит «гениальные» труды Леонида Ильича, хорошо знают, что ни в одном из них «доктрина Брежнева» не сформулирована.

Ю. С. Новопашин: Это неверно. В ноябре 1968 г., выступая на V съезде ПОРП, Л. И. Брежнев как раз и изложил то, что наши западные оппоненты справедливо называли тогда же «доктриной ограниченного суверенитета», или «доктриной Брежнева». Он заявил: «Хорошо известно, что Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран. КПСС всегда выступала за то, чтобы каждая социалистическая страна определяла конкретные формы своего развития по пути социализма с учетом специфики своих национальных условий. Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма как такового. И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран» (Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. II. М., 1970, с. 329). Так что дело не в каких-то ретивых журналистах, тогдашний вождь сам высказался вполне определенно.

Л. Н. Нежинский: «Доктриной Брежнева» называют ту политическую линию, которую очень последовательно проводили не только в теории, но и на практике до середины 80-х гг.

Д. М. Фельдман: Эти замечания я рассматриваю не как опровергающие, а как уточняющие, если хотите, мою точку зрения. Я бы был готов напомнить здесь присутствующим и хорошо им известную статью Ковалева в «Правде», где эта доктрина была изложена в самом развитом виде. Дело не в авторстве Брежнева, а в той политической линии, которая проводилась Советским Союзом и другими странами — блаженной памяти социалистического содружества.

Мне представляется, что мы неоправданно отвлекаемся от сущности рассматриваемых процессов. Ведь уже отмечалось, что там, где не было советских войск, в том числе особых отделов и НКВД, нередко получалось практически то же, что и при их помощи. Если мы откажемся от европеоцентристского подхода, то мы увидим, что на Кубе и в Корее — все то же самое, без нашего активного нажима и даже вопреки нам. То же в Китае, Албании и Югославии. А социально-экономическое развитие Австрии и Финляндии, где советские войска действовали весьма активно, оказалось неподвластно ни особым, ни политическим отделам. Мне представляется, что ставка на левых радикалов, на революционеров-экстремистов, на пробольшевицкие элементы — это не случайная ошибка Иосифа Виссарионовича и не «наследие сталинизма» (если употребить термин, который с излагаемой точки зрения не очень точен). Это логика политического развития, плод настроений, которые есть и поныне в наших странах, и наивно думать, что они кончились в 1985-м или 1989 г. Я думаю, что и в будущем они будут усиливаться или, по крайней мере, существовать. Их воспроизведение определяется социальной структурой наших обществ, политической культурой масс, историческими традициями. В этом смысле изображать историю наших обществ как некий извращенный внешними факторами (что бы под ними не понималось — будь то жидо-масонский заговор, латышские стрелки или русские танки) национальный путь оптимального развития, мне представляется методологически порочным. История каждого народа — закономерный результат его собственного развития. Думаю, что иного быть и не могло.

Конечно, великодержавные гегемонистские традиции царской России были во многом воспроизведены в советской внешней политике. Но вспомните и первые договоры о дружбе и сотрудничестве 1944—1945 гг., в том числе и между самими странами народной демократии, где настойчиво повторялась мысль о союзе славянских государств в борьбе против германцев. Сам тип общества — люмпенские, полупролетарские, маргинальные слои, которые всплывали в этих условиях, — не мог дать другой внешней политики. Особые отделы и прочие рычаги советского политического влияния, с моей точки зрения, помогали козла загнать в огород, найти ему кратчайшую дорогу к власти. А козел был уже выращен на национальной почве, пусть и при помощи Коминтерна. Он уже имелся, его на танках не привезли.

Л. Н. Нежинский: Все-таки разница между восточноевропейскими странами была значительная. В этом плане равнять, например, Чехословакию с соседями нельзя. И в плане исторических традиций, и в плане возможных поворотов в первые послевоенные годы. И если бы чехи и словаки имели возможность унаследовать и дальше развивать демократические черты их строя, существовавшего в 30-е гг., когда, кстати, мы имели с Чехословакией наилучшие отношения по сравнению с другими европейскими странами, то и нам было бы хорошо, и, наверное, им было бы неплохо.

Д. М. Фельдман: Не мне Вам, Леонид Николаевич, напоминать, что «если бы имели возможность» — это не исторический подход. Исторический подход это «бы» минимизирует, выявляя конкретное содержание в логике возникновения и функционирования того или иного общества, социальной системы. И ничего нет удивительного, что осведомители становятся во главе государств, как ничего нет удивительного в том, что самый подлый и беспринципный из большевиков — И. В. Сталин — встал во главе Советского государства. Это не результат поддержки извне, а это логика системы.

Второй, тесно связанный с обсуждаемой темой вопрос, на котором я остаюсь, это судьба концепции социалистических международных отношений. Если не все, то большинство присутствующих, так или иначе приложили руку к ее разработке. Как известно, нормативная концепция международных отношений нового типа рухнула, ее сменило, в одночасье утвердившись в нашей науке, новое политическое мышление. Здесь следует сказать, что советский внешнеполитический истеблишмент очень неохотно допускает альтернативы внешнеполитическим доктринам. Если во внутренней политике, экономической политике нетрудно найти пример альтернативной позиции, которую правительство сначала обругает, а потом, может быть, загнав себя в угол, через три-четыре месяца примет, то продюцировать внешнеполитические альтернативные доктрины у нас как-то пока не принято. Мне хотелось бы эту традицию нарушить и предложить если не альтернативу, то вариант политического мышления. Я бы его назвал «консервативно-демократическим» вариантом внешнеполитической ориентации во взаимоотношениях с «постсоциалистическими» странами и в том числе со странами Центральной и Восточной Европы. Я настаиваю на этом словосочетании — «консервативно-демократический», потому что очень важно обратить внимание на то, что же именно мы должны сохранять. Мне думается, что и до 1945 г., и после в русле наших отношений при их общем многообразии была достаточно сильная и вполне отчетливо прослеживаемая демократическая традиция. Она видна и в национально-освободительной борьбе, и в антифашистском движении, и в осуждении «интернационалистских акций» 1956—1968 гг. Сегодня у нас есть новые возможности для того, чтобы ее оживить и сохранить. Крах нормативной концепции международных социалистических отношений не должен поставить под сомнение ее общедемократические установки, на которые делали акцент многие советские исследователи, в частности, и здесь присутствующие. Я имею в виду, например, мысль о том, что кроме памятных принципов социалистического интернационализма во взаимоотношениях наших стран существуют и действуют общедемократические нормы и принципы международного права. Такой консерватизм будет полезным вкладом в не очень плодотворные рассуждения о приоритете общечеловеческих интересов в современном мире, которые в практике международных отношений далеко не всегда находят подтверждение.

Ю. С. Новопашин: Несколько слов по поводу тезиса Д. М. Фельдмана относительно общности происхождения сталинистских режимов. Нельзя все страны существовавшей в недавнем прошлом так называемой мировой социалистической системы стричь под одну гребенку. Были в этой системе страны типа Советского Союза, Китая, Югославии, где репрессивно-административный режим вырос из своих собственных недр. История таких стран, и прежде всего Советского Союза, показывает, как тяжело умирает сталинизм, глубоко проросший в национально-государственную почву. Ведь во многих аспектах в СССР и сейчас проводится сталинистская политика. Потому в первую очередь, что органы КГБ, представляющие становой хребет любой коммунистической диктатуры, в Советском Союзе сохранены руководством правящей КПСС почти в полной неприкосновенности со сталинских лет. А если эти органы и подверглись с тех пор известному усовершенствованию, например в брежневские времена тотальной расправы с диссидентским движением, то лишь в направлении расширения сферы компетенции в борьбе с собственным народом, увеличения ассигнований, штатов, всякого рода ведомственного строительства и т. д. Как целое, как важнейший элемент партократического механизма власти эти сталинистские до мозга костей «компетентные органы» никогда в нашей стране не были и в принципе не могут быть опорой антитоталитарной, демократической перестройки, хотя среди их многочисленного оперативного персонала, конечно же, есть отдельные сотрудники с вполне перестроечным мышлением. Но не они определяют суть охранно-карательных учреждений, нацеленных и в прошлом, и сейчас главным образом на защиту отживающей свой век партократической системы власти, обслуживание интересов ее реальных носителей районного, городского, областного, республиканского и союзного уровня, на обеспечение их должностных привилегий.

Но дело не только в этом. Все ментальные структуры у нас сталинистские. А. Е. Липский правильно сказал, что сталинизм за семь с лишним десятилетий внедрен уже и в наш генотип. А вот что касается тех стран Восточной Европы, где произошли в конце 1989 г. антитоталитарные, демократические революции, сбросившие с народной шеи ярмо коммунистической диктатуры с неотделимым от нее репрессивным производом органов госбезопасности, то это все-таки во многом иной коленкор. Мой коллега, специалист по Чехословакии И. И. Поп, наверное, поддержит мысль о том, что одной из основных причин быстрого, буквально обвального крушения так называемой социалистической государственности в рассматриваемых странах было наличие в их общественно-политической структуре ряда таких элементов, которые в СССР или, скажем, в Китае не сохранились. Я имею в виду элементы гражданского общества, горизонтальных негосударственных связей в среде интеллигенции и т. д.

Те структуры гражданского общества, которые в царской России формировались в виде деятельности земств, Государственной думы, были уничтожены. Потому-то, кстати сказать, и является в СССР столь болезненным процесс перехода к демократически избранной государственной власти от несменяемой партократии, которая за семь десятилетий бесконтрольного командования нашими народами полностью себя дискредитировала. А вот, скажем, в Чехословакии дело обстояло все же иначе. Там в результате «бархатной революции» у власти оказались силы, которые вполне сумели заменить коммунистических функционеров, единолично управлявших страной свыше четырех десятилетий. Ничего с отстранением коммунистов не рухнуло, ибо существовали некоммунистические организации, прежде всего Гражданский форум, в качестве элементов не порушенных полностью горизонтальных общественных связей, оппозиционных к сталинистскому режиму Гусака — Якеша — Штепана.

В заключение своей реплики подчеркну еще раз: доморожденные, автохтонные, так сказать, сталинистские политические режимы и системы организации государственной и общественной жизни в целом, в Советском Союзе, Румынии, Югославии и Китае — это одно, а сталинистские режимы и системы в Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии — несколько иное. И даже среди последних Венгрия времен Ракоши — Герё и Чехословакия при Новотном или Гусаке никак не могут быть отождествлены, допустим, с гомулковской или герековской Польшей, в которой элементы политической и религиозной терпимости, идеологического плюрализма всегда противодействовали омертвляющей коммунистической монополии, репрессивному ужесточению «социалистических» охранных служб.

И. И. Поп: Нам надо отказаться от эксплуатации хорошего, святого понятия «освобождение». В Восточной Европе оно уже вызывает аллергию. Чем было «освобождение» в 1944—1945 гг.? Надо реально посмотреть на то, что произошло в эти годы в Восточной Европе. СССР стремился разбить противника на его стратегическом пространстве, каким для Германии была территория стран этого региона. Побочным продуктом этой борьбы и было освобождение от фашизма, установление влияния СССР в Восточной Европе, а впоследствии навязывание ее народам сталинистского режима. Навязывание жесткое, прямое и непосредственное. Сейчас венгры справедливо ставят вопрос: как можно говорить венгру только об освобождении, когда это было поражение Венгрии, поражение национальной армии, поражение национального правительства, конец национальной независимости. И навязывание тех, кого привезли из Уфы.

К. Ф. Шацлло: Давайте не будем упрощать и вдаваться в крайности. Есть медали за взятие Будапешта, Бухареста, Берлина, а есть и медали за освобождение Варшавы, Праги и Белграда. На братском кладбище Белграда лежит лишь треть советских солдат, а две трети — это бойцы югославской народно-освободительной армии. И пражане восстали, и просили советское командо-

вание о помощи еще до того, как в Прагу вошли советские войска. Зачем забывать об этом? Другое дело, что после освобождения ряда стран от фашистских захватчиков Сталин силой устанавливал там свои порядки.

Е. И. Пивовар: Я бы здесь поддержал Корнелия Федоровича, поскольку он выступает в данном случае не только как историк, но и как непосредственный участник событий. Мы, конечно, не должны исключать военно-стратегический фактор в действиях Советской Армии против гитлеровцев в Восточной Европе, о чем долгое время как-то не принято было говорить. В этом вопросе Иван Иванович, видимо, прав. Но ведь если посмотреть на события 1944—1945 гг. глазами советского солдата, глазами тружеников, чьими руками и кровью победа была завоевана, то для них победа над фашизмом и освобождение народов Европы от Гитлера была единым и неделимым процессом. Думаю, что справедливый характер войны со стороны Советской Армии и ее союзников по антигитлеровской коалиции объяснял и общественный подъем в освободившейся Восточной Европе. Другое дело, что Сталин и его окружение использовали его отнюдь не в интересах народов.

И. И. Поп: Здесь говорилось, что нам нужно восстанавливать демократические традиции в отношениях между СССР и странами Восточной Европы. Но где эти демократические традиции, где их искать в послевоенные десятилетия? Начнем с 1944 г., когда наши войска переступили эту границу. Ничего подобного, никакой демократии не было, никаких демократических новых отношений. В Люблине создали ПКНО (Польский комитет национального освобождения), привезенный в обозе Советской Армии. Чехословакия и СССР в период войны подписали несколько дипломатических документов — от 19 июля 1941 г., 12 декабря 1943 г., 8 мая 1944 г., согласно которым СССР признал Чехословакию в домюнхенских границах. Так, документом от 8 мая 1944 г. Советское правительство заявляло, что освобождаемая территория Чехословакии тут же будет передаваться в управление чехословацких органов, и даже наши войска будут находиться под их юрисдикцией. Но как только советские войска ступили на территорию этой страны, тут же по приказу Сталина была создана марионетка — «Народная рада» «Закарпатской Украины», а чехословацкая администрация, присланная из Лондона, каждую ночь подвергалась обстрелу. Кончилось тем, что она не выдержала даже двух месяцев на своей территории и была изгнана. И если уж говорить о том, кто виноват в развязывании «холодной войны», то давайте распределять вину равномерно, надо начинать не с Черчилля и его Фултонской речи, ибо она была реакцией на то, что сделал Советский Союз в Восточной Европе. Ведь Сталин поступал по феодальному принципу: куда вошел мой солдат, там кончается моя граница.

Мы установили в Восточной Европе такой порядок, какой хотели установить.

Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии сталинистский режим был навязан извне с опорой на маргинальные слои. Они поверили коммунистам, и этой веры хватило на одно-два поколения. Как только эти поколения ушли, опора сталинизма исчезла. Так пришел 1968 год. В 1989-м эта система рухнула без остатка. А в Польше гражданская война продолжалась до начала 50-х гг. Какая же там могла быть внутренняя поддержка?

М. П. Лебедев: Мне довелось участвовать во второй мировой войне и в освобождении некоторых стран Восточной Европы. Не могу согласиться с высказанным здесь мнением о том, что задача освобождения народов Европы от фашизма не ставилась, а решалась попутно при выполнении стратегических целей. Это мнение выразил И. И. Поп применительно к Чехословакии. Между тем именно в этой стране настроения солдат и офицеров нашей армии и неподдельная радость населения, которую невозможно инсценировать, говорят об обратном, каких бы стратегических планов ни намечали генералы.

Весна 1945 г. ознаменовалась подъемом демократических настроений не

только в странах Европы, но и во всем мире. Верно, это не подорвало административно-командную систему в нашей стране. Но советские солдаты и офицеры впервые получили реальное представление о жизни в странах Европы, которое резко отличалось от представлений, внушавшихся им на протяжении ряда лет. Это был хороший заряд демократических настроений. Однако их намерениям основательно встряхнуть авторитарно-бюрократическую систему, по крайней мере в низовых и средних звеньях, не суждено было осуществиться. По возвращении на родину они были поставлены перед выбором: либо смириться с тем, что есть, либо быть отброшенными на обочину жизни. Декабристов из них не получилось, в этом смысле уместно сказать о покаянии ветеранов войны. В аналогичном положении оказались прогрессивные и демократические силы в странах Восточной Европы, в том числе и в руководящих кругах компартий. К. Готвальд в Чехословакии, В. Гомулка в Польше, Г. Димитров в Болгарии и их соратники, учитывая исторические традиции своих стран, поставили вопрос об особых путях к социализму, отличных от путей Республики Советов. Это усилило поддержку трудящимися массами коммунистов на первом, народно-демократическом этапе революции, помогло им завоевать победу в борьбе за власть. Но в дальнейшем возможности выбора они не получили и были вынуждены заимствовать советскую модель в прямом противоречии с идеей В. И. Ленина о разнообразии путей и форм движения к социализму.

Но та система партийно-государственного управления обществом, которая у нас получила название административно-командной, себя изжила. Во всяком случае, уже после второй мировой войны никаких разумных аргументов для ее сохранения не осталось. Кроме ссылок на угрозу международного империализма.

Нельзя сказать, что в странах Восточной Европы не было попыток изменить эту систему, особенно после смерти Сталина. Выступления в 1953 г. в ГДР, события в Венгрии и Польше осенью 1956 г. знаменовали собой серьезные сигналы нарастающего недовольства народа. ПОРП во главе с В. Гомулкой, ВСРП под руководством Я. Кадара кое-чего удалось достигнуть в направлении демократизации, но постепенно под влиянием СССР и собственного партийно-государственного аппарата эти достижения были утрачены.

Наиболее значительная попытка реформировать общественный строй и прежде всего политическую систему была предпринята в Чехословакии в 1968 г. «Пражскую весну», начатую по инициативе прогрессивных сил в КПЧ и ее руководства, можно считать первой попыткой разработать программу демократического, гуманного социализма.

Развитие реформы было насильственно прервано 21 августа 1968 г. оккупацией страны войсками нескольких государств участников ОВД по инициативе брежневского руководства КПСС. Тогда некоторые генералы, говорят, гордились хорошей организацией этой операции.

Но то была пиррова победа. Пожалуй, все слои общества — рабочие, крестьяне, интеллигенция — были едины в общем чувстве протеста и возмущения. Куда девалось прежнее пассивное отношение к реформам у части рабочих и крестьян! Перед лицом такой всенародной солидарности сторонники «доктрины Брежнева» не смогли реализовать своих планов и выдать программы революционных реформ за контрреволюцию.

Более полугода потребовалось неосталинистам, чтобы разделаться с радикальными силами в Чехословакии, провести «умиротворение», поставить у власти руководителей во главе с Г. Гусаком, судьба и роль которых в истории страны оказалась трагичной. Начался более чем двадцатилетний период так называемой «нормализации». Это обрекало не только Чехословакию, но и все страны «реального социализма», в том числе и СССР, на длительную стагнацию и движение вспять. Но история имеет свою объективную логику и свои «опорные пункты». Потому что всякое движение, даже вспять, в конечном итоге оказывается только подготовкой к новому разбегу.

В той истории, которую мы здесь рассматривали, я вижу три главных ру-

бежа, три опорных пункта. Это — весна 1945 г., «пражская весна 1968 г.» вместе с ее трагическим финалом и поздняя осень 1989 г. Можно, конечно, возвращаться далеко назад — и к 1917 г., и к 1937 г., но это ничего не добавит к решению наших вопросов. Поэтому я согласен с организаторами нашей встречи, ограничившими рассмотрение вопросов периодом 1945—1989 гг.

В заключение хотелось бы высказать несколько общих соображений.

Прежде всего — почему не перестает привлекать внимание ученых тот этап развития стран Восточной Европы после окончания второй мировой войны, который мы называем народно-демократическим (примерно 1945—1948 гг.)? Это был период открытой, легальной борьбы за власть различных социальных и политических сил, участвовавших в антифашистской борьбе или, по крайней мере, не запятнавших себя сотрудничеством с фашизмом. Коммунисты, участвуя в этой борьбе наравне с другими партиями, проявили высокое искусство и умение работать с массами, убеждать их, использовать ошибки противников и, конечно, то обстоятельство, что освобождение пришло с Востока. Но ни один человек, знавший реальное положение, не согласится с тем, что власть коммунистам принесла Советская Армия «на штыках».

Более сложен вопрос — почему, провозгласив свой национальный путь к социализму, компартии многих стран Европы затем приняли советскую модель или, отвергнув ее (Югославия), в конечном счете пришли к аналогичным результатам?

По всей вероятности, здесь имело место не только навязывание модели извне, но и инициатива партийных и государственных руководителей этих стран в деле механического заимствования советской модели. Видимо, у них сохранялась вера в ее эффективность и универсальность, в ее мнимые успехи в преодолении отсталости. Какой ценой достигались эти успехи, в расчет не принималось.

Почему в период общественно-политических кризисов в отдельных странах (в 1956, 1968, 1971, 1980 гг.) все программы реформирования политической системы, партии, государства, создания демократического, гуманного социализма были сведены на нет или провалились? Означает ли это нереформируемость социализма и его политической системы вообще или конкретной модели социализма, созданной в этих странах?

Думается, что правильнее последнее. Идея социализма как процесса борьбы за обеспечение социальной справедливости и условий для свободного, всестороннего развития каждого человека поддерживается во многих странах мира. И в некоторых из них имеются немалые достижения в этом плане, хотя они и не называются социалистическими. А самое главное, народы Восточной Европы, по всей вероятности, утратили веру в возможность осуществления неоднократно провозглашавшихся демократических реформ. Главная причина заключается в монополии власти одной партии и нежелании ее «верхов» и аппарата вместе с партийной номенклатурой отказаться от сложившейся системы. Реформирование ее отдельных блоков ничего не меняет, лишь обостряя противоречия.

Не потому ли во время революционных событий конца 1989 — начала 1990г. все страны, в которых они имели место, начиная от Венгрии и Польши, кончая Болгарией и Румынией, по существу отказались от модели демократического и гуманного социализма, провозгласив ориентацию на демократическое правовое государство, разделение властей, экономический и политический плюрализм, исключение монопольного властного положения партии коммунистов. Да и сами коммунистические партии понесли значительный урон как с точки зрения своей численности, авторитета, так и степени участия в государственной деятельности.

События, которые долго назревали и произошли в странах Восточной Европы в конце прошлого года, не были неожиданными ни для многих обществоведов этих стран, ни для нас. Их можно было предвидеть. По существу говоря, такие предупреждения были и в записках, и в отдельных выступлениях ученых и публицистов. Но на них, как правило, не реагировали или реагировали негативно.

Невозможно было предсказать лишь точные сроки этих событий, их одновременность в нескольких странах с различными экономическими и социально-политическими условиями.

Долгое время страны Восточной Европы «брали уроки» у КПСС. Не пора бы и нам начать извлекать уроки из тех событий, которые происходят у наших ближайших западных соседей?

Как показали первые шаги преобразований в этих странах, движение к демократическому правовому государству и гражданскому обществу будет нелегким. Но в целом дело у них пойдет быстрее и легче, чем у нас. Народы многих из этих стран и их правительства, как представляется, более открыты для разумного учета опыта и капитализма, и социализма, движения по пути конвергенции.

В. С. Лельчук: В середине 40-х гг. авторитет Советской России, персонально Сталина был как никогда впечатляющ, и потому массовая агитация за плановую экономику, за свободу от конкуренции, эксплуатации, безработицы давала неплохие результаты, открывала значительной части трудящихся весьма радужные перспективы. Иначе говоря, объективные и субъективные факторы, действовавшие в то время, делали успешной закономерную для сталинизма экспансию, официально названную «складыванием мировой социалистической системы». Можно сколько угодно говорить о специфике каждой из рассматриваемых нами стран, но главное остается неизменным: авторитарно-бюрократические режимы утвердились в них, имея своим прототипом и образцом советскую модель. При этом определяющее значение имели не только, а в большинстве случаев и не столько внутренние предпосылки, сколько следующие два обстоятельства: 1) прямое содействие и самое активное участие СССР в создании и поддержке этих режимов; 2) неспособность капиталистического мира (по крайней мере в том виде, в каком он существовал в 40—50-е гг.) противопоставить новой системе (традиционно называвшейся «мировым социализмом») свой потенциал и возможности, раскрытые и реализованные им позднее, главным образом на путях развертывания НТР в 70—80-е гг.

Поначалу отмеченные обстоятельства способствовали движению сталинизма вширь. Сохранившиеся документы позволяют выделить осень 1947 г. как существенный рубеж на этом пути. В сентябре создается Коминформбюро. Докладом Жданова провозглашается деление мира на два лагеря. Не меньшее значение имел и доклад Маленкова, посвященный деятельности ВКП(б). По сути дела он носил директивный характер. По свидетельству болгарских общественных деятелей, они увидели в нем указание основных направлений, по которым должно идти социалистическое строительство: индустриализация, коллективизация, создание социалистической культуры, борьба против контрреволюционных группировок троцкистско-зиновьевско-бухаринского толка и т. д. Схема была апробирована, потому и доклад был посвящен деятельности ВКП(б).

Вполне возможно, что участники совещания знали о том, как названные направления становились реальностью в самых молодых советских республиках и областях — в Прибалтике, Западной Украине, в бывшей Бессарабии (сначала в 1940—1941 гг., а потом — после изгнания гитлеровцев). Для Запада не были секретом и будни монгольской коллективизации, проведенной по примеру «старшего брата».

Быть может, самое страшное заключалось в том, что участники совещания проходившего осенью 1947 г., права на выбор уже не имели. И прошлое повторилось сызнова, например, ошибки советской индустриализации при проведении венгерской, словацкой, польской. Увы, не случайно, ибо приоритет был отдан политике, идеологии, а не реальному человеку. Примечательна в этом отношении практика перестройки сельского хозяйства в Болгарии. В 1956 г. Москва предложила Софии завершить кооперирование. Хрущев не скрывал: это нужно сделать прежде всего с той целью, чтобы мир увидел еще одну стра-

ну, где вслед за СССР победил социализм. Политбюро Болгарской компартии такое решение приняло. Форсированное кооперирование лишило крестьян привычной социальной среды. Да и цену на производимую ими продукцию государство произвольно занижало. Интерес в деревне к результатам труда упал, началось обезлюдение, в городе дала себя знать безработица. Зато Болгария стала второй в мире страной социализма. А возникшие трудности и неудачи административно-командная система легко объяснила действиями мифических врагов.

Как видим, и после смерти Сталина голос Кремля имел силу приказа. На то были свои причины. С осени 1947 г. проводилась жесткая линия на воплощение в жизнь советской модели во всех странах, объединенных Коминформбюро. Конфликт с Югославией в 1948 г. и последующее ее отлучение резко ужесточили политику сталинизации стран народной демократии. Террор, репрессии, массовое беззаконие, поиски врагов, обрушившиеся на них, не прошли бесследно. И хотя на словах по-прежнему все государства, входившие в СЭВ, считались суверенными, главенство Москвы сомнений ни у кого не вызывало.

Действительно самостоятельными могли считать себя лишь КНР и Югославия. Многие по сей день объясняют такое положение гавным образом или даже исключительно тем, что на их территории не было советских войск и новый строй возник в КНР и Югославии в условиях национально-освободительного движения, опирающегося целиком на внутренние силы и предпосылки.

В контексте разговора «Круглого стола» более важным представляется другое: отмеченное обстоятельство не сказалось на выборе модели социализма ни в Китае, ни в Югославии. То же самое с некоторыми оговорками можно сказать об Албании, Вьетнаме, Кубе. Почему, спрашивается, и они пошли проторенным путем? В поисках ответа на вопрос, отвлекаясь от специфических черт, несложно выделить общие признаки, в основе своей характерные для перечисленных стран: сравнительно слабое развитие капитализма, преобладание в экономике сельского хозяйства, а в составе населения — крестьянства, безработица и аграрная перенаселенность; невысокий уровень общеобразовательной подготовки и политической культуры трудящихся, неразвитость демократических традиций; большое, правильное сказать, стадийное отставание от передовых стран по таким показателям, как валовой продукт на одного человека, социальная обеспеченность и т. п. В таком подходе нет ничего нового. Между тем ответ на поставленный вопрос невозможен и без анализа важнейших требований, выдвигаемых массами, а также без уяснения возможностей партии, взявшей на себя обязанности осуществить чаяния эксплуатируемых и угнетенных. Если под таким углом зрения изучать историю КНР, Югославии, Вьетнама и т. д., то, не боясь большого преувеличения, компартии этих стран можно смело зачислить в разряд большевистских организаций сталинского периода и толка (по методам построения, формам и приемам работы, принципам принятия решений, их выполнения и т. д.). Милитаризованные изначально, они зарекомендовали себя стойкими отрядами бойцов революционного фронта, спаянными единством целей, железной дисциплиной, убежденностью в правоте избранного курса. Придя к власти под руководством Мао, Тито, Хо Ши Мина, Кастро, коммунисты не сомневались в реальности быстрого и самого радикального преобразования общества, ускоренного преодоления былой отсталости. Сама природа таких партий, отражающая нетерпение значительных масс трудящихся, ориентировала их на скачок. И здесь они имели вдохновляющий пример форсированного строительства в близкой им по типу стране, пример тем более приемлемый и даже необходимый, что СССР помогал как фактом своего существования, так и непосредственным содействием.

Конечно, было бы интересно узнать, в какой степени упомянутые лидеры, присягая марксизму, отдавали себе отчет в том, что это учение было рассчитано на коллективное движение к коммунизму стран, поднявшихся до стадии развитого капитализма, т. е. общества, в рамках которого рабочий класс составляет по крайней мере подавляющее большинство населения в городе и деревне. Го-

вора о насилии, классики соответственно думали не о терроре и крови, а о выражении воли политически грамотного класса, по численности многократного превышающего прослойку вчерашних эксплуататоров. Маркс и Энгельс утверждали, что подобно тому, как повивальная бабка призвана облегчить начавшиеся роды, революция заменой строя открывала простор для назревшего подъема производительных сил. Рождение социализма рассматривалось как естественный процесс, связанный с переходом к посткапиталистическому обществу (если употреблять современный термин).

Судя по всему, руководители братских компартий вслед за Сталиным исходили уже из других представлений, обусловленных (с их точки зрения) особенностями XX в. по сравнению с прошлым столетием. Их не смущало отсутствие (или недостаточная зрелость) предпосылок, о которых писали классики. Крылатая фраза «винтовка рождает власть», приписываемая Мао, четко характеризовала настроение и даже кредо победителей. Военное поражение Германии, Италии, Японии, рост коммунистических партий в Европе, распад колониальной системы, наконец, возникновение самих стран народной демократии... Казалось, все подтверждает правильность выводов о новом этапе общего кризиса капитализма, о его закономерно нарастающем развале. Тезис о лагере социализма, охватывающем уже треть человечества, придавал исключительную престижность идеям Октября. Проложенная большевиками дорога представлялась единственно верной.

У нас пока нет данных, позволяющих судить о том, насколько глубоко и активно сумели руководители компартий проанализировать сложившуюся тогда в мире ситуацию, извлечь уроки из накопленного опыта, оценить перспективы дальнейшего прогресса цивилизации. Опубликованные материалы вынуждают говорить, скорее, о противоположном. Как бы то ни было, Манифест Рассела — Эйнштейна, стоявших у истоков нового мышления, должного внимания не привлек.

В свете нынешних перемен и сдвигов отдельно нужно сказать о некритическом, вернее, апологетическом восприятии советского опыта. Да и откуда могли тогда зарубежные коммунисты знать нашу подлинную историю, если даже мы сами сегодня вынуждены переписывать ее заново и во многом переосмысливать концептуально. Традиционная схема выглядела логичной и убедительной: установление диктатуры пролетариата; победа в гражданской войне, изгнание интервентов; после восстановления народного хозяйства — форсированная индустриализация, преодоление трудностей коллективизации и утверждение в деревне колхозно-совхозного строя; успехи культурной революции; подготовка страны, в которой построен социализм, к обороне и т. д. Поистине путь борьбы и побед.

Горько сознавать, но жизнь складывалась иначе. Сначала в рамках партии, а потом и всего общества установился режим личной власти Сталина. Деревня подверглась военно-феодальной эксплуатации. И хотя процесс урбанизации и первоочередного развития тяжелой промышленности быстро менял облик страны, ни первый, ни второй пятилетний планы выполнить не удалось. Вопреки всем официальным уверениям страна к 1941 г. не стала индустриальной: сельское хозяйство, как и прежде, вносило в национальный доход большую лепту, чем промышленность; ручной труд преобладал во многих отраслях, особенно в земледелии, животноводстве, в сфере строительства.

Соответствующие цифры тщательно скрывались. А что можно было узнать о голоде 1932—1933 гг. или 1946 г.? Данные о потерях в Великой Отечественной войне, опубликованные в 40-х гг., были примерно вчетверо меньше фактических. Тайной за семью печатями являлись все материалы, так или иначе относящиеся к незаконным репрессиям. Сама постановка вопроса о сущности административно-командной системы, о соотношении целей и средств, если угодно, о «себестоимости» политического и социально-экономического преобразования советского общества была невозможной.

Впрочем, нужен ли был научный анализ лидерам, воцарившимся в Москве,

Пекине, Варшаве, в Будапеште и в других столицах государств, беспредельно уверенным в правоте проводимой ими политики? Будучи прагматиками, они особенно охотно шли на использование приемов, уже апробированных, и потому энергично применяли методы партийно-государственного руководства всеми сторонами материальной и духовной жизни подведомственных им народов. В итоге в масштабах всей новой системы развернулось, можно сказать, воспроизводство советского опыта социализма.

Будем справедливы, даже в нашей дискуссии мы еще не сказали во весь голос о том, что становление сталинской модели в СССР и ее насильственное утверждение за рубежом не есть воплощение марксистской теории в жизнь. Вся практика строительства бесклассового общества, порожденная этой моделью, противоречит сущности учения, предназначенного для принципиально иных условий, методов и форм преобразования общества. Тема нашего разговора не позволяет конкретно выяснять причины возникновения и развития сталинизма в нашей стране под флагом марксистской теории. Но мы должны видеть меру своей ответственности за проложенный путь, за пропаганду его в качестве столбовой дороги к социализму, за искусственное насаждение в других странах.

На первых порах политика насаждения советского опыта сопровождалась результатами, внешне весьма значительными (во всяком случае количественно). Сказывалась линия на индустриализацию, вследствие чего быстро росли промышленные центры, увеличивалось городское население, значительной части которого импортировала ставка правящей партии на приоритет узкоклассовых интересов. В наибольшей мере это проявилось в странах аграрного типа. В худшем положении были ГДР, Венгрия, Чехословакия, Польша, чьи производительные силы, культурный потенциал требовали иного подхода. Кстати, здесь быстрее всего обнаружились и протесты. Лишь прямая военная поддержка СССР позволила удержаться тамошним тоталитарно-бюрократическим режимам (1953 г., 1956 г., 1968 г.).

Крах стал неизбежным, когда странам развитого капитализма удалось на базе завершенной индустриализации целенаправленно воспользоваться достижениями НТР, поставить их себе на службу. Эпоха преодоления трудностей, характерных для буржуазного общества первой половины XX в., осталась для них позади. В то время как СССР, члены СЭВ и остальные государства, причислявшие себя к социалистическим, оставались на путях экстенсивного развития, США, Япония, ФРГ, Англия и другие аналогично развитые страны воспользовались плодами интенсификации, ростом производительности труда, структурной перестройкой народного хозяйства и существенно изменили образ жизни своих народов, создали весьма эффективный порядок правовой и социальной обеспеченности граждан. В таких условиях, как известно, экономическое соревнование двух систем давало все более очевидный перевес Западу, поднимало престиж «обреченного», «загнивающего» общества. Драматизм военной гонки усугублял ситуацию.

Хрущевская оттепель стала первой попыткой обновления прежнего курса. Она дала сильный импульс для пробуждения и активизации творческих сил не только в СССР. Но уже после 1964 г. началось попятное движение. Оно быстро набирало силу. И нельзя не пожалеть о том, что наши обществоведы все еще очень слабо освещают как первое послесталинское десятилетие, так и последующий откат к ранее сложившемуся механизму партийно-государственного диктата. Недостаточное знание прошлого едва ли не всегда мешает понять настоящее. В данном случае оно тормозит освобождение страны от оков былой тирании, мешает выходу из кризиса, в чем и тогда, и теперь нуждались и нуждаются определенные структуры и слои бюрократии, а также те маргиналы, о которых не полагалось говорить и которые по сей день изучены плохо.

Без уяснения подобного рода явлений невозможно понять, почему неосталинизм сравнительно легко (ведь уже было покончено с кошмарами массовых репрессий) взял верх и нанес тяжелейший удар движению за подлинно гуманный социализм, начатому в Чехословакии. По своим последствиям (и для совет-

ского общества, и для народов других братских стран) карательная акция 1968 г. была явно тяжелее, чем использование войск в Будапеште в 1956 г. В следующие 10—15 лет консервация прежних режимов, особенно на фоне прогрессивных перемен в жизни Запада, сопровождалась стагнацией, ростом кризисных явлений, дискредитацией идей социализма. Нынешнее положение коммунистов в Польше, Венгрии, Чехословакии и т. д. печальное тому подтверждение.

Наше партийно-государственное вмешательство формировало за рубежом болезненное чувство потери самостоятельности, ощущение зависимости и подчинения. Усилившееся отставание от Запада не просто осложняло взаимоотношения с Советским Союзом. Все более нарастали желание и решимость избавиться от такого унижающего национальный дух положения. После 1968 г. крепло представление о порочности строя и недостаточности внутренних усилий для его замены. Волей-неволей к Москве были устремлены взоры тех, кто стоял за стабильность, за прежний порядок, и тех, кто жаждал крутых перемен.

Вполне определенным образом подобная обстановка отражалась и на настроениях советской общественности, воздействуя далеко не лучшим образом на идеологию, психологию, обыденное поведение миллионов людей.

Историкам еще предстоит показать всю сложность взаимосвязей, существовавших между компартиями и населением стран, во многом разуверившихся в перспективности системы, которую они годами называли социалистическим содружеством. В прошлом мы чаще всего говорили и писали о ведущей роли СССР в создании и развитии этой системы, о ведущей со знаком плюс. Теперь пришло время тематику расширить или даже изменить. Пора, скажем, всерьез показать, какой вклад вносил и вносит Китай в историю социализма, значит, и нашей страны. Ведь чаще всего (в угоду конъюнктуре) опыт КНР рассматривался то с одной стороны, то с другой, т. е. отнюдь не всесторонне. То же самое относится к Югославии, Венгрии. Между тем названные страны приступили к радикальным реформам задолго до 1985 г.

Спору нет, глобальный прорыв к новому мышлению, к полной ликвидации сталинизма в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы имеет своим началом перестройку. И все же нельзя забывать усилия тех, кто методом проб и ошибок пытался модернизировать политическую и социально-экономическую жизнь своих стран.

Китай в 1978 г. встал на путь обширных реформ, связанный с преодолением идей «большого скачка», обязательных коммун, «культурной революции». Стране удалось обезопасить себя от голода, заметно продвинуться в деле использования возможностей многоукладной экономики, упрочения контактов с зарубежными предприятиями (вплоть до создания «открытых зон»). Не впадая в эйфорию от наметившихся в КНР качественных сдвигов, понимая их зависимость от степени укрепления в стране демократических начал, следует видеть и внимательно освещать участие КПК, миллиардного Китая в поиске жизненных форм и методов продвижения к социализму.

Большую пищу для размышлений давали к середине 80-х гг. и попытки Венгрии, Польши, Югославии в той или иной мере вырваться из плена догм и стереотипов, упрямо поддерживаемых тамошними властями, уже не способными к обновлению и обрекавшими народы на отставание. Пробуждению умов способствовала также литература, выходившая из-под пера прогрессивно мыслящих реформаторов, получивших известность со времен венгерских событий, «пражской весны» и т. д. Только теперь мы начинаем понимать подвиг А. Д. Сахарова, историческую значимость его провидения и поступков.

Перелом явно назревал. Мог ли он произойти вне Советского Союза? Ретроспективная оценка послевоенных десятилетий не дает права на утвердительный ответ. Тем важнее подчеркнуть поистине международный характер инициативы, проявленной Москвой и той политики СССР, которая стала реальностью во второй половине 80-х гг. и в самый короткий срок сделала нашу страну знаменосцем нового мышления.

Чтобы полнее раскрыть сущность начавшегося поворота, вспомним сле-

дующее. Начало 1985 г. Кризис экономики. Дефицитный бюджет. Война в Афганистане. Пассивность верхов. Апатия значительных слоев населения... Проходит всего несколько месяцев. Те же беды в народном хозяйстве. Прежняя внешняя политика. И тем не менее — другой тонус партии, общий подъем настроения масс, ожидание сменяется надеждой. Природа перемены известна: пришло новое руководство, увлекло задачами, активностью, энергией, обращением к человеку. Такое бывало и в прошлом. Но если раньше подобные сдвиги объясняли главным образом их подготовленностью, даже закономерностью, то ныне этого недостаточно. Дело в том, что смена руководства проходила и воспринималась в духе сохранения традиций, сложившихся в недрах административно-командной системы. Давали себя знать ностальгия по «сильной руке», тоска «по порядку». Потребовались громадные усилия во имя преодоления устаревших и все более опасных привычек, изживания иллюзий и тем самым формирования массового осознания жизненной важности перестройки. Этот процесс оказался болезненным для значительной части всех звеньев аппарата партии и государства. Он еще не закончен, но гласность и демократия входят в обиход. Один из критериев — обращение к безбоязненному анализу исторического опыта, в том числе к урокам происхождения, развития и краха сталинизма.

То, что произошло и происходит в СССР, а затем в странах, оказавшихся в нашем фарватере, нельзя трактовать как крушение социализма. Это ненаучно в своей основе. Путь, пройденный СССР в годы сталинских пятилеток, был действительно сталинским. Таким в конечном счете он оказался и для тех, кто повторил его в той или иной форме. И не стоит искать ему иного названия. Он ознаменовался установлением режима жесткой личной власти и государственной эксплуатацией трудящихся (сродни той, которая была нормой для капитализма XIX — первой половины XX в.). Достигнув весьма значительных результатов в сфере наращивания промышленного производства, возникшего на рельсах индустриализации, этот режим, этот строй обнаружил свою несостоятельность в условиях НТР, ибо решающее значение приобретает творческая деятельность личности, интеллектуальный труд, оснащенный новейшими достижениями науки и техники, становится возможным обеспечение достатка и демократических прав для народных масс, приоритет получают общечеловеческие ценности.

Не секрет, Ленин и его соратники пришли к власти в 1917 г. с твердой уверенностью в близости революционной поддержки пролетариата Запада. Когда стало ясно, что поначалу пробиваться предстоит в одиночку, он решительно высказался за нэп, т. е. переход к социализму с помощью разноукладной экономики, товарно-денежных отношений, хозрасчета, самостоятельности, плюрализма. Под руководством и беспощадным нажимом Сталина партия навязала народу принципиально иной путь. Суть его общеизвестна. В конечном счете это была борьба, официально нацеленная на построение социализма в СССР; одновременно решалась задача догнать и перегнать капиталистический мир. Любое сомнение в реальности намеченного каралось. И все же опасения были. Как подтвердилось теперь, они исходили вовсе не от врагов, предателей и шпионов, а от сподвижников основателя партии и государства. Бухарин, например, при разработке Программы Коминтерна уже во второй половине 20-х гг. предлагал даже не упоминать о пределах развития капитализма. Чуть раньше Троцкий допускал такой ход событий, при котором капитализм найдет в себе силы пересечь, образно говоря, с пассажирского поезда на курьерский. Конечно, он осторожничал, выражал надежду на несбыточность такого варианта. Тем не менее пророчески предупреждал о том, что, если это произойдет, нам суждены десятилетия застоя. Писал именно такими словами. А позднее, распознав характер сталинской политики, говорил еще жестче.

Увы, коллективного обсуждения назревших проблем, ближайших и дальних перспектив уже не было. Административно-карательная система в них не нуждалась.

Сталинизм десятилетиями эксплуатировал трудящихся, паразитируя на их искреннем неприятии и разжигаемой ненависти ко всем видам порабощения и угнетения, являвшихся атрибутом капитализма времен первой и второй мировых войн. Быть может, только в одном направлении он принес пользу: ускорил переход стран развитого капитализма к развертыванию НТР и соответственно к осуществлению на практике ряда идей научного социализма (достаточно сравнить публикуемые ныне в нашей печати данные о зарплате рабочих и служащих, размере общественных фондов, продолжительности жизни и другие такого рода показатели, чтобы увидеть преимущества многих стран Запада перед СССР). Вот и получилось, что степень эксплуатации работающих в государствах, традиционно называемых капиталистическими, намного меньше, чем в странах, опять-таки по традиции называемых социалистическими.

Так не лучше ли назвать вещи своими именами? Разве сама жизнь не показывает, что не надо писать о том, чего в нашей многострадальной истории не было, да и не могло быть? И чем раньше мы посмотрим на историю своими глазами, откажемся от сталинской лексики и эклектики, беззастенчивой лжи, тем активнее будем содействовать утверждению нового мышления, пониманию реальных путей развития цивилизации и нашего места в человеческом сообществе.

Ю. И. Игрицкий: Рассматривая причины возникновения левоавторитарных и левототалитарных режимов в Восточной Европе, нельзя, конечно, фокусировать внимание либо на внешних, либо на внутренних факторах — имел место синтез тех и других.

Вряд ли верно и задаваться вопросами, сознательно или бессознательно исходя из незыблемости пятичленной формационной теории, заметно хромающей в своих последних звеньях и утверждающей советоцентристскую (или социализмоцентристскую) парадигму современности. Распространение советской модели этатистского социализма на Восточную Европу во второй половине XX в. представляется исторически вполне обусловленным, но не в силу оправданности данной парадигмы, а в силу тех же глобальных и европейских процессов, которые в конечном счете вызвали и ее крах.

В ретроспективе кануна третьего тысячелетия новой эры, XX век видится как эпоха родовых мук экономически эффективного, демократического, социально стабилизированного государства, в котором при очевидном сохранении общественного неравенства (непреодолимого на нынешнем витке человеческой цивилизации), тем не менее, во-первых, количественно хватает произведенных материальных благ для обеспечения приемлемой жизни всем или почти всем гражданам, а, во-вторых, созданы механизмы социальной защиты наименее обеспеченных слоев населения на основе перераспределения части избыточных благ. Такое видение не равнозначно концепции конвергенции, предполагающей наличие двух равноправно соревнующихся общественных систем. Не означает оно и того, что такое государство установится повсюду, — речь идет о прототипе или модели, которая в одних условиях (Европа и Северная Америка) распространится равномернее и быстрее, чем в других, а где-то может не прижиться вообще.

Вызреванию такого государства препятствовали и препятствуют мощные факторы. Прежде всего это само тяжелое историческое наследие раннего капитализма и предшествовавших ему формаций: сословно-кастовые различия и предрассудки, монархическая власть и неразвитость буржуазно-демократических институтов, колониализм, резкие контрасты в развитии континентов, нищета и т. д. Сокрушительные удары по демократической эволюции государственных и общественных институтов нанесли тоталитарные деформации «правого» и «левого» толка — фашизм и сталинизм. Условно говоря, после первой мировой войны и краха трех империй в Европе возникли возможности формирования экономически эффективного и социально ориентированного государства на базе разных форм собственности — частной (в Западной

Европе и США) и обобществленной (в Советской России). В обоих случаях эволюция должна была бы, в оптимальном варианте, идти через демонополизацию, дисперсию и демократизацию политической и экономической власти, через цивилизованное соревнование групповых интересов. Этот процесс начался в ряде передовых капиталистических стран, но в двух из них (Италия и Германия) был остановлен; не развился он и в единственной стране, провозгласившей социализм, — Советском Союзе. Вместо этого и там, и здесь совершился захват государства политическими силами, противопоставившими эволюционному развитию попытки волевыми, насильственными методами направить прогресс в требуемое ими русло. Здесь нет возможности дать социальную характеристику этих сил, но уместно констатировать; общественные условия, способствовавшие их появлению и триумфу, сложились в регионе, где отсутствовали прочные традиции экономической и политической свободы, где не было протывовесов сильной монархической (ранее княжеской) и имперской власти.

Конечно, за этим обобщением нужно видеть большие национальные и социально-исторические различия в развитии отдельных стран. Однако факты таковы, что авторитарно-тоталитарные режимы установились на протяжении 20—30-х гг. не только в Германии и СССР — в тех или иных формах они возникли также в Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Литве, Латвии и Эстонии.

Это сыграло свою роль в ситуации, сложившейся в Восточной Европе в ходе освобождения ее Советской Армией. Предвоенные структуры власти располагали там не столь уж большим числом приверженцев в массах, тем более, что они скомпрометировали себя либо сотрудничеством с нацизмом, либо бессилием перед ним; ловушки же сталинизма были плохо различимы для рядовых людей.

Вообще вторая мировая война и ее итоги заново поставили в повестку дня вопрос о социально-классовом характере власти во всей Европе. В тех странах, где фашизм был у власти или установил свои оккупационные порядки и где имелись сильные коммунистические партии, возглавившие Сопротивление, будущее буржуазно-парламентских форм правления было отнюдь не гарантированным. Шла острая политическая борьба, и, сложись исторические обстоятельства иначе, некоторые из государств могли бы пойти другим путем, чем пошли в действительности.

Что касается малых стран (а таковыми были все страны Восточной Европы), то они неизбежно в разные отрезки времени попадают в условия исторического выбора — либо без особых препятствий реализуют собственный национальный потенциал развития (например, Швейцария, Финляндия после 1917 г); либо берут за ориентир развитие более передовых стран и многое перенимают у них, даже в чем-то обгоняя их впоследствии (Израиль, Южная Корея после второй мировой войны); либо, испытывая влияние крупных и сильных государств, оказываются в зависимости от них. Страны Восточной Европы подпадают, по моему мнению, на 2/3 под последний вариант и на 1/3 — под второй.

Возникает, конечно, вопрос: можно ли считать СССР сталинского периода более передовым государством, чем страны Восточной Европы? Если судить не с вышки современности, а с позиций тех лет, то следует подчеркнуть, что широкие круги населения в них находились под гипнозом: а) героической победы Советского Союза в войне; б) отсутствия в СССР безработицы и экономических кризисов; в) форсированной индустриализации, полная цена которой тогда была еще неведома; г) прожектов социального переустройства, обещающих трудящимся светлое будущее. Иными словами, независимо от того, могли действительно СССР служить для Восточной Европы социальным маяком (без специального анализа не хотелось бы однозначно отвечать на этот вопрос), он, безусловно, **казался** таковым. Добавьте к этому, что СССР был и ближе и «роднее» Восточной Европе как сосед и славянская держава.

Что касается советского военно-политического присутствия в регионе после 1944 г., то значимость этого фактора самоочевидна.

Все это давало весомые козыри тем, кто видел в советизации путь к прогрессу (неважно — искренне-догматически или корыстно-прагматически), прежде всего леворадикальным силам, особенно сталинистам, которые и воспользовались этим. Можно сказать, что СССР использовал эти силы для внедрения своей модели развития — и это будет правда. Но можно сказать, что они воспользовались военным присутствием СССР — и это тоже будет правда.

В результате получилось то, что неизбежно должно было получиться: воспроизведение отрицательных черт базовой модели. В первую очередь здесь следует сказать об искусственном сдерживании потенциала главной производственной силы региона — крестьянства, переакцентированном развитии промышленности группы «А» в ущерб социально и научно-технически ориентированному производству, подавлении инициативности в экономической деятельности и свободы — в духовной.

Расхождение между ожидаемым и реальным оказалось особо заметным на фоне экономического и социального прогресса «несоветизированной» части Европы. Верно, что сталинизм и командно-бюрократическая модель в этих странах (особенно в Чехословакии, ГДР и Венгрии) встретились с серьезным «сопротивлением материала» — более цивилизованными, чем в России, хозяйственными и гражданскими традициями, в силу чего их главные черты (прямое принуждение и экономическая нерациональность) не проявились в своих крайностях в таких масштабах, как в СССР. Но верно и другое — уровень потребностей населения Восточной Европы всегда был существенно выше, чем в России; поэтому иллюзии здесь испарились быстрее, а то, что в 60-х гг. социологи именovali «революцией растущих ожиданий», проявилось острее, чем у нас.

Перенимание базовой модели развития у другой страны и постоянное беганье собственного руководства в Кремль за директивами — вещи, не настолько бросающиеся в глаза, чтобы ими возмутились, помимо части интеллигенции и политических деятелей, широкие массы народа. Однако события 1956 г. в Венгрии и 1968—1969 гг. в Чехословакии, сопровождавшиеся открытым вооруженным вмешательством СССР, больно задели национальное самолюбие и дали пищу для размышлений миллионам людей в Восточной Европе. В сознании этих миллионов людей (их число со временем росло) не только девальвировалась коммунистическая догма, но и стали меркнуть образы «освободителя», «старшего брата», «оплота славянства» и т. д.

Сами правящие партии в регионе были уже неизлечимо больны скептицизмом и двоемыслием. К началу 80-х гг. социальная обстановка повсюду (хотя и в разной степени) стала взрывоопасной, и эти партии держались лишь на двух факторах: 1) страхе населения перед санкциями со стороны СССР; 2) понимании, что Запад и на этот раз не рискнет отойти от политики невмешательства, уходящей корнями в решения Ялтинской и Потсдамской конференций. Определенную цементирующую роль (которую еще предстоит глубже изучить), возможно, играло и то, что на фоне маоистского Китая и тоталитарной вплоть до декабря 1989 г. Румынии образ Советского Союза в чем-то еще выигрывал.

Немалая часть партократии в Восточной Европе давно растеряла идейную убежденность и продолжала выполнять руководящие функции в силу инерции, безальтернативности и своекорыстия. Сложилась классическая ситуация, суть которой наиболее кратко и точно выразил в свое время В. И. Ленин: низы не хотели жить по-старому, а верхи уже не могли править по-старому. Как легко рухнула в феврале—марте 1917 г. российская монархия, так легко ушли с исторической сцены в Восточной Европе правящие партии и режимы постсталинистского типа. Удивителен здесь не сам их уход, а впечатляющие быстрота, синхронность и бескровность, с которой это произошло. Это лишний раз доказывает: предпосылки для краха старых общественных структур давно и полностью сложились как в 1917-м, так и в 1989 г. Советские историки твердо стоят на зрелости таких предпосылок (отвергая всяческие «заговорщические» версии)

в отношении России «семнадцатого года». Давайте проявим такую же твердость и последовательность в отношении спонтанных революций 1989 г. в Восточной Европе.

Государство благоденствия на основе советской модели социализма не состоялось. Это, естественно, бросает тень на весь и всякий социализм, исходящий из идеи обобществления. Может быть, такая идея окажется осуществимой на другом витке цивилизации, с «другим» человечеством; может быть, она нежизнеспособна вообще. Что толку гадать об этом? Пути назад, к провалившейся модели нет ни в Восточной Европе, ни в самом СССР. Следовательно, отношения Советского Союза (или входящих в него суверенных государств) со странами Восточной Европы должны основываться на иных общностях и ценностях. Историческая взаимосвязанность, географическое соседство, не говоря уж о сложившихся хозяйственных и культурных контактах, служат залогом того, что эти отношения, после некой критической точки, будут, видоизменяясь, развиваться, а не свертываться.

А. Ф. Елыманов: Мне думается, что возникшая у нас дискуссия должна иметь свое продолжение не в расплывчатых рамках морально-этических и философско-методологических аргументов и принципов. Ее следовало бы продолжить на почве более строгих категорий политологического анализа. Хотелось бы, однако, сделать одно предварительное замечание по поводу некоторых высказываний Д. М. Фельдмана.

Думаю, нет необходимости доказывать, что так называемые «социалистические преобразования» в сравнительно развитых странах Восточной Европы, происходившие в условиях прямого советского присутствия, имели свои особенности по сравнению с революциями в развивающихся, слаборазвитых странах, которые исторически, нередко географически находятся еще дальше от центров мирового развития, чем восточноевропейские страны. Конечно же, никто не будет оспаривать того, что титоисты пришли к власти более или менее самостоятельно. Однако при всей бесспорности этих констатаций ими нельзя ограничиться. Если мы просто перейдем к поиску некой мировой закономерности, призванной подтвердить роковую неизбежность возникновения данного режима, то мы рискуем впасть в чрезмерно поспешные и формальные обобщения.

Полагаю, например, что, анализируя историю СФРЮ, не следует отвлекаться от таких реалий, как общая ситуация в Восточной Европе, сложившаяся после второй мировой войны, военная, экономическая и иная помощь, которую советские коммунисты прямо или косвенно оказывали коммунистам Югославии, ялтинские соглашения, существенно ограничившие степень влияния Запада на развитие ситуации в этой стране. Понятно, что без всего этого и многого другого процесс утверждения нового режима в Югославии проходил бы намного сложнее. Советский Союз и титовское партизанское движение имели теснейшие союзнические отношения в борьбе против общего врага, находились «в одной связке», и все это входило в качестве международного контекста во внутреннюю жизнь Югославии, имело свой вес в борьбе различных группировок за власть и вокруг вопроса о будущих путях развития. Аналогичные рассуждения имеют силу и для понимания процессов утверждения «социализма» в Корее, на Кубе, в Албании, Китае — со своей, разумеется, спецификой.

Отталкиваясь от этого замечания, хотел бы перейти к проблеме влияния СССР на процесс утверждения социалистических моделей нашего образца в других странах. Данную проблему нельзя сводить только к уяснению форм этого влияния (прямые, косвенные, военные, экономические, идеологические, организационные и т. д.). Гораздо более интересным мне представляется вопрос о том, какова природа таких импульсов «братской помощи», почему в нашей бедной, разоренной во многом нами же самими стране эти импульсы рождались и реализовывались в ущерб очевидным собственным потребностям. Короче, откуда эта страсть транжирить не по средствам? Это тем более интересно,

что факты последних лет, события, очевидцами которых мы явились в 1989 г., совершенно однозначно говорят о том, что народам этих стран наша «братская помощь» фактически мало что принесла. Думаю, что спрашивать, интересы каких народов и стран господствовали в этих отношениях, бессмысленно. Ясно, что речь могла бы действительно идти лишь о господстве интересов элиты, правящей верхушки, что нанесло огромный урон как интересам народов СССР, так и интересам народов и союзных государств, в том числе и в Восточной Европе. Однако, думается, что степень заинтересованности в сохранении этого антинародного альянса правящих олигархий была все-таки не одинакова. Примат принадлежал интересам нашей отечественной элиты. Эту мысль мне бы хотелось развить подробнее.

Попробуем перевести на ясный язык политологии навязшие в зубах идеологические клише, с помощью которых обосновывалась политика утверждения «социализма» в других странах. В частности, это такие понятия, как «пролетарская солидарность», «интернациональная помощь» и идеологические формулы более широкого плана: «переход от капитализма к социализму в масштабе всего мира», «коренное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма», «возникновение и динамичное развитие мировой социалистической системы» и т. п. За всеми этими конструкциями, безусловно, стояла мессианская трактовка направленности мировых процессов развития, выраженная знаменитым тезисом о неизбежности победы коммунизма.

Вряд ли здесь целесообразно рассматривать этот тезис с точки зрения его общей научной обоснованности. Но политологический анализ позволяет вскрыть его подтекст, его функциональную роль в качестве элемента политической идеологии. Этот тезис и все вышеприведенные формулы, уточняющие и конкретизирующие его в зависимости от обстоятельств места и времени, входят в группу так называемых «легитимационных аргументов» власти. Аргументов, призванных обосновать и узаконить руководящее положение той или иной группы, партии, слоя. На мой взгляд, в этом обстоятельстве и лежит «рациональный», точнее псевдорациональный корень всей той вопиющей иррациональности, которая до недавних пор пронизывала всю систему отношений между СССР и странами-сателлитами. Именно в интересах упрочения основ тоталитарной партийно-государственной власти в СССР и черпали свои самые глубокие истоки все те приснопамятные импульсы «братской помощи», о которых здесь уже много и убедительно говорилось. Действительно, разве экономическая, военно-стратегическая и любая иная рациональность могла бы иметь столь существенное значение для формирования так называемых «международных отношений нового типа».

Не надо, например, обосновывать ту мысль, которая уже доказана в ряде появившихся в последние годы работ (в частности, в статьях В. И. Дашичева), что с военно-политической точки зрения отход СССР от традиционной системы европейского равновесия лишь ухудшил военно-стратегическое положение страны, обрек нас на противостояние окружающему миру, а ведь всего этого могло бы не быть, если бы не отстаивавшаяся на протяжении десятилетий система международных союзов СССР.

Ни при каких условиях не могла быть выгодной для успешного развития экономики страны и интеграция с относительно низкими, согласно мировым стандартам, по уровню своего развития народными хозяйствами стран Восточной Европы, а тем более со слабо развитыми экономиками других регионов.

Все это было, конечно, ясно уже с первых шагов внешнеполитического и внешнеэкономического курса СССР в послевоенный период, однако никого это не остановило. Почему? Думается, что здесь уместен один риторический вопрос. Разве была более рациональной в 30-е гг. проводившаяся в СССР политика форсирования коллективизации и индустриализации? Но могут спросить: есть ли что-либо общее между внутренней политикой СССР, заложившей в предвоенные годы фундамент сталинской модели развития и внешней политикой по отношению к союзным государствам в послевоенную эпоху? Общее здесь в главном: и внутренняя политика сталинского руковод-

ства в 30-е гг., и внешнеполитический курс советского руководства после войны имели свою «особую логику». Эта логика определялась поставленной еще Лениным задачей сохранения «как зеницы ока» власти Коммунистической партии, а для этого, как заметил Дж. Оруэлл, прежде всего «надо охранять непогрешимость партии», ее идеологической доктрины. По-моему, это и было альфой и омегой того внешнеполитического курса, которым руководствовалась наша политическая верхушка. Тем самым она лишь законсервировала отсталость и усугубила разорение страны.

Другой вопрос — чем определялась сама эта идеологическая детерминанта советской внешней и внутренней политики? Думаю, что дело не только в таких идеальных побудительных мотивах, как идеологический мессианиззм. Есть и более фундаментальные причины, среди которых я бы назвал в первую очередь имперский характер российской государственности, не только не подорванный, но даже укрепившийся благодаря революции. Однако все это — большие и самостоятельные вопросы. Здесь же важен иной аспект анализируемой проблемы, в частности, то, что, как показывает анализ этой «особой логики», особой рациональности, она больше всего соответствует логике мифологического сознания.

Поясню свою мысль. Исследователи мифомышления уже давно открыли одну его важную черту, которую иногда называют труднопереводимым на русский язык термином «бриколаж». Суть же его предельно проста. В отличие, скажем, от научного мышления, миф использует для своих целей понятия, представления о вещах, явлениях и процессах, вырывая их из их естественной связи, но не преобразуя их в полном смысле этого слова, а оставляя почти в том же виде, в котором они созданы предшествующей историей, консервируя значительную часть их содержания. Этим миф напоминает человека, который мастерит нужную для себя вещь из подручного материала (по-французски такой мастер-самодельщик называется «бриколер», откуда и возникло слово «бриколаж»). Выхватывая из окружающего мира тот или иной материал, пригодный для выражения своих целей, мифосознание подчиняет его своему собственному смыслу, точнее, делает его носителем этого смысла. Основные цели мифомышления состоят прежде всего в социальной и политической интеграции общества. В том числе это могут быть и задачи легитимации власти, ее оправдания, увековечения. Для мифологического сознания это тем более просто, что свои цели оно передает не прямо, а косвенно, через систему образов, выхваченных из внешнего мира, благодаря чему смысл, передаваемый мифологией, выглядит как принадлежащий самим вещам, самому окружающему миру, становится как бы частью естественного хода событий.

Мне кажется, что в отношениях между СССР и другими странами Восточной Европы как раз и имела место эта логика мифотворчества — мифологика. Этим я вовсе не хочу сказать, что отношения между ними строились на лжи, обмане, на неверном понимании взаимных интересов. Все это было и не могло не быть в качестве части функционирования огромной по своим масштабам системы мифоритуальных отношений, связывавших СССР с этими странами. Но суть, однако, не в этих моральных последствиях мифологического «двоемыслия», неотторжимых, думается, от любого мифомышления, а в том, что все страны, о которых идет речь, оказались вовлечены в орбиту действия того главного исторического мифа, который возник в 1917 г. и был направлен на оправдание и укрепление власти правящей партии. Вовлечение этих стран в орбиту советского влияния означало вместе с тем, что этот миф, исполненный мессианского смысла будущей победы социализма и коммунизма как судьбы человечества, получил мощную подпитку, призванную свидетельствовать о его силе и жизненности. Вместе с этим идеология партийной власти получила осязаемое конкретное доказательство своей подтверждаемости не только внутри страны, где она использовала в качестве материала искусственные и, как мы сегодня знаем, нежизнеспособные организационно-экономические формы, но и вне страны. Вне страны эту выгодную для власти картину и зафиксировали концепции типа «формирования мировой системы социализма».

В итоге целые суверенные страны оказались втянутыми в гигантскую сложную семиотическую систему, низведенными до роли «примеров» и «фактов», призванных подтвердить и оправдать правящее положение КПСС. Но такое положение не было долговечным. Объяснение этому довольно простое. Эти страны, в том числе и те, которые вступили «на путь социализма» позже, при советской помощи и поддержке, оказались вырванными из собственной естественно-исторической логики развития, из русла своего самобытного прогресса. Попытки придать их развитию новый характер, надеть на них униформу сталинского социализма оказались в конечном счете безуспешными. Из-под мнимо социалистической оболочки то и дело на поверхность выходило отнюдь не социалистическое содержание. В ряде случаев были не изжиты архаические черты общественной жизни (это касается прежде всего слаборазвитых стран, например, Албании), но самый большой сюрприз, конечно, преподнесли страны более развитые. «Социализм» здесь оказался лишь поверхностным наслоением, затронувшим сферу институционального устройства, но не способ мышления человека, не историческую память народов. Да и в институциональном отношении здесь многое сохранило такие вкрапления, подлинный смысл которых выявили лишь бурные революционные преобразования 1989 г. Внутренние тенденции развития общества в этих странах не подверглись существенным изменениям от того, что они стали «членами» большой мифологической системы, призванной оправдывать и увековечивать марксистскую доктрину и правящее положение тех сил, которые отождествляли себя с ее реализацией. Это вполне объяснимо с вышеизложенной точки зрения. Собственно, в этом бессилии мифа перед живой реальностью мне и видится причина того, что для народов стран Восточной Европы революции 1989 г. явились лишь возвратом на путь их естественного развития.

Из этого хотелось бы извлечь один урок. Ведь именно в факте возврата стран Восточной Европы на путь своего естественного развития, «возвращения в Европу» и состоит глубокое различие между перестройкой в СССР и демократическими революциями в этих странах. По сути дела, в большинстве из них тоталитаризм не смог глубоко укорениться и, в отличие от СССР, под маской тоталитаризма утвердился типичный авторитарный политический строй. Это проявилось и в экономике (ни в ГДР, ни в Чехословакии, ни в Польше, ни в Венгрии не было проведено национализации земли), и в политике (в большинстве этих стран существовала многопартийность, режимы подчас проявляли далеко идущую терпимость, например, в Венгрии). Могут возразить, что многопартийность не имела здесь какого-либо реального значения в политической жизни, но я имею в виду другое. Пусть партии были «карманными», но тем не менее это свидетельствовало о том, что в этих странах существуют такие политические позиции, которые не полностью сливаются с позицией «руководящей партии». А это, по сути, и означает, что режим не полностью тоталитарен, а, скорее, авторитарен. Большая партия, окруженная сателлитами, которые в каком-то смысле представляют некие мнения, обладают некими инициативами, — это зародыш авторитарного общественно-политического устройства. Во время революции 1989 г. эта особенность себя реализовала. Те «карманные» партии, которые, казалось, всегда находятся в распоряжении правящей партии, заняли самостоятельную позицию и, например, в Польше, отошли от ПОРП, тем самым создав легитимные условия для прихода «Солидарности» к власти. Аналогичные явления — в Болгарии, Чехословакии, ГДР. Оценивая события в Восточной Европе, мы должны видеть для себя модель, но такую, которая нам говорит не о том, что мы должны делать и к чему мы должны сейчас стремиться, а о том, как ограничены в настоящее время наши возможности.

Н. И. Бухарин: На мой взгляд, для многих публицистов и ученых характерен, скорее, новый идеологический, чем научный подход при анализе типологии политических режимов в Восточной Европе. Они характеризуют эти режимы как тоталитарные. Конкретный же анализ общественно-политического разви-

тия этих стран показывает, что это были авторитарные режимы, которые к тому же эволюционировали. Проиллюстрирую это на примере Польши.

Здесь в послевоенный период монолитная тоталитарная система не сформировалась, хотя в конце 40-х — первой половине 50-х гг. такие попытки и предпринимались. Это было связано с формированием общественных отношений по советской схеме, с крутой ломкой общественных механизмов и разрушением устоявшихся структур, с заимствованием командно-административных форм и методов управления.

В наибольшей степени удалось тотализировать политическую сферу. К началу 50-х гг. в стране была практически создана моноцентристская политическая система с монопольной ролью Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) с некоторыми модификациями. В 1947 г. фактически распалась единственная после войны оппозиционная партия — Польская крестьянская партия, во главе которой стоял известный политический деятель С. Миколайчик. После того, как в декабре 1948 г. Польская рабочая партия и Польская социалистическая партия объединились в ПОРП, органы и аппарат новой партии монополизировали в своих руках политическую и административную власть в стране. Правда, в стране существовали еще две партии — Объединенная крестьянская партия (ОКП) и Демократическая партия (ДП). Однако их политическая роль была сведена к минимуму.

Одновременно сужались имевшиеся основы правового государства, ограничивались политические права и свободы. Вскоре после войны были созданы по сталинско-бериевскому образцу органы государственной безопасности — Ведомство безопасности, которое к началу 50-х гг. приобрело огромную власть в стране. Вместе с тем массовые репрессии в Польше не приняли столь всеобъемлющего характера, как в СССР и ряде других стран Восточной Европы.

В этот период были разрушены основы рыночной экономики и сформировалась сверхцентралистская, бюрократическая система управления народным хозяйством и государством. Естественно, что государственный сектор стал занимать доминирующие позиции в польском народном хозяйстве. Вместе с тем полного огосударствления польской экономики не произошло: в 1955 г. госсектор производил почти 75% национального дохода. В сельском хозяйстве в середине 50-х гг. в ведении производственных кооперативов находилось около 8% всех сельскохозяйственных угодий.

Попытки создать монополию в духовной сфере противоречили национальному самосознанию, наталкивались на сильное сопротивление католической церкви.

События 1956 г. и последующий политический курс польского руководства во главе с В. Гомулкой положили конец попыткам создать тоталитарную систему в Польше. В первое время произошла определенная либерализация стабилизировавшейся авторитарной системы. При сохранении моноцентристской политической системы наблюдалась некоторая демократизация внутри ПОРП, несколько возросла роль ОКП и ДП в осуществлении власти. Сейм стал шире представлять различные слои польского общества. В местных органах власти ПОРП отказалась от абсолютного большинства. Вокруг католической церкви сохранялись и укреплялись элементы гражданского общества.

Первое время имела место даже некоторая децентрализация управления экономикой, но командно-бюрократическая система не только сохранилась, но вскоре и укрепилась. При сохранении доминирующей позиции государственного сектора в народном хозяйстве получили некоторое развитие кооперативный и частный сектор в городе. В сельском хозяйстве был взят курс на укрепление индивидуального крестьянского хозяйства.

Духовная сфера во все большей степени становилась плюралистической. Длительное время проявлялась терпимость к различным тенденциям внутри официальной идеологии, стала укреплять свои позиции в общественном сознании католическая идеология. В культурной политике расширились рамки творческой свободы.

Постепенно некоторые личные негативные черты В. Гомулки (категоричность, нетерпимость, подозрительность) способствовали усилению авторитарной системы власти.

Общественно-политический конфликт в конце 1970 — начале 1971 г. привел к некоторой либерализации в общественно-политической жизни страны. Однако уже начиная с 1973 г. она стала приобретать театрализованно-парадный, формализованный характер. Реальная власть была сосредоточена в узких неформальных группах. Имело место ограничение гласности, необоснованное сужение информации.

В 70-е гг., с одной стороны, авторитарная система власти укреплялась, а с другой — все больше стал проявляться ее кризис. В частности, власти смирились с возрастанием политической роли католической церкви в жизни страны, появились различные оппозиционные политические организации (Комитет защиты рабочих, Комитет общественной самозащиты, Конфедерация независимой Польши и др.), которые действовали полулегально.

Развернутая в начале 70-х гг. экономическая реформа вскоре была приостановлена и произошел возврат к чрезмерно централизованной системе управления.

В духовной жизни после некоторого оживления в начале десятилетия вследствие ограничения творческих свобод наступил застой. В условиях очевидного нарастания кризиса официальной идеологии все более прочные позиции стала завоевывать католическая идеология, особенно после избрания К. Войтылы папой римским Иоанном Павлом II.

В начале 80-х гг. разразился общественный кризис — кризис авторитарной системы в Польше. Возникший на волне протеста независимый профсоюз «Солидарность» стал оппозиционным общественно-политическим реформаторским движением, направленным против этой системы.

В 1982—1988 гг., несмотря на предпринимаемые руководством ПОРП попытки реформировать авторитарную систему, ее кризис сохранялся. При этом моноцентристская политическая система постепенно достигла высшего возможного в ее рамках уровня либерализации. В экономической сфере упор был сделан на совершенствование механизма управления, а не на преобразование экономических отношений. В результате основы прежней системы были лишь модифицированы, а не изменены, глубинных сдвигов в ней не произошло, реформаторы в ПОРП во главе с В. Ярузельским стали инициаторами радикальных перемен в направлении развития политической демократии.

Польский пример свидетельствует, что применение общих схем при анализе общественно-политического развития стран Восточной Европы неприемлем. Хотя на темпы развития Польши влиял ход событий в Советском Союзе, оно имело свою внутреннюю логику постепенного отхода от системы общественных отношений по сталинскому образцу.

Е. И. Пивовар: Ход нашего сегодняшнего обсуждения пока в основном сконцентрирован на проблемах политической истории. В связи с этим хотелось бы больше внимания обратить и на социально-экономическую сторону. Ведь сравнительный анализ развития региона в 40—80-е гг. будет односторонним, если мы не будем принимать во внимание как общее, так и специфику в уровне экономического развития той или иной страны в межвоенный период, наличие или отсутствие прочных экономических связей внутри региона, а также экономическое сотрудничество с СССР и его размеры, масштабы разрушений в экономике той или иной страны в ходе второй мировой войны, специфику экономических отношений между Советским Союзом и отдельными восточно-европейскими странами после их освобождения от фашизма и т. д. Нельзя, видимо, не учитывать и существенных различий в социальной структуре общества, имевших место в тех или иных странах Восточной Европы.

К. Ф. Шацлло: В связи с этим одна просьба. Вы знаете, как остро стоит вопрос о месте России в Союзе; известны мнения о том, что Россия всех кормила и всем помогала и т. д. Очень важно дать оценку характера взаимоотношений СССР со странами Восточной Европы. Действительно ли так бескорыстно, бесконечно помогали? Или корыстно и безмерно эксплуатировали? Историкам СССР, занимающимся этим периодом, как-то очень трудно свести концы с концами. Существуют диаметрально противоположные точки зрения, и нет знания фактической стороны дела. Речь идет не только о материальной задолженности. Помогали ли мы им становиться на ноги или они нам помогали залечивать раны после войны? Изменился ли характер взаимоотношений в последующие периоды?

Л. Ф. Шевцова: Несколько слов по поводу идущей дискуссии. Первое. Сталинизм — это только одна из форм тоталитаризма. Опыт СССР и Восточной Европы показывает, что возможны разные формы и модификации и тоталитаризма и авторитаризма. Их нельзя свести к сталинизму или неосталинизму. В рассматриваемом регионе не исключено появление нового типа авторитаризма, на сей раз с правым, а не с левым, как прежде, знаком. Второе. И тоталитаризм, и авторитаризм (строю, власти и мышления), конечно, имеют свою объективную логику развития, свои корни — объективные и субъективные. Поэтому появление авторитарных режимов в Восточной Европе не является следствием только прихода советских войск. Пример Югославии — тому подтверждение. Очевидно, в ряде стран были серьезные глубинные, в первую очередь социально-экономические факторы, во многом обеспечивающие возникновение системы «реального социализма». Тем не менее я считаю сомнительным довод, что иную систему в этих странах и невозможно было создать. Как раз пример существования двух Германий показывает, что фаталистический взгляд на данные процессы весьма сомнителен, во всяком случае, нужно очень много аргументов, чтобы доказать его правомерность.

Что касается вопроса, поднятого редакцией журнала. Кто выиграл от того, что в Восточной Европе установился авторитарный строй? Выиграл ли Советский Союз от того, что возникла мировая система социализма? Эти вопросы активно обсуждаются зарубежными политологами. Многие из них однозначно придерживаются следующей позиции: Советский Союз навязал Восточной Европе авторитарные, партийно-этатистские системы и их существование было ему выгодно в политическом, военном, экономическом смысле. Кое-где в соседних странах в этой связи все громче звучат голоса, требующие, чтобы СССР возместил ущерб, причиненный их народам вследствие насаждения недемократических и неэффективных экономически режимов, что завело эти народы в тупик. В той или иной форме этот вопрос уже перешел в практическую плоскость. Возьмем хотя бы сложности, возникшие в связи с выводом советских войск из Венгрии. Там остается немало нашего имущества, в частности, жилой фонд. И это в то время, когда селить советских военнослужащих на родине просто некуда. Но венгерские власти пока не собираются компенсировать стоимость нашего имущества, рассматривая его как часть платы за тот урон, который СССР нанес Венгрии и ее развитию. Уверяю вас, проблема взаимных расчетов между Советским Союзом и отдельными странами будет подниматься еще не раз, возможно, порождая противоречия и напряженность в их отношениях. Поэтому так важно принципиально ответить на вопрос: какую ответственность несет СССР за ход развития Восточной Европы в течение сорока с лишним лет? Скажем сразу — прямую и непосредственную. Именно советское сталинистское руководство в огромной степени повинно в установлении в большинстве соседних стран авторитарных режимов. Именно оно силовым способом либо при помощи иных форм давления неоднократно предотвращало попытки народов этих стран избрать самостоятельный и демократический путь развития. Вспомним хотя бы 1956 год в Венгрии и 1968 год в Чехословакии. Хотя и в самих восточноевропейских странах были, конечно, свои силы, свои маргинальные

слои, заинтересованные в сохранении партийно-этакетистской власти и примитивно-эгалитаристской идеологии. Но в целом факт остается фактом; СССР несет решающую ответственность за то, что Восточная Европа оказалась в хвосте мирового общественного развития и ныне переживает тяжелейший кризис. Сталинистские силы нанесли непоправимый ущерб этому региону и, боюсь, одного покаяния с нашей стороны будет мало.

Но зададим и второй вопрос: а выиграл ли Советский Союз, образовав на своих границах систему авторитарных государств-сателлитов? Что он тем самым приобрел? Некоторое время назад считалось, что да, существование в Восточной Европе военно-санитарного кордона в виде структуры Варшавского Договора, наличие здесь советских войск является важным фактором обеспечения нашей безопасности. Может быть, так оно и было в первые послевоенные годы. Но потом? Как только возникло и получило распространение атомное и ядерное оружие, прежняя тактика и стратегия войны, связанная с фактором территории, просто себя исчерпала. Следовательно, нам стал не нужен и защитный пояс из вассальных государств. Само их существование не только перестало давать СССР военный выигрыш, но и превратилось в бремя, в пустую трату денег. Хотя в то же время признаем, что целый ряд зависимых государств в сфере притяжения СССР был для его руководства определенной картой в различных международных играх. Но, пожалуй, этот сомнительный политический выигрыш (сомнительный потому, что разве может быть лояльным и последовательным союзник, которого постоянно держат в черном теле и на цепи?) был для СССР единственным.

Выиграл ли Советский Союз в экономическом плане от существования мировой системы социализма в целом и восточноевропейского содружества в частности? Здесь мне бы хотелось обратиться к мнению специалистов, которых, думаю, трудно обвинить в предвзятости. Возьмем исследования известного американского экономиста Джозефа Брэды. Они уже опубликованы и широко цитируются. На основании многочисленных данных он доказал, что если СССР в первые послевоенные годы и использовал экономический потенциал ряда стран Восточной Европы (особенно бывших сателлитов Германии) в своих целях, то в дальнейшем ситуация кардинально изменилась. Экономически восточноевропейские страны начали эксплуатировать Советский Союз, ибо сотрудничество с ними велось, да и сейчас ведется на невыгодной для Советского государства основе. И получается, что экономически мы уже платим — и не первый год — за ту роковую ошибку (это самое мягкое слово), которую совершили в отношении Восточной Европы, за тиражирование в ней нашей собственной системы. Учитывая все вышесказанное, можно прийти к выводу, что создание мировой системы социализма принесло СССР малоощутимую пользу, а во многом обернулось против его конкретных государственных интересов. Но драматизм нашего поколения состоит в том, что, видимо, мы еще долго будем нести ответственность за попытки привить свои иллюзии другим народам.

И. И. Поп: Я не согласен с тем, что нас беспощадно эксплуатировали. Мы тоже занимались тем же. Вспомните, что даже такой ультрасателлит, как Ракочи, жаловался, что советские команды забирают все и у крестьян, и у госхозов, так что дышать нет. И не только паровозы, но и последнюю картошку. Да, мы помогали, давали и руду, и нефть, и газ, но мы кормили ту модель, которую сами силой навязали, — модель экстенсивного развития, модель сталинской индустриализации, которая не нужна была ни Чехословакии, ни Венгрии, ни Польше. Чехословакия развивала тяжелую индустрию для того, чтобы поставлять потом оружие во все развивающиеся страны, и сейчас, насколько мне известно, имеет около 50 млрд. долл. кредитов, которые никогда ей не вернут. Опять же для нас в ЧССР катали броню на значительной части мощностей тяжелой индустрии и сейчас не знают, что делать с занятыми в этой отрасли рабочими. Наша модель индустриализации, наша экономическая помощь, направленная на работу экстенсивной модели, привели к стадиальному отставанию этих стран.

Л. Б. Милякова: Хотелось бы обратиться к истории складывания экономического региона «СССР — Восточная Европа». Думаю, что это поможет уяснить антиэкономический характер методов, которые использовались при создании этого региона и которые в силу своей природы не могли преодолеть национальной замкнутости складывающихся в Восточной Европе изолированных систем хозяйствования.

Экономическая концепция СССР в Восточной Европе вытекала из его политики, направленной на обеспечение советской гегемонии в регионе. В рамках этих стратегических задач Восточная Европа позволяла расширить сферу экономических, прежде всего военно-экономических, возможностей СССР. Развертываемая в восточноевропейских странах с 1948—1949 гг. авторитарная экономическая модель, носившая оборонный характер (ориентация на тяжелое машиностроение, добывающую промышленность, топливно-энергетический комплекс), стала рассматриваться в качестве дополнения к оборонному комплексу Советского Союза. Имелось в виду укрепить таким образом безопасность СССР и социалистического лагеря в целом. Со своей стороны, правительства стран Восточной Европы, где всюду с 1947—1948 гг. к власти пришли коммунисты, исходили из того, что подобная модель экономики даст восточноевропейским странам возможность создания собственных дееспособных в оборонном отношении государств и поможет обеспечению их безопасности. Экономические отношения СССР со странами региона были подчинены вышеназванным задачам и строились с учетом пятилеток в Советском Союзе и планов индустриализации в восточноевропейских странах.

Истоки этой политики закладывались в период 1945—1947 гг. К довоенному периоду относятся попытки интеграции экономик восточноевропейских стран с Германией. Эти попытки положили начало процессу создания большого экономического района. Разгром Германии создал политический и экономический вакуум в Восточной Европе, что предопределило неизбежность выдвижения Советского Союза в качестве основного партнера восточноевропейских стран. Крах германского рынка, а также изменение в период войны структуры индустрии с акцентом на тяжелую промышленность (Чехословакия, Польша, Венгрия) предопределили поиск восточноевропейскими странами нового рынка. Им стал Советский Союз. В 1945—1947 гг. только Советский Союз выразил готовность предоставлять этим государствам продукты питания (зерно, мясо, масло), сырье и полезные ископаемые в обмен на товары, которые они могли предоставить СССР. С другой стороны, послевоенная стагнация экономик этих стран затрудняла их торговлю с Западом, хотя Восточная Европа делала все возможное для восстановления довоенных экономических отношений. Наметившееся преобладание Советского Союза в торговле с Восточной Европой, особенно с Польшей и Венгрией, в рамках идеальной модели развития должно было бы носить временный характер и вытекало из особенностей послевоенной экономической обстановки. Находясь в рамках логики идеальной модели развития, СССР должен был бы стать ведущей, но не единственной альтернативной силой, на которую экономически ориентировались бы восточноевропейские государства. Однако Советский Союз воспользовался послевоенной обстановкой для закрепления своего присутствия в регионе.

Проводимая им в регионе экономическая политика носила противоречивый характер: с одной стороны, ее характеризовали попытки с помощью репараций, организации совместных компаний получить от восточноевропейских стран как можно больше необходимого СССР оборудования и товаров, а с другой — финансирование, кредитование торгово-экономических отношений с Восточной Европой. Здесь мы вплотную подошли к поднимающемуся в восточноевропейских странах с середины 50-х гг. вопросу об «ограблении» Советским Союзом экономики этих государств через установление низких цен на ряд товаров (болгарский табак, югославские металлы, польский уголь). Подобная оценка носит политический характер. Пора проверить ее научными фактами, и ученые Восточной Европы в большей степени, чем советские, — в силу доступности архивов —

имеют эту возможность. Если в целом попытаться установить баланс доходов и расходов в вопросе складывания экономических отношений СССР и Восточной Европы, то обнаружится, что проводимая в 1945—1947 гг. политика «списывания» кредитов под поставки сырья и продовольствия, беспроцентный характер этих кредитов, постоянное снижение репарационных платежей, перекрывали низкие цены, установленные СССР на ряд восточноевропейских товаров. Таким образом, низкие цены никак нельзя рассматривать с точки зрения экономической логики, они были тесно связаны с проводимой СССР политикой «подкармливания» восточноевропейских стран, являвшейся своеобразной «компенсацией» тех диспропорций, которые имели место в экономических отношениях Советского Союза с этими странами. При изучении этой проблемы в будущем наиболее плодотворным представляется не сосредоточение внимания ученых на положительном или отрицательном сальдо в экономических отношениях СССР и стран Восточной Европы, а постановка вопроса о формировании колониального и антиэкономического характера этих отношений уже на начальном этапе их становления.

К 1947 г., когда в странах Восточной Европы восстановительный период был в основном закончен, в них были приняты собственные экономические планы развития, имевшие целью развитие индустрии и механизацию сельского хозяйства. Это должно было определить потребности внешней торговли Восточной Европы. Однако в этот период обнаружились первые проблемы. СССР не мог предоставить восточноевропейским странам сырья, технологий и капиталов в необходимом объеме. Вынужденный отказ данных государств под давлением СССР от условий плана Маршалла привел к экономической изоляции восточноевропейских стран от остальной части Европы, что в дальнейшем обусловило отставание их экономического развития. Признав тот факт, что СССР стремился создать в восточноевропейском регионе самостоятельный экономический район с наибольшей степенью независимости от Запада, необходимо отметить, что отказ от участия Восточной Европы в плане Маршалла был политически предопределен.

Н. И. Бухарин: Наряду с фактором безопасности, значение которого, как уже отмечалось, преувеличивалось нашими военными в условиях существования ядерного оружия, важнейшую роль в советской политике в отношении стран Восточной Европы играл идеологический фактор. Наши лидеры возложили на себя идеологическую миссию — миссию распространения и укрепления социализма во всем мире. Поэтому важнейшей целью советской внешней политики было дальнейшее упрочение единства государств социалистического содружества. Для нас страны Восточной Европы были доказательством жизнеспособности социалистической идеи, превращения ее в мировую систему, доказательством противоборства социализма и капитализма в мировом масштабе, биполярности мира. Советская политика в отношении этих стран была излишне идеологизирована. Отсюда вытекала и излишняя идеологическая риторика в контактах, что часто обуславливало формализацию двусторонних и многосторонних отношений. Все это вело к тому, что конкретный советский национально-государственный интерес по-настоящему не осознавался и не защищался. Советские руководители, как правило, исходили не из него, а из высших интересов социализма как мировой системы и т. д. Поэтому о какой-то рациональности в экономических отношениях Советского Союза со странами Восточной Европы говорить не приходится. По подсчетам специалистов, СССР терял в торговле с ними несколько миллиардов долларов ежегодно. Однако политики и ученые рассуждали о преимуществах социалистического международного разделения труда, социалистической экономической интеграции и т. д.

Некоторые страны Восточной Европы использовали эту излишнюю идеологизированность советской внешней политики в своих целях. Под лозунгами социалистического интернационализма, взаимопомощи они добивались односторонних преимуществ в экономических связях с Советским Союзом. В целях укреплений

ния единства социалистического содружества мы часто шли на отнюдь не взаимовыгодное экономическое сотрудничество, на вынужденные потери с нашей стороны. За реализацию идеологических целей мы вынуждены были платить экономическую цену.

Несмотря на эти негативные черты, необходимо отметить, что впервые в XX в. была предпринята попытка построить отношения между государствами и народами на идейной общности и единстве политических целей, на основе дружбы. Однако идеологическая и политическая действительность в странах Восточной Европы оказалась значительно сложнее и многообразнее, чем предполагалось. В отношении между Советским Союзом и его соседями были включены прежде всего политические и интеллектуальные элиты правоверного толка. Прав Т. Мазовецкий, который недавно заявил, что дружба бывает только тогда настоящей, когда ею проникнуты все слои народа, а не какая-то избранная его часть. А в течение всего послевоенного периода дружеские связи охватили только незначительную часть наших обществ. Насколько прочен политико-военный союз Советского Союза со странами Восточной Европы, входящими в состав Варшавского Договора, покажет ближайшее будущее. Вместе с тем сложились довольно устойчивые экономические связи, механизм которых в скором времени будет перестроен.

Во многом идеологический характер носила советская реакция на кризисы в странах Восточной Европы. Они прежде всего оценивались как угроза социализму в данной стране, как наступление контрреволюции, как только козни империализма, как попытки нарушить равновесие сил между социализмом и капитализмом и т. д. Соответственно говорилось о защите мирового социализма как об интернациональной обязанности. В эти критические моменты политика Советского Союза была направлена на защиту и сохранение модели государственно-бюрократического социализма в странах Восточной Европы, на поддержку консервативных сил и дискредитацию реформаторов. Для этого использовались различные средства — от политического, пропагандистского и военного давления до непосредственного военного вмешательства. Первая группа средств особенно широко была использована в 1980—1981 гг. в Польше. При их помощи пытались «отрезвить» «Солидарность» и польское руководство. Советскую реакцию на события в Польше необходимо также увязывать с конкретным контекстом международной ситуации. В это время в связи с приходом к власти в США Р. Рейгана резко обострились советско-американские отношения. Польша во все большей степени стала рассматриваться как своеобразная разменная карта в глобальном противоборстве сверхдержав. Тогдашнее советское руководство со своим старым мышлением использовало это для усиления давления на польских руководителей. Одновременно, по словам В. Ярузельского, советские лидеры не рвались как можно быстрее войти в Польшу. Для них это был бы крайний шаг. Они были заинтересованы в том, чтобы все произошло без скандала, чтобы все удалось как-нибудь успокоить, чтобы вернулись «добрые старые времена» с какой-то польской «поправкой».

В настоящее время и мы сами, и наши союзники заново осмысливаем свои национальные интересы. Двусторонние отношения Советского Союза со странами Восточной Европы очищаются от идеологических наслоений и других несообразностей. Приход новых политических сил в ряде стран этого региона выгоден нам, так как позволяет перестроить взаимные отношения на основе интересов. Не идеология, а взаимные интересы, реальные и долговременные, будут двигать эти отношения в дальнейшем. Существует также общность СССР и большинства стран Восточной Европы как реформирующихся стран. В отношениях будут укрепляться принципы свободы политического и экономического выбора, партнерства, полного равноправия, невмешательства во внутренние дела друг друга. Это означает развитие взаимных отношений на базе демократических норм международного права.

И. М. Клямкин: Мне кажется, что расхождения во взглядах, выявленные нашей дискуссией, это пока не столько результат глубокого и всестороннего изучения предмета, сколько своеобразное проявление его неизученности. Мы все сознаем: есть проблема, в которую все упирается и которая здесь сформулирована как проблема соотношения внутренних и внешних факторов становления и функционирования тоталитарных режимов в Восточной Европе и в некоторых азиатских странах. Это — вопрос о том, в какой степени названные страны были предрасположены к таким режимам своей собственной историей и в какой мере они стали жертвами экспансии со стороны Советского Союза. Ясно, что ответ на этот вопрос невозможен без тщательного изучения послевоенной ситуации в каждой стране, так как соотношение внешних и внутренних факторов в них не было и не могло быть одинаковым. Мы же сейчас пытаемся найти ответ до того, как исследовали проблему во всей ее конкретности. Это полезно, если рассматривать нашу дискуссию как общий ориентир для будущих исследований, как первый подступ к ним. Думаю, что такой ориентир нужен. Уже сейчас, на этом этапе важно понять то, о чем здесь уже говорилось и что принято было не всеми, а именно: если бы в интересующих нас странах не было внутренних сил, на которые могла опереться советская экспансия, то никто бы в эти страны не полез, а если полез, то уже во всяком случае не удержался бы. Я, например, не очень представляю себе, чтобы после войны тоталитарный режим мог утвердиться, скажем в Англии.

Реплика: Насчет форсирования Ла-Манша вопрос не стоял. Но в Австрию полезли и — не усидели.

И. М. Клямкин: Проблема и видится мне в том, чтобы выяснить, где могли, а где не могли усидеть.

В свою очередь, эта проблема является, по-моему, составной частью другой, более глубокой и фундаментальной проблемы. Ее можно сформулировать так: решали ли коммунистические режимы в СССР и в Восточной Европе какие-то исторические задачи или это был бесплодный зигзаг, попятное движение, своего рода провал истории?

Ставить этот вопрос и искать ответ на него важно не только потому, что были и есть люди, искренне верившие в коммунистическое «светлое будущее», и было бы негуманно одним росчерком пера перечеркнуть всю их жизнь. И не только потому, что отказ от прошлого, даже трагического, без сохранения преемственности по отношению к нему — это очередной великий скачок в очередную историческую яму, это отрицание прошлого без его преодоления. Ставить этот вопрос нужно прежде всего по той простой причине, что если то, что мы раньше по наивности, неведению или корысти называли величайшими достижениями, сегодня окрестим великим провалом, лишенным всякого исторического содержания, то мы должны будем сделать логически неизбежный вывод, что из тоталитарного прошлого нормального выхода в цивилизованное будущее нет и не может быть в принципе, что народам нашей страны и других стран, где существовали коммунистические режимы, никак не избежать кровавых катаклизмов. Такой вывод неизбежен, так как мысль о «провале истории» означает, что никаких предпосылок преодоления тоталитаризма в границах тоталитарного периода не накоплено, что те предпосылки, которые существовали раньше, уничтожены, а потому цивилизации опереться здесь не на что.

Между тем уже сам уникально мирный характер восточноевропейских реформ и революций 1989 г. свидетельствует не только о неукорененности тоталитарных политических режимов в обществе и отсутствии сколько-нибудь серьезных сил, которые могли бы защитить их без поддержки извне, но и способности находившихся под тоталитарным прессом стран освободиться от этого прессы цивилизованными средствами. Это тем более обращает на себя внимание, что бывшие режимы десятилетиями держались именно на насилии и,

казалось бы, должны были приучить население к тому, что только насильем и можно чего-либо добиться.

Дело, очевидно, заключается в том, что под тоталитарной оболочкой и вопреки ей шло не только разрушение, но и накопление элементов цивилизованности, которое, в свою очередь, было обусловлено тем, что коммунистические режимы в уродливых, нередко варварских формах решали ту же задачу, которую рано или поздно решает весь мир,— задачу индустриализации и урбанизации, которая до второй мировой войны в рассматриваемой группе стран не была полностью решена. Естественно, они не были в этом отношении одинаковы, и было бы нелепо ставить знак равенства, скажем, между довоенными Чехословакией и Болгарией. Но я все же думаю, что когда мы приступим к выявлению внутренних и внешних факторов утверждения тоталитаризма в Восточной Европе, абстрагировавшись от общей проблемы индустриализации и создания соответствующих индустриальному обществу общественных структур было бы не очень разумно.

Уродливость этой модели индустриализации заключалась в ее односторонней ориентированности на развитие тяжелой промышленности, на обслуживание военно-технологических нужд Советского Союза, на изолированность от международного разделения труда и провинциальный универсализм, когда каждая из стран стремилась обеспечить себя всеми основными видами промышленной продукции, в чем и усматривалась главная предпосылка национальной независимости. Однако вопреки нецивилизованному характеру этого типа индустриализации и еще менее цивилизованному характеру осуществлявших ее коммунистических режимов в рамках этого процесса на основе сопутствовавшей ему урбанизации шло преодоление типологического разрыва между городской и традиционной культурами (там, где он сохранился), накопление элементов современной образованности, квалификации и т. д.

В процессе индустриализации и урбанизации в большинстве стран произошла или завершилась перекачка «лишнего» населения из деревни в город, причем переселенцы (это тоже нельзя сбрасывать со счетов) некоторое время составляли определенную социальную опору существующих режимов. Но главное все же не в этом. Завершение урбанизации означало, что оказалась исторически снятой проблема, которая в XVI—XIX вв. в Западной Европе, а в наши дни в странах «третьего мира» являлась и является одним из главных источников и стимуляторов кровавых социально-политических взрывов и потрясений. Речь идет о проблеме аграрного перенаселения, неизбежно сопутствующего переходу к капиталистическим рыночным отношениям, и возникающей при этом массовой маргинализации, выбросе огромных масс населения из лоно традиционных культур, что, в свою очередь, создает массовых носителей и сторонников насильственного, нецивилизованного способа решения назревших проблем, «плебейских» методов расчета с прошлым.

В рамках экстенсивного типа индустриального развития, имевшего место в СССР и странах Восточной Европы, эта зона социального конфликта, возникающая между городом и деревней, была ликвидирована. Тем самым вопреки тому, что универсальным средством, используемым тоталитарными режимами для самосохранения и решения любых проблем, было насилие, в странах с этими режимами складывались объективные предпосылки для ненасильственных анти-тоталитарных революций (сверху или снизу).

Представляется, кстати, что это введенное в оборот отрицательное определение (анти-тоталитарные) наиболее адекватно отражает характер и содержание восточноевропейских реформ и революций. Это связано с тем, что, освобождая общество от монопартийных структур, составляющих скелет тоталитарного режима, эти революции не являются выразителями интересов какого-то реально существующего социально-экономического субъекта. Такого субъекта, субъекта рыночной экономики, подобного, скажем, западноевропейской буржуазии, простор для деятельности которой расчистили антифеодальные революции XVII—XIX вв., в восточноевропейских странах сегодня нет, как нет его и в Советском Союзе.

Правда, в отличие от СССР, в большинстве этих стран сохранились товарные экономические уклады, но это, облегчая переход к рыночной экономике, не дает все же оснований утверждать, что в Восточной Европе существует более или менее развитый социально-экономический субъект такой экономики. Дело в том, что эти уклады находятся, по существу, на периферии хозяйственной системы данной группы стран, ядро которой составляет национализированный сектор тяжелой промышленности и примыкающих к ней отраслей. Разгосударствление, приватизация этого сектора, без чего невозможно его включение в конкурентно-рыночные отношения, упирается, в частности, в отсутствие или дефицит частного капитала. С этим в значительной степени связаны трудности развития новых, постиндустриальных отраслей и технологий. Сказанное и означает не что иное, как отсутствие современного субъекта рыночной экономики.

Эта проблема усугубляется тем, что в СССР и странах Восточной Европы переход к рынку предстоит осуществить одновременно со структурной перестройкой хозяйства (последнее же, как показывает опыт Запада, и при наличии рынка не просто). Уникальное взаимопересечение двух проблем — перехода к рынку и структурной перестройки — может привести к возникновению широкой зоны социальной напряженности, к появлению новых источников маргинализации и поляризации интересов. Я не думаю, что эта возможная новая маргинализация опаснее, чем старая, возникающая в результате аграрного перенаселения. Все-таки нигде мы не имеем дела с массовым выбросом людей из культурных укладов. Но то, что послекоммунистические режимы в Восточной Европе столкнутся с очень непростыми вопросами, у меня сомнений не вызывает. Удастся ли молодой демократии обеспечить консенсус при переходе к рынку или возникнут поляризация и конфронтация интересов с традиционным для мировой истории выходом из таких ситуаций в авторитаризм, — это пока вопрос открытый.

Как бы то ни было, хочу еще раз повторить, что антитоталитарные реформы и революции в странах Восточной Европы, явившиеся следствием созревшей в этих странах внутренне нерасчлененной общенародной оппозиции к коммунистическим режимам, не столько открыли простор для деятельности уже сложившихся новых социально-экономических сил, сколько ликвидировали политические препятствия на пути их свободного формирования и созревания; не столько дали дорогу уже готовому субъекту рыночной экономики, сколько предоставили ему возможность сформироваться и подготовиться для исполнения своей исторической роли в более или менее близком будущем.

Е. И. Пивовар: Бывают ли «провалы» в истории? Мы говорим о застое, но и тогда происходило развитие. Его характер может нас не устраивать, иметь негативные последствия. Но возможна ли история без развития?

И. М. Клямкин: Я с вами согласен. Но все мое рассуждение как раз и построено на внутренней полемике с точкой зрения о «провале истории», имеющей широкое хождение в общественном сознании. Это рассуждение нужно рассматривать в контексте нынешней духовной ситуации.

А. С. Ципко: Изучение того, что произошло в нашей стране и в Восточной Европе, требует выхода за рамки сугубо марксистского анализа. Необходим более глубокий анализ. Нельзя ограничиваться констатацией наличия тех или иных слоев, заинтересованных в той или иной структуре власти. А. Солженицын в «Красном колесе» хорошо показал проблему, возникающую перед новой властью, — на кого опираться? На более стойкую, твердую часть общества или на маргинальные слои? Бывают обстоятельства, когда власть завоевывается в интересах определенного класса, но потом возникает ситуация, когда государство начинает оказывать обратное воздействие на общество. Об этом писал Ф. Энгельс. По крайней мере больших результатов в изучении генезиса и

эволюции сложившихся в СССР и странах Восточной Европы общественных систем можно достигнуть на основе позднего марксизма, учитывающего роль надстройки.

Ничего нельзя познать ни в истории СССР, ни в истории стран Восточной Европы, не исследуя, как возникли в ходе революций карательные органы, какое влияние они оказывали на общественную жизнь, как под воздействием карательных органов деформировалось сознание. В Румынии, например, для их деятельности была соответствующая социальная база, а вот в Польше созданные по нашим образцам бериевские структуры уже «не работали». В данном случае роль сыграли не те или иные классовые интересы — сработал код культуры! Система не привилась к польскому обществу.

Внутренний фактор в истории послевоенной Восточной Европы с определенного момента не играл никакой роли.

Надо еще учитывать и социально-психологическую обстановку в странах, только что вышедших из войны, с разрушенной социальной структурой. Люди устали от смерти. Поэтому новая власть воспринималась, например, поляками, как меньшее зло. Так же в свое время было в России: почему крестьяне уже не могли бороться со Сталиным? Да потому, что прошла такая мясорубка...

Е. И. Пивовар: Крестьян уже не осталось...

А. С. Ципко: Я согласен с И. М. Клямкиным в том, что структурная перестройка совпадает с переходом к рыночной экономике в условиях неподготовленности населения. Но этот тезис полностью разрушает его исходную посылку о том, что там что-то создавалось. Этим тезисом он сам фактически показывает, что ничего не создавалось, а лишь ухудшались условия для возрождения гражданского общества.

Мне кажется, что И. М. Клямкин поставил надуманную проблему. Как он рассуждает?— Если мы согласимся с тем, что это было «пустое» время, то тем самым мы должны прийти к идее катастрофы. Это искусственная дилемма. Новое качество, действительно, не было создано, но старые структуры гражданского общества сохранились. Дело в том, что карательным органам не удалось полностью сломать сложившиеся структуры гражданского общества в Чехословакии, структуры национального самосознания в Польше. Есть проблема генофонда. Кем были руководители ПОРП? Это были довольно часто типичные троечники, люди без способностей, без души. Они не обладали бы никакой возможностью для социального продвижения, если бы жили в нормальном обществе. Но вот создается уникальная социальная структура, приходит новая власть и подбирается определенный тип людей.

Но в ряде стран структуры гражданского общества оказались очень жизнестойкими. Новой власти их не удалось искоренить. Пример — Польша.

Конечно, играло свою роль и переселение из деревни в город. С общесовиетской точки зрения выкачивание населения из деревни в город — это прогресс. Но в рассматриваемых странах никакого прогресса не было. Была гибель сельского хозяйства, появление люмпенов — социальной пыли, которая ни к чему не способна. Так что здесь отток населения в город никаких проблем не решил, а только усугубил положение.

Но по сравнению с Россией структуры гражданского общества в странах Восточной Европы оказались более жизнестойкими.

Все в конце концов свелось к банальному вопросу: будет СССР применять силу или нет? Как только Горбачев отказался от старой практики, эти режимы вместе со всеми их карательными органами остались один на один со своими народами. Огромную роль играли и культурные традиции, национальное самосознание. Органы безопасности еще Гереку заявили: на нас не рассчитывайте, мы не будем применять насилия по отношению к полякам. Наши руки останутся чистыми. Это было в 1980 г.

А. Е. Липский: Еще в марте 1968 г., когда в Варшаве начались студенческие волнения, некоторые функционеры, чьей обязанностью было подавление этих волнений, в частных разговорах восхищались своими подопечными: «Ну, молодцы ребята! Четыре дублирующих подпольных комитета создали!» Это неофициальное одобрение студентов их преследователями отражало историческую традицию польской национально-освободительной конспиративной деятельности, глубоко вошедшую в социально-культурную ткань польского общества.

А. С. Ципко: Вот поэтому я и говорю, что наши попытки объяснить классовым подходом все эти явления тщетны. Все было предельно просто. Существовали нормальные общественные структуры с присущими им противоречиями. В результате вмешательства извне был нарушен естественный ход развития событий, но жизнестойкие структуры гражданского общества сохранялись. Всегда сохранялись силы сопротивления. А через два-три поколения появился новый тип интеллигенции, воссоздается прежняя атмосфера. Давление извне ослабевает, и все рушится...

И. М. Клямкин: Я хотел бы коротко ответить А. С. Ципко. Мысль моя заключается в следующем. Переход к рынку всегда сопровождался конфронтацией интересов и очень часто — социальными потрясениями. Если в период существования тоталитарных режимов происходило только усугубление прежних проблем, то это значит, что исходные условия перехода к рынку в СССР и странах Восточной Европы сегодня хуже, чем они были где бы то ни было раньше, а значит, и вероятность катастрофического развития выше, чем когда бы то ни было. Мне, однако, кажется, что происходящая урбанизация эту вероятность уменьшает. В этом и только в этом смысле я вижу в урбанизации «решение проблемы».

Теперь о классовом подходе. Во-первых, полагаю, что, говоря о маргинализации, я уже выхожу за традиционные рамки такого подхода, так как речь идет не только о социальном, но и о культурном, духовном явлении. Во-вторых, теории классовой борьбы Александр Сергеевич, насколько я понял, противопоставляет теорию всепобеждающих органов насилия. Но она сама по себе не снимает вопросов: почему эти органы возникли в СССР и других интересующих нас странах? Почему достигли такой мощи? Почему в других революциях, например, во Франции, Робеспьеру не удалось удержаться на насилии? Почему ему не удалось создать такие органы, хотя он и пытался? Далее, Александр Сергеевич нам говорит о том, что в одних странах карательными органами удалось уничтожить все старые структуры, а в других — нет. Но отсюда, насколько я понимаю, как раз и следует, что есть факторы более фундаментальные, чем роль насилия.

И. С. Яжборовская: На новом витке исторического развития стало очевидно, что история еще раз повторилась. Не только остались нереализованными заложены в революционных преобразованиях стран Восточной Европы 40-х гг. возможности, не только все более терял свою созидательную природу новый строй, но имело место безнадежное, тупиковое воспроизводство неэффективной системы экономики, ухудшилось до катастрофических пределов экономическое положение. За этим стояла деградация скованной авторитарными традициями политической жизни, неадекватность развивающегося общества и stagnирующих политических систем, рост отчуждения и нарушение и так слабой, искусственно односторонней связи между властью и обществом, в том числе утрата компартиями связей с массами. Отсюда — рост политической нестабильности, развитие кризисов и конфликтов, с нарастающей интенсивностью поражающих все страны региона, пока обострение противоречий общественного развития не привело к политическим мирным или немирным революциям.

А. О. Лапшин: Несколько слов о методологии изучения тех процессов, которые имели место и происходят сейчас в странах Восточной Европы и в СССР. Мне кажется, что предлагаемая А. С. Ципко методология исследования ухода «реального социализма» из истории — культурологическая, а не классовая или, допустим, формационная. С помощью такого подхода можно многое объяснить и в истории стран Восточной Европы, и в истории становления нашего много-страдального общества. Подход И. М. Клямкина — в большей степени социолого-классовый, более традиционный для нашего общественнознания. Этот подход тоже позволяет выявить многие аспекты расстановки сил в сферах экономики, политики и идеологии. Я считаю, что исследователям надо уходить от каких-то односторонностей в изучении опыта и Советского Союза, и стран Восточной Европы. При изучении глобальных переходных исторических состояний (а сдвиг общественной ситуации в конце 80-х — начале 90-х гг. в Европе никак иначе и нельзя классифицировать) по крайней мере два принципа всегда необходимо иметь в виду. Это — принцип системности исследования и принцип историзма. Уход от вульгарно-классовых медитаций и формационной расщепленности, осторожность с историческими аналогиями и стремление избежать экстремизма при анализе переходных процессов — обо всем этом нам нужно постоянно помнить. Ведь аналитик исторического процесса всегда составляет его часть, даже в тех случаях, когда он сознательно выбирает позицию наблюдателя.

Ю. К. Князев: Для того, чтобы выяснить, чем был для народов Восточной Европы и СССР отходящий в прошлое исторический период — «провалом» или временем какого-то прогресса, надо определить шкалу ценностей, критерии оценки. Конечно, какой-то прогресс был, но если мы посмотрим на развитие восточноевропейского региона и СССР в мировом контексте, сравним достижения за прошедший период наши, западных и многих развивающихся стран Азии и Латинской Америки, то станет ясно, что это, конечно, был «провал», потерянное время. И к нему надо еще добавить то время, которое мы с нашими соседями потратим на переход к рыночным отношениям, на преодоление сопротивления прошлого нашему движению вперед. Ущерб, понесенный за прошедший период, вряд ли с чем-либо можно сопоставить. Он огромен. Если бы не было капитализма, то его надо было бы выдумать. Иначе мы бы еще долго варились в собственном соку. Как удачно было замечено в одной газете, мы бы шли по стадиону, объявив свой шаг новым видом бега.

Существование в мире иных параметров развития, иных темпов роста является тем оселком, на котором мы должны проверять собственные результаты. Сравнения в области экономики и политической организации общества оказываются не в нашу пользу. Относительно вопроса о том, кто кого «содержал» или «грабил», хочу сказать, что такие цели вообще не ставились. Диспропорции в экономических отношениях возникали прежде всего оттого, что сама экономическая система была совершенно абсурдна. До того абсурдна, что у нас сейчас возникают затруднения в подсчетах для выяснения того, кто все-таки кому оказался должен. Ясно одно, что потери понесли все.

Несколько слов о соотношении внешних и внутренних факторов в развитии стран Восточной Европы в 1945—1989 гг. Конечно, если бы не советское военное, а потом и политическое присутствие в этом регионе, то в большинстве стран не сложились бы сталинистские режимы и они бы вообще не строили социализм, за исключением Югославии, где действовали главным образом внутренние пружины. Но действие внешнего фактора, на мой взгляд, имело решающее значение только на первом этапе. После установления там единовластия коммунистических партий, складывания однотипной социально-экономической системы, она приобретает свою собственную, присущую ей логику развития.

У сталинистской системы хозяйствования в межвоенные годы сложилась репутация достаточно эффективной модели, особенно на фоне экономического кризиса на Западе. И в первые послевоенные годы эта система в странах Восточной Европы демонстрировала определенные преимущества в темпах роста,

в развитии новых отраслей промышленности. Но как только начался новый этап в развитии научно-технического прогресса (НТР, технологическая революция), плановые экономики выявили свою неэффективность. Длительные попытки, предпринимавшиеся в ряде стран, реформировать плановое хозяйство, не выходя за его рамки, не принесли желаемых результатов. Безуспешность этих реформ стала одной из причин революционных событий 1989 г.

А. И. Савченко: Начну с общих рассуждений. Е. А. Амбарцумов определил события в Восточной Европе в 1989 г. как антитоталитаристские революции. Это верное, на мой взгляд, определение. А. И. Солженицын сравнил социальную среду в России с вязкой субстанцией. На Западе такой вязкости нет. Социальная «броунизация» в регионе Восточной Европы происходит быстрее. И это не случайно: на небольших территориях этих стран общественные процессы протекают интенсивнее. Следовательно, этот регион может служить прогностической моделью для нашей страны. То, что в Советском Союзе растягивается на годы, там занимает недели и месяцы. Например, вся цепочка польских событий с некоторыми модификациями повторилась у нас. Отличия состояли в том, что массовые движения, народные фронты возникали у нас не в масштабах всей страны, а по отдельным городам и республикам.

Действия же консервативных сил в восточноевропейских странах и у нас, на мой взгляд, удивительно единообразны. Сначала — глухое неприятие новых демократических движений, затем — вынужденные уступки, которые, впрочем, правящие партии не забывали ставить себе в заслугу, и наконец уход коммунистов с политической арены. Практически во всех странах Восточной Европы, за исключением СССР, Болгарии и Албании, коммунисты устранены от политической власти. Их кандидаты собирают на парламентских выборах не более 10—15% голосов.

Е. И. Пивовар: Но как только экономическая ситуация ухудшится (а это весьма возможно!) и люмпенизация усилится, леворадикальное движение окрепнет.

Реплика: И праворадикальное тоже!

И. И. Поп: Но леворадикальное движение не обязательно будет развиваться на коммунистической основе!

Е. И. Пивовар: Коммунистическое движение многолико. Возможны разные варианты.

Л. Ф. Шевцова: Кстати, это весьма интересно. Что будет собой представлять левое движение в Восточной Европе, какое из его течений окажется наиболее перспективным? Сейчас компартии и их преемники в соседних странах продолжают находиться в глубоком кризисе. То же самое происходит в комдвижении на Западе, где оно превратилось в маргинальную силу, а кое-где, видимо, вообще исчезнет, уйдет с политической арены. Но что происходит с компартиями в Восточной Европе? Кризис окончательного упадка, либо кризис, который может привести к их возрождению? Думаю, что ни в одной восточноевропейской стране эти партии уже не смогут стать влиятельной, а тем более доминирующей силой. Их время ушло безвозвратно. Но вместе с тем определенная социальная база для их деятельности все еще сохраняется — это и индустриальные отряды рабочего класса, и широкие люмпенизированные слои с их эгалитаристскими устремлениями. Поэтому я согласна с Е. И. Пивоваром, что эти компартии могут попытаться приобрести второе дыхание. Но в этом случае у нас не может быть сомнений в том, что сам тип компартии с ее недемократической структурой, идеология этой партии, ее стремление к диктату, ее способность к порождению культов, да еще и опора на уходящие социальные слои — все это говорит о том, что мы будем иметь дело с явно консервативной, чуждой любому прогрессу силой.

Е. И. Пивовар: Но в данном случае Вы все-таки исходите из облика компартий в традиционном сталинском представлении, а ведь возможны совершенно пока не предсказуемые пути эволюции, о чем свидетельствует и опыт мирового коммунистического движения наших дней, его интеграция с другими левыми силами в защите интересов трудящихся.

Л. Ф. Шевцова: Значит, социал-демократия? Тоже не все так просто. Вспомним, что социал-демократия на Западе — это продукт развитого общества, в котором есть что распределять, общества с влиятельным средним классом, с мощной «рабочей аристократией». Ну, и какова может быть социал-демократическая партия и ее роль в обществе дефицита с его архаичной индустриальной структурой? Понятно, почему создание таких партий в наших странах идет с трудом. Обратим внимание и на то, что у нас эти партии скорее находят опору среди интеллигенции и не имеют влияния на рабочее движение. Так что процесс формирования социал-демократии в Восточной Европе будет нелегким, да и сама она, видимо, примет своеобразный характер. Во всяком случае, восточно-европейская социал-демократия будет во многом отличаться от социал-демократии Запада.

Н. И. Бухарин: Я согласен с Л. Ф. Шевцовой, что почвы для социал-демократии в этих странах пока нет. Такой почвой может стать определенный уровень капитализации общества. К тому же страны Восточной Европы находятся в начале такого экономического витка, который связан с преодолением социально-экономического кризиса и с выходом на путь экономического роста. Таким образом, экономические условия для проведения социал-демократией активной социальной политики отсутствуют. В этой ситуации большие возможности пробиться имеют неолиберальные или популистские силы.

А. И. Савченко: Думаю, что независимо от того, как сложатся судьбы других левых сил, тенденция к устранению коммунистического авангарда рано или поздно проявит себя и в нашей стране. И не стоит в этом плане пренебрегать анализом опыта соседей.

Революционные процессы в Восточной Европе, спровоцированные и инициированные советской перестройкой, протекают гораздо быстрее, чем в СССР, где силы вязнут в командно-бюрократическом болоте. Продуманные и прогрессивные решения в странах Восточной Европы гораздо быстрее, чем у нас, завоёвывают себе многочисленных сторонников, но эта быстрота протекания исторического времени в странах данного региона имеет и свою оборотную сторону. Та модель социализма, которая была принесена на советских штыках, установилась там тоже за более короткий исторический срок, чем у нас. И, что самое главное, противоречия этой модели обозначились предметнее и острее. Тем проще было их устранить. Например, в ГДР и ЧССР волна общественного протеста просто смахнула, как мусор со стола, эти режимы.

ГДР является в известном смысле исключением в ряду стран, перешедших к «реальному социализму» в Восточной Европе. Это была часть высокоразвитой индустриальной державы. Относительные успехи ГДР в области экономики и в решении социальных проблем давали повод нашим горе-теоретикам преподносить ее как пример и для СССР. За полтора года до Ноябрьской революции 1989 г. в ГДР побывал Е. К. Лигачев. Он ратовал за перенос в СССР методов управления и форм организации сельскохозяйственного производства в ГДР. Но сами немцы энтузиазма по поводу этих методов и форм, как показал дальнейший ход событий, не испытывали. Они предпочли поиск иного пути хозяйственного развития. Само слово «план» в этой республике стало синонимом государственного монополизма.

В ГДР гораздо быстрее, чем в СССР, поняли, что такие «социальные блага», как господство общественной собственности, отсутствие безработицы, низкие цены, практически являются замаскированной под добро формой социального зла. Конечно, диалектика эта непроста.

В типологическом отношении тот общественный строй, который господствовал в ГДР в течение последних 20 лет, в «эру Хонеккера», я бы назвал рафинированным вариантом сталинизма. И если бы самому Сталину удалось организовать в нашей стране нечто подобное, то он, наверное, с удовлетворением улегся бы в гроб. Новейшая история ГДР — апогей возможностей системы сталинизма. Причем без жестоких репрессий. Это, однако, не делает ее менее бесчеловечной, если иметь в виду оболванивание населения, превращение граждан республики в бессловесные винтики, квалифицированных роботов...

30 сортов колбас и пиво без очереди — это предлагалось жителю ГДР в обмен на его положение «винтика» абсолютно во всех сферах. И безусловный приоритет якобы коллективного, а на самом деле элитно-бюрократического начала над индивидуальным, вплоть до интимно-личностного, был данью, уплачиваемой населением республики сталинистской системе.

Единодушное решение граждан ГДР в пользу объединения страны является ответом и всем тем у нас, кто полагает, будто материальный недостаток сам по себе способен решить все проблемы. И еще одно замечание: сама система плановой экономики, как показал опыт развития СССР и стран Восточной Европы, система, основанная на принуждении, на постоянном отставании предложения товаров от спроса, на господстве так называемой общественной собственности, начисто подрывает всякие стимулы к труду.

Е. И. Пивовар: Вы, на мой взгляд, упустили один аспект в рассматриваемой проблеме. Ведь то, что происходит в Германии, это прежде всего национальное движение за объединение. Нация была унижена расколом. Мне кажется, что этот социально-политический фактор в данном случае имеет решающее значение.

А. И. Савченко: Мне трудно согласиться с мнением, что моральный фактор является более значимым, чем фактор экономический.

Е. И. Пивовар: Но в данном случае это не только моральный, а именно социально-политический фактор; ликвидируются все последствия второй мировой войны и национальной трагедии немецкого народа.

Д. М. Фельдман: Позвольте поделиться с вами размышлениями участника дискуссии о ее недостатках. Мы упустили несколько важных вопросов. Прежде всего я имею в виду широкий международный контекст взаимодействия Советского Союза со странами Восточной Европы. Кроме того, мы, как мне представляется, неправомерно ограничили рассмотрение вопроса о крахе политических режимов и подсчетами о выгодах и невыгодах их сотрудничества.

Крушение политических режимов — это звонок, а социально-экономическая система еще сохраняется, ее демонтаж займет не пять, а десять, пятнадцать, двадцать лет... И, наконец, интересно посмотреть, как будет идти процесс реприватизации, каковы будут его последствия для взаимных отношений наших стран.

Е. И. Пивовар: Интересы тут мало. Мы сами будем в этом участвовать...

Д. М. Фельдман: Кто выживет, расскажет... Нам еще рано подводить какие-либо итоги. Скорее, смысл дискуссии — в выявлении «болевых точек», о которых надо вести разговор.

А. П. Бутенко: На одной из моих лекций (перед заведующими кафедрами обществоведения) меня спросили в упор: «Сейчас мы повсюду слышим и читаем о „бархатных“, „нежных“ революциях, происшедших в странах вашей „мировой социалистической системы“. Узнаем также и то, что значительная, если не подавляющая часть этих стран сейчас возвращается в лоно капитализма. Объясните, пожалуйста, какими научными соображениями Вы руководствуетесь, называя реставрацию капитализма революцией?»

Ответил я примерно так. Никто не будет отрицать того, что как в Советском Союзе, так и в других странах «реального социализма», т. е. в странах Восточной Европы, народ был отчужден от политической власти, ибо непрерываемым хозяином при сталинско-брежневской модели социализма, т. е. в рамках утвердившегося всюду (в мировой системе) «казарменного социализма» была партийно-государственная бюрократия. Потому-то народ и восстал, поднялся на революционные действия, с помощью которых «мирно», «нежно», «бархатно» (речь здесь не идет о Румынии) добился отстранения бюрократии от власти, чтобы утвердить свою политическую власть. Как раз по этой причине совершенное преобразование, имеющее своим содержанием переход политической власти от бюрократии к народу, дает все основания называть этот процесс революцией в самом что ни на есть научном смысле слова, ибо основной, главный, коренной признак революции — переход политической власти из рук одних классов или общественно-политических сил в руки других.

В ходе дальнейшего обмена мнениями мы почти согласились с тем, что революция в каждой стране шла своим особым путем, но чаще всего после «бархатной» революции, после бескровной политической победы народ, трудящиеся не смогли закрепить свой успех, ибо, лишившись своих дискредитированных общественно-политических организаций и не имея новых (о Румынии и Болгарии здесь речь не идет), в результате состоявшихся позже выборов высших органов представительной власти уступили свое уличное народовластие политическим силам, победившим на выборах и поведшим свои страны по пути возвращения к «западной цивилизации», что иногда равносильно реставрации капитализма, разумеется, современного, а не того, который существовал в XIX столетии и был с классической глубиной раскрыт К. Марксом.

Продолжая размышлять над этой весьма не простой проблемой, я ставлю перед собой новый вопрос: так что, революция как «праздник угнетенных» здесь была весьма кратковременна? Она сполохом мелькнула в самом начале бурных событий, уступив затем возвращению к буржуазному обществу с его эксплуататорами и эксплуатируемыми, социальными несправедливостями, безработицей? Почему же тогда народ, трудящиеся этих стран молчат? Ну, хорошо, они оказались без своих общественно-политических организаций, партий, а там, где осталось их малоавторитетное подобие, людей захлестнула вполне понятная, хотя и не оправдываемая волна антикоммунизма, что и делает неслышным голос протеста. Но, может быть, все значительно сложнее, может быть, революционный процесс продолжается и эйфория праздника еще не исчезла?

Конечно же, именно в этом и заключается суть дела. Наше ортодоксальное сознание, впитавшее с молоком матери некоторые марксистские формулы и воспринимающее их как незыблемые истины, воспринимает ход истории как закономерное поступательное движение человечества и составляющих его стран и народов, через цепь революций вдоль единой оси общественного прогресса, отождествлявшейся до сих пор с переходом от одной формации к другой, от менее развитой к более высокой. В рамках подобного понимания не было и нет места диалектике прогресса и регресса, не было сомнений в том плане, что эта однолинейность общественной эволюции, ее постоянная направленность вверх, к «вершине» — не что иное как самый настоящий псевдомарксистский фатализм, который и являлся постоянным фундаментом «славного исторического оптимизма» коммунистов.

Но ведь в подобном фатализме, приписанном сталинистами классическому марксизму, даже и не пахнет взаимосвязью прогресса и регресса, их взаимодействием, нет ничего от понимания того, что далеко не все человеческие общества прогрессировали, что были не только такие племена, но и целые цивилизации, которые погибли, так и не перейдя в более развитые состояния. И это сегодня весьма актуально. Ибо чем дальше идет история, тем становится несомненное, что в ходе общественной эволюции не только в далеком прошлом, но и в наше время та или иная страна в силу определенных причин может оказаться на обочине человеческого развития, т. е. в стороне от общей оси цивилизационного прогресса, и пойти по пути создания невиданной в истории общественно-эконо-

мической и социально-политической системы, выпадающей из общей логики развития.

Именно это и произошло с Советским Союзом, с другими странами «реального социализма»: в них шаг за шагом утверждался «казарменный социализм» как внеформационное образование, имеющее своим фундаментом мобилизационную экономику, заведшую эти страны не в кризис, а в социально-экономический тупик (подробнее о сути мобилизационной экономики см.: Через тернии. М.: Прогресс, 1990, с. 379—401).

Как известно, любая социальная революция — средство спасения, сохранения и умножения созданных обществом производительных сил, чей дальнейший рост пришел в противоречие с отжившей системой производственных отношений, с ее уже не работающими стимулами и движителями. Устраняя отжившие отношения и создавая новые, с их новыми стимулами, революция предохраняет производительные силы от застоя, разрушения и гибели, создает условия их дальнейшего прогресса. В руках сталинистов и их преемников сами революционные преобразования превращались в свою противоположность: они становились способом подрыва, разрушения главной производительной силы общества — человека и его стимулов к труду, к развитию производства. Варварские методы и способы преобразований, применявшиеся сталинизмом, выдаваемые за революционное обновление жизни, разрушали не только действительно исчерпавшие себя капиталистические, эксплуататорские механизмы прогресса, но и еще не исчерпавшие себя частнособственнические, более того, и те общечеловеческие, индивидуальные формы и механизмы, без которых невозможен естественноисторический прогресс как таковой.

В том и заключалась поражавшая многих «радикальность» перемен, порожденная невежеством и отсталостью, что революционные преобразования, призванные, в сущности, разрыхлить и обновить верхний, плодоносящий слой общественных отношений, совершались столь решительно, что на поверхность выворачивалась бесплодная глина, а плодоносящий слой почвы фактически закапывался, чем и разрушались цивилизационные основы прогресса.

Короче говоря, создание мобилизационной экономики, весьма податливой к волевым устремлениям «власть имущих», было связано не просто с попыткой преждевременного устранения капиталистических отношений, но и с разрушением общечеловеческих механизмов естественноисторического прогресса. Здесь на многие десятилетия сложилась своя структура антинародной, бюрократической власти и своя система застойного производства.

Пока подобные общества, эволюционируя по регрессивной тупиковой линии, не попали в историческую нишу, выйти из которой своими силами они уже не в состоянии, самостоятельное преодоление трудящимися массами социально-экономического и общественно-политического тупика, восстановление механизмов естественноисторического прогресса, возвращение в лоно развивающейся цивилизации — глубочайшая революция.

Сутью этой революции является, во-первых, свержение политического строя, узурпировавшего власть народа, и возвращение функций управления народу, его представителям; во-вторых, разрушение мобилизационной экономики и ее социально-экономических структур, связанных с бюрократическим огосударствлением средств производства, выход из социально-экономического тупика посредством воссоздания механизмов естественноисторического прогресса; в-третьих, обеспечение прав и свобод граждан.

Наряду с общими чертами, присущими любой социальной революции, рассматриваемая революция имеет, по меньшей мере, две принципиальные особенности. Первая из них состоит в следующем: выйти из тупика можно, только двигаясь назад. Поэтому революционная задача смены регресса прогрессом, восстановления механизмов прогресса обеспечивается по принципу — чтобы идти вперед, надо сначала вернуться назад, к обстоятельствам входа в социально-экономический тупик. Естественно, что такое развитие революционного процесса предопределяет его продолжительность, огромное своеобразие разворачивающихся здесь изменений в политике, экономике и идеологии. Вторая

особенность: попятное движение в каждой стране протекает по-своему и содержит в себе свои опасности, но везде оно имеет революционный смысл только до тех пор, пока оно восстанавливает утраченные механизмы прогресса, и перестает быть таким, когда начинает реставрировать уже действительно отжившие порядки. Между этими и другими процессами в реальной жизни существует весьма тонкая, почти незаметная грань, легко переходимая при отсутствии соответствующего общественного контроля.

Если с этих позиций подойти к происшедшему и происходящему в странах Восточной Европы, то бесспорно, что с отстранением от политической власти партийно-государственной бюрократии и вступлением этих стран на путь радикальных экономических реформ революционный процесс не исчерпал себя, не завершился. Имея своей непосредственной задачей восстановление механизмов естественноисторического развития, возвращение этих стран в общее русло прогресса, он и осознается обществом в соответствующих формах как «возвращение в лоно цивилизации», как «движение к Европе» и т. п.

Однако не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в сложившейся конкретной обстановке процесс изменений в этих странах не может не выйти за свои революционные рамки, ибо при отсутствии сознательного контроля со стороны трудящихся — а у рабочего класса, у трудящихся здесь сегодня нет сколько-нибудь мощных политических организаций, способных воздействовать на ход истории, — он не может не привести к восстановлению отживших общественных отношений. Можно не сомневаться в том, что реставрация здесь старых — капиталистических — порядков, даже в их осовремененном виде, рано или поздно неизбежно породит своих противников, свои силы сопротивления и их борьбу за социальную справедливость, за лучшую жизнь человека труда. Но это будет уже совсем другой этап истории.

Л. Ф. Шевцова: У нашей дискуссии две части — историческая и современная. В исторической части мы обсуждали вопрос о том, что произошло в Восточной Европе в 40-е гг., каковы были причины и истоки установившейся в этих странах авторитарной системы. Но не менее важен и анализ того поворота, который произошел здесь в 1989 — начале 1990 г. Его последствия будут значительны и для Восточной Европы как региона, и для социализма как общественной ориентации. Если все прежние народные революции проходили под левыми знаменами, то нынешние события в соседних странах связаны с поражением левых сил. И это придает им особый драматизм.

И теперь задумаемся, что же, собственно, произошло в Восточной Европе — революции, реформы, перестройка, переворот? В разных странах события приняли не одинаковый характер. В Венгрии и Польше имел место мирный приход к власти новых сил. В ГДР и Чехословакии это случилось в результате народных выступлений, пусть и носивших «бархатный» характер. В Болгарии имела место попытка перестроенного варианта, т. е. частичного преобразования системы под руководством обновленческой части компартии. Сейчас мы видим, что так же, как и у нас, она не удастся. Становится ясно, что перестройкой не обойтись и нужен переход к формированию новой общественной системы. А может ли во главе этого процесса оставаться компартия, бывшая стовым хребтом прежней системы, пусть сегодня и реформированная, превращенная в социалистическую, как это произошло в Болгарии? Пока оснований для того, чтобы утвердительно ответить на этот вопрос, нет. А вот в Румынии, видимо, произошел переворот, в ходе которого либерально настроенные силы в самой системе власти решились убрать ненавистного всем Чаушеску. Но какой режим утвердится там взамен прежней диктатуры? Возможно ли создание демократической власти в обществе, в котором долгое время систематически уничтожались все зачатки гражданственности?

А теперь о том, к чему идут страны, вступившие на путь создания нового общества. Судя по всему, это будет общество со своеобразной логикой и закономерностями. Конечно, оно не будет партийно-этакетским, неосталинистским.

Но оно в ближайшей перспективе не будет и аналогичным западноевропейскому. Иной уровень развития и национальная специфика. Учет к тому же и наследство «реального социализма» в политике, в сфере социальной психологии, в мышлении людей. Но речь не идет о некоем «третьем» варианте развития. Очевидно, можно говорить о весьма своеобразном пути возвращения Восточной Европы в лоно мировой цивилизации и о том, что закономерности этой цивилизации в постпартийном государстве могут принять специфические формы воплощения. Это, кстати, необходимо будет иметь в виду и нам, когда в нашем обществе реально возникнут условия перехода от политики перестройки к политике создания новой системы.

Но в то же время не должно быть иллюзий по поводу безболезненности дальнейшего развития Восточной Европы. Не исключено, что впереди ее ждет новый момент истины. В ряде стран возможно формирование авторитарных режимов на сей раз национал-коммунистического, либо правого (в европейском смысле) характера.

Самое опасное — это разочарование народа и в новых силах, пришедших к власти. В результате возникает опасность вакуума. Кто его заполнит?

Теперь о своеобразии ситуации в Восточной Европе и в СССР по сравнению с развитием западного общества в целом. На Западе реформы направлены на совершенствование существующей системы. У нас — на разрушение системы. У них происходит деполитизация общества, утверждение экономического мышления. У нас, наоборот, политизация общества, которая уже сейчас препятствует экономическим реформам. В западном обществе мы видим отказ от традиционного партийного мышления, кризис института партий, переход к новым формам политического влияния через лобби, прессу, общественное мнение. У нас — тяга к многопартийности, даже усиление партийного мышления. У них возобладали тенденции к интеграции. У нас — к национальному обособлению. Это проявляется не только в СССР, но и в Чехословакии, Болгарии, Румынии.

Короче, общество в Восточной Европе, да и в СССР, с одной стороны, и западное общество — с другой, находятся на разных витках развития цивилизации. Но в таком случае возможно ли наше включение в мировое сообщество, в частности, экономическое? Когда это произойдет и в каких формах? Поднимая этот вопрос, я вовсе не хочу сказать, что такое включение невозможно. Совсем нет. Иного выхода из тупика, в котором оказались страны «реального социализма», быть не может. Но не должно быть иллюзий, что это короткий и легкий путь.

Да и как можно назвать то общество, к которому начала двигаться Восточная Европа? «Демократический социализм»? «Социальный капитализм»? Нет, нет и нет! Опыт наших соседей, да и наш собственный показывает, что видение мира в двухцветном изображении себя давно исчерпало. Те общества, которые начинают создаваться в соседних странах, нельзя классифицировать каким-либо из уже известных понятий. Ну как, скажите, пожалуйста, определить общество, во главе которого встали некоммунистические силы, в котором идет процесс реприватизации, но одновременно сохраняется «защитный зонтик» государства, страховочная сетка для слабых слоев, а среди масс — приверженность определенным социалистическим представлениям? Лучше, пожалуй, и не пытаться все загнать в прежние понятийные рамки. Не получится. Ясно одно: попытка создать справедливую и эффективную систему на базе лишь социалистических идей потерпела фиаско. И вряд ли данная конструкция вообще возможна. Поэтому идея построить «демократический социализм», по-видимому, окажется еще одним миражем. Но очевидно и то, что социализм как система ценностей и идеалов, как политическое течение будет существовать в Восточной Европе и будет оказывать влияние на ход ее развития.

Д. М. Фельдман говорил о международном фоне в узком смысле, я хочу сказать о международном, цивилизационном фоне в общем смысле. Реформы за счет внутренних источников в наших странах не получаются. Мы этот шанс,

видимо, упустили. И в Восточной Европе, и в СССР осуществление радикальных реформ требует привлечения международных источников. Новый план Маршалла, однако, не удастся, хотя бы потому, что мировое сообщество переживает тот же момент истины, что и Восточная Европа. В западном обществе — свои проблемы. И ни одна западная страна не сможет оказать нашему региону сколько-нибудь существенную самостоятельную помощь. Необходим международный консенсус, «круглый стол» всех влиятельных государств по вопросу содействия Восточной Европе и СССР в их переходе к рынку и демократии. Самостоятельно и в одиночку выбраться нашим странам из опасности будет очень сложно. Но в то же время и международные вливания вряд ли помогут, если в той или иной стране не будет политической воли к решительным переменам. Итак, и для Восточной Европы, да и для СССР еще все впереди. Мы открыли только первую страницу новой истории.

А. О. Лапшин: Мне хотелось бы затронуть тему, которая пока еще нами не рассматривалась. Речь пойдет о связях между особенностями становления политических режимов, их типом и тем веером вариантов общественного устройства, который стал возможен в результате антитоталитарных революций в рассматриваемой группе стран.

Прежде всего необходимо остановиться на типологии политических режимов. Здесь главный теоретический вопрос: определение критериев, на основе которых можно давать оценки и делать прогнозы.

Но сначала одно отступление. Мне думается, интерес представит типология, которую мы давали сравнительно недавно, перед революционным переломом в странах Восточной Европы. Нашими индикаторами были особенности функционирования политических систем, их связи с социально-экономической сферой, а также текущие процессы реформации, которые осуществлялись на тот период странами «реального социализма».

Первая группа: СССР, ПНР, ВНР, СФРЮ. В этих странах все активнее и в идеологии, и политике идут процессы радикального пересмотра «сталинской модели» строя, т. е. административно-командного, этатистско-бюрократического варианта общественного устройства. Начатая «сверху» модернизация в каждой из этих стран зависит прежде всего от соотношения консервативных и обновленческих политических сил, от участия в этих процессах широких масс населения. Социальным гарантом устойчивости позитивных тенденций может явиться расширение нового социального, так называемого среднего слоя, ориентированного на научно-технический прогресс и создание стабильной и вместе с тем динамичной, открытой политической системы.

Вторая группа стран: ГДР, НРБ, ЧССР. Идеологическое сознание и научная мысль в этих странах в значительной мере ориентированы на поиск путей обновления строя в русле старой модели. Они пытаются решить возникающие проблемы за счет рационализации уже действующих экономических и политических механизмов и институтов. Что касается ЧССР, то вряд ли ситуация 1968 г. осталась в прошлом. Массовые выступления в Праге осенью 1988 г. свидетельствуют о своеобразном демократическом ренессансе общественного сознания и поведения части населения. Стереотип «неподвижного» обывателя чеха или словака из европейской глубинки является скорее желаемым для части руководства, чем отражает реальные процессы общественно-политической жизни страны. Формально процессы обновления в НРБ аналогичны процессам в I группе стран. Идеологические установки, активность части научной интеллигенции близки перестроечной идеологии. Что касается реальных процессов, то радикализм принимаемых перестроечных проектов отражает пока не столько решения назревших проблем, сколько имитацию деятельности при неуклонном ухудшении всех параметров общественного развития страны.

Третью группу составляют СРР, Албания. Общественная и политическая жизнь в них во многом определяется ролью того или иного лидера. Что касается Албании, то это единственная из стран государственно-организован-

ного социализма, сознательно и открыто отстаивающая идеологию и практику сталинизма.

Далее подчеркивалось, что противоречия между национально-государственными интересами слаборазвитых и развитых стран — членов СЭВ вряд ли возможно «снять» средствами политики или разрешить на путях изживших себя форм экономического сотрудничества.

Хорошо видно, что типология приведенной схемы строилась на принципе реформации старой, неосталинистской модели социализма. Все оценки ситуации в странах исходили из шкалы радикальности реформ, но предполагали тем не менее их нахождение в рамках так называемой мировой социалистической системы.

Общественно-политический взрыв 1989—1990 гг. в Восточной Европе смел старые представления о «реальном социализме» и поставил перед наукой и политикой принципиально новые вопросы. Конечно, все мы, даже люди, профессионально занимающиеся проблематикой «реального социализма», не были готовы к такому радикальному общественно-политическому повороту. Возникла практическая потребность в построении новой типологии развития данной группы стран. Динамика общественно-политических процессов и радикализм принимаемых решений, выход на историческую арену новых политических сил и уход на вторые, третьи, четвертые и никакие роли бывших правящих коммунистических партий, все это позволяет сделать вывод о том, что изменения, происходящие в восточноевропейском регионе, выходят за рамки модельных эволюций, и страны «реального социализма» на гребне тотальных кризисов входят в этап смены базисных систем отношений.

Какие варианты общественной эволюции здесь возможны? Существует ли логика у этих переходных процессов или их содержание и направленность целиком определяются только конкретно-историческими особенностями развития отдельных стран? Наконец, продуктивны ли сейчас поиски основания для новой типологии развития стран этого региона? Ответы на эти вопросы представляют интерес не только для исторической или политической науки, но прямо связаны с разработкой новой концепции взаимоотношений СССР с государствами Восточной Европы.

Теперь по существу поставленных вопросов. Тенденции кризисных процессов в этой группе стран определялись масштабами и глубиной тоталитаризации общественных отношений. Там, где монопольно властвующая верхушка руководства в послевоенный период последовательно уничтожала структуры гражданского общества и насаждала закрытый, неподвижный тип политического режима, там революционные ситуации приобрели наивысший радикализм. Уничтожение диктатуры Чаушеску и последующие события в Румынии убеждают: абсолютно-тоталитарные режимы при взрыве и последующей трансформации создают очень сложные общественно-политические ситуации в стране. Тенденции кризисной эволюции общества в этом случае трудно поддаются прогнозированию, в том числе и в послереволюционный период. И это понятно. Совершенно неясно, какие новые политические силы войдут в исторический процесс и как они смогут взаимодействовать со своими оппонентами. Кроме того, «черным ящиком» предстает электоральная сторона политического самосознания населения. Взрыв политических и идеологических интересов у различных социальных групп и слоев масштабен, но лишен экономических предпосылок, поскольку разрушена или значительно деформирована естественноисторическая многоукладность форм собственности.

Все это позволяет сделать вывод о том, что для стран с режимами абсолютно-тоталитарного «реального социализма» все варианты исторической перспективы достаточно драматичны и внутренние конфликты. Именно здесь смена знака тоталитаризма с леворадикального (основанного на псевдоклассовой основе) на праворадикальный (базирующийся на вспыхнувшем национализме) наиболее вероятна. Хотя, разумеется, полная исчерпанность нетоварного варианта общественной эволюции заставит любые политические группировки

принять и использовать регулируемый рыночный вариант. То есть, по крайней мере, вероятность деидеологизации производственно-технологической сферы деятельности просматривается как общая тенденция для стран Восточной Европы.

Исторические эволюции Советского Союза, особенно за последний год, позволяют сделать вывод о растущей вероятности рассмотренного выше варианта общественного развития. Он самый неблагоприятный прежде всего из-за его драматизма и непредсказуемости. Характеристики переходных состояний от абсолютно-тоталитарных режимов к демократическому обществу со значительной вероятностью создают авторитарные типы общественного устройства. Восстановление регулируемых рыночных отношений в странах с глубоким структурным кризисом требует целенаправленной устойчивости в функционировании политической системы. Выход из структурного кризиса будет обязательно сопряжен с обострением социальных противоречий, с борьбой старых, уходящих форм хозяйствования и новых направлений, олицетворяющих научно-технический прогресс. Неизбежное в этих случаях столкновение интересов может привести к опасной раскачке социально-психологической и политической ситуации в обществе.

Второй тип общественной эволюции дают нам страны, в которых тоталитарный режим не носил столь абсолютного характера и где частичные реформы заложили предпосылки для более «нормальных» предсказуемых вариантов посткризисного исторического развития. Венгрия, Польша, Чехословакия будут идти трудным путем интеграции в общеевропейские экономические и политические структуры. ГДР ассимилируется в ФРГ, хотя с большой вероятностью можно предположить, что это даст толчок усилению в объединенной стране националистических тенденций.

Какими бы путями не развивались в 90-е гг. страны «реального социализма», они будут решать вопрос о способах своего практического включения в мировое хозяйство и систему международных отношений. Кроме того, революции в Восточной Европе убедили нас, что современный миропорядок делится не по географическим признакам и не на основе искусственной формационной схематики, построенной по классовым основаниям. Демократия и тоталитаризм — вот полюсы общественной эволюции, которые были подвергнуты суду истории. И если тоталитарные режимы нежизнеспособны, то это, разумеется, не означает, что жизнь в условиях демократии проста и бесконфликтна. Противоречия общественного развития сохраняются в любой общественной системе. Но в одном случае они разрешаются через достаточно функциональные экономические, политические и идеологические механизмы, в другом — противоречия накапливаются и перерастают в очаги разложения и реальной десоциализации ткани общественной жизни. Здесь вектор истории показывает направление на Чернобыль.

Теперь хотелось бы обобщить сказанное.

1. Динамика и содержание революционных процессов в странах Восточной Европы убеждают нас в том, что все они проходят под знаком разрушения тоталитарных режимов.

2. Сходство кризисных тенденций в этой группе государств позволяет сделать вывод об уходе с исторической арены достаточно типизированной модели строя, которая получила название «реального социализма».

3. Утверждение и последующая эволюция данной модели показывают ее неорганический характер для стран рассматриваемого региона.

4. Ни одна из стран Восточной Европы не смогла ни через свои национально-исторические особенности, ни через частичные реформы, ни через кризисные ситуации адаптироваться к модели «казарменного коммунизма».

5. Если и имелись некоторые внутриобщественные предпосылки для данного типа общественно-политического устройства, то основным гарантом ее существования были внешние, международные условия. Силовой патернализм Советского Союза в отношении этой группы стран был той псевдоинтерна-

ционалистской политикой, которую еще недавно выдавали за международные отношения нового типа.

6. Перестройка в СССР открыла шлюзы для радикальных трансформаций в Восточной Европе, исторические предпосылки для которых существовали практически всегда.

7. Революционный слом тоталитарных режимов показывает, что там, где они носили форму личных диктатур, перспективы последующей демократизации общества наиболее трудны.

8. Опыт таких стран, как ГДР, Польша, Венгрия, Чехословакия, показывает, что при использовании механизмов «круглого стола» процессы легитимации новой власти проходят спокойнее.

9. В тех странах, которые вошли в «реальный социализм» прежде всего за счет собственных движущих сил (СССР, СФРЮ), кризисные процессы наиболее болезненны прежде всего из-за социально-психологической укорененности данного строя.

10. Несмотря на этнокультурное многообразие стран Восточной Европы и существовавшие между ними отличия в политической системе или экономической сфере, кризисы и революции конца 80-х — начала 90-х гг. имеют и общие черты. Крах неосталинистского типа общества — явление действительно интернациональное в его общецивилизационном значении.

Возникает также вопрос, могут ли происходящие в странах Восточной Европы общественные преобразования революционного характера быть однозначно оценены научной общественностью и вообще населением нашей страны, заплатившим за освобождение Европы от фашизма сотнями тысяч человеческих жизней? Ответ, думается, ясен — нет. Ведь в СССР десятки лет общественное сознание формировалось под влиянием сталинизированного марксизма с его мифами об особом характере отношений социалистических стран и существованием братских форм сотрудничества, с его установками на приоритет интернационально-классового перед национально-демократическим. В конечном итоге был создан миф о так называемом социалистическом содружестве и мировой системе социализма.

Крах «реального социализма», разрушение международных образований социализма — все это ставится теперь в вину высшему руководству Советского Союза, начавшему перестройку. Особенно остро эти проблемы встали на XXVIII съезде КПСС. Думаю, в них нужно разобраться.

Часть делегатов дружно потребовала и от Э. А. Шеварднадзе, и от А. Н. Яковлева ответить на вопрос о виновниках крушения социализма на европейском континенте. Но что же это за международная реальность, которая рассыпалась с такой легкостью? Я думаю, что часть населения Советского Союза и особенно аппарата никак не пробудится от идеологического сна.

Когда слышатся голоса о том, что Горбачев или Яковлев привели к краху социализм, то позволительно спросить защитников нетленных принципов, а как быть с полосой кризисов, которые преследовали страны «реального социализма»? Достаточно вспомнить события 17 июня 1953 г. в ГДР, революционные взрывы в 1956 г. в Венгрии, «пражскую весну» 1968 г., серию конфликтных ситуаций в Польше (1956, 1968, 1970, 1976 и особенно 1980—1981 гг.). А межгосударственные и межпартийные конфликты СССР и СФРЮ, КПСС и СКЮ и соответственно Советского Союза и Китая, КПК и КПСС? Как оценить всю эту далеко не полную цепь драматических событий? Считать ли плохим выражением верных принципов или все-таки пора, наконец, осознать, что, как сказал на XXVIII съезде КПСС М. С. Горбачев, «крах социализма» означает исчезновение такого его вида, который был по существу вариантом сталинской авторитарно-бюрократической системы, от которой, кстати, и Советский Союз пытается отказаться.

Что же мешает признать эту истину консервативным кругам Советского Союза? Непонимание исторической ситуации, слепая вера в непогрешимость ряда общих принципов, т. е. совокупности идей и духовных ценностей, или

все-таки что-то другое? Я думаю, другое. И этим другим является корпоративный интерес части партийно-государственного аппарата. В этом — ключ к пониманию различных оценок событий, происходящих в Восточной Европе. И если эти группы общества заинтересованы в консервации отжившей модели общественного устройства, то другие требуют радикальной реконструкции жизни. И это понятно, поскольку жизнь первых уже устроена в рамках существующего строя и они не хотят ломать ее и поэтому призывают «не уходить без боя», будь то колхозы или независимые государства, другие же не могут более жить под гнетом классовых конфликтов, для них приверженность демократии означает признание на деле равенства наций, суверенитета народов, невмешательства в их дела и права на свободу выбора.

И. С. Яжборовская: Нередко можно услышать утверждение о том, что якобы СССР, нынешнее советское руководство «толкнули Восточную Европу к развалу социализма», в результате чего мы потеряли свою «буферную зону». Эти понятия, бесспорно, одного логического ряда. История свершила свой суд над подобными представлениями. Сталинистский вариант ограниченного, скованного, деформированного развития, сопряженный с деформациями советской внешней политики на очередном витке исторической спирали был взорван революционными методами изнутри.

Болезненные, судорожные попытки сбросить путы кризисогенной административно-командной системы, преодолеть ограниченность экстенсивной экономики повторялись с неумолимой периодичностью. Многократно ставился и вопрос о пересмотре на принципах подлинного партнерства отношений в мировом социалистическом содружестве. Утверждение о том, что будто бы революционные перемены у наших соседей породила перестройка в СССР, не более чем иллюзия. Перестройка лишь сняла смиренные путы, ликвидировала подпорки конструкций ущербной авторитарно-тоталитарной системы, подпитку ее структур в этих странах — уродливого порождения волюнтаристских деформаций. Зато мы можем с полным основанием записать на свой счет издержки замедления их исторического развития, закваска которого давно перебродила, а в ряде стран даже трансформировалась в отрицание самого строя. Строя, который в силу нашей политической заскорузлости реформируется с таким великим трудом, что механизмы общественного развития действуют весьма натужно, а нередко, что отмечал и Ленин, зигзагообразно.

Однако при всей специфике развития событий в Восточной Европе как в целом в регионе, так и в каждой из его стран, существо процесса реформирования общественных отношений одно — попытка вырваться на более высокий уровень цивилизации, высшую ступень политической культуры. По этому пути идем и мы, и было бы желательно избежать таких значительных издержек, какие понесли некоторые обогнавшие нас по части темпов реформ страны.

А. П. Бутенко: Какое место в этом изменяющемся мире будет принадлежать Советскому Союзу? Для ответа на этот вопрос, как мне представляется, мы должны учитывать по меньшей мере два объективных обстоятельства.

Советский Союз — первая страна, вступившая на новый, как считалось, социалистический путь развития. Более семидесяти лет этого пути при воинствующе-безграмотном или волюнтаристски-безответственном руководстве не могли не привести к особенно глубоким переменам и разрушениям механизмов прогресса. Но как бы отрицательно мы ни оценивали сам этот путь и полученные результаты, нельзя отрицать того, что и в самом начале — при выборе пути в Октябре 1917 г. и позже — совершенное не было результатом действия «кучки заговорщиков» или «инородцев» (только весьма ограниченные, не уважающие свой народ псевдоинтеллектуалы могут так оценивать почти столетнюю историю своей страны и своего народа), оно по тем или иным причинам находило отклик и поддержку весьма значительных социально-классовых сил советского общества, ибо только им было под силу осуществить эти перемены.

Память народа об этом не разрушить двумя-тремя сериалами сенсационных статей, даже если они оказываются бальзамом для миллионов тех, кто, сознавая и свою вину за случившееся, готов с благодарностью подобным авторам переложить эту вину на «заговорщиков» и «инородцев». И все же то, что было сотворено вовсе не иноверцами, затесавшимися в наши славные русские, украинские и других народов ряды, а самими этими народами, не так легко и просто искоренить, как это можно сделать в других странах, где идеи «новой жизни», окрашенные кровавыми пятнами сталинизма, с самого начала воспринимались как чужеродные.

Во-вторых, Советский Союз — не Монако, это — огромная держава, раскинувшаяся на двух континентах, историческое развитие которой не могло не иметь своих неповторимых черт. События у нас, в том числе и связанные с перестройкой, с революционным обновлением жизни не могут развиваться так же, как, скажем, в Польше, Чехословакии или Венгрии. Конечно, большой корабль труднее раскачать, чем небольшую лодку. Но главное не в этом! Главное — в другом: а следует ли нам вообще раскачивать наш корабль? Не приведет ли это с учетом всей сложности этой громадины к непоправимой катастрофе? Не правильнее ли требовать от власти предрежащих не бесконечных колебаний между народом и бюрократией, а ясного определения своих позиций — с народом ли М. С. Горбачев, Политбюро или с партийно-государственной бюрократией? Не пора ли твердо встать на путь восстановления механизмов естественноисторического развития страны и перестать плестись по бездорожью компромиссов с теми, кто не только не хочет, но и никогда не сможет стать на этот путь, ибо по своей сути, по своим интересам живет в прошлом и с прошлым, в «славных десятилетиях» всевластия партийно-государственной бюрократии.

Именно это и открыло бы путь Советскому Союзу к действительному возрождению и помогло бы найти новое место в Европе и во всем мире.

Из страны-жандарма, стоящей на страже сталинских порядков в странах Восточной Европы, каким был СССР при жизни и после смерти «отца и учителя всех народов», наша страна превратилась бы в действительный форпост обновления жизни на основах демократии и социальной справедливости.

Если же этого не произойдет, то внутри СССР в условиях продолжающегося развала экономики развернется острая политическая борьба, начнутся взаимные распри, грозящие общим неуправляемым бунтом, ибо лебедь, рак и щука не способны вывезти наш советский воз из социально-экономического тупика на путь человеческой цивилизации, с которого мы сбились.

А. Е. Липский: Коль скоро нас пригласил к участию в дискуссии исторический журнал, я бы хотел сказать следующее. Для того чтобы советское общество могло приступить к налаживанию новых нормальных отношений со своими восточноевропейскими соседями, нужно решить самостоятельную политическую проблему серьезного пересмотра истории взаимоотношений СССР с этими странами. Причем эту проблему нельзя сводить к устранению так называемых «белых пятен». Я вообще считаю этот термин, перекочевавший из публицистики на страницы политических документов, крайне неудачным и вводящим в заблуждение. Речь должна идти не только о публичном выяснении правды относительно ряда конкретных исторических эпизодов или даже периодов, но прежде всего о серьезных методологических изменениях, об отходе от духа «Краткого курса истории ВКП(б)», от имперских традиций в изложении истории советско-восточноевропейского соседства. Тот факт, что пересмотр истории — политическая проблема, наталкивает многих политических и научных деятелей на мысль, что и решать ее надо исключительно политическими, заформализованными методами. Классический пример — советско-польская декларация 1987 г. и создание двусторонней комиссии историков. К сожалению, комиссия, несмотря на некоторые успехи, в целом оказалась несостоятельной. Безусловно, нужны какие-то политические действия, но они не должны сводить-

ся к формированию новых административных комиссий и комитетов. Необходимо прежде всего создание нормальных условий для научной деятельности самых различных исследователей. Во-первых, пора открыть наконец архивы. Об этом уже говорил Л. Н. Нежинский. И второе: необходима целенаправленная политика журналов и издательств. Я столкнулся с тем, что наши исторические журналы не слишком охотно (с журналом «История СССР» я не имел до сих пор дел) берут материалы, связанные с острыми спорными проблемами в истории двусторонних отношений СССР и стран Восточной Европы. Необходимо своего рода разгосударствление в этом плане исторической науки, отход от исключительно государственных форм решения так называемой проблемы «белых пятен». На страницах исторических изданий должны быть обнародованы мнения самых разных историков, ученых, независимых от правительственных органов и партийных структур.

Надо решительно порвать с практикой принесения исторической истины в жертву конъюнктурным, преходящим интересам текущей политики. В конце концов в любом цивилизованном обществе наука и дипломатия — это разные сферы. Хочу быть правильно понятым — я не против государственной политики в деле выяснения исторической правды. Нам, например, не помешало бы по опыту Франции, Польши, ФРГ создать под правительственным патронатом двусторонние комиссии экспертов совместно со своими соседями с целью взаимной корректировки учебников и школьных программ по истории и географии в той части, которая касается многовековой истории нашего соседства, освещения ее наиболее драматичных и спорных эпизодов. Однако работа подобных комиссий должна опираться на научные достижения свободных исследователей, имеющих доступ к архивам, не скованных различными политическими «табу» в научно-издательской деятельности.

* * *

В заключение и. о. главного редактора К. Ф. Шацилло от имени журнала поблагодарил участников «Круглого стола», отметив, что это была по существу первая попытка многостороннего рассмотрения темы. Состоявшаяся дискуссия, разумеется, не могла дать исчерпывающих и однозначных ответов на все поставленные вопросы.

Публикуя этот материал, редакция стремилась удовлетворить потребность профессионально ориентированной читательской аудитории журнала в ознакомлении с первыми откликами специалистов на внезапно изменившуюся под влиянием революционных событий ситуацию в Восточной Европе. Различные, порой противоречивые и спорные мнения ученых об этих процессах свидетельствуют прежде всего о том, что многие традиционные оценки и схемы рушатся под напором быстрых политических перемен и потока свежей исторической информации. В то же время новые концептуальные подходы и выводы еще только формируются как у нас в стране, так и в других государствах Восточной Европы в условиях все возрастающей политизации общественного сознания. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток на характер идущего научного поиска, участники которого порой считают должным, не замыкаясь на решении конкретно-исторических проблем, декларировать собственные мировоззренческие и политические позиции.

Направленность и тон дискуссии во многом объясняются особенностями современного этапа в развитии исторического сознания в нашей стране. Если рожденная перестройкой гласность произвела глубокий переворот в исторической памяти народов СССР, то демократические революции 1989 г. в Восточной Европе не только дали импульс аналогичным процессам в странах этого региона, но и отозвались в Советском Союзе второй волной исторической самокритики, обращенной теперь уже на более фундаментальные основы нашего государственного бытия и его международные аспекты.

В такой обстановке велико желание продолжить не первый год идущую в СССР дискуссию об истоках сталинизма (тоталитаризма), применив сформулированные на основе анализа отечественной истории подходы к прошлому стран Восточной Европы. В связи с этим экстраполяция как метод научного исследования пока преобладает над решением задачи типологизации восточно-европейских политических режимов.

Динамизм и масштабность происходящих в восточноевропейском регионе перемен диктуют необходимость междисциплинарного подхода к осмыслению этих процессов, обуславливая известное смещение исследовательских функций историков, политологов, философов, экономистов. Представители исторической науки, например, просто не могут сейчас даже при «погружении» в ставшие уже далекими 40-е или 50-е гг. отстраниться от феномена революций 1989 г., избирая его в качестве отправной точки для своих рассуждений.

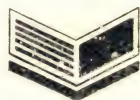
Но и предпринимая первые попытки концептуального осмысления революционных процессов в странах Восточной Европы и перестройки в СССР, историки, учитывая их незавершенность, используют в своих теоретических обобщениях не только конкретно-исторический материал, но и гипотезы относительно будущего народов, возвращающихся на магистральные дороги цивилизации.

События в Восточной Европе так же, как и перестройка в СССР, дают обильную пищу для философских дискуссий о судьбах социализма и главных тенденциях мирового развития. Глубокая научная разработка этих вопросов возможна лишь на путях тесного взаимодействия конкретно-исторических разысканий с широкими теоретическими построениями.

Обсуждавшаяся за «Круглым столом» проблематика будет и в дальнейшем оставаться в поле зрения нашего журнала. При этом редакция рассчитывает и на сотрудничество со специалистами, политическими и общественными деятелями из стран Восточной Европы.

Многие из предложенных для обсуждения вопросов были или только слегка затронуты или вообще не рассматривались в этой дискуссии. Среди них — тема общественного сопротивления утвердившимся в СССР и странах Восточной Европы недемократическим режимам, а также вопрос о том, какую роль сыграл Советский Союз в судьбах стран региона в кризисные моменты их развития, и об обратном влиянии этих кризисов на ход событий в нашей стране.

Редакция надеется, что предложенная вниманию читателей публикация послужит стимулом для развития научной мысли и вызовет читательские отклики как в СССР, так и за рубежом, весь спектр которых будет представлен на страницах журнала.

КРЕСТЬЯНСКАЯ БАЗАРНАЯ ТОРГОВЛЯ В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ В 50-е — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х ГОДОВ

Изучение одного из немногих островков рыночных отношений в советской истории 30—80-х гг. — колхозной торговли — представляет несомненный интерес в научно-теоретическом и практическом плане. Намечающееся «включение» рынка как важнейшего элемента регулирования нашей общественной системы требует знания основных обстоятельств его эволюции в стране. Постановка проблемы связана и с историографическими потребностями, необходимостью разработки данного сюжета с целью более полной реконструкции развития аграрной подсистемы общества в целом. Немногочисленные исследования, посвященные колхозной торговле в СССР, выполнены по преимуществу экономистами¹. Из литературы по смежным темам, в которой отдельно рассматривается и колхозный рынок, выделяются работы по личному подсобному хозяйству². В них прокомментирована общая статистика колхозного рынка, сформулированы политико-экономические его оценки. С учетом достигнутого наряду с изучением рынка в целом наиболее перспективными направлениями дальнейшего исследования темы представляются рассмотрение региональных рынков, анализ участия в базарной торговле основных продавцов — колхозников и других граждан. Специально следует рассмотреть внутригодовую торговую динамику, ассортимент продаваемых товаров, специфику рынков больших и малых городов, влияние на товарооборот особенностей самой торговой деятельности и т. д.

Крестьянская торговля была продолжением производственной семейной деятельности колхозного двора, поэтому рамки ее во многом определялись состоянием крестьянского приусадебного земледелия и животноводства. Существует официальное определение, юридическая категория и научная трактовка крестьянского хозяйства колхозной эпохи как личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Однако его изучение в Центральной России 50-х — первой половины 60-х гг. показывает неправильность такой оценки. Хозяйство двора играло в то время, а тем более ранее не менее значительную роль в сельском хозяйстве региона, чем колхозно-совхозное производство, давая порой до 50% продукции (хотя эта его роль постепенно снижалась), было важнейшим каналом формирования доходов крестьянской семьи, не говоря уже о ее продовольственном обеспечении, имело большое значение в формировании общественного продовольственного фонда и т. д. По сути дела, наряду с колхозно-совхозной системой функционировала в течение длительного времени не менее значимая в социально-экономическом плане совокупность крестьянских мирков, продолжавших тысячелетнюю традицию российского крестьянства. «Раскрестьянивание» их происходит в 50-е — первой половине 60-х гг. в связи с политикой урезания хозяйства двора и усиления зависимости от труда в общественном хозяйстве. До завершения же этой трансформации параллельно двум производственным структурам (колхозно-совхозной и крестьянской) существовали две системы дальнейшего движения продукта. Первая — это хорошо известные государственные поставки (позже — закупки), натуроплата, контрактация и т. д.; вторая, несмотря на полунатуральность и жесткое налогообложение, все же давала жизнь настоящему крестьянскому рынку.

Источниковую базу данной работы составляет статистика колхозного рынка. К сожалению, она пока слабо вовлечена в научный оборот. Ее публикации даже последних лет³ не отличаются полнотой и дифференцированностью показа-

телей. Это обстоятельство потребовало привлечения неопубликованных источников: специальных статистических бюллетеней («Колхозная торговля в ... году», «Цены на городских колхозных рынках»), а также «Сводок о продаже сельскохозяйственных продуктов и скота колхозами, колхозниками и единоличниками» (форма Б-2).

Последний вид документов представляет собой ежемесячный свод характеристик рыночной торговли более чем по 70 видам продаваемых товаров, а также по количеству товаров, средней их цене и обороту в торговле колхозов, колхозников и единоличников (с 1960 г. — «и других граждан»). В 1958 г. несколько изменилось наименование товаров в форме Б-2, что, впрочем, не оказало существенного влияния на учет общего оборота и динамики торговли. Обследование по широкой программе было выборочным, но крупномасштабным. В Союзе в целом такой учет в 60-е гг., например, охватывал рынки 264 городов⁴. В РСФСР форма Б-2 составлялась в 50—60-х гг. и охватывала примерно 140 городов, включая 60 городов Нечерноземья⁵. Автором этих строк выполнена источникковая публикация этого материала⁶. Из 60 городов Нечерноземья, в которых проводился учет базарной торговли, для издания были отобраны сведения о 12 из них. Расположенные в различных экономических районах зоны, они разнотипны административно и экономически, а также по величине, количеству рынков и т. п. Погодовой и внутригодовой учет рыночных оборотов дается за весь период, в нем представлена торговля и колхозов, и населения. Помесячный учет продаваемых товаров публикуется лишь за 2 года — 1953-й и 1965-й. Даты эти выбраны не случайно — обе являются крупными вехами в истории деревни, крестьянского двора. В публикации учитывается «весь оборот» (более чем по 70 позициям), а также отобраны 23 товара основного базарного ассортимента, такие, как зерновые, сено и солома, овощи и фрукты, мясо и молочные продукты, яйца⁷. В данной статье, опирающейся на эту публикацию, характеристики размеров продажи и цен построены на главном торговом ассортименте.

В работе анализируется крестьянская базарная торговля — ее объемы, цены, обороты, значение в товарном обращении и снабжении городов, причины колебаний этих основных показателей. Значительное внимание уделяется «общерыночному» материалу. Статистика не учитывала отдельно торговлю колхозников: до 1960 г. форма учета индивидуальной торговли включала также единоличников, с 1960 г. — и других граждан. Выводы о крестьянской торговле делаются на основе именно этих данных, что представляется оправданным по причине малой уже в 50-е гг. доли единоличников в стране. Проблема рассматривается в пределах Нечерноземья. Для сравнения использован общесоюзный материал.

Хронологически исследование охватывает период 50-х — первой половины 60-х гг. — последний этап существования в Центральной России крестьянского двора. Это был специфический период функционирования колхозного рынка, занимающий особое место в его истории: завершалась экстремальная послевоенная ситуация и еще не произошло полностью «раскрестьянивание». Изучение крестьянской торговли на этом этапе представляет не только чисто академический интерес, ибо показывает функционирование «свободной» торговли индивидуальных производственных форм в сельском хозяйстве, которым, видимо, будет принадлежать определенная роль в будущем.

Прежде всего определим место колхозной торговли в совокупном розничном товарообороте. В целом по стране за 1950—1965 гг. товарооборот колхозного рынка сократился с 4,9 до 3,6 млрд. руб. в фактически действовавших ценах. Его доля в розничном товарообороте государственной, кооперативной (включая общественное питание) и колхозной торговли упала за этот период с 12 до 3%⁸. Однако столь малым было место базара лишь на фоне всей торговли. По сопоставимому же кругу товаров оборот колхозного рынка в общей продаже продовольственных товаров государственной, кооперативной и колхозной торговли (в фактически действовавших ценах этих форм торговли) составил в 1950 г. 29%, в 1952 г. — 32%, в 1955 г. — 25%, в 1960 г. — 14%, в 1965 г. — 10%⁹. Хотя в одинаковых для всех форм торговли ценах — государственных

розничных — эта доля была несколько ниже, думается, значение приведенных показателей все же более объективно отражает место базарной торговли (следует принимать в расчет и качество продуктов). Индекс физического объема продаж колхозного рынка по отношению к 1940 г. составил в 1950 г. 163%, в 1960 г. — 130%, в 1965 г. — 111%. За годы пятой пятилетки среднегодовые темпы сокращения продажи всех сельскохозяйственных продуктов на колхозном внедеревенском рынке составили 1%, в 1956—1960 гг. — 3,5%, в 1961—1965 гг. — 3%; индекс физического объема продажи по названным пятилетиям равнялся соответственно 95, 84 и 86%¹⁰.

Приведенные данные свидетельствуют об абсолютном и относительном сокращении колхозной торговли в стране. Причины этого явления весьма разнообразны. Решающее влияние на размеры и ассортимент рынка оказывало состояние государственной и кооперативной торговли. Рост общественного сельскохозяйственного производства, вне рыночной продажи основных продуктов питания регулярно упоминается в отчетах статистических органов как фактор снижения значения колхозного рынка¹¹. Сокращение роли базарной торговли происходило и в связи с переориентацией колхозов на продажу части своей продукции государству, чему способствовал механизм цен¹². Серьезным было воздействие на колхозную торговлю состояния закупочных цен потребительской кооперации. Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. торговля потребительской кооперации товарами, закупленными у колхозников и принятыми на комиссию от колхозов, по ценам, сложившимся на местных рынках, получила весьма широкое распространение¹³. Динамика оборотов крестьянской базарной торговли во многом предопределялась также состоянием приусадебного хозяйства и балансом потребительского бюджета семьи. Сокращение хозяйства крестьянского двора в 50-х — первой половине 60-х гг. в значительной степени определило уменьшение рыночной торговли. С другой стороны, торговая активность колхозников колебалась вследствие изменения приоритетов между продовольственным и непродовольственным потреблением, которые не удовлетворялись в течение рассматриваемого периода¹⁴.

Особо следует выделить зависимость колебаний торговли от сезонных факторов и внутренних причин самой торговой деятельности. Так, в «замечаниях к сводкам» (форма Б-2) нередко упоминается «сезонность производства и продажи сельскохозяйственных продуктов», являющаяся типичным свойством хозяйства крестьянского двора, как причина изменений размеров торговли теми или иными товарами. Состояние дорог и других путей сообщения в зависимости от времени года — также весьма распространенная в торговой аналитике причина объяснений сезонных колебаний торговли. Порой в сводках фиксируется зависимость торговых оборотов от погодных условий в целом (в частности, отмечается влияние сильных морозов на сокращение подвоза картофеля и т. д.). Натуральный расчет по трудодням в колхозе упоминается как фактор увеличения крестьянской торговли, как правило, для декабря и января. Занятость крестьян в общественном и личном хозяйстве также воздействовала на их торговую активность (колхозники закончили весенний сев, уборку урожая, появилось больше времени и увеличился подвоз на рынок — такие замечания не являются редкостью).

Весьма часто среди причин сокращения размеров базарной торговли упоминается и карантин в связи с эпидемиями (ящура, в частности), запрещающий или ограничивающий вывоз продуктов на рынки. Так, в 1965 г. эпидемия ящура повлияла на торговлю многих рынков страны¹⁵. В ноябре этого года существенное падение продаж отмечалось, например, в Москве¹⁶. Влияние этого фактора регулярно упоминается в замечаниях к форме Б-2 в течение всех 50-х — первой половины 60-х гг.¹⁷

Характерные тенденции изменения роли колхозного рынка в снабжении городского населения основными продуктами питания раскрываются данными бюджетных обследований семей рабочих промышленности СССР, приведенными в таблице 1. Они свидетельствуют о том, что доля продуктов колхозного рынка в общем составе купленных рабочими сельскохозяйственных продуктов сокращалась. Иногда она какое-то время оставалась постоянной и порой даже

Доля продуктов (в %), купленных рабочими на колхозном рынке, в составе всего купленного ими продовольствия *

	1952 г.	1957 г.	1960 г.	1963 г.	1965 г.
Мясо	51	28	15	13	13
Молоко	69	26	13	12	8
Масло животное	12	1	0,7	0,6	0,5
Яйца	65	54	45	33	23
Картофель	77	67	62	54	52
Овощи	54	39	33	25	19
Фрукты свежие	66	53	47	40	36

* Таблица составлена по: Колхозная торговля в 1960 г. М., 1961. С. 5; Колхозная торговля в 1964 г. М., 1965. С. 5; Колхозная торговля в 1965 г. М., 1966. С. 3.

возрастала. Так, в 1962 г. удельный вес купленного рабочими на базаре мяса поднялся до 19%, отмечено увеличение доли и других продуктов в 1963, 1964 гг.¹⁸ Но ведущей оставалась тенденция падения роли рынка в продовольственном снабжении горожан. Если в начале 50-х гг. по шести из семи учтенных в таблице видов продовольствия колхозный рынок давал рабочим семьям более 50% продуктов, а по молоку, яйцам, картофелю и фруктам — в пределах или более двух третей, то в 1965 г. его часть лишь по картофелю превышала половину, хотя и осталась значительной по яйцам, овощам, фруктам.

Рассмотрим участие в базарной торговле Нечерноземья колхозов и индивидуальных производителей сельскохозяйственной продукции¹⁹. В 1953 г. на рынках Москвы оборот торговли колхозов составил 177 985,4 тыс. руб. (в старом денежном исчислении), или 10% всего базарного оборота; торговый оборот колхозников и единоличников — 1 589 188,5 тыс. руб., или 90%²⁰. Это соотношение составляло в Устюжне Вологодской обл. — 19 и 81%, Вологде — 15 и 85%, Смоленске — 17 и 83%, Ржеве — 16 и 84%, г. Горьком — 14 и 86%, Котельниче Кировской обл. — 6 и 94%, г. Орле — 17 и 83%, Гатчине — 11 и 89%, Пскове — 25 и 75%, Свердловске — 28 и 72%, г. Осе Пермской обл. — 8 и 92%²¹. В 1965 г. это соотношение было уже следующим: в Москве — 1 и 99%, Устюжне — 2 и 98%, Вологде — 0 и 100%, Смоленске — 0 и 100%, Ржеве — 2 и 98%, Горьком — 2 и 98%, Котельниче — 0 и 100%, Орле — 1 и 99%, Гатчине — 0 и 100%, Пскове — 1 и 99%, Свердловске — 0 и 100%, Осе — 1 и 99%²².

Хотя этот процесс имел порой отклонения от общей линии, шел неравномерно в течение рассматриваемого периода, главная тенденция налицо: торговля колхозов на городских рынках сокращалась, а в середине 60-х гг. стала ничтожно малой по отношению к обороту индивидуальных продавцов. В некоторых из рассмотренных городов (Устюжна, Вологда, Смоленск, Котельнич, Гатчина, Оса) она в течение всей первой половины 60-х гг. была крайне незначительной, а порой и вообще прекращалась. Это положение характерно и для страны в целом: так, в 1953 г. удельный вес продажи сельскохозяйственных продуктов колхозами в общей продаже на колхозных рынках 264 городов составил 12,3%, в 1960 г. — 5,3%, в 1965 г. — 2,2%, в том числе по продуктам растениеводства за последний год — 2%, животноводства — 2,8%²³.

Динамика оборотов рыночной торговли колхозников и других категорий населения Нечерноземья имела специфику в разных районах и городах зоны. В Москве оборот упал со 159 млн. руб. в 1953 г. (в денежном масштабе 1961 г.) до 118 млн. в 1965 г., или на 26%. Правда, в 1954—1955 гг. наблюдался рост этого показателя (свыше 200 млн. руб.), отдельные небольшие колебания были заметны и позже. Однако ведущей была тенденция сокращения оборота²⁴. Примерно так же развивался процесс в Вологде, где оборот упал с 4 млн. в 1953 г. до 2 млн. руб. в 1965 г.²⁵ и в Горьком — с 30 млн. до 23 млн. руб.²⁶, при больших годовых колебаниях показателя. В ряде других крупных городов продажа сельскохозяйственных товаров колхозниками и другим населением сохранялась на прежнем уровне, а порой и увеличивалась. Так, в Смоленске торговый оборот вырос с 4 млн. руб. в 1953 г. до 5 млн. руб. в 1965 г., причем пик (5,9—6 млн. руб.) пришелся на 1954—1955 гг., а наиболее быстрый рост —

на 1963—1965 гг.²⁷; в Орле оборот увеличился с 4 до 6 млн. руб. за тот же период (пик 7—8 млн. руб. — в 1955—1958 гг.)²⁸, в Пскове при значительном сокращении оборота в начале 60-х гг. в 1953 и 1965 гг. он составил 3 млн. руб.²⁹; в Свердловске при бурном росте во второй половине 50-х гг. и стремительном сокращении в начале 60-х гг. оборот все же увеличился с 11 млн. руб. в 1953 г. до 13 млн. в 1965 г.³⁰ В малых и средних городах Нечерноземья процесс имел свои особенности. В Устюжне оборот торговли колхозников и других категорий населения равномерно (исключая вторую половину 50-х гг.) рос со 175 тыс. руб. в 1953 г. до 275 тыс. в 1965 г.³¹ В Ржеве оборот поднялся с 1,2 до 2 млн. руб. за тот же период³²; в Котельниче он упал соответственно с 724 до 404 тыс. руб.³³; в Гатчине — сначала увеличился с 395 тыс. руб. в 1953 г. до 800—900 тыс. руб. в середине и второй половине 50-х гг., затем снова сократился и в 1965 г. составил 612 тыс. руб.³⁴; в Осе — ритмично уменьшался с 315 тыс. руб. в 1953 г. до 200 тыс. в 1965 г.³⁵

Важной особенностью рыночной торговли колхозников и других категорий населения были колебания ее уровня в течение года. Одна из основных характеристик этого явления — внутригодовая динамика оборотов торговли³⁶. Материал по 12 нечерноземным городам свидетельствует о том, что наибольшим торговый оборот колхозников и другого населения был, как правило, в августе³⁷. Во всех рассматриваемых крупных городах за 1953—1965 гг. показатели августа чаще превышают данные за другие месяцы (исключения: в Москве в 1963 и 1964 гг. обороты за июль немного превосходили августовские; в Смоленске в 1955 и 1962 гг. сентябрьские обороты выше августовских; в Горьком обороты сентября 1955 г., февраля, апреля, мая и июня 1962 г., сентября 1964 г. и июля 1965 г. превышали августовский; в Орле превышение оборота августа отмечается в сентябре 1954 и 1956 гг., в июле, сентябре и ноябре 1960 г., в июле и ноябре 1961 и 1962 гг., в сентябре и октябре 1963 г., в октябре—декабре 1964 г.; аналогичная ситуация имела место в Пскове в апреле, мае, сентябре 1955 г., в мае 1957 г., в апреле—июне 1959 г., в мае—июле и сентябре—ноябре 1961 г., в апреле—июне и сентябре—октябре 1962 г., в апреле, сентябре, октябре 1965 г.; то же отмечается в Свердловске в сентябре и октябре 1955 г., в сентябре 1957 г., в мае 1961 г., в июне, июле и сентябре 1963 г., в сентябре 1964 г.)³⁸.

В исследуемых малых и средних городах региона ситуация характеризуется большими отклонениями от названного принципа. В Устюжне, например, оборот личной торговли населения в августе был наивысшим за 5 лет периода 1953—1965 гг., октябрьский оборот превышал августовский в течение 7 лет, сентябрьский — в течение 6 лет³⁹. В Котельниче оборот сентября был выше августовского в течение 10 лет из тринадцати рассматриваемых, в октябре — в течение всех 13 лет, в ноябре — 9 лет⁴⁰. Почти такая же ситуация и в Осе⁴¹. Несколько отличный процесс, с преобладанием августовских оборотов, фиксируется в Гатчине и особенно в Ржеве⁴². В целом же можно заключить, что для крупных городов, имеющих сравнительно развитую государственную и кооперативную продовольственную торговлю, рынок имел наибольшее значение в период, когда свежая растениеводческая продукция общественного производства еще не успевала поступить в торговлю. Имея наибольшие показатели в августе, а в малых и средних городах — часто в сентябре—ноябре, торговый оборот колхозников и других групп населения в конце года, а часто и в начале следующего порой до весны уменьшался, после чего денежные размеры продаж возрастали.

Богатым и разнообразным был колхозный рынок по ассортименту продаваемых товаров, особенно в 50-е гг. Учетная форма Б-2 за этот период содержит сведения о торговле товарами 74 наименований, которые можно разделить на несколько групп. Выделяется группа зерновых, бобовых и масличных культур и продуктов их переработки — рожь, пшеница, овес, ячмень, мука (ржаная, пшеничная, кукурузная, овсяная), крупа (пшено, гречневая, овсяная и др.), горох, чечевица, семя льняное, растительное масло и т. п. (всего 20 наименований). Овощей, фруктов, ягод учитывалось 17 наименований. Продавались картофель, капуста (свежая и квашеная), лук, свекла, морковь, огурцы, помидоры, чеснок, яблоки и другие фрукты, виноград, бахчевые и т. д. Мясная группа была

Таблица 2

Структура товарооборота рыночной торговли в стране (в %)*

	1952 г.	1960 г.	1965 г.
Продукты растениеводства	52	67	63
в том числе:			
хлебные продукты	10	5	4
картофель	10	12	10
овощи	13	18	17
фрукты	14	27	27
Продукты животноводства	38	27	27
в том числе:			
мясо и сало	24	13	16
птица	3	5	4
молочные продукты	9	5	4
яйца	2	3	2
Скот	10	6	10
Всего...	100	100	100

* Таблица составлена по: Колхозная торговля в 1960 г. М., 1961. С. 14; Торговля СССР: Стат. сб. М., 1989. С. 318. За 1952 и 1960 гг. учтены данные по 251 городу, за 1965 г. — по 264 городам.

представлена говядиной, телятиной, бараниной, свининой, салом, курами, гусями, утками и прочей птицей, дичью; молочная — свежим молоком, сливочным маслом, творогом, сметаной, сыром и прочими молочными продуктами; в больших количествах продавались также яйца. В этот период в небольших масштабах еще сохранялась торговля скотом. Продавали также сено и солому, рыбу, мед, грибы, картофельную муку, дрова и некоторые другие товары. Наблюдения над динамикой рыночного торгового ассортимента в Нечерноземье 50-х — первой половины 60-х гг. позволяют выделить два процесса, с разной степенью интенсивности набравших силу в городах разных типов. Во-первых, уменьшается продажа продуктов переработки продовольственного сырья. Например, в середине 60-х гг. резко сократилась, а в ряде городов исчезла базарная торговля сливочным маслом, то же часто наблюдалось с крупой и прочими товарами. Во-вторых, в ряде случаев уже появляются признаки будущей «смены» ассортимента рынка Центральной России, постепенного превращения его из экономической формы, продолжающей местное (в основном крестьянское) хозяйство, в сферу торговых интересов южных товаропроизводителей, преимущественно индивидуальных. В этот период данное явление мало заметно, оно еще не приобрело уродливой формы 70—80-х гг., когда даже в таком северном городе, как Вологда, все центральные торговые ряды местного рынка заняли среднеазиатские, кавказские, украинские, молдавские торговцы, а местных колхозников лишь с трудом можно было отыскать в самых дальних углах базара.

Последнее явление отразилось на общей товарной структуре товарооборота рыночной торговли в стране (табл. 2). Понижение доли продукции животноводства и рост продуктов растениеводства (особенно фруктов) в оборотах колхозной торговли — наиболее заметное изменение в товарной структуре рынка.

Хлебная торговля на базарах претерпела за 1950—1965 гг. изменения. По стране произошло резкое уменьшение объемов рыночной продажи хлебных продуктов. Если в 1950 г. на внедеревенском рынке их было реализовано 3,1 млн. т (16% от общего объема продажи через государственную, кооперативную и колхозную торговлю), то в 1955 г. — 2 (8%)⁴³, в 1960 г. — 1,6 (6%), в 1965 г. — 1,3 млн. т (4%)⁴⁴. Среднегодовые темпы уменьшения продажи зерновых (зерно, мука, крупа) на внедеревенском рынке в 1951—1955 гг. составили 8,6%, в 1956—1960 гг. — 3,7%, в 1961—1965 гг. — 4,4%⁴⁵. Процесс этот шел, впрочем, неравномерно. Имели место и периоды подъема хлебной рыночной торговли; в 1952 г., например, на колхозном рынке было реализовано 4 млн. т зерновых (19% всех проданных хлебных продуктов)⁴⁶. Однако в целом процесс сокращения объема реализации и доли базара во всей хлебной торговле — налицо. Важнейшей причиной этого явления был рост государственной торговли товарами этой группы. Резко изменилась структура хлебных продуктов в оборо-

тах колхозных рынков. По данным рынков 251 города, в 1961 г. по сравнению с 1952 г. продажа зерна увеличилась на 12%. При сокращении продажи всех хлебных продуктов на 40% доля зерна в ней повысилась с 37 до 68%. Продажа муки в этих городах сократилась более чем в 5 раз, а ее доля в продаже хлебных продуктов — с 47 до 14%⁴⁷, особенно сократилась продажа муки пшеничной⁴⁸. Этот процесс продолжался до 1964 г. В 1964 г. по сравнению с 1963 г. на колхозных рынках 264 городов продажа муки в целом возросла в 3,3 раза, в том числе пшеничной — в 4,4 раза, при сокращении продажи зерна на 21%⁴⁹. Такой всплеск был вызван резким сокращением продажи продукта в государственной и кооперативной торговле, которое уже в следующем году было преодолено, что сразу же сказалось и на хлебном ассортименте рынка⁵⁰. Продажа хлебных продуктов на колхозных рынках страны была сосредоточена главным образом на Украине, Северном Кавказе и в Поволжье (около 50% всего продаваемого на колхозных рынках хлеба⁵¹). Как показывают наблюдения статистиков, основная часть зерна покупалась городским населением на корм скоту и птице; частично оно использовалось на переработку в муку⁵².

Рассмотрим динамику индивидуальной торговли зерном (основными видами) на рынках 12 нечерноземных городов за 1953 и 1965 гг. В Москве за 1953 г. было продано 2596 ц в основном пшеничного зерна, в 1965 г. — 2999 ц⁵³. В Горьком в первой половине 1953 г. преобладала продажа овса, ячменя и ржи, с сентября — пшеницы, которая в 1965 г. стала главным видом продаваемого зерна; в целом же в этом городе зерновой оборот равнялся в 1953 г. 2602 ц, в 1965 г. — 5717 ц⁵⁴. Аналогичная динамика структуры продаваемого зерна фиксируется и в третьем (из попавших в выборку) крупнейшем городе Нечерноземья — Свердловске; здесь, однако, объем продажи в 1953 г. (8283 ц) был намного выше уровня 1965 г. (4120 ц)⁵⁵.

В менее индустриализированных и крупных областных центрах региона торговля населения зерном имела свою специфику. В Вологде, где в 1953 г. она была весьма обширной с преобладанием ячменя, в 1965 г. зерна в частной торговле почти не стало. В Смоленске зимой, весной и осенью 1953 г. колхозники продавали ежемесячно от 80 до 170 ц зерна, в 1965 г. этот показатель в том же сезоне обычно не превышал 50 ц. Крестьянская торговля в Пскове в 1953 г. была представлена ежемесячной продажей ржи, пшеницы, овса, ячменя в объеме, как правило, по 20—40 ц каждого вида (кроме летних месяцев); в 1965 г. — чаще до 20 ц в месяц всех видов зерна с доминированием пшеницы. В Орле в 1953 г. зерновая торговля колхозников почти отсутствует, в 1965 г. ее размеры колеблются от 40 до 100 ц ежемесячно, причем в основном это торговля пшеницей⁵⁶.

В малых и средних городах региона ведущей также была тенденция сокращения индивидуальной зерновой торговли. В Устюжне в 1953 г. ежемесячно продавалось 20—40 ц всех видов (преобладал ячмень, далее шли овес и рожь); в 1965 г. даже в период наибольшей активности (январь—март, октябрь—декабрь) объем реализации редко превосходил 20 ц в месяц (в основном ячменя и ржи). Много зерна продавалось крестьянами на рынке Ржева: за 1953 г. реализация его составила 2518 ц (в основном овса, далее идут рожь и ячмень), в 1965 г. — 2429 ц (в основном пшеницы, следующая по объему культура — овес). Резко уменьшилась в 1965 г. по отношению к 1953 г. продажа зерна в Котельниче (преобладал ячмень), снизилась она и в Осе (в 1953 г. преобладал овес, в 1965 г. реализовывалась почти исключительно пшеница), а в Гатчине торговля зерном была минимальной и в 1953, и в 1965 гг.⁵⁷

Таким образом, в Нечерноземье рыночная частная торговля зерном в большинстве проанализированных случаев в 1965 г. снизилась по сравнению с 1953 г. Однако в Москве, Горьком, Орле она выросла. Отмечается обеднение ассортимента: если в 1953 г. ячмень, овес, рожь занимали порой (особенно в малых и средних городах) значительное, а иногда и ведущее место в зерновой торговле, в 1965 г. часто преобладала пшеница.

Самой значительной по физическим объемам была рыночная торговля картофелем и овощами. В 1950 г. в СССР было продано на базаре 6 млн. т картофеля (69% общего объема продажи через все формы торговли), в 1955 г. — 5,9 млн. т

(67%), в 1960 г. — 5,1 млн. т (56%), в 1965 г. — 4,6 млн. т (47%); овощей — соответственно 1,4 (44%), 1,6 (35%), 1,3 (24%) и 1 млн. т (15%)⁵⁸. Среднегодовые темпы уменьшения продажи картофеля на рынке составили в 1951—1955 гг. 0,4%, в 1956—1960 гг. — 2,8%, в 1961—1965 гг. — 2,3%; среднегодовой прирост овощей — за 1951—1955 гг. — 2,5%, уменьшение за 1956—1960 гг. — в среднем на 4,9% в год и за 1961—1965 гг. — на 4,2%⁵⁹. Важно отметить региональные особенности значения колхозного рынка в обеспечении населения этими продуктами. Проведенные статистическими органами группировки за 1965 г. показали, что в большинстве учтенных городов Нечерноземья доля колхозного рынка в общей торговле картофелем составляла 25—29% (Псков, Иваново, Калуга, Кострома, Смоленск, Тула, Арзамас), а в Москве и Ленинграде — 20—24%⁶⁰. Рост государственной и кооперативной торговли картофелем и овощами приводил не только к сокращению базарной их продажи, но и к определенной специализации разных категорий производителей. Обследование за 1961 г. на основе выборочных данных по 44 крупным городам показало, что в государственной и кооперативной торговле продажа свежей капусты составила 32% общей продажи овощей (на рынке — 14%), лука — 9% (12%), свежих помидоров — 19% (16%) и т. д., а прочих овощей (морковь, свекла, редис и др.) — соответственно 15 и 40%⁶¹. Больше разнообразие овощей, более высокая доля свежей зелени — такой была реакция крестьянского хозяйства на рыночную конъюнктуру.

Проследим динамику овощной торговли колхозников и других групп населения на рынках 12 городов Нечерноземья. В Москве в 1953 г. продажа картофеля составила 1 964 008 ц, в 1965 г. — 1 139 631 ц; резко сократилась продажа и других овощей. Та же ситуация отмечается в Горьком. Однако в Свердловске — объем частной продажи картофеля за тот же период вырос, по большинству других овощей — уменьшился. В менее крупных областных центрах фиксируется порой (например, в Вологде) многократное сокращение картофельной и овощной торговли, в иных случаях (Смоленск, Псков и др.) при обеднении ассортимента резкого уменьшения не отмечается, а порой наблюдается и рост продажи отдельных продуктов⁶². Разнообразием тенденций отличалась ситуация в малых и средних городах региона. В Устюжне и Осе, например, картофеля в 1965 г. продавалось значительно меньше, чем в 1953 г.; из других овощей в Устюжне лишь по луку и огурцам сохранились сколько-нибудь значительные объемы продажи, а в Осе велась еще и сезонная торговля огурцами, капустой⁶³. В некоторых малых городах овощная торговля в 1965 г. отмечается уже в незначительных масштабах. Так, в Котельничке, где в 1953 г. ежегодная продажа картофеля весной и летом нередко приближалась к уровню в 100 ц или превышала его, а лука и капусты, огурцов, помидоров исчислялась десятками центнеров, в 1965 г. только с мая по сентябрь продажа каждого из этих видов овощей лишь иногда превышала 10 ц в месяц⁶⁴. В Гатчине в 1965 г. было продано значительно больше картофеля, но резко сократилась торговля другими овощами, хотя в значительных масштабах сохранилась сезонная торговля капустой, луком, огурцами⁶⁵.

Одной из самых значительных статей колхозной торговли была продажа мясных продуктов. В 1950 г. на рынках СССР их было реализовано 826 тыс. т (39% объема продажи через все виды торговли), в 1955 г. — 721 (22%), в 1960 г. — 537 (10%), в 1965 г. — 499 тыс. т (8%)⁶⁶. Среднегодовые темпы сокращения продажи мяса и сала составили за 1951—1955 гг. 2,8%, за 1956—1960 гг. — 5,9%, за 1961—1965 гг. — 1,5%⁶⁷. При этом доля говядины снизилась с 44% в 1952 г. до 22% в 1960 г.; доля птицы, наоборот, возросла за этот период с 10 до 28%; стабильным оставался лишь показатель по свинине (26—27%), телятине (5%) и баранине (14—15%)⁶⁸. В первой половине 60-х гг. состав базарной мясной торговли также менялся. Так, в 1961 г. выросла доля продажи свинины (до 33%) при сокращении торговли птицей (до 22%), в 1962 г. эта направленность еще более усилилась; однако уже с 1963 г. начинается обратный процесс (соответственно — 30% и 24%), а в 1964 г. резко (до

30% с 22% в 1963 г.) возрастает доля реализуемой на рынке говядины⁶⁹. Динамика продажи мясных продуктов на рынке отличалась большими годовыми колебаниями. Так, в 1959 г. продажа мяса (без птицы) уменьшилась в сравнении с 1958 г. во многих крупных городах, в том числе Нечерноземья: в Москве — на 35%, Ленинграде — на 27%, Рязани — на 64%, Ярославле — на 44%, Горьком — на 31%, Кирове — на 51%, Свердловске — на 56%, в Перми — на 36%⁷⁰. В 1960 г. при наиболее значительном сокращении рыночной продажи мяса в Средней Азии (в Туркмении — в 3 раза, Узбекистане — в 2,5 раза и т. д.), в ряде городов Нечерноземья также наблюдался этот процесс: в Москве объем реализации продукта сократился на 43%, в Ленинграде — на 40%, в Свердловске — почти в 4 раза, в Горьком — в 3 раза⁷¹. В 1961 г. сокращение продажи мяса в государственной и кооперативной торговле на 4% и увеличение ее на 21% на колхозном рынке по сравнению с 1960 г. привело даже к временному повышению доли колхозного рынка с 13% в 1960 г. до 16% в 1961 г.⁷² Зато в 1963 г. базарная торговля мясом сократилась на рынках страны сразу на 91 тыс. т, или на 16%⁷³, а в 1965 г. снова выросла на 6%⁷⁴. Доля базарной торговли мясом во всем обороте этого продукта в различных частях страны была далеко не одинаковой. В начале 60-х гг. во многих городах Украины, Молдавии, Поволжья, Северного Кавказа доля колхозного рынка и потребительской кооперации, торгующей по ценам местного рынка, составляла около 40% и более всего проданного мяса; население же городов Средней Азии, Казахстана и Закавказья снабжалось в основном за счет государственных рыночных фондов⁷⁵. Проведенное в 1965 г. одновременное обследование в 55 городах страны показало, что в небольших городах, а также и в ряде крупных, колхозный рынок продолжал занимать видное место в снабжении населения мясом⁷⁶. Такое состояние было весьма характерным и для городов Нечерноземья (Тула, Горький, Новгород, Псков и т. д.)⁷⁷. В малых же и средних городах зоны, например, в Арзамасе, в 1965 г. население порой приобретало на колхозном рынке свыше половины всего купленного мяса⁷⁸.

Рассмотрим изменения в объемах торговли мясом колхозников и других граждан на рынках 12 нечерноземных городов. В 1965 г. ее размеры сократились по отношению к 1953 г. в большинстве обследованных городов. Так, частная продажа говядины, телятины, баранины и свинины в Москве уменьшилась с 124 008 ц в 1953 г. до 18 838 ц в 1965 г., в Горьком соответственно — с 47 579 до 20 503 ц, в Свердловске — с 10 890 до 5013 ц, в Вологде — с 4865 до 2276 ц, в Смоленске — с 8333 до 3906 ц, в Орле — с 13 496 до 9220 ц, в Котельниче — с 537 до 200 ц, в Гатчине — с 523 до 458, в Осе — с 440 до 158 ц; однако в Пскове она выросла с 4878 до 5938 ц, в Устюжне — с 349 до 708 ц, в Ржеве — осталась практически на том же уровне (3520 ц — в 1953 г., 3527 ц — в 1965 г.)⁷⁹. Ассортимент продаваемого мяса в различных регионах Нечерноземья, а также в городах разных типов складывался свой. Однако были и некоторые общие закономерности. Так, большое место занимала продажа говядины и телятины. Нередко на рынке преобладала торговля свиной (Москва — ноябрь и декабрь 1965 г.; Устюжна — март—август и декабрь 1953 г., октябрь—декабрь 1965 г.; Вологда — апрель—июль 1953 г.; Смоленск — сентябрь — декабрь 1953 г., январь — апрель, июль — декабрь 1965 г. и т. д.). В конце лета — осенью большую часть продаваемого частником мяса составляла обычно баранина (Псков — август—октябрь 1953 г., июль—ноябрь 1965 г.; Оса — август—ноябрь 1953 г., август—ноябрь 1965 г.; Котельнич — август—октябрь 1953 г., август—ноябрь 1965 г. и т. д.); иногда доминирование этого вида продукта растягивалось на большую часть года (Вологда — май—ноябрь 1965 г.)⁸⁰.

В 1950 г. молока и молочных продуктов на колхозных рынках страны было продано 2,3 млн. т (24% от объема продажи через государственную, кооперативную и колхозную торговлю), в 1955 г. — 2,5 (18%), в 1960 г. — 1,6 (7%), в 1965 г. — 1,3 млн. т (4%)⁸¹. Среднегодовые темпы прироста продажи за 1951—1955 гг. составили 2,3%, сокращения за 1956—1960 гг. — 8,3% и 1961—

1965 гг. — 5,4%⁸². Доля колхозного рынка в снабжении населения молоком резко различалась по отдельным городам страны. В ряде крупных городов и промышленных центров, включая Москву, Ленинград, Свердловск, на базарах реализовывалось, по данным за 1963 г., от 1 до 3% объема всей продажи молока; в других городах (Новгород, Псков, Горький, Иваново, Кострома) — от 10 до 20%; в небольших же и средних городах эта доля была порой еще выше⁸³.

В 12 нечерноземных городах продажа населением на рынках молочных продуктов претерпела за 50-е — первую половину 60-х гг. существенные перемены. В 1953 г. в Москве ежемесячно колхозники и другие граждане продавали на рынках от 1 до 2 млн. л молока (пик приходится на апрель—май), в 1965 г. этот показатель колебался в пределах от 8 тыс. л в декабре до 107 тыс. л в мае—июне; существенно здесь сократилась продажа творога и сметаны⁸⁴. Резко упала продажа молока в Свердловске: в 1953 г. ежемесячный объем был в пределах от 91 до 160 тыс. л (пик — май—июнь), в 1965 г. — от 13 до 31 тыс. л (пик — июнь—июль); однако здесь значительно выросла реализация творога, а за 7 месяцев из 12 сравниваемых 1953 и 1965 гг. — и сметаны⁸⁵. В Горьком торговля молоком в 1965 г. была ниже уровня 1953 г.: за 1953 г. продано около 5 млн. л, в 1965 г. — свыше 3,7 млн.⁸⁶; продажа творога и сметаны в течение всех месяцев 1965 г. здесь превышала соответствующий уровень 1953 г. (в 1953 г. колебания торговли творогом были в пределах от 170 до 640 ц в месяц, в 1965 г. — от 250 до 1130 ц; сметаной — соответственно от 130 до 390 и от 170 до 660 ц).

В менее крупных областных городах Нечерноземья отмечаются следующие изменения в молочной торговле. В Вологде в течение 1953 г. индивидуально продавалось на рынке ежемесячно от 38 до 92 тыс. л молока, в 1965 г. — от 4 до 10 тыс. л; продажа творога немного уменьшилась (в 1953 г. — от 40 до 82 ц ежемесячно, в 1965 г. — от 34 до 77 ц), а сметаны — сократилась почти в 8 раз (за 1953 г. продано 627 ц, в 1965 — 80 ц)⁸⁷. В Смоленске размер ежемесячной продажи молока в 1953 г. колебался от 20 тыс. л в начале года до 70 тыс. л в летние месяцы, в 1965 г. — от 8—9 тыс. до 50 тыс. л соответственно; продажа творога и сметаны здесь также уменьшилась, в ежемесячном исчислении, как правило, до 2—3 раз⁸⁸. В Пскове в 1953 г. ежемесячно продавалось от 18 до 50 тыс. л молока, в 1965 г. — от 12 до 25 тыс. л; сокращение продажи творога и сметаны было примерно таким же, как и в Смоленске⁸⁹. В Орле фиксируется иная ситуация: рост молочной торговли (в 1953 г. ежемесячно продажа постепенно росла с 53 тыс. л в январе до 115 тыс. л в июне, затем сокращалась; в 1965 г. — увеличение с 58 тыс. л в январе почти до 200 тыс. л в июле—августе, также при дальнейшем сокращении); продажа творога в течение пяти месяцев, а сметаны в течение восьми месяцев 1965 г. превышала соответствующие показатели 1953 г.⁹⁰ В малых и средних городах региона были свои особенности в торговле молочными продуктами на рынке. Так, в Устюжне, Ржеве, Гатчине в 1965 г. по отношению к 1953 г. продажа молока за большинство месяцев сократилась, а творога и сметаны — резко возросла. В Котельниче торговля молоком сохранилась примерно на одном уровне, творога и сметаны — сократилась. В Осе в 1965 г. творога и молока на рынке было продано значительно больше, сметаны — за 9 месяцев из 12 меньше уровня 1953 г.⁹¹

Весьма значительной была базарная торговля яйцами. В 1950 г. объем их продажи в СССР составил 1,4 млрд. шт. (49% продажи через все формы), в 1955 г. — 3,2 (56%), в 1960 г. — 3,2 (37%), в 1965 г. — 2,2 млрд. шт. (17%)⁹². Среднегодовые темпы прироста продажи за 1951—1955 гг. составили 17,6%, сокращения за 1956—1960 гг. — 0,1% и за 1961—1965 гг. — 7,2%⁹³. В рассматриваемых нечерноземных городах динамика торговли яйцами на рынках характеризуется разными тенденциями. Так, в Москве в 1965 г. ее размеры резко сократились по отношению к 1953 г.; то же отмечается в Устюжне, Вологде, Горьком, Котельниче, Орле, Пскове. В других городах очень значительного уменьшения не наблюдается, а за ряд месяцев показатели 1965 г. превосходят уровень 1953 г. (Смоленск, Ржев, Свердловск, Оса)⁹⁴.

Цены колхозного рынка в СССР в течение рассматриваемого периода менялись весьма существенно и имели на разных этапах неодинаковые тенденции эволюции. По отношению к 1940 г. индексы цен на все сельскохозяйственные продукты рынка составили в 1950 г. 104%, в 1960 г. — 98%, в 1965 г. — 110%⁹⁵. Названные показатели усредняют динамику цен различных товаров. Так, индекс цен на зерновые в 1965 г. по отношению к 1940 г. составил 73%, на картофель — 93%, на фрукты — 109%, на молоко и молочные продукты — 114%, на яйца — 117%, на мясо и сало — 150%, на овощи — 159%⁹⁶. В рассматриваемом пятнадцатилетии можно выделить три этапа (по пятилетиям), характеризующиеся следующими основными показателями изменения цен. За 1951—1955 гг. среднегодовой темп прироста индексов цен на все товары рынка составил 0,6%, при отрицательном значении показателя по зерновым (—3,5%), овощам (—1,5%) и яйцам (—1,3%) и положительном — по картофелю (5,9%), фруктам (3,6%), мясу и салу (3,9%), молоку и молочным продуктам (3,9%)⁹⁷. Следующее пятилетие дает отрицательный показатель среднегодовых темпов прироста индексов цен на все сельскохозяйственные продукты рынка (—1,7%), который складывается из отрицательных же показателей по большинству товаров (кроме яиц); при этом самый значительный (—8,9%) среднегодовой темп сокращения индекса цен наблюдается по зерновым⁹⁸. В первой половине 60-х гг. ситуация резко изменилась: среднегодовые темпы прироста индексов цен всех товаров составили 2,5%; отрицательным показатель был лишь по картофелю и фруктам⁹⁹.

Цены менялись неравномерно в пределах вышеназванных периодов, весьма различались в разных частях страны. Особенно существенные изменения приходятся на начало 60-х гг. Если в 1959 г. в стране в целом, в РСФСР, в том числе в Нечерноземье, рыночные цены были ниже, чем в 1958 г.¹⁰⁰, то в 1960 г. цены рынка поднялись на 3%, причем почти по всем продуктам, за исключением овощей¹⁰¹. В 1961 г. показатель вырос еще на 5%, в наибольшей степени на мясо, молочные и хлебные продукты¹⁰²; в 1962 г. прирост цен составил 10%, главным образом за счет продуктов растениеводства¹⁰³. Увеличение цен продолжалось до второй половины 1964 г., после чего началось их понижение, в 1965 г. составившее 6%¹⁰⁴.

Территориальные различия цен были очень значительными. Так, в IV квартале 1959 г. цена говядины колебалась (при среднем размере в 17 р. 57 к. за 1 кг в 251 городе страны) от 19—20 руб. в районах Севера, Северо-Запада, Центральной Нечерноземной зоны до 12—15 руб. в Молдавии, Белоруссии, Литве; цена молока была (при средней по стране — 3 руб. за литр) в районах Севера — 3,5 руб., Северо-Запада — 2,8, Центрального Нечерноземья — 3,4, а в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии — 2—2,7 руб. за литр¹⁰⁵. Выше, чем в среднем по СССР, была в Нечерноземье цена на яйца, яблоки, а в Северо-Западном и Центральном районах — и на капусту. Лишь картофель на рынках городов Нечерноземья стоил дешевле, чем по стране в целом и в РСФСР. Более подробно данная ситуация представлена в таблице 3.

Аналогичная ситуация при более высоком уровне цен отмечается и в 1965 г. (табл. 4).

Группировки по ценам и торговая аналитика свидетельствуют о весьма частом проявлении в городах разных типов еще одной закономерности. Более низкие цены (на мясо, в частности) фиксируются порой в райцентрах¹⁰⁶. Безусловно, это было присуще лишь тем продуктам, которые продавались в районе их производства. Иногда, особенно в средних и малых городах, цены на отдельные продукты (в Нечерноземье чаще упоминаются картофель, овощи) при наличии государственной и кооперативной торговли ими, находились в пределах, а порой и ниже цен нерыночной торговли. В данном случае действовал механизм относительного перепроизводства и конкуренции.

Рассмотрим цены на отдельные рыночные товары в 12 городах Нечерноземья за 1953 и 1965 гг. в масштабе цен 1961 г. по продуктам: зерновые, карто-

Цены колхозного рынка в IV квартале 1959 г. (в руб. за 1 кг, л, дес.)*

	Говядина	Молоко свежее	Яйца	Карто- фель	Капуста свежая	Яблоки
В среднем по 251 городу	17,57	3,00	13,18	1,77	1,67	8,35
РСФСР	18,35	3,35	13,98	1,50	1,87	9,41
Север	20,37	3,53	16,33	1,12	1,34	11,00
Северо-Запад	19,85	2,81	14,56	1,47	1,82	9,55
Центральная Нечерноземная зона	19,48	3,44	15,45	1,37	1,93	8,55

* Таблица составлена по: Колхозная торговля в 1959 г. М., 1960. С. 16.

Таблица 4

Цены колхозного рынка в IV квартале 1965 г.
(в руб. за 1 кг, л, дес.)*

	Картофель	Говядина	Молоко	Яйца
В среднем по 264 городам	0,21	2,56	0,35	1,45
РСФСР	0,18	2,57	0,37	1,39
Северо-Западный р-н	0,16	2,64	0,33	1,75
Центральный р-н	0,16	2,79	0,36	1,72
Волго-Вятский р-н	0,12	2,76	0,41	1,67

* Таблица составлена по: Колхозная торговля в 1965 г. М., 1966. С. 21.

фель и другие овощи, мясо, молочные продукты. Практически везде уровень цен на зерновые был выше в 1965 г. Однако в некоторых городах, особенно там, где была развита государственная торговля хлебными продуктами, цены изменились мало (Москва, Горький, Свердловск)¹⁰⁷. В других, особенно малых городах они выросли весьма существенно. Так, в Устюжне в январе 1953 г. среднемесячная цена зерна колебалась в зависимости от его вида от 18 до 30 коп. за 1 кг, в январе 1965 г. — от 25 до 37 коп.¹⁰⁸, причем если в первом случае отмечается ее сокращение в конце лета и осенью до 15—20 коп., то в середине 60-х гг. такое сезонное сокращение почти не наблюдается. Рост цен на зерно весьма значительным был также в Ржеве и Котельниче¹⁰⁹. И, наконец, в третьей группе городов (Вологда, Смоленск, Псков, Орел, Гатчина) объем продажи зерна настолько упал в 1965 г. по отношению к 1953 г. или был уже ничтожно малым в 1953 г., что сравнение цен утрачивает реальный смысл¹¹⁰.

Цены на овощную продукцию, продаваемую населением на рынках 12 нечерноземных городов, также весьма существенно изменились с 1953 по 1965 г. Несколько выросли цены на картофель. В Москве в 1953 г. в зависимости от сезона они колебались от 9 до 15 коп. за 1 кг, в 1965 г. — от 16 до 19 коп.¹¹¹ Столь же высокими были цены на картофель в Свердловске: в 1953 г. — от 14 до 23 коп. за 1 кг, в 1965 г. — от 15 до 20 коп.¹¹² В большинстве же обследованных городов при некотором росте цен фиксируется более низкий их уровень. Так, за 1953 г. в Устюжне цена 1 кг картофеля колебалась от 4 до 6 коп., в Вологде — от 10 до 15, в Смоленске — от 6 до 10, в Ржеве — от 7 до 8, в Горьком — от 8 до 13, в Котельниче — от 6 до 9, в Орле — от 4 до 7, в Пскове — от 7 до 9, в Осе — от 5 до 7 коп.; в 1965 г. в названных городах картофель на рынке стоил, как правило, от 6 до 15 коп. за 1 кг, лишь в период созревания нового урожая на короткий срок цена порой поднималась выше¹¹³.

В отличие от картофеля цены на другую овощную продукцию менялись не столь однозначно. В Москве, например, в первой половине 1965 г. по сравнению с 1953 г. отмечается более низкий уровень цен на капусту; лук и помидоры, как правило, стоили, наоборот, дороже. В Горьком в 1953 г. рыночная цена свежей капусты в начале года была в пределах от 44 до 93 коп. за 1 кг, затем она постепенно снизилась до 15—17 коп. в сентябре—ноябре; в 1965 г. — в первом полугодии колебалась от 28 до 82 коп., затем упала до 17—22 коп.

в сентябре—ноябре; цена лука в 1965 г. (28—70 коп. за 1 кг) значительно превышала уровень 1953 г. (20—32 коп.); то же в целом можно сказать об огурцах и помидорах. В малых городах более однозначно фиксируется рост цен на овощи. В Устюжне цена свежей капусты осенью 1953 г. опускалась до 8 коп. за 1 кг, в 1965 г. — до 15—18 коп.; стоимость лука в 1953 г. снижалась здесь с 50 коп. в начале года до 30 коп. в осенние месяцы, в 1965 г. с 70 до 40 коп. Выросли здесь цены и на огурцы. Более высокий уровень цен на овощи в 1965 г. по сравнению с 1953 г. фиксируется и в других обследованных малых городах — Ржеве, Котельниче, Осе¹¹⁴.

Цена на мясо, продаваемое колхозниками и другими лицами на рынках Нечерноземья, в 1965 г. была значительно выше уровня 1953 г. В Москве в январе—сентябре 1953 г. 1 кг мяса стоил, как правило, от 1,9 до 2,5 руб., в октябре—декабре цена уменьшилась до 1,7—2 руб.; в 1965 г. цена колебалась чаще в пределах 2,7—3,2 руб. за килограмм¹¹⁵. В Устюжне в 1953 г. мясо стоило от 1,4 до 2 р. за 1 кг, свинина ценилась дороже (до 2,7 руб.); в 1965 г. цена менялась от 2,1 до 2,7 руб.¹¹⁶ Сравнительно низкий уровень цен на мясо в 1953 г. был в Смоленске: от 1,2 до 2 руб. за 1 кг, (свинины — до 2,8 руб.), в 1965 г. — от 2,5 до 3 руб.¹¹⁷; в Ржеве в 1953 г. — от 1,1 до 2 руб. (свинины — до 2,5 руб.), в 1965 г. цена всех видов мяса была около 2,5 руб. за 1 кг¹¹⁸. Аналогичной картина была в Котельниче: в 1953 г. мясо на рынке стоило от 1,2 до 2,1 руб. (исключая свинину, которая ценилась дороже), причем самой дешевой была говядина, далее следовали телятина и баранина; в 1965 г. типичная цена — 2—2,4 руб.¹¹⁹ От 1 до 1,6 руб. стоил 1 кг мяса в 1953 г. в Орле (свинины — до 2 руб.), в 1965 г. в первом полугодии чаще свыше 2,8 руб., во втором — свыше 2,5 руб.¹²⁰ В Осе в 1953 г. цена мяса колебалась от 1 до 2 руб. (свинины — до 2,2 руб.), в 1965 г. на все виды мяса в течение всего года фиксируется цена в 2,5 руб.¹²¹ В ряде других городов ситуация отличалась другим исходным уровнем цены. Так, в Вологде в 1953 г. цена мяса (кроме свинины, стоившей значительно дороже) колебалась от 1,8 до 2,8 руб. за 1 кг, в 1965 г. — от 2,5 до 3 руб. (причем выше ценилась баранина, в течение всего года стоившая 3 руб. за 1 кг)¹²². В Свердловске в 1953 г. говядина, телятина и баранина стоили на рынке 1,6—2,8 руб., в 1965 г. — 2,3—4,3 руб.¹²³ Рост цен на мясо отмечается и в других городах Нечерноземья; везде в конце года фиксируется сезонное снижение цен на продукты.

Рыночные цены на молоко, продаваемое колхозниками и другими торговцами в Нечерноземье, также изменились в течение 50-х — первой половины 60-х годов. В Москве в 1953 г. лишь в июле—августе цена 1 л была 30—32 коп., в остальные месяцы года она колебалась от 35 до 52 коп.; в 1965 г. ее уровень был в пределах 33—42 коп., причем за большинство месяцев цены 1953 г. превышали цены 1965 г. Такой же высокий уровень цен фиксируется в Горьком: в 1953 г. — от 32 до 48 коп. за 1 л, в 1965 г. — от 33 до 46 коп.; в Свердловске: в 1953 г. — от 25 до 55 коп., в 1965 г. — от 33 до 50 коп. В небольших и средних городах, некоторых областных центрах Нечерноземья цены на молоко отличались большей стабильностью и определенностью внутригодовых колебаний. В Устюжне, например, в 1953 г. цена 1 литра в течение января—апреля составляла 30 коп., в мае она несколько сократилась, а с июня по октябрь — удерживалась на уровне 25 коп., в ноябре снова немного возросла и в декабре вышла на исходный показатель в 30 коп.; в 1965 г. — та же картина, но с меньшим циклом сезонного сокращения цены: с января по июнь — 30 коп., июль — 27,5, август — 25, сентябрь — 27,5, октябрь—декабрь — 30 коп. В Ржеве за 1953 г. цена понижалась постепенно с 30 коп. в январе—феврале до 23 коп. в июне—июле и снова постепенно выросла до 40 коп. в декабре; в 1965 г. — с 40 коп. в январе—феврале сокращалась до 30 в июне—сентябре и вновь постепенно увеличивалась до 35 коп. в декабре. Такая же последовательность эволюции цены на молоко и умеренный ее уровень (до 40 коп.) порой при небольшом увеличении в 1965 г. по сравнению с 1953 г. отмечаются в Осе, Пскове, Орле, Котельниче, Смоленске. Были и отклонения от общей схемы, например, в Волог-

де, где в 1953 г. 1 литр свежего молока в январе стоил 40 коп., затем, постепенно сокращаясь, в июле—сентябре цена вышла на минимальный уровень в 25 коп. и снова возросла до 35 коп. в конце года; в 1965 г. все месяцы сохранялся уровень в 30 коп. за литр; отличительная особенность данной ситуации — полная унификация среднемесячных цен в середине 60-х гг., безусловное влияние на которую оказали очень значительные (за некоторые месяцы — десятикратные) сокращения объема реализации молока в 1965 г. по сравнению с 1953 г.¹²⁴

Изменялись цены и на другие молочные продукты. Так, в 1953 г. стоимость творога колебалась в течение года в Москве от 1 р. 50 к. до 2 р. 20 к. за 1 кг (в 1965 г. — от 2 р. 30 к. до 2 р. 80 к.), в Устюжне — 50—60 коп. (в 1965 г. — 50—55 коп.), в Вологде — от 1 р. 60 к. до 1 р. 80 к. (в 1965 г. — 1 руб.), в Смоленске — от 75 коп. до 1 р. 50 к. (в 1965 г. — от 1 р. до 1 р. 50 к.), в Ржеве — 70—80 коп. (в 1965 г. — 1 руб.), в Горьком — от 1 руб. до 1 р. 40 к. (в 1965 г. — от 1 р. 10 к. до 1 р. 90 к.), в Котельниче — 50 коп. (в 1965 г. — от 80 коп. до 1 руб.), в Орле — от 50 до 90 коп. (в 1965 г. — от 1 руб. до 1 р. 60 к.), в Гатчине — от 80 коп. до 1 р. 50 к. (в 1965 г. — от 1 руб. до 1 р. 40 к.), в Пскове — от 90 к. до 1 р. 50 к. (в 1965 г. — 1 руб.), в Свердловске — от 95 коп. до 1 р. 20 к. (в 1965 г. — от 1 р. 10 к. до 1 р. 80 к.), в Осе — 50—60 коп. (в 1965 г. — от 80 коп. до 1 руб.)¹²⁵. Таким образом, самый низкий уровень рыночных цен на творог отмечается в малых городах региона (Устюжна, Ржев, Котельнич, Оса). Как правило, цены 1965 г. были выше цен 1953 г., но в ряде случаев (в городах Устюжна, Вологда, Псков) наблюдалась стабильность или даже снижение цен на этот продукт.

Много общего с ценами на творог было и в динамике цен на сметану. В 1953 г. стоимость 1 кг сметаны колебалась в Москве от 2 руб. до 2 р. 90 к. (в 1965 г. — от 2 р. 40 к. до 2 р. 50 к.), в Устюжне — от 1 р. 60 к. до 2 руб. (в 1965 г. — от 2 руб. до 2 р. 30 к.), в Вологде — от 1 р. 80 к. до 2 руб. (в 1965 г. — 2 руб.), в Смоленске — от 1 р. 50 к. до 2 руб. (в 1965 г. — от 2 р. 10 к. до 2 р. 50 к.), в Ржеве — от 1 р. 60 к. до 1 р. 70 к. (в 1965 г. — 2 руб.), в Горьком — от 1 р. 90 к. до 2 р. 40 к. (в 1965 г. — от 1 р. 80 к. до 2 руб.), в Котельниче — от 1 р. 20 к. до 1 р. 40 к. (в 1965 г. — 1 р. 70 к.), в Орле — от 1 р. 20 к. до 1 р. 70 к. (в 1965 г. — от 2 р. 40 к. до 2 р. 50 к.), в Гатчине — от 2 р. 50 к. до 3 руб. (в 1965 г. — от 2 р. 80 к. до 3 руб.), в Пскове — от 1 р. 20 к. до 2 руб. (в 1965 г. — 2 руб.), в Свердловске — от 2 руб. до 2 р. 50 к. (в 1965 г. — от 2 руб. до 2 р. 50 к.), в Осе — от 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к. (в 1965 г. — от 1 р. 90 к. до 2 руб.)¹²⁶. Резюмируя обзор цен на сметану, продаваемую на рынках Нечерноземья, отметим, что в 8 городах из 12-ти в 1965 г. фиксируется более высокий уровень цен по сравнению с 1953 г. В малых городах цены чаще были ниже, чем в более крупных, особенно в 1953 г.

Соотношение цен колхозного рынка и государственных розничных цен регулярно фиксировалось органами статистики по 71 крупному городу СССР. В 1955 г. цены колхозного рынка в этих городах в среднем вдвое превышали уровень государственных розничных цен. Особенно значительным было это превышение по продуктам растениеводства (236%), и главным образом по овощам (308%) и картофелю (257%). Рыночная цена на мясо была выше государственной на 70%, на молочные продукты — на 66%, на яйца — на 73%¹²⁷. На протяжении 1955—1960 гг. цены колхозного рынка снизились на 8%, а цены государственной торговли возросли на 2%; в связи с этим разрыв между ценами колхозного рынка и государственными ценами уменьшился, особенно по продуктам растениеводства. В 1960 г. продукты растениеводства стоили на базаре на 54% дороже, чем в государственной торговле, продукты животноводства — на 55%¹²⁸. В последующие годы (до 1964 г. включительно) цены колхозного рынка систематически повышались, в связи с чем и увеличился разрыв в ценах. Правда, в 1962—1963 гг. он несколько сократился на продукты животноводства, и особенно мяса, в связи с повышением государственных розничных цен на эти продукты. Однако в 1964 г. цены колхозного рынка на 73% превышали уровень государственных розничных цен, в том числе продуктов растениеводства на 78% (хлебных — на 188%, картофеля — на 91%), продуктов животноводства — на 65%. И лишь в 1965 г. некоторое снижение рыночных цен умень-

шило их разрыв с государственными ценами до уровня 58% по всем сравниваемым товарам¹²⁹.

В целом колхозный рынок 50-х — первой половины 60-х гг. был крупным явлением экономической жизни. В первой половине 50-х гг. городское население снабжалось многими основными продуктами питания главным образом через индивидуальную торговлю на рынке, позже ее роль упала, но по ряду товаров и в середине 60-х гг. оставалась высокой. Кроме того, в малых и средних городах, где продажа отдельных продуктов, особенно мясных и молочных, в государственной и кооперативной торговле была развита слабо, население и в середине 60-х гг. обычно приобретало их в основном на рынке. Сокращение крестьянской базарной торговли связано с рядом причин: ростом государственной и кооперативной торговли, уменьшением приусадебного хозяйства колхозников и колебаниями между его потребительскими и товарными приоритетами, другими типичными свойствами хозяйства крестьянского двора. Однако для Нечерноземья тенденция уменьшения рыночной торговли в рассматриваемый период не стала всеобщей и абсолютной. В ряде рассматриваемых городов региона (Смоленск, Орел, Псков, Свердловск, Устюжна, Ржев, Гатчина) показатели торгового оборота 1965 г. превосходили уровень 1953 г. Правда, порой это было связано с ростом цен. Ведущей тенденцией изменений физических размеров базарной торговли было сокращение продажи основных групп продуктов, к которым относятся овощные, мясные и молочные товары. Однако и здесь наблюдаются порой отклонения от общего процесса: в ряде нечерноземных городов продажа некоторых сельскохозяйственных продуктов выглядит весьма стабильной, а порой и растет. Обеднение ассортимента рыночной торговли в регионе сочеталось с началом переориентации на привозные продукты. Цены колхозного рынка выросли, особенно в 60-е гг. Они были значительно выше государственных розничных цен. В малых и средних городах нередко цены были ниже, чем в крупных. Отмечаются и случаи снижения цен, особенно заметного во второй половине 50-х гг. По ряду продуктов (творог, сметана, зерновые и др.) в середине 60-х гг. уровень цен рынков некоторых городов Нечерноземья был ниже, чем в начале 50-х гг.

Колхозный рынок региона в 50-х — первой половине 60-х гг. был детищем крестьянской деревни, продолжением семейной производственной деятельности двора. Окончательное разрушение крестьянского хозяйства, превращение его в ЛПХ прямо сказалось на состоянии базарной торговли. Она сворачивалась, рыночные отношения угасали. Позитивные сдвиги в аграрной сфере 1953—1958 гг., во многом связанные со снятием налогового бремени с крестьян, показали возможность использования рыночных форм и индивидуального хозяйствования в тех условиях. Однако возобладала генеральная линия — на превращение крестьянина в «рабочего с огородом». Такой подход определялся не только субъективными факторами, но и объективным процессом вступления аграрного производства в индустриальную стадию развития.

Примечания

¹ Игнатов И. Д. Пути развития колхозной торговли. М., 1959; его же. Колхозная торговля в СССР. М., 1961; Васильев А. А. Колхозная торговля, заготовки сельскохозяйственных продуктов и сырья. М., 1960; Кумаков Д. М. Торговля на колхозных рынках. М., 1960; Цельковская Е. А. Колхозная торговля и ее народнохозяйственное значение. Л., 1961; Назаров Р. С. Колхозная торговля на современном этапе. М., 1966; Вороханов А., Федоров Н. Некоторые проблемы колхозной торговли // Советская торговля. 1971. № 10; Левин А. И., Никитин В. М. Колхозная торговля в СССР. М., 1978 и др.

² Белянов В. А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970; Шмелев Г. И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971; Григоровский В. Е., Алексеев М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих в СССР. Л., 1968.

³ См., напр.: Торговля СССР: Стат. сб. М., 1989. С. 314—355.

⁴ Там же. С. 317.

⁵ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 30, д. 3196; оп. 35, д. 7585.

⁶ Безнин М. А. Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е — 1965 гг.: Методиче-

- ские рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Ч. 1—3. Вологда, 1990.
- 7 Подробнее см.: Безнин М. А. Крестьянская торговля... Ч. 3. С. 1—5.
- 8 Торговля СССР. С. 96.
- 9 Там же. С. 98; Колхозная торговля в 1959 г. М., 1960. С. 1.
- 10 Торговля СССР. С. 330.
- 11 Колхозная торговля в 1959 г. С. 2; Колхозная торговля в 1960 г. М., 1961. С. 4—5; и др.
- 12 См., напр.: Колхозная торговля в 1962 г. М., 1963. С. 4.
- 13 См., напр.: Колхозная торговля в 1964 г. М., 1965. С. 4.
- 14 Подробнее см.: История СССР. 1989. № 1. С. 37—59.
- 15 Колхозная торговля в 1965 г. М., 1966. С. 1.
- 16 ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 7595, л. 1 об.
- 17 См.: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 3. С. 4—5.
- 18 См.: Колхозная торговля в 1964 г. С. 5.
- 19 Подробнее см.: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 3. С. 7—60. Табл. 1—12.
- 20 Рассчитано по: там же. Ч. 3. С. 7—9.
- 21 Рассчитано по: там же. Ч. 3. С. 11—52.
- 22 Рассчитано по: там же. Ч. 3. С. 7—53.
- 23 Торговля СССР. С. 329; Левин А. И., Никитин В. М. Указ. соч. С. 19; Подробнее см. также: Колхозная торговля в 1960 году. М., 1961. С. 12—13; Колхозная торговля в 1961 г. М., 1962. С. 13—14.
- 24 См.: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 3. Табл. 1.
- 25 Там же. Табл. 3.
- 26 Там же. Табл. 6.
- 27 Там же. Табл. 4.
- 28 Там же. Табл. 8.
- 29 Там же. Табл. 10.
- 30 Там же. Табл. 11.
- 31 Там же. Табл. 2.
- 32 Там же. Табл. 5.
- 33 Там же. Табл. 7.
- 34 Там же. Табл. 9.
- 35 Там же. Табл. 12.
- 36 Следует подчеркнуть — «одна из основных характеристик», ибо большой оборот может отражать не только крупные размеры продажи в физическом выражении, а и высокий уровень цен. Выявить это можно, лишь анализируя продажи отдельных товаров, что и делается ниже; здесь же рассматривается динамика торговли на основе оборотов.
- 37 См.: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 3. Табл. 1—12.
- 38 См. там же. Табл. 1, 3, 4, 6, 8, 10, 11.
- 39 Там же. Табл. 2.
- 40 Там же. Табл. 7.
- 41 Там же. Табл. 12.
- 42 Там же. Табл. 5, 9.
- 43 Торговля СССР. С. 315.
- 44 Там же.
- 45 Там же. С. 330.
- 46 Колхозная торговля в 1959 г. С. 4.
- 47 Колхозная торговля в 1961 г. С. 4—5.
- 48 Колхозная торговля в 1959 г. С. 5; Колхозная торговля в 1960 г. С. 7.
- 49 Колхозная торговля в 1965 г. С. 4.
- 50 Там же.
- 51 Колхозная торговля в 1963 г. М., 1964. С. 5.
- 52 Колхозная торговля в 1960 г. С. 7; Колхозная торговля в 1965 г. С. 5.
- 53 Рассчитано по: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1. Табл. 1—2.
- 54 Рассчитано по: там же. Табл. 11, 12.
- 55 Там же. Ч. 2. Табл. 21, 22.
- 56 Там же. Ч. 1. Табл. 5—8; Ч. 2. Табл. 15—16, 19—20.
- 57 Там же. Ч. 1. Табл. 3, 4, 9, 10; Ч. 2. Табл. 13, 14, 17, 18, 23, 24.
- 58 Торговля СССР. С. 315.
- 59 Там же. С. 330.
- 60 Колхозная торговля в 1965 г. С. 14.
- 61 Колхозная торговля в 1961 г. С. 12.
- 62 Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 5—72; Ч. 2. С. 4—67.
- 63 Там же. Ч. 1. Табл. 3, 4; Ч. 2. Табл. 23, 24.
- 64 Там же. Ч. 2. Табл. 13, 14.
- 65 Там же. Табл. 17, 18.
- 66 Торговля СССР. С. 315.
- 67 Там же. С. 330.
- 68 Колхозная торговля в 1960 г. С. 8.
- 69 Колхозная торговля в 1961 г. С. 8; Колхозная торговля в 1963 г. С. 6; Колхозная торговля в 1964 г. С. 7.

- 70 Колхозная торговля в 1959 г. С. 7.
- 71 Колхозная торговля в 1960 г. С. 8.
- 72 Колхозная торговля в 1961 г. С. 6.
- 73 Колхозная торговля в 1963 г. С. 6.
- 74 Колхозная торговля в 1965 г. С. 6.
- 75 Колхозная торговля в 1961 г. С. 6—7.
- 76 Колхозная торговля в 1965 г. С. 9.
- 77 Колхозная торговля в 1961 г. С. 6; Колхозная торговля в 1965 г. С. 9.
- 78 Колхозная торговля в 1965 г. С. 9.
- 79 Рассчитано по: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1. Табл. 1—12; Ч. 2. Табл. 13—24.
- 80 Там же.
- 81 Торговля СССР. С. 315.
- 82 Там же. С. 330.
- 83 Колхозная торговля в 1963 г. С. 8.
- 84 См.: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1. Табл. 1, 2.
- 85 Там же. Ч. 2. Табл. 21, 22.
- 86 Рассчитано по: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1. Табл. 11, 12.
- 87 Рассчитано по: там же. Табл. 5, 6.
- 88 Рассчитано по: там же. Табл. 7, 8.
- 89 Рассчитано по: там же. Ч. 2. Табл. 19, 20.
- 90 Там же. Табл. 15, 16.
- 91 Там же. Ч. 1. Табл. 3, 4, 9, 10; Ч. 2. Табл. 13, 14, 17, 18, 23, 24.
- 92 Торговля СССР. С. 315.
- 93 Там же. С. 330.
- 94 См.: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1—2.
- 95 Торговля СССР. С. 314.
- 96 Там же. С. 341.
- 97 Там же.
- 98 Там же.
- 99 Там же.
- 100 См.: Колхозная торговля в 1959 г. С. 14—15.
- 101 Колхозная торговля в 1960 г. С. 14—15.
- 102 Колхозная торговля в 1961 г. С. 16.
- 103 Колхозная торговля в 1962 г. М., 1963. С. 11.
- 104 Колхозная торговля в 1965 г. С. 16.
- 105 Колхозная торговля в 1959 г. С. 16.
- 106 Колхозная торговля в 1960 г. С. 19; Колхозная торговля в 1961 г. С. 19 и др.
- 107 Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1. Табл. 1, 2, 11, 12; Ч. 2. Табл. 21, 22.
- 108 Там же. Ч. 1. Табл. 3, 4.
- 109 Там же. Ч. 1. Табл. 9, 10; Ч. 2. Табл. 13, 14.
- 110 Там же. Ч. 1. Табл. 5—8; Ч. 2. Табл. 15—20.
- 111 Там же. Ч. 1. Табл. 1—2.
- 112 Там же. Ч. 2. Табл. 21, 22.
- 113 Там же. Ч. 1. Табл. 3—12; Ч. 2. Табл. 13—16, 19, 20, 23, 24.
- 114 Там же. Ч. 1. Табл. 1—4, 9—12; Ч. 2. Табл. 13, 14, 23, 24.
- 115 Там же. Ч. 1. Табл. 1, 2.
- 116 Там же. Табл. 3, 4.
- 117 Там же. Табл. 7, 8.
- 118 Там же. Табл. 9, 10.
- 119 Там же. Ч. 2. Табл. 13, 14.
- 120 Там же. Табл. 15, 16.
- 121 Там же. Табл. 23, 24.
- 122 Там же. Ч. 1. Табл. 5, 6.
- 123 Там же. Ч. 2. Табл. 21, 22.
- 124 См. подробнее: Безнин М. А. Указ. соч. Ч. 1. Табл. 1—12; Ч. 2. Табл. 13—24.
- 125 Там же. Ч. 1. Табл. 1—12; Ч. 2. Табл. 13—24.
- 126 Там же.
- 127 Колхозная торговля в 1960 г. С. 19.
- 128 Там же.
- 129 Колхозная торговля в 1965 г. С. 23—24.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ЦЕН В РОССИИ XVIII ВЕКА НА ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

За XVIII в. в России произошел феноменальный по мировым стандартам рост цен. Хлебные цены, выраженные в граммах серебра, на сопоставимой территории повысились в 6,3 раза, цены прочих сельскохозяйственных товаров — в 5,5 раза, на промышленные изделия отечественного производства — в 4 раза, общий индекс реальных цен за XVIII в. возрос приблизительно в 5 раз. Можно считать, что в это столетие произошла настоящая революция цен, ибо они выросли в значительно большей мере, чем во время так называемой революции цен в Европе в XVI—XVII вв. Причина революции цен сводилась к нивелированию громадного — почти 10-кратного — разрыва в ценах, который существовал на рубеже XVII—XVIII вв. в России и западноевропейских странах. Преодоление этого разрыва произошло благодаря весьма значительному росту объема внешней торговли: за XVIII в. он возрос (в постоянной валюте) в 26,5 раза — с 2,6 млн. зол. руб. 1/10 империи до 68,1 млн. руб. Вторым фактором послужило увеличение денежной массы в 7,4 раза на душу населения (в серебре) за счет эмиссии денег, третьим — производство отечественного золота и серебра¹.

Данная статья посвящена последствиям этой революции цен, которые оказались глубокими и серьезными. Всестороннее освещение данной проблемы требует целой книги, поэтому мне придется поневоле ограничиться постановкой некоторых, наиболее важных вопросов и предложить предварительные решения, не претендуя на полноту и окончательность ответов.

Необходима и вторая оговорка. По моему мнению, российская революция цен, продолжавшаяся с перерывами все восемнадцатое столетие, является ключевым, хотя и не единственным фактором всех экономических процессов в России XVIII в. и важным, хотя и не определяющим фактором социально-политических процессов. В частности, революция цен воздействовала на социально-экономическое развитие страны в условиях уже сформировавшегося единого национального товарного рынка, либо в условиях завершения его формирования. Вследствие этого связь между революцией цен и экономическими процессами, не говоря уже о связи с социально-политическими процессами, была не прямой, а опосредованной, не жесткой, а гибкой. К сожалению, автору этих строк не удалось эту идею последовательно реализовать.

В данной публикации речь пойдет лишь о революции цен — явлении, которое до сих пор не привлекало внимания исследователей, другие важные факторы социально-экономического и политического развития останутся в стороне, поскольку они уже были предметом изучения. Мне важно подчеркнуть эту особенность анализа, чтобы читатель не упрекнул меня в попытке абсолютизировать значение революции цен в истории России XVIII в.

ВКЛЮЧЕНИЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

В ходе и под воздействием революции цен Россия включилась в международное разделение труда в качестве поставщика сельскохозяйственной про-

¹ Мironov Борис Николаевич, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

**Товарный состав внешней торговли России
в 1653—1804 гг. (в %)***

Группа товаров	1653 г.	1710 г.	1725 г.	1748 г.	1762 г.	1778—1780 гг.	1802—1804 гг.
Структура экспорта							
Сырье и материалы	93,7	55,1	27,0	43,3	49,3	50,1	77,6
Готовые изделия	2,5	44,5	72,2	51,1	50,3	49,3	14,0
Прочие товары	3,8	0,4	0,8	5,7	0,4	0,6	8,4
Итого...	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Структура импорта							
Сырье и материалы	—	3,7	9,3	7,2	5,5	10,0	25,7
Готовые изделия	—	96,3	90,7	92,8	94,5	89,0	70,5
Прочие товары	—	—	—	—	—	1,0	3,8
Итого...	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Подсчитано по: Курц Б. Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 163—171; Репин Н. Н. Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 174—191; его же. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х гг. XVIII в.: Докт. дис. Л., 1986. С. 20—21, 603—604; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. 3. С. 502—505; Сборник статистических сведений по истории и статистике торговли России. Т. 1. СПб., 1902. С. 104—141.

дукции и импортера промышленных изделий. Это хорошо видно по товарному составу внешнеторгового оборота России (см. табл. 1). Мы разделили все товары на три группы: а) сырье и материалы, т. е. товары сельскохозяйственного производства, охоты, бортничества, морского и речного промысла: хлеб, пенька, лен, семена, мясо, сало, шмель, невыделанные кожи, щетина, воск, мед, рыба, икра, пушнина, кофе, шелк, хлопок и прочие товары, не подвергавшиеся специальной обработке в ремесленных мастерских, на заводах и фабриках; б) предметы мелкотоварного и мануфактурного производства: вино, сахар, юфть, ткани, канаты, поташ, пряжа, мыло, металлы, свечи и другие товары, прошедшие специальную обработку на промышленных предприятиях, и потому являвшиеся не «сырыми», а готовыми изделиями; в) прочие товары не расшифрованные в источниках, а также транзитные товары, предназначенные для российского экспорта.

Структура экспорта показывает, что во второй половине XVII в. львиную его долю (94%) составляли сырье и материалы²; в первой четверти XVIII в. под влиянием экономической политики Петра I в экспорте стала возрастать доля готовых изделий и к 1725 г. она достигла 72%. Однако в последующие годы значение готовых изделий стало падать и к началу XIX в. их доля в экспорте составляла всего около 14%. Соответственно доля сырья и материалов в 1653—1725 гг. понизилась с 94% до 27%, а затем начала повышаться и достигла в 1802—1805 гг. 78%.

Изменение состава экспорта после 1725 г., полагаю, было связано не со смертью преобразователя, а с объективными обстоятельствами. Прежде всего, именно в первой четверти XVIII в. завершился первый этап российской революции цен, в течение которого цены на сельскохозяйственные товары повсеместно выросли в 2 раза, тогда как на изделия (если судить по московским ценам) — примерно в 1,5 раза. В 1710-е гг. были приобретены важнейшие балтийские порты Рига, Ревель, Нарва и построен новый — Петербург. Все это создало благоприятные возможности для роста экспорта из России сырья и материалов во второй четверти XVIII в. Новое увеличение доли этих товаров в вывозе произошло в последней трети XVIII — начале XIX в. и было в значительной мере обусловлено теми же факторами: вторым, завершающим этапом революции цен, начавшимся в 1760-е гг. и закончившимся в начале XIX в., во время которого произошло повышение цен на сельскохозяйственные товары примерно в 2,7—

3 раза, на изделия (если судить по московским ценам) — приблизительно в 1,7 раза; приобретением и строительством новых портов, теперь на Черном море. Существенным стимулом стал и такой фактор, как либерализация таможенного законодательства, провозглашение свободы торговли.

Указанные факторы стимулировали экспорт любых российских товаров, но в большей степени сырья и материалов. Во-первых, ввиду ножиц цен в пользу сельскохозяйственных и промысловых товаров; во-вторых, вследствие малой конкурентной способности русских изделий на европейском рынке и высокого спроса на российское сырье; в-третьих, благодаря большим возможностям России по производству зерна, льна, пеньки, рыбы, пушнины и других сельскохозяйственных и промысловых товаров, страна обладала колоссальными земельными ресурсами и промысловыми угодьями (напомним, что средняя плотность населения Европейской России в 1719 г. составляла 3,5, а в 1795 г. — 7,2 человека на 1 кв. км — это почти в 10 раз ниже, чем в Великобритании). Наконец, экспорт сельскохозяйственной продукции давал значительные доходы государству (от таможенных пошлин, от повышения общей налогообеспособности крестьянства), а также помещикам, крестьянству, купечеству, не требуя сколько-нибудь существенных капиталовложений и болезненной перестройки аграрной экономики.

Структура импорта не претерпела радикальных изменений. На протяжении всего XVIII в. доминирующее место в нем занимали готовые изделия, составляя 80—90% всех ввозимых товаров.

АГРАРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

В XVII в. Россия являлась аграрной страной со слабо развитой промышленностью в любых ее формах. Попытка изменить отраслевую структуру народного хозяйства, предпринятая в первой четверти XVIII в., не увенчалась успехом. Построенная по инициативе правительства сотня мануфактур не стала дрожжами российской индустриализации, поскольку со второй четверти XVIII в. происходил известный экономический рецидив, который можно условно назвать аграризацией экономики. Он выразился в том, что сельскохозяйственная ориентация народного хозяйства стала углубляться, развиваясь в направлении производства зерна, пеньки и льна, что видно по составу экспорта (см. табл. 2). Доля сельскохозяйственных продуктов в сыром и обработанном виде (по стоимости) в 1710 г. составляла 92%, к 1725 г. понизилась до 52%, а затем стала постепенно увеличиваться и в начале XIX в. достигла 72%. В составе сельскохозяйственных товаров произошли изменения в пользу продуктов растениеводства за счет продуктов животноводства. Пенька, лен и зерно в 1710 г. составляли по стоимости 41%, в 1725 г. — 21%, в 1750 г. — 33%, в 1769 г. — 50%, в 1802—1805 гг. — 52%; соответственно понизилась доля продуктов животноводства — с 51% в 1710 г. до 20% в 1802—1805 гг.

Особенно прогрессировал вывоз зерновых продуктов, на рубеже XVIII—XIX в. они заняли первое место среди экспортных товаров — более 20% стоимости всего экспорта, в то время как в начале XVIII в. на их долю приходилось менее 3%, в 1758—1760 гг. — 1%. В 1796—1805 гг. по сравнению с 1701—1761 гг. экспорт зерновых вырос по весу в 32 раза, по стоимости — в 47 раз, на душу населения по ценности — в 27 раз. В 1801—1805 гг., когда как бы подводился итог XVIII столетия, экспорт хлеба достиг 12,8 млн. пуд. в год — уровня, на котором он держался последующие 40 лет XIX в.³ В 1796—1805 гг. на экспорт шла пятая часть всего товарного хлеба в стране⁴.

С чем же конкретно была связана аграризация экономики? Важнейшим фактором специализации российской экономики на производстве сельскохозяйственной продукции, в частности зерновых, кроме включения России в международное разделение труда, явилось неравномерное повышение цен на различные группы товаров в ходе революции цен (см. табл. 3). Несмотря на ориентировочность индексов цен, можно сказать, что цены на зерно повысились

Таблица 2

Основные товары российского экспорта в XVIII в. (в %)*

Товары	1710 г.	1725 г.	1750 г.	1769 г.	1802—1805 гг.
Сельскохозяйственные	92,1	51,5	53,1	63,0	72,1
пенька и пряжа	34,4	16,3	28,2	18,8	17,5
лен и пряжа	3,3	3,5	2,7	11,3	10,8
конопляное и льняное масло и семя	0,3	1,1	1,6	3,5	3,6
зерно, мука, крупа	2,9	—	—	16,9	20,2
сало говяжье и свиное	11,4	2,6	6,7	5,0	14,7
кожи, скот, мясо	39,8	28,0	13,9	7,5	5,3
Промышленные и промысловые	7,9	48,5	46,9	37,0	27,9
лесные**, пушнина, воск	3,7	5,3	1,3	4,5	7,2
железо	—	1,1	15,1	9,8	5,7
текстиль	3,7	36,3	16,5	13,0	6,6
прочие	0,5	5,8	14,0	9,7	8,4
Итого...	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в млн. текущих руб.	1,4	2,2	4,4	14,5	65,5

* 1710 г. — Архангельск, 1725 г. — Архангельск и Петербург, 1750 г. — Петербург; 1769 и 1802—1805 гг. — весь российский экспорт. Таблица составлена по: Козинцев А. Р. И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М., 1964. Табл. 2; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. С. 104—116; Репин Н. Н. Изменение объема и структуры экспорта...; Storch H. Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs. Supplementband. Leipzig, 1803. S. 38.

** Лес, смола, деготь, поташ.

Таблица 3

Индекс цен (в граммах серебра) основных экспортных товаров в XVIII в.
(1701—1710 гг. = 100)*

	1711—1720	1721—1730	1731—1740	1741—1750	1751—1760	1761—1770	1771—1780	1781—1790	1796—1801
Зерновые	149	218	190	233	208	264	320	480	564
Пенька	113	126	148	168	170	186	210	210	433
Лен	116	130	157	186	182	203	222	235	386
Конопляное и льняное семя	135	155	196	252	192	260	323	410	507
	92	110	139	135	154	166	200	237	255
Кожи и юфть	99	99	84	84	95	101	117	—	202
Лесные товары	—	—	—	109	—	—	—	—	249
Железо	91	100	125	122	139	150	180	214	230
Текстиль	100	139	125	—	161	174	216	350	366

* Подсчитано по: Мионов Б. Н. Революция цен в России XVIII в. // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 50—52; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле... Ч. 3. С. 502—505; Репин Н. Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700—начале 60-х годов XVIII в. С. 529, 539—541, 603. Среднероссийский взвешенный индекс розничных цен пяти хлебов: ржи, овса, пшеницы, ячменя и гречихи. Среднероссийский индекс розничных цен.

существенно больше, чем на другие группы товаров, цены на продукты растениеводства — больше, чем на продукты животноводства, а на сельскохозяйственные товары — больше, чем на ремесленно-промышленные товары. Закономерным следствием ножищ цен в условиях развития товарно-денежных отношений явилось более быстрое развитие аграрного сектора экономики по сравнению с промышленным, а в аграрном секторе — растениеводства по сравнению с животноводством.

В течение XVII в. распашка земель в Европейской России находилась примерно на одном уровне — около 20% всей территории. С 1696 г. по 1796 г. площадь распашки увеличилась до 31% благодаря тому, что под пашню было расчищено 21,4 млн. га леса⁵. Особенно стремительно росла пашня в последней трети XVIII в., во время бурного повышения цен, когда революция цен вступила в третью, заключительную фазу: только за 1780—1804 гг. площадь пашни,

по ориентировочным подсчетам Н. Л. Рубинштейна, возросла примерно на 60%⁶. Увеличение пашни существенно обгоняло рост населения⁷.

Расширение посевных площадей требовало соответствующего увеличения затрат труда, так как техническая база земледелия практически оставалась на прежнем уровне. Эта проблема решалась не только посредством интенсификации труда самого крестьянства, но и путем снижения темпов роста промышленности, сокращения миграции крестьян в город и путем обращения городских жителей к сельскохозяйственным занятиям.

Рассмотрим сначала, как развивалась промышленность. По самым оптимистическим из имеющихся подсчетов С. Г. Струмилина, на российских мануфактурах в 1725 г. было занято 18,4 тыс., в 1768 г. — 81,8 тыс. и в 1800 г. — 199,3 тыс. рабочих⁸. Это значит, что среднегодовые темпы роста рабочей силы в 1725—1768 гг. равнялись 3,5%, а в 1768—1800 гг. — 2,8%. Если ориентироваться на более уравновешенные оценки В. К. Яцунского, И. В. Мешалина и А. Г. Рашина (по расчету последнего на мануфактурах трудилось в 1770 г. — 60 тыс., в 1804 г. — 95 тыс.)⁹, замедление развития крупной обрабатывающей промышленности выглядит еще значительней: в 1725—1770 гг. среднегодовой темп роста рабочих составлял 2,7%, в 1770—1804 гг. — 1,4%. Аналогичный процесс наблюдался в горной промышленности. С. Г. Струмилин и Н. И. Павленко обнаружили сокращение темпов роста металлургии начиная со второй четверти XVIII в., особенно заметное в последней трети столетия¹⁰.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ЦЕН НА ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ

Миграция крестьянства в город в XVIII в. была слабой, а в течение второй половины столетия уменьшалась. Приблизительные размеры сальдо миграции в города определены путем вычитания из данных об общем приросте городского населения величины его естественного прироста. Результаты обработки сводных метрических ведомостей о движении православного населения Европейской России показывают, что в 1740—1783 гг. за счет естественного прироста число горожан возрастало в среднем в год на 0,8%, за счет миграции — на 0,18%, в 1783—1801 гг. соответственно — на 0,61% и 0,16%. Как видим, оба источника пополнения городского населения скудели. В отдельные годы, например, в 1779—1783 гг., сальдо миграции было даже отрицательным, что означало ремиграцию крестьянства в деревню¹¹.

Эту парадоксальную на первый взгляд ситуацию пронизательные современники, как показывает анкетное обследование причин повышения хлебных цен и его последствий, предпринятое правительством в 1767 г. и Вольным экономическим обществом в 1803 г., объясняли ростом хлебных цен. Например, в ответах местной администрации на запрос правительства в 1767 г. взаимосвязь между ростом цен и миграционными процессами отметил астраханский губернатор: «Крестьянин, имея волю кормиться другою работою, которая ему была прибыльнее, от крайней дешевизны хлеба оставлял свою пашню и обратился в разные при городах работы, и более их в то вошло, сколько надлежало, а чрез то потерялось равновесия в хлебопашцах кои хлеб поедали. Ныне напротив сего многие городские жители принялись за пашню. Как дороговизна сделалась, то многие из разночинцев и купцов маломощных, считая более тем получить себе прибыли, нежели через другой свой торг по малому их капиталу, принялись за пашню»¹².

Сокращение миграции крестьянства в города вело к уменьшению доли городского населения, поскольку естественный прирост в городе был ниже, чем в деревне. По моим подсчетам, основанным на данных церковной демографической статистики, процент городского населения с 1742 г. (первая дата, на которую возможно было сделать расчет) по 1801 г. уменьшился с 12 до 8,2. Причем это снижение проходило линейно и систематически¹³.

Можно говорить и о прямом воздействии революции цен на социально-экономическое развитие города. Под ее влиянием во второй половине XVIII —

Размещение обрабатывающей промышленности между городом и деревней в XVIII в.*

	1725 г.		1755—1758 гг.		1803—1804 гг.	
	город	уезд	город	уезд	город	уезд
Предприятий	42 (78)**	12 (22)	263 (60)	174 (40)	974 (58)	935 (42)
Рабочих, тыс.	12,4 (86)	2,0 (14)	31,7 (57)	23,9 (43)	41,4 (55)	33,8 (45)

* Подсчитано по: Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР, М., 1966. С. 330—333; Заозерская Е. И. Ведомость 1727 г. «О состоянии промышленных предприятий» // Материалы по истории СССР. Вып. V. М., 1957. С. 205—282; Индова Е. И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России: XII — начало XX в. М., 1975. С. 248—345; Ведомость Мануфактур-коллегии о фабриках в 1778 году ЦГАДА, ф. 199 (Миллер Г.-Ф., «портфели»), оп. 2, ед. хр. 385, т. I. д. I. л. 18—63; ЦГИА СССР, ф. 16 (Отделение мануфактур Экспедиции гос. хозяйства), оп. I, д. 3. Ведомости о состоянии фабрик и заводов по губерниям за 1803—1804 гг. 694 л.

** В скобках указан процент.

начале XIX в. промышленная и торговая функции городов отставали в своем развитии. Первая совершенствовалась слабо вследствие конкуренции со стороны западноевропейской и в неменьшей степени сельской, прежде всего дворянской, промышленности. Об этом свидетельствует изменение в размещении промышленности между городом и деревней в течение XVIII в. в пользу деревни (см. табл. 4). В 1725 г. 78% предприятий крупной обрабатывающей промышленности (из 56) и 86% рабочей силы (из 12,4 тыс.) сосредоточивалась в городах. Значительная часть мелкой промышленности, за исключением ручных домен, горнов и соляных варниц, по данным И. В. Кирилова, также концентрировалась в городах¹⁴. В 1775—1778 гг., через 50 лет, промышленность заметно возросла в количественном и качественном отношении, однако теперь в городах находилось 60% предприятий (из 437) и 57% рабочей силы (из 55,6 тыс.). В последней четверти XVIII в. указанная тенденция продолжала набирать силу и в 1803—1804 гг. в городах сосредоточивалось 58% промышленных заведений (из 1909) и 55% рабочих (из 75,2 тыс.). При всей условности и приблизительности промышленной статистики она (в особенности ведомости о фабриках и заводах, которые использовались в наших подсчетах) верно отражает основные тенденции промышленного развития¹⁵.

Сельская обрабатывающая промышленность своим успехом была обязана отчасти крестьянскому, но в еще большей степени дворянскому предпринимательству, которое в течение XVIII в. усиливалось¹⁶. Если в первой четверти XVIII в. из 40 частных мануфактур только две (5%) принадлежали дворянам¹⁷, то к 1773 г. из 328—66 (20%) мануфактур, которые производили до трети всех товаров¹⁸, а в 1813—1814 гг. из 1018 предприятий с числом работников более 15-ти¹⁹ 520 (более 50%) принадлежали дворянам. Если учесть иностранцев и крестьян, то на долю граждан приходилось около трети крупных промышленных предприятий. Успешно подвизалось дворянство в суконной, писчебумажной, поташной, стеклянной, металлической отраслях, где ему принадлежало соответственно 66, 61, 66 и 55% всех предприятий²⁰. Но наиболее преуспело дворянство в винокуреннии благодаря своему монопольному с 1754 г. положению в этой отрасли²¹.

Развитие торговой функции города существенно тормозилось конкуренцией со стороны сельских торговых центров, которые при активной поддержке дворянства развивались более быстрыми темпами. За 1750—1800 гг. количество ярмарок возросло в городе в 3,5 раза, в сельской местности — в 8,3 раза, базарных дней соответственно — в 1,8 и 3,4 раза²². Как видим, торговая сеть в деревне расширялась быстрее городской. Роль дворянства в развитии торговли на селе обнаруживается в том, что более всего новых сельских ярмарок появилось в помещичьих имениях. В 1760 г. в помещичьих вотчинах имелось 413 из 1143 сельских ярмарок (или 36%), в 1800 г. — 1615 из 3180 ярмарок (или 51%)²³, т. е. больше, чем в государственных, удельных и экономических селениях, вместе взятых. Из приведенных данных видно, что дворянство не только

само активно занималось предпринимательством, но поощряло к этому крестьянство. Не случайно на сельских ярмарках и торжках крестьяне по деловой активности не уступали купечеству и превосходили мещанство²⁴. Наиболее предприимчивые и наименее щепетильные в отношении дворянской чести помещики занимались даже откупам, участвуя в публичных торгах²⁵.

Следует также иметь в виду, что мобилизация сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке и ее сбыт на внешнем осуществлялись, часто минуя континентальные города, и притом нередко самими помещиками, их приказчиками и крестьянством, вследствие чего значительно большую долю доходов от экспорта хлеба и других сырых продуктов получало отнюдь не купечество, а дворянство, которое использовало эти деньги без всякой пользы для города, почти исключительно на потребление импортных товаров, преимущественно предметов роскоши²⁶. Социальная паразитарность помещиков служила причиной того, что нажитые деньги за редким исключением не шли в оборот, чтобы увеличивать богатство, а безрассудно проматывались²⁷. Большой спрос на предметы роскоши со стороны дворянства стимулировал импорт промышленных изделий, довольно слабо обложенных таможенными пошлинами, что препятствовало росту отечественной городской промышленности и ремесла.

Более быстрый рост цен сельскохозяйственных сравнительно с промышленными товарами и общее отставание роста зарплаты от роста цен отрицательно сказывались на жизненном уровне городских жителей, занятых в промышленности и ремесле²⁸. Отсюда стремление горожан по возможности не терять связи с сельским хозяйством, до последнего держаться за огород, скот и даже пашню, что в течение долгого времени не только способствовало консервации аграрных черт российских городов, но и развитию особого типа аграрного города²⁹. По моим расчетам, в 1760-е гг. около 60% городов являлись аграрными, т. е. основным занятием их жителей было земледелие, только 2% — торговыми, 4% — промышленными и 31% смешанного типа, остальные являлись административно-военными; в конце XVIII — начале XIX в. соответственно — 55, 4, 1, 36 и 4%. Аграрный сектор городской экономики во второй половине XVIII в. давал средства к жизни примерно половине городского населения, а промышленность, ремесло, торговля и транспорт — третьей части горожан³⁰.

Таким образом, вследствие того, что развитие торговли и промышленности в России XVIII в. происходило часто не только помимо городов, но и в ущерб им, их промышленные и торговые функции отставали в своем росте, что замедляло превращение городов в истинные торгово-промышленные центры страны.

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН, НАЛОГИ И РЕНТА

В данном параграфе произведена приблизительная оценка экономического выигрыша помещиков, эксплуатировавших труд оброчных и барщинных крестьян, от революции цен. Оценка носит ориентировочный, расчетный характер и полностью основывается на данных, заимствованных из опубликованных работ. Заслуга автора весьма скромна — я лишь свел все известные мне сведения в жесткую хронологическую сетку по десятилетиям, а в случае отсутствия сведений — интерполировал их (что в каждом случае специально оговорено), опираясь на те тенденции в динамике ренты, населения и других показателей, которые также установлены историками. Расчеты сведены в четыре таблицы (табл. 5—8), в примечаниях к которым указаны работы, которые послужили источниками данных. Сами исходные данные, ставшие базой для расчета индексов, также приведены в таблицах, что позволяет каждому читателю проверить предложенные расчеты или предложить собственные. Еще раз подчеркну, что ввиду приблизительности исходных данных, особенно для начала и всей первой половины XVIII в., и не прямого, а косвенного, расчетного характера оценок, последние носят ориентировочный характер и в дальнейшем могут быть скорректированы.

Отрицательно сказавшись на состоянии городов и положении торговцев и

Таблица 5

**Изменение тяжести государственного и помещичьего обложения крепостных крестьян в XVIII в.
(на душу м. п.) ***

Годы	Прямые налоги			Помещичий оброк ^а			Сумма налога и оброка		
	коп.	индекс ^б		коп.	индекс ^б		коп.	индекс ^б	
		А	В		А	В		А	В
1700-е	27	100	100	40	100	100	67	100	100
10-е	—	—	—	50	125	69	—	—	—
20-е	70	259	98	70	175	67	140	209	79
30-е	70	259	115	90	225	100	160	239	106
40-е	70	259	94	120	300	108	190	284	103
50-е	70	259	103	160	400	159	230	343	136
60-е	70	259	72	300	750	207	370	552	152
70-е	70	259	58	450	1125	253	520	776	175
80-е	70	259	37	600	1500	219	670	1000	146
90-е	96	356	32	750	1875	169	846	1263	114

Годы	Барщина			Индекс хлебных цен		Номинальные цены ржи за пуд	
	деся-тин	индекс ^б		номина-льных	в се-ребре	коп.	индекс
		А	В				
1700-е	0,60	100	100	100	100	4,25	100
10-е	—	—	—	180	149	8,25	194
20-е	—	—	—	263	218	12,62	297
30-е	—	—	—	226	190	10,88	256
40-е	—	—	—	277	233	12,25	288
50-е	—	—	—	251	208	9,38	221
60-е	0,75	125	452	362	264	17,63	347
70-е	1,20	200	1130	444	320	20,50	482
80-е	—	—	—	686	480	34,13	803
90-е	1,50	250	2778	1110	566	44,10	1038

* Подсчитано по: Миров Л. В. Исследования об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С. 269, 308; Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 489; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 156—167; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. I. С. 68—73, 82—83; Приложение V. С. 584—585; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 294, 298; Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 122—123; Kahana A. The Costs of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // The Structure of Russian History. Interpretive Essays. Ed. by M. Cherniavsky. N. Y., 1970. P. 233—234.

^а Денежный и натуральный оброк.

^б А — индекс без учета изменения цен; В — индекс с учетом динамики номинальных цен.

Таблица 6

**Потери казны от ножиц между ростом подушной подати и хлебных цен в 1725—1800 гг.
(в границах России начала XVIII в.)**

Годы	Число лет	Помещичьих крестьян, тыс. *	Годовой оклад подушной подати, тыс. руб.	Получено казной подушных, тыс. руб.	Индекс номинальных цен 1701—1725 гг. = 100	Потери казны от роста цен, тыс. руб. **
1725—1744	20	3193	2235	44 700	132	10 836
1745—1762	18	3781	2647	47 646	126	9 832
1763—1782	20	4402	3081	61 620	241	36 052
1783—1794	12	5105	3573	42 876	471	33 773
1795—1797	3	5617	5617	16 851	620	14 133
1798—1800	3	5617	7077	21 231	505	17 027
Итого...	76	—	—	234 924	—	121 653

* В границах I ревизии подсчитано по: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 52—118; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 92—97.

** Получаемый казной прямой налог обесценивался пропорционально росту цен.

ремесленников, революция цен послужила одним из важных условий экономического преуспевания дворян-землевладельцев. Помещики выиграли вдвойне. Во-первых, за счет перераспределения прибавочного продукта, создаваемого трудом крепостных, между казной и помещиком в пользу помещика. В XVII — начале XVIII в. эксплуататором крестьянского населения выступало прежде всего государство, государственные налоги превосходили ренту³¹. Со второй четверти положение стало изменяться, что хорошо видно на примере подушной подати — важнейшего прямого налога с крестьянства. В 1725—1794 гг. подушная подать оставалась неизменной в размере 70 коп., с 1795 г. она возросла до 1 руб., с 1798 г. — до 1,26 руб., в то время как номинальные цены на сельскохозяйственные продукты за 1725—1800 гг. возросли примерно в 4,2 раза. Разницу, возникшую из-за ножниц между ростом налогов и цен, присвоили помещики за счет увеличения крестьянских повинностей (см. табл. 5). Дополнительный доход, присвоенный помещиками в 1725—1800 гг., равнялся громадной сумме — около 122 млн. номинальных или 109 млн. руб. сер. (см. табл. 6), в 1763—1800 гг. казна потеряла на этом свыше 7% среднегодового дохода в своем бюджете³².

Как видно из данных таблицы 5, тяжесть оброка в пользу помещиков номинально и реально росла, бремя же прямого государственного налога реально падало, в сумме же реальная тяжесть платежей оброчных помещичьих крестьян в пользу государства и помещиков в конце XVIII в. по сравнению с началом XVII в. возвысилась всего на 14%, хотя в 1750—1770-е гг. реальные платежи повышались, а в 1780—1790-е гг. (возможно, под влиянием крестьянского движения под руководством Е. И. Пугачева) — понижались.

Чрезвычайно интересный факт обнаруживается при сравнении динамики прямого налога и цен в первой четверти XVIII в. Почти все историки, кроме А. Кахана³³, считают, что введение нового прямого налога (подушной подати) взамен старого увеличило налоговое бремя; правда, тяжесть нового налога оценивается по-разному. По моему мнению, ближе к истине П. Н. Милюков, который считает, что подушная подать увеличила налоговое бремя в 2,59 раза³⁴. Да, действительно, в момент введения подушной подати тяжесть прямого налога возросла в 2,6 раза. Однако вследствие возрастания сельскохозяйственных цен за первую четверть XVIII в. тоже в 2,6 раза новая подать по существу просто восстановила равновесие между налогом и ценами, оставив реальную тяжесть налога на уровне начала XVIII в. Вот этот момент до сих пор не учитывается историками.

Громадный доход в течение XVIII в. получили помещики и от собственного хозяйства, обрабатываемого трудом барщинных крестьян, за счет роста барщины и хлебных цен. Со временем роль барщины как формы феодальной ренты возрастала. В первой четверти XVIII в., по выборочным данным Ю. А. Тихонова, чисто барщинные хозяйства помещиков составляли 30%, чисто оброчные — 36%, со смешанной формой ренты — 34% общего числа хозяйств³⁵. Если мы распределим хозяйства смешанного типа между первой и второй группами пропорционально их числу, то получим, что доля хозяйств с преобладанием барщины равнялась 45%, а доля хозяйств с преобладанием оброка — 55%. По данным В. И. Семевского, в 1780—1800 гг. барщинные хозяйства составляли 56%, оброчные — 44%³⁶.

Одновременно с ростом доли барщинных хозяйств барская запашка на душу населения за XVIII в. возросла в 2,5 раза, в том числе только в последней трети XVIII в. — вдвое. В 1790-е гг. помещики с каждого барщинного крестьянина стали получать в 28 раз больше дохода, чем в начале XVIII в.; общий чистый доход от барщинных крестьян за 1701—1800 гг. составил 717 млн. руб. (см. табл. 7). Если разделить прирост дохода за 1710—1800 гг. по факторам пропорционально индексу их роста, то за счет роста цен помещики получили 504 млн. руб. — 70,4% из общего увеличения дохода на 670 млн. руб., 83 млн. руб. (12,4%) — за счет роста числа крепостных и еще 83 млн. руб. (12,4%) — за счет роста барщины (см. табл. 8).

**Доходы, полученные помещиками от своих крепостных в XVIII в.
(в границах России начала XVIII в.) ***

Годы	Число помещичьих крестьян			Чистый доход в год с души м. п. в номинальных коп.		Индекс номинальных хлебных цен
	всего	барщинных	оброчных	от барщины	от оброка	
1701—1710	2915 ^a	1312	1603	36	40	100
1711—1720	3111 ^a	1400	1711	67	50	180
1721—1730	3325	1496	1829	88 ^a	70 ^a	263
1731—1740	3558	1672 ^a	1886 ^a	91 ^a	90 ^a	226
1741—1750	3807	1827 ^a	1980 ^a	116 ^a	120	277
1751—1760	4143	2072 ^a	2071 ^a	108	160	251
1761—1770	4515	2348 ^a	2167 ^a	163	300	362
1771—1780	4862	2625 ^a	2237 ^a	221	450	444
1781—1790	5236	2932	2304	750	600	686
1791—1800	5617	3146	2471	1000	750	1110

Годы	Индекс роста числа крепостных		Индекс роста ренты на душу м. п.				Доход за десятилетие, млн. руб.		
			барщина		оброк в ценах				
	барщин-ных	обро-чных	в натуре	в де-ньгах	посто-янных	теку-щих	от бар-щины	от обро-ка	всего
1701—1710	100	100	100	100	100	100	4,7	6,4	11,1
1711—1720	107	107	104	186	83	125	9,4	8,6	18,0
1721—1730	110	110	108 ^a	244 ^a	67	175	13,2	12,8	26,0
1731—1740	114	106	112 ^a	253 ^a	100	225	15,2	17,0	32,2
1741—1750	130	115	116 ^a	321 ^a	156	300	21,2	23,8	45,0
1751—1760	144	118	120	301	159	400	22,4	33,1	55,5
1761—1770	170	128	125	453	207	750	38,3	65,0	103,3
1771—1780	181	126	180	799	253	1125	58,0	100,7	158,7
1781—1790	212	136	220	2083	219	1500	219,9	138,2	358,1
1791—1800	229	147	250	2778	169	1875	314,6	185,3	499,9

* Источники указаны в примечаниях к таблицам 5—6.

^a Интерполяция.

Таблица 8

Увеличение доходов помещиков в XVIII в. по десятилетиям сравнительно с 1701—1710 гг. за счет роста хлебных цен, крепостных и ренты (в млн. руб.) *

Годы	Увеличение доходов								Итого
	от барщины, в том числе за счет роста				от оброка, в том числе за счет роста				
	цен	крепо- стных	барщины	всего	цен	крепо- стных	оброка **	всего	
1701—1710	—	—	—	4,7	—	—	—	6,4	11,1
1711—1720	4,1	0,4	0,2	4,7	2,5	0,2	—0,5	2,2	6,9
1721—1730	7,6	0,5	0,4	8,5	7,0	0,4	—1,0	6,4	14,9
1731—1740	8,7	1,0	0,8	10,5	10,1	0,5	—	10,6	21,1
1741—1750	13,1	2,2	1,2	16,5	12,4	1,1	3,9	17,4	33,9
1751—1760	12,4	3,6	1,7	17,7	17,7	2,1	6,9	26,7	44,4
1761—1770	24,7	6,6	2,3	33,6	38,7	4,1	15,8	58,6	92,2
1771—1780	36,3	8,5	8,5	53,3	62,0	4,7	27,6	94,3	147,6
1781—1790	154,1	29,5	31,6	215,2	104,2	6,4	21,2	131,8	347,0
1791—1800	242,8	31,0	36,1	309,9	160,5	7,5	10,9	178,9	488,8
1711—1800	503,8	83,3	82,8	669,9	415,1	27,0	84,8	526,9	1196,8
%	75,2	12,4	12,4	100,0	78,9	5,1	16,0	100,0	—

* Подсчитано по данным таблицы 7.

** В постоянных ценах.

Динамика номинальных цен на экспортные и импортные товары в 1710, 1724, 1766, 1795 и 1803 гг. *
(1710 г. = 100)

Товары	1710 г.	1724 г.	1766 г.	1795 г.	1803 г.
Экспортные	100	121	166	438	459
Импортные	100	103	114	178	203

* Невзвешенный индекс цен подсчитан по: Семенов А. Изучение исторических сведений в российской внешней торговле и промышленности. СПб., 1859. Ч. 3. С. 502—505; Репин Н. Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х годов XVIII в. С. 553.

Несколько меньший, но также весьма значительный дополнительный доход получили помещики в 1711—1800 гг. и от оброчных крестьян — 527 млн. руб., в том числе за счет роста цен — 415 млн. руб., или 79% от общей суммы дополнительного дохода, за счет роста оброка (в постоянных ценах) — 85 млн. руб. (16%), за счет увеличения числа оброчных крестьян — 27 млн. руб. (5%) (см. табл. 8).

Поскольку число помещиков на территории России в границах начала XVIII в. возросло с 64,5 тыс. в 1719—1727 гг. до 72,1 тыс. в 1833—1836 гг.³⁷, то доходы на одного помещика за счет этого фактора могли уменьшиться не более, чем на 10%. Другими словами, общие доходы помещиков от барщины и оброка за 1711—1800 гг. составили 1297 млн. руб., а с учетом увеличения численности помещиков — 1179 млн. руб., чистый прирост доходов от ренты — 1197 млн. руб., а с учетом увеличения числа помещиков — 1088 млн. руб. Львиную долю прироста доходов — 919 млн. руб., или почти 77%, — помещики получили за счет роста цен на сельскохозяйственные товары.

Важно напомнить, что цены товаров, продаваемых помещиками, росли быстрее, чем цены товаров, ими покупаемых. Вследствие этого всеобщий рост цен не съедал полностью дополнительный доход помещиков от роста сельскохозяйственных цен. Особенно выигрывало поместное дворянство от ножиц цен на импортные товары, главным потребителем которых оно являлось, и экспортные товары, основную массу которых оно также поставляло на рынок (см. табл. 9).

Итак, дополнительный доход за счет роста сельскохозяйственных цен дал помещикам от барщины и оброка 919 млн. руб. (504 + 415), из них 122 млн. руб. (13% общей суммы) им «подарило» правительство за счет уменьшения реальной тяжести прямого налога.

Выигрыш получили также государственные, дворцовые, удельные и другие категории непомещичьих крестьян, а также и податные городские сословия вследствие ножиц между ростом налогов и цен. Так, в течение 1724—1794 гг. у государственных крестьян общее бремя платежей выросло в 3,5 раза, у дворцовых — в 5,4 раза, удельных — в 5,4 раза, у мещанства — осталось без изменения³⁸, в то время как номинальные хлебные цены выросли в 5,7 раза, цены ремесленных и промышленных товаров — в 4,7 раза. Поскольку податное население страны за 1725—1795 гг. выросло в 2,4 раза, государство смогло за счет этого отчасти компенсировать потерю поступлений от налогов.

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ

Отсутствие в России подоходного налога и уменьшение реальной тяжести налогового обложения вследствие ножиц между ростом цен и налогов, а также рост государственных расходов из-за повышения цен послужили причинами возникновения дефицита в государственном бюджете при Екатерине II и обращении к заграничным займам, составившим к 1801 г. 59 млн. руб. сер.³⁹ Дефицит был бы еще большим, если бы революция цен в одном отношении не помогла правительству.

Естественный вследствие революции цен рост номинальных цен в 10 раз требовал для нормального функционирования рынка соответствующего, т. е. громадного увеличения денежной массы. В течение 1700—1801 гг. правительство удовлетворило эту потребность на 110 млн. руб. медной монетой, нарицательная стоимость которой была в несколько раз выше реальной, на 212 млн. руб. бумажными деньгами, вообще не имевшими реальной ценности, а также золотой и серебряной монетой на 185 млн. руб. (причем внутреннее достоинство серебряных денег до 1764 г. снижалось)⁴⁰. Вследствие «порчи» серебряной монеты и падения курса медного и бумажного рубля на 30% к началу XIX в. произошел умеренный рост цен в 2 раза за столетие. Систематическое же повышение реальных цен позволяло правительству выпускать громадное количество не имевших реальной ценности денег, не расстраивая при этом сколько-нибудь существенно денежное обращение и избегая дефицита в государственном бюджете. Чистая прибыль от монетной регалии в петровское царствование покрывала пятую часть всех огромных по тому времени военных расходов, а в екатерининское царствование 1762—1796 гг. — четвертую часть⁴¹. 200 млн. руб., истраченные казной в 1762—1796 гг. на ведение войн, были получены за счет выпуска 157 млн. руб. ассигнаций и дохода в 43 млн. руб. от чеканки 80 млн. медной монеты. Именно эмиссия бумажных и медных денег позволяла казне сводить дебет с кредитом в государственном бюджете⁴². Таким образом, можно сказать, что революция цен как бы подарила русскому правительству за XVIII в. свыше 270 млн. руб. и тем самым спасла его от финансового краха.

Этим финансовым чудом Россия была обязана исключительно революции цен, ибо в иной ситуации в стране повторился бы денежный кризис 1653—1663 гг. Напомним, что в течение 1653—1663 гг. правительство выпустило всего около 20 млн. руб. медных денег с принудительным паритетом их с серебряными деньгами. За 10 лет медные деньги обесценились в 15 раз, серебро ушло из обращения, цены на все товары возросли в 10—15 раз (в медных деньгах)⁴³. Произошел финансовый кризис, а не революция цен. Причина состояла в том, что экономика не была еще подготовлена к революции цен. Лишь в XVIII в. развитие товарно-денежных отношений в России, получившее мощный толчок от петровских реформ, создало условия для революции цен, темп которой в течение столетия усиливался вплоть до начала XIX в. благодаря прогрессирующему развитию менового хозяйства. Можно сказать, что эмиссия денег, приток драгоценных металлов, разрыв между ценами в России и за границей послужили причиной революции цен; развитие же товарно-денежных отношений в экономике явилось тем необходимым условием, без которого указанные причины не могли произвести адекватного следствия — российской революции цен.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ ЦЕН

Громадный рост цен на сельскохозяйственные продукты при большом спросе на них как внутри страны (со стороны населения нечерноземных губерний, новой столицы и армии), так и за границей стимулировал товарное сельскохозяйственное производство на крепостной основе, а развитие фольварочно-барщинной системы хозяйства в конечном итоге привело к усилению крепостного права⁴⁴. По аналогии с другими странами Восточной и Центральной Европы, где наблюдались подобные явления, правда, раньше — в XVI—XVII вв., можно сказать, что в России XVIII в. под воздействием революции цен также прошло усиление крепостничества, которое приняло суровые, близкие к рабству формы. В 2,5 раза увеличилась барщина, в 1,35 раза — реальный оброк; помещичий крестьянин превратился фактически в собственность помещиков, по желанию которых его могли ссылать на каторгу, отдавать в солдаты, переселять на жительство в другую местность, продавать, отрывая от семьи. Характерно, что рост крестьянских повинностей в пользу помещика особенно интенсивно происходил во второй половине XVIII в., когда экономическая конъюнктура была

особенно благоприятной для сельскохозяйственного предпринимательства. Все это указывает на тесную связь усиления крепостничества с революцией цен.

Однако нельзя не видеть и другой стороны в развитии крепостнического хозяйства: дворянского предпринимательства как в сфере сельскохозяйственного, так и промышленного производства. В стремлении воспользоваться благоприятной конъюнктурой и увеличить свои доходы помещики расширяли свое хозяйство, усиливали колонизационное движение, стимулировали развитие товарного производства и товарно-денежных отношений. Можно предположить, что подобно тому, как рабству в США XVIII в. принадлежала важная роль в генезисе капитализма в американской экономике⁴⁵, так и крепостнической системе в России принадлежала крупная роль в генезисе капитализма в российской экономике. «Крепостное помещичье хозяйство,— правильно отмечал П. Б. Струве,— было денежно-хозяйственным клином, глубоко вбитым в натурально-хозяйственное тело страны. Производство хлеба на продажу вовсе не было чем-то противоречащим существу крепостного хозяйства, а, наоборот, составляло его движущий мотив и определяющую цель»⁴⁶.

Весьма существенными оказались социальные и политические последствия российской революции цен XVIII в. Выгодная экономическая конъюнктура, возможность заработать на ниве сельскохозяйственного предпринимательства за счет эксплуатации своих крепостных больше, чем на службе, стимулировало желание дворян-помещиков превратиться из служилого в земельное сословие. Они стали добиваться освобождения от службы и после достижения этого в 1762 г. особенно интенсивно оседают на землю и становятся сельскими хозяевами. Однако помещики, как указывалось выше, активно занимаются не только сельским хозяйством, но и торговлей и промышленностью⁴⁷. В значительной мере поэтому произошло отмеченное выше явление: промышленность и торговля в сельской местности со второй четверти XVIII в. развиваются быстрее, чем в городе, что отрицательно сказывается на состоянии города и городской буржуазии.

XVIII в., особенно его вторая половина, отмечены усилением социальных и политических позиций дворянства в государстве — это поистине был золотой век дворянства. Этому способствовали хозяйственные успехи этого класса, те миллионы рублей, которые оно заработало на революции цен. Закон о вольности дворянской 1762 г. и Жалованная грамота дворянству 1785 г. могли бы остаться пустыми декларациями, если бы провозглашенное господствующим сословие не имело твердой материальной базы, которую создали его возросшие доходы, ибо бедность и политическое господство — вещи несовместные. Но как это всегда бывает в сословном, недемократическом обществе, повышение роли одного сословия происходит в ущерб всем другим сословиям. «После Петра,— пишет В. О. Ключевский,— дворянство во всем своем составе освобождается от обязательной службы и с новыми правами становится господствующим сословием, держащим в своих руках и управление, и народное хозяйство». Напротив, «самоуправление городское, поставленное под надзор губернатора-дворянина, развивалось медленно и действовало вяло»⁴⁸.

Буржуазии весьма трудно было конкурировать с дворянством в сфере промышленности и торговли, а более выгодное сельскохозяйственное предпринимательство было ей заказано из-за запрета иметь крепостных. Поэтому она не получала компенсации за свое приниженное социальное положение в экономической деятельности. Что оставалось делать самым предприимчивым? При малейшей возможности одворяняться. Именно нобилитацию верхушки русской буржуазии мы и наблюдаем в XVIII в.⁴⁹ М. М. Щербатов доказывал, может быть, несколько сгущая краски, что миллионы рублей были изъяты из торгового и промышленного оборота в результате «выхождения великого числа купцов в дворяне и офицеры»⁵⁰. Буржуазия лишалась своих лучших представителей, что усугубляло экономическое и социальное положение самой буржуазии, городского общества. Так, с усилением позиций дворянства происходило со-

ответствующее принижение российской буржуазии, относительное ослабление экономического и социального значения города, что имело далеко идущие политические последствия — усиление абсолютизма, установление дворяно-властия, с одной стороны, и лояльность, переходящую в пресмыкательство буржуазии, ее неспособность создать альтернативную силу дворянству и самодержавию — с другой. Полагаем, что революции цен XVIII в. принадлежала в этом трагическом для русской политической истории процессе не последняя роль.

Отметим и культурный аспект революции цен XVIII в. Громадные суммы денег, заработанные дворянством на революции цен, оно тратило на заграничные путешествия, образование, покупку западноевропейских товаров, что способствовало европеизации его быта и ментальности. Между тем масса русского народа, прежде всего крестьянство — свыше 90% населения страны, оставалась приверженцем традиционной культуры. В результате социальная и экономическая дифференциация между высшим и низшими классами, существовавшая до XVIII в., усугубилась культурным размежеванием — более серьезным и труднопреодолимым, чем социально-экономический разрыв⁵¹.

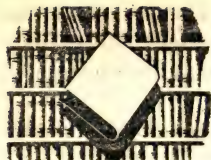
* * *

Подведем итоги. В XVIII в. в России с опозданием на полтора столетия произошла революция цен, в ходе которой общий индекс цен, выраженных в серебре, увеличился в 5 раз. Европейская революция цен XVI—XVII вв. охватила практически всю Западную, Центральную и Юго-Восточную Европу, включая Прибалтику, Польшу, Венгрию, Молдавию, балканские страны и остановилась на западных рубежах Русского государства. Россия осталась вне революции цен в XVI—XVII вв. не столько в силу относительной слабости ее внешне-торговых отношений, сколько в силу низкого уровня развития товарно-денежных отношений в самой стране в тот период. Те драгоценные металлы, которые поступали в Россию за счет активности ее торгового баланса в 1500—1650 гг.⁵², большей частью превращались в сокровище и не оказывали повышающее воздействие на цены. Революция цен стала возможной благодаря энергичному развитию товарно-денежных отношений как в предшествующий ей период, так и в XVIII в.⁵³ Сколь ни был бы велик приток денег (металлических и бумажных) в экономику России, революция цен не стала бы реальностью в XVIII в., если бы товарно-денежные отношения в стране к тому времени не достигли достаточно высокой степени развития.

Революция цен в России XVIII в. имела многосторонние и противоречивые последствия. С одной стороны, она способствовала усилению крепостнической системы, развитию аграрного сектора экономики в ущерб промышленному, тормозила прогресс городов как торгово-промышленных центров, укрепила значение дворянства и тем самым содействовала консервации дворянско-монархической социополитической структуры общества. Не имея достаточных стимулов и условий для экономического процветания и даже для своего численного роста, русская буржуазия по необходимости консолидировалась в экономически и политически слабый класс, не способный к решительной борьбе за свои гражданские и политические права, склонный к конформизму и прямому пресмыкательству перед правящим классом и продворянским правительством. С другой стороны, революция цен стимулировала развитие товарно-денежных отношений, благоприятствовала прогрессу внешней торговли и росту экономических и культурных контактов с западноевропейскими странами. Сходные последствия революции цен наблюдались и в других странах Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы в XVI—XVII вв.⁵⁴

- ¹ См. работы автора: Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л., 1985; Революция цен в России XVIII в. // Вопросы истории. 1971. № 11; Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII — начале XIX в. // Исторические записки. 1974. Т. 93; Причины роста хлебных цен в России XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969 г. Киев, 1979.
- ² Такой же примерно была структура русского экспорта во второй половине XVII в. через прибалтийские порты: П и й р и м я з Х. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661—1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере города Нарвы // Скандинавский сборник. Таллинн, 1962. С. 34—96. См. также: К у р ц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
- ³ М и р о н о в Б. Н. Экспорт русского хлеба... С. 178—179.
- ⁴ Товарность сельского хозяйства в Европейской России в конце XVIII в. составляла около 10% чистого сбора (Я ц у н с к и й В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев, 1964. С. 58). На экспорт шло до 1,5% валового сбора или 2% чистого сбора хлеба (сведения о сборе хлеба см.: К о в а л ь ч е н к о И. Д. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой четверти XIX в. // История СССР. 1959. № 1. Приложение).
- ⁵ В о д а р с к и й Я. Е., И в а н ь к о в П. А. Распаханность земель Европейской России в первой половине XVII века // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов на/Д, 1980. С. 69—70; Ц в е т к о в М. А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957. С. 123, 133.
- ⁶ Р у б и н ш т е й н Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 327—334.
- ⁷ М и р о н о в Б. Н. Причины роста хлебных цен в России XVIII в. С. 116.
- ⁸ С т р у м и л и н С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 359.
- ⁹ М е ш а л и н И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII — первой половине XIX века. М., 1950. С. 94—95; Р а ш и н А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. С. 14, 16, 22—23.
- ¹⁰ С т р у м и л и н С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 173; П а в л е н к о Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводоуправления. М., 1962. С. 458—459.
- ¹¹ Подробнее об этом см.: М и р о н о в Б. Н. Русский город в 1740—1860-е гг. Л., 1990.
- ¹² Подробнее об этом см.: М и р о н о в Б. Н. Экспорт русского хлеба... С. 181—182; е г о ж е. Хлебные цены в России за два столетия... С. 172.
- ¹³ М и р о н о в Б. Н. Русский город...
- ¹⁴ К и р и л о в И. В. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 309—333.
- ¹⁵ Р ы б а к о в Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в.: Источниковедческое исследование. М., 1976. С. 269—270.
- ¹⁶ Л ю б о м и р о в П. Г. Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII веках // Исторические записки. 1945. Т. 16. С. 65—99; П а в л е н к о Н. И. Указ. соч. С. 387—435, 436—457, 480—494, 495—518; Т у г а н - Б а р а н о в с к и й М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем; историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922. С. 17—18, 29—32; С т р у в е П. Б. Крепостное хозяйство: исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. 42—44, 50—51.
- ¹⁷ С т р у м и л и н С. Г. Очерки экономической истории... С. 332.
- ¹⁸ Т у г а н - Б а р а н о в с к и й М. И. Указ. соч. С. 30—31. По подсчетам Н. И. Павленко, в 1769 г. среди 554 промышленных заведений, состоявших на учете в Мануфактур-коллегии, дворянам принадлежало 71 или 13%; П а в л е н к о Н. И. Указ. соч. С. 455. В 1813—1814 гг., по нашим подсчетам, среди всех промышленных заведений России, включая мелкие, числом 3731, дворяне владели 586 или 16%. Подсчитано по: Ведомости о мануфактурах в России за 1813—1814 годы. СПб., 1816.
- ¹⁹ Р ы н д з ю н с к и й П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 34.
- ²⁰ Подсчитано нами по: Ведомости о мануфактурах в России за 1813—1814 годы. См. также: П а в л е н к о Н. И. Указ. соч. С. 436—457; П е в з н е р И. В. Размещение суконных мануфактур в России в последней трети XVIII в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 2. Формирование экономических районов России. М., 1982. С. 73—81.
- ²¹ П а в л е н к о Н. И. Указ. соч. С. 457.
- ²² М и р о н о в Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 62—63.
- ²³ Там же. С. 110.
- ²⁴ Там же. С. 154.
- ²⁵ П а в л е н к о Н. И. Указ. соч. С. 455.
- ²⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 593; К у л и ш е р И. М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 250—265; К а н а н А. The Costs of «Westernization»... Р. 224—250.
- ²⁷ К а р н о в и ч Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 45, 49.
- ²⁸ С т р у м и л и н С. Г. Очерки экономической истории... С. 52, 56.
- ²⁹ М и л о в Л. В. О так называемых аграрных городах России XVIII в. // Вопросы истории. 1968. № 6. С. 54—64.
- ³⁰ М и р о н о в Б. Н. Русский город во второй половине XVIII — первой половине XIX в.: типологический анализ // История СССР. 1988. № 4. С. 154—155.

- ³¹ Кристинсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 118—119; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974: с. 303.
- ³² Общий доход в государственном бюджете России в 1763—1796 гг., за 33 года, равнялся 1098 тыс. руб. (Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 256—257). Средний годовой доход в государственном бюджете России в 1763—1796 гг. равнялся 33,3 млн. руб.
- ³³ Kahan A. The Plow, the Hammer and the Knout: An Economic History of Eighteenth / Century Russia. Chicago, 1985. P. 332.
- ³⁴ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, СПб., 1905. С. 489.
- ³⁵ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне России... С. 219—220.
- ³⁶ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. Дополнение V. С. 584.
- ³⁷ Щепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 402—419.
- ³⁸ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 122.
- ³⁹ Бржеский Н. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 234.
- ⁴⁰ Шторх П. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 г. СПб., 1868; Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 13—23; его же. Серебряный рубль в России. СПб., 1910. С. 167—171; Storch H. Historisch-statistisches Gemälde des Russisches Reichs am Ende des 18 Jahrhunderts. Riga; Leipzig, 1803. T. VI. Tafel 3, 4.
- ⁴¹ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 152, 175, 363; Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 232, 312—318.
- ⁴² Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 318—319; Мигулин П. П. Экономический рост Русского государства за 300 лет. М., 1913. С. 47—48, 62.
- ⁴³ Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.
- ⁴⁴ Волконский Н. С. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань, 1898. С. 43; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... С. 427—428; Шапиро А. Л. Развитие рыночных отношений и крепостничество в русской деревне первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963. С. 195—206; Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 96—119; Янель З. К. О некоторых вопросах «второго издания» крепостного права и социально-экономического развития барщинного поместья в России // Исторические записки. 1965. Т. 78. С. 150—280.
- ⁴⁵ Болховитов Н. Н. Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII — первая половина XIX в.) // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 164.
- ⁴⁶ Струве П. Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. 159.
- ⁴⁷ Там же. С. 26—45. Трудно согласиться с американским профессором П. Колчиным, что вплоть до отмены крепостного права российское дворянство не стало земледельческим классом: Kolchin P. Unfree Labour: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge [etc.], 1987. P. 99. Критику тезиса П. Колчина см.: Миронов Б. Н. История и социология принудительного труда. Россия и США: сравнительный анализ // История СССР. 1988. № 6. С. 180—189.
- ⁴⁸ Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1958. Т. 4. С. 357—358; Т. 5. С. 127.
- ⁴⁹ Павленко Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. // История СССР. 1961. № 2. С. 71—87.
- ⁵⁰ Щербатов М. М. Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. С. 620—624.
- ⁵¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. СПб., 1903. С. 197; Kahan A. The Costs of «Westernization»... P. 224—250.
- ⁵² Курц Б. Б. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 160—161; его же. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1916. С. 401—403; Attman A. The Russian Market in World Trade, 1500—1860 // Scandinavian Economic History Review. 1981. № 3. P. 177—178, 184; Bushkovitch P. The Merchants of Moscow 1580—1650. Cambridge, USA, 1980. P. 62, 72, 172.
- ⁵³ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 182—240; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973. С. 71—115.
- ⁵⁴ Виттман Т. Революция цен и ее влияние на Венгрию во второй половине XVI в. // Средние века. Т. XX. М., 1961. С. 166—189; Дорошенко В. В. Действие революции цен в Восточной Прибалтике в XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963. С. 117—118; Зеленин В. В., Костюшко И. И. «Второе издание» крепостничества и европейский рынок // Советское славноведение. 1978. № 6. С. 90—96; Клима А., Мацурек Й. Вопрос о переходе от феодализма к капитализму в Центральной Европе (XVI—XVIII вв.) // Средние века. Т. XX. С. 190—207; Маловист М. Экономическое развитие Польши в XIV—XVII вв. // Исторические записки. 1955. Т. 55. С. 203—218; Noszowski St. Rewolucja cen w środkowej Europie w XVI i XVII w. // Kwartalnik Historyczny. Warszawa. 1961. N 2. S. 302—303; Makka L. Neo-Serfdom: its Origin and Nature in East and Central Europe // Slavic Review, 1975. XXIV. 2 (June). P. 225—238; Topolski J. Economic Decline in Poland from the Sixteenth to the Eighteenth Centuries / P. Earl (ed.) // Essays in European Economic History. 1500—1800. Oxford, 1974. P. 127—142.

© 1991 г.

А. Н. АРТИЗОВ

КРИТИКА М. Н. ПОКРОВСКОГО И ЕГО ШКОЛЫ

(К истории вопроса)

27 января 1936 г. получив очередные номера газет «Правда» и «Известия», читатели без труда обнаружили, что номера почти целиком посвящены вопросам истории и исторической науке. Первые полосы обеих газет занимало официальное сообщение «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)», в котором давалась оценка преподавания истории в стране, констатировался неудовлетворительный ход подготовки школьных и вузовских учебников и излагалось содержание принятого днем ранее постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об учебниках по истории». Газеты публиковали подготовленные еще 8 и 9 августа 1934 г. и одобренные ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 августа того же года замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на конспекты учебников по новой истории и истории СССР. В обнародованном сообщении прямо указывалось, что главной причиной недостатков, присущих советской исторической науке, являются укоренившиеся «среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР... антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку». «...Эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки, — отмечалось в сообщении, — связаны в первую очередь с распространением ...ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой „исторической школе Покровского“». Поэтому «...задача преодоления этих вредных взглядов, — подчеркивалось далее, — является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР...».

Публикуемые официальные документы обстоятельно комментировались. «Правду» открывала подготовленная К. Б. Радеком, но увидевшая свет без подписи передовая статья «Преподавание истории в нашей школе». В «Известиях» с обширным очерком «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. Н. Покровского)» выступал редактор газеты Н. И. Бухарин. Оба автора резко критиковали Покровского, оба предлагали советским историкам немедленно развернуть преодоление «антиленинских» и «ненаучных» исторических взглядов недавнего руководителя исторического фронта.

И передовая, и очерк предварительно были согласованы со И. В. Сталиным и А. А. Ждановым. Еще 17 января 1936 г., до официального оформления, под председательством А. А. Жданова состоялось заседание Комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по учебникам истории, на котором было решено поместить в печати серию материалов с комментариями готовившихся решений¹, причем именно Бухарину и Радеку как членам комиссии поручалось написать соответствующие передовые для «Правды» и «Известий», а также специальные статьи об ошибках исторической концепции Покровского².

Артизов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, сотрудник ЦК КПСС.

Текст официального сообщения «В Совнарком Союзов СССР и ЦК ВКП(б)», как установила еще в начале 1960-х гг. академик М. В. Нечкина, подготовил лично А. А. Жданов и выправил И. В. Сталин, причем он собственноручно вписал в текст ряд формулировок, ужесточивших характеристику ошибок Покровского и его учеников ^{2а}.

Именно с этих газетных номеров ведет отсчет печально известная кампания критики Покровского и его школы, кампания по своим масштабам беспрецедентная, умело организованная и спланированная, сыгравшая заметную роль на сложном и далеко не однозначном этапе развития советской исторической науки.

Отдельные стороны этой кампании нашли освещение в советской и зарубежной историографии ³. Однако на многие вопросы ответы до настоящего времени или отсутствуют, или остаются спорными. Имелись ли объективные причины для критики Покровского и его учеников? Какое влияние на эту критику оказал культ личности Сталина? Соответствуют ли формы, методы и масштабы критики действительным ошибкам Покровского? Как развивалась, какие этапы она прошла? Ее итоги и значение? Спор о Покровском продолжается, справедливо констатировал недавно Дж. Энтин ⁴. И составная часть этого спора — оценка историографической судьбы ученого. Поэтому, как подчеркнул А. И. Зевелев, «назрела необходимость во всесторонней и специальной оценке на базе современных знаний вышедшего в двух частях в 1939—1940 гг. сборника статей „Против исторической концепции М. Н. Покровского“» ⁵. Можно добавить к этому, что нужен анализ хода и итогов всей кампании критики Покровского и его школы. Не претендуя на исчерпывающие ответы, постараемся выявить основные вехи этой кампании, определить ее содержание и итоги.

* * *

Собственно критика Покровского в советской историографии зародилась задолго до выступлений «Правды» и «Известий» — в середине 20-х гг. Само появление первых критических оценок творчества маститого и авторитетного ученого было символичным. Оно свидетельствовало и о наличии реального объекта для критики — ошибочных взглядов и положений Покровского, и о стремлении отдельных марксистских историков, не довольствуясь готовыми формулами и схемами, продвинуться в разработке исторических проблем. Эта «ранняя» критика Покровского малоизвестна, скрыта в тени последующих историографических событий. Но обойти ее молчанием нельзя, ибо она помогает понять причины и действительные цели критической кампании второй половины 30-х гг.

Пионерами критики Покровского стали историки-марксисты молодого поколения. Еще в 1924 г. А. Н. Слепков, рецензируя «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» Покровского, справедливо выступил против чрезмерного преувеличения роли торгового капитала, «заполнившего», по выражению рецензента, «всю русскую историю» ⁶. Тот же Слепков, оценивая главную историографическую работу Покровского «Борьба классов и русская историческая литература», указал на ее существенный недостаток — явно упрощенную характеристику классового содержания исторических теорий Н. А. Рожкова и Г. В. Плеханова ⁷. В 1926 г. ученик Покровского по Институту красной профессуры (ИКП) С. Г. Томсинский в едва ли не первой своей печатной работе «К вопросу о социальной природе русского самодержавия» упрекал своего учителя в том, что «торговый капитал для него является самодовлеющим фактором», и подчеркивал, что у власти в России стояли крепостники ⁸. В следующем году схеме торгового капитала Покровского критиковал в своем докладе в ИКП В. Н. Рахметов.

Торжественно и с широким размахом отмеченный в 1928 г. 60-летний юбилей М. Н. Покровского, казалось бы, зафиксировал незыблемое его положение как руководителя советской исторической науки, его авторитет как выдающегося теоретика и ученого ⁹. Однако именно в конце 20-х — начале 30-х гг. вокруг оценки научного творчества Покровского вспыхнули острые споры, в ходе которых в литературе, с одной стороны, наметилась тенденция идеализации и даже канонизации его трудов, с другой — усилилась критика слабых сторон его исторических взглядов.

Обострение споров было вызвано разработкой и усвоением историками марксистской теории общественно-экономических формаций, а также вспыхкой внутрипартийных разногласий, борьбой с так называемым «правым оппортунизмом». Свертывание демократии и насаждение единомыслия в сфере идеологии неизбежно означали критику тех марксистов, чьи взгляды хотя бы немного расходились с официально провозглашенным курсом. В складывающейся новой политической обстановке в среде самих историков-марксистов все чаще начали раздаваться требования «чис-

тоты марксизма-ленинизма», «идеиной выдержанности». Проводившиеся под этими лозунгами критические кампании постепенно стали неизменными атрибутами идеологии культа личности. На ожесточенность споров в рядах историков-марксистов наложил свой отпечаток и субъективный момент — развернувшаяся на рубеже 20—30-х гг. борьба за лидерство между группировавшимися вокруг М. Н. Покровского и Е. М. Ярославского коллективами историков.

Эпицентром критических выступлений против Покровского явился ИКП. В стенах этого ведущего учебного заведения страны в апреле 1929 г. на трех заседаниях обсуждалась общая концепция русского исторического процесса Покровского. На заседании 12 апреля участник дискуссии А. И. Ломакин прямо заявил: «...гипертрофия торгового капитала составляет главную и основную болезнь в концепции т. Покровского»¹⁰. Многие участники заседания, в том числе Покровский, восприняли выступление Ломакина как противопоставление «схемы Покровского» «схеме Ленина», хотя Ломакин, отвечая на упреки выступавших, объяснил, что, несмотря на ошибки Покровского, не считает его концепцию антиленинской.

Вскоре, однако, мишенью критического обстрела стала не только явно устаревшая теория торгового капитала, от которой под воздействием критики начал отказываться и сам ее создатель. В. Ф. Малаховский подверг критике взгляды Покровского на народничество и «Народную волю», поставив под сомнение их соответствие ленинской исторической концепции¹¹. В третьем томе «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского высказывания Покровского о русском империализме без учета эволюции его взглядов квалифицировались уже как «ревизия ленинизма» и «троцкистская проза»¹². Расширилась критика взглядов Покровского и в ИКП, где критиковать его стало чуть ли не хорошим тоном. Так, например, 17 марта 1930 г. в ходе обсуждения доклада К. Селезнева «Троцкизм в вопросе истории Русского государства» в присутствии самого Покровского, являвшегося руководителем семинара, слушатель Миско раскритиковал его книгу «Марксизм и особенности исторического развития России». Причина критики — заявления Покровского о необходимости «отбросить легенду о медленности и отсталости экономического развития России и в то же время неоднократные указания на такие вещи, которые как раз противоречат этому»¹³. Среди слушателей получил хождение необычный «цитатник», в котором были собраны высказывания ученого, расходящиеся с В. И. Лениным. Авторами этого «цитатника» были заведующий кафедрой истории СССР Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова П. С. Дроздов и В. Ф. Малаховский¹⁴. Одновременно в партийной организации института, несмотря на противодействие Покровского, развернулась ожесточенная критика его ближайшего сподвижника — П. О. Горина — за вышедшую вторым изданием в 1930 г. книгу «Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 году».

Полемика вокруг творчества Покровского перекинулась в «Общество историков-марксистов» (ОИМ). Некоторые местные отделения этого общества, например, в Иваново-Вознесенске и Нижнем Новгороде, приняли резолюции с критикой Покровского и других руководителей ОИМ. «На заседании фракции (ОИМ.— А. А.) отдельные выступления и резолюции различных обществ пытались указать на то, что руководство ОИМ, вернее окружение Михаила Николаевича, в своих работах не идет по ленинскому пути, — вспоминал об этих событиях по горячим следам 15 февраля 1931 г. П. И. Анатольев, — да и на Михаила Николаевича указывали, что он в области русской истории много сделал до революции, после же революции ничего не сделано, а область истории народов СССР — чистое место»¹⁵.

Апогеем критической кампании явились специальные заявления против Покровского и его окружения. Первое из них за подписью ученого секретаря Комакадемии О. П. Дзениса, руководителя кафедры политэкономии Института заочного обучения партийных кадров К. В. Островитянова и заместителя председателя президиума Комакадемии, директора Института советского строительства и права Е. Б. Пашуканиса было оглашено 15 января 1931 г. на заседании президиума Комакадемии. Второе, направленное прямо в Секретариат ЦК ВКП(б), появилось два дня спустя. Его авторы — выпускники ИКП П. С. Дроздов, В. Ф. Малаховский, Ф. Ф. Козлов, С. М. Коптиевская и М. Борева — писали: «Мы вынуждены обратиться непосредственно в Секретариат ЦК ВКП(б), чтобы указать на чрезвычайно неблагоприятное положение в области научно-исторической работы. Литература по вопросам истории, выходящая в течение ряда последних лет, недопустимо отстает от настоячивых запросов современности... Марксизм-ленинизм и до настоящего времени не сделался еще господствующей методологией в нашей исторической литературе. В области общих вопросов истории народов СССР продолжает безраздельно царить богдановско-струвистская методология... Богдановско-струвистские ошибки, которыми полна наша историческая литература, упираются в историческую концепцию М. Н. Покровского. В резуль-

тате его огромного влияния на молодые кадры историков-марксистов нельзя указать ни одной книги по общим вопросам русской истории, которая ставила бы эти вопросы по-ленински, а не по богдановско-струвистски.

Противоречие господствующей концепции с ленинизмом настолько велико, что его видят не только специалисты-историки, но и наши партийные кадры, находящиеся на учебе студенты наших комвузов и вузов, читающие наряду с указываемой им ходовой исторической литературой подлинного Ленина. Преподавателям-историкам постоянно приходится слышать жалобы и протесты со стороны аудитории по поводу качества и идеологической «выдержанности» той литературы, которой они вынуждены пользоваться, по поводу той концепции, которая является *сгедо* исторического руководства.

Ходячее мнение о том, будто бы М. Н. Покровский отказался от своих ошибок в вопросах истории и полностью перешел на ленинские позиции, совершенно не соответствует действительности. Ибо отказы его касаются отдельных ошибок (и часто при этом берутся обратно), тогда как дело не в отдельных ошибках, а во всей методологии»¹⁶.

Обращение в ЦК ВКП(б), как и письмо Покровского секретарям ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1931 г., в котором он категорически отверг выдвинутые против него обвинения, остались без публичного ответа. Но, хотя обличители Покровского наказаны не были, критическая кампания постепенно пошла на убыль. Более того, в апреле 1931 г. Покровский вновь был утвержден председателем президиума Коммунистической академии и директором Института истории в составе этой академии.

Появившееся вскоре известное письмо И. В. Сталина в журнале «Пролетарская революция» акцентировало внимание на «ошибках» историков Запада, а также авторов четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского. Трудно сказать, почему в сложившейся обстановке объектом критики И. В. Сталина стали Ем. Ярославский и его окружение, а не Покровский. Быть может, причиной послужили содержащиеся в четвертом томе «Истории ВКП(б)» прозрачные намеки на отнюдь не ленинскую позицию Сталина и его близость к Л. Б. Каменеву в марте 1917 г. Или же свою роль сыграли не раз ложившиеся на стол Генерального секретаря ЦК ВКП(б) сводки Лечсанупра Кремля о состоянии здоровья Покровского, которые однозначно констатировали обострение болезни историка и приближение его к роковой черте? Как бы то ни было, интенсивной «проработке» подверглись сам Ем. Ярославский, поставивший отныне свое творчество на службу культу личности, И. М. Альтер, А. Г. Слущкий, Д. Я. Кин, Д. А. Баевский, С. А. Пионтковский, И. И. Минц, Н. Н. Эльвов и многие другие¹⁷, но только не Покровский, чье имя в критических выступлениях почти не упоминалось. Напротив, наиболее рьяный критик Покровского — П. С. Дроздов — в марте 1932 г. был снят с заведования кафедрой в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова и направлен на преподавательскую работу в Свердловск¹⁸.

Торжественные похороны Покровского в апреле 1932 г. на Красной площади лишь подтвердили признание его высокого политического и научного авторитета. На правительственном уровне под председательством наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова была создана редакционная коллегия для подготовки 23-томного Собрания сочинений Покровского. Пять посмертных изданий до середины 30-х гг. выдержала «Русская история в самом сжатом очерке» — по-прежнему популярный исторический учебник страны. Появившаяся памятная литература единодушно признала выдающиеся научные заслуги Покровского, опустив противоречия и ошибки его трудов или упомянув о них вскользь¹⁹. Старые споры о Покровском как будто ушли в прошлое, в историографии возобладала апологетическая оценка творчества историка.

Занявшие руководящие позиции в советской исторической науке ученики и сподвижники Покровского унаследовали не только сильные стороны исторических взглядов своего учителя, но и его ошибочные положения. Многие из них недооценивали, а порой просто пренебрежительно отзывались о национально-исторических традициях, отдавая явное предпочтение социально-экономической истории с социологическим оттенком, и не подвергали сомнению сформировавшееся без участия Покровского негативное отношение к ученым старой школы и в целом к немарксистскому историографическому наследию²⁰. Особенно ярко такой «пролеткультовский», по образному выражению академика М. В. Нечкиной, подход проявился в работах С. А. Пионтковского, доведшего критику немарксистской историографии до крайности, начисто сняв проблему наследства в ее ленинской постановке²¹. В унисон с С. А. Пионтковским выступал директор Ленинградского отделения Института истории Комкадемии Г. С. Зайдель. Так, 9 апреля 1934 г. в ходе обсуждения доклада Н. Н. Ванага о решениях XVII съезда ВКП(б) на партийном собрании в институте он крайне отрицательно отнесся к предложению А. И. Ломакина создать в советской исторической науке единый научно-исследовательский центр под эгидой Академии наук,

заявив, что рассматривает как «чрезвычайно положительный факт» то, что лучшие представители старой школы — эти «мастодонты и ихтиозавры» — находятся в соответствующих местах, и мы воспользоваться ими не можем»²².

Аксиомой тогдашней марксистской историографии стала известная формула «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Этой формулой зачастую исчерпывалась характеристика широкого спектра взаимоотношений истории и современности. Под ее непосредственным влиянием формировался сугубо конъюнктурный подход к определению социальных функций историографии, складывалось извращенное, сводящееся главным образом к необходимости изучения современных проблем, толкование актуальности научных работ, ошибочно понималась взаимосвязь партийности и объективности в исследовании и т. д.

Современные исследователи А. А. Говорков и А. А. Чернобаев, указывая, что формулу «история есть политика, опрокинутая в прошлое» Покровский впервые применил по отношению к трудам буржуазных ученых, делают отсюда вывод о неправомерности связывать последующее ее употребление с его именем. Критика Покровского поэтому представляется им совершенно необоснованной, ибо сущность связи истории и политики ученый «понимал как историк-ленинец»²³.

Думается, однако, что взгляды Покровского по данному вопросу не были таковыми. Еще при жизни Покровского без всяких возражений с его стороны многочисленные ученики использовали эту формулу для характеристики не только буржуазной, но и марксистской исторической науки. На это основании Дж. Энтин логично предположил, что модная аксиома представляла собой крайне заостренную формулировку взглядов позднего Покровского на историческую науку²⁴.

Это предположение подтверждается тем разъяснением формулы, которое сделал сам Покровский на партийном собрании Института истории Комкадемии 8 декабря 1930 г. «Борьба на историческом фронте, — заявил он, — есть борьба за генеральную линию партии. Положение „история — политика, обращенная в прошлое“ означает собой, что всякая историческая схема есть звено, цепочка для нападения на генеральную линию партии. Существует самая тесная связь между борьбой за генеральную линию партии и борьбой на историческом фронте. Их нельзя разрывать. Трудно себе представить такую вероятность, что сторонник генеральной линии партии является ревизионистом в исторических работах. История ... не есть самодовлеющая задача, история — величайшее орудие политической борьбы; другого смысла история не имеет»²⁵. В этом разъяснении в отличие от первоначального употребления формулы в 1928 г. заключена уже иная трактовка вопроса о влиянии политики на историографию. Здесь перед нами — откровенный призыв к прямому подчинению исторических исследований требованиям сегодняшнего дня, политической конъюнктуре. Критерий объективности также весьма своеобразен — соответствие содержания научной работы генеральной линии партии, а если говорить конкретно-исторически, то соответствие политике тогдашнего партийно-государственного руководства во главе со Сталиным. Поистине Покровский вооружал своих учеников опасным обоюдоострым оружием. Проповедуя искаженный взгляд на задачи науки истории, историзм, объективность и партийность исследований, Покровский утверждал в историографии такие нормы, жертвой которых вскоре стало и его наследие. Именно в этом смысле можно говорить, что Покровский собственными руками готовил будущее свое ниспровержение. История сыграла с ним в последние годы жизни злую шутку — яростный, непримиримый борец за историческую истину, он теперь невольно способствовал ее попранию; противник всех и всяческих культов, не раз утверждавший, что мы, марксисты, «никаких культов не создаем»²⁶, своими выступлениями объективно формировал благодатную почву для нового культа личности.

Покровского, несомненно, было за что критиковать. В критике нуждались и ученики Покровского, воспринявшие как сильные, так и слабые стороны исторических взглядов своего учителя. Тем более эта критика была необходима, ибо далеко не все из учеников Покровского были готовы к преодолению собственных ошибок. П. О. Горин, например, с порога отвергал любую критику положений Покровского, называя ее «сознательным извращением концепции великого ученого»²⁷. В преодолении неоправданного социологизма, в более реалистичных оценках роли личности, государства, национальных традиций в истории, в подлинной консолидации рядов партийных и беспартийных историков, что предполагало отказ от одностороннего негативного отношения к немарксистскому историографическому наследию, нуждалась в целом советская историческая наука. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», принятом 29 марта 1934 г., оформленном в качестве постановления 15 мая и опубликованном на следующий день в газете «Правда», прямо указывалось, что главным недостатком советской исторической науки является подмена изложения конкретного хода истории абстрактными

социологическими схемами. «Вместо преподавания гражданской истории (в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей), — подчеркивалось в постановлении, — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»²⁸. Хотя имя Покровского ни в этом постановлении, ни в решении ЦК ВКП(б) от 9 июня 1934 г. о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР, ни в других правительственных документах 1934 г. не упоминалось, по сути речь шла об отказе от той части его теоретического багажа, которая препятствовала развитию советской историографии. Но при этом по своему содержанию и тону принятые постановления, подразумевая уход от апологетики и более объективную оценку научной деятельности Покровского, отнюдь не связывали преодоление недостатков исторической литературы с огульной критикой и охаиванием трудов ученого, не призывали к сплошному перечеркиванию всего того, что было достигнуто ранее. Не случайно, выступая на партийном собрании Института истории Комкадемии 9 апреля 1934 г. в ходе обсуждения «последних директив ЦК ВКП(б) об изучении и преподавании истории в школе», В. С. Зельер говорил: «Тот этап, который мы прошли — этап социологических обобщений, — был необходим... Мы выработали ряд методологических положений. Это не оправдание предшествующего этапа, но его объяснение»²⁹.

Первой и единственной ласточкой формировавшегося более объективного подхода к творчеству Покровского стала увидевшая свет в 1935 г. статья Б. Г. Вебера о взглядах ученого на сущность империалистической внешней политики³⁰. Опираясь на ленинские положения, автор раскрыл как сильные, так и слабые стороны трудов Покровского. Ценной частью статьи являлось указание на эволюцию воззрений историка. Вебер, в частности, отмечал, что уже с середины 20-х гг. постепенно Покровский «начал освобождаться ...из-под гнета неправильной, объективно чуждой нам концепции торгового капитала». Итоговый вывод автора — научная ценность работ Покровского правильно может быть понята не с высоты достижений современной науки, а лишь с точки зрения историзма — ориентировал историков на дальнейшее продуктивное изучение творчества ученого.

Однако в условиях культа личности борьба с методологическими ошибками оказалась вскоре подмененной преследованием и шельмованием историков, заменой одних схем и догм другими. Воспользовавшись реальными недостатками советской исторической науки, умело эксплуатируя эти недостатки в своих целях, Сталин и его окружение с января 1936 г. развернули планомерную критическую кампанию против Покровского и его школы, кампанию, характер, масштабы и формы которой не соответствовали действительным ошибкам Покровского.

Размышляя об объективных причинах резкого поворота в оценке Покровского, писатель К. М. Симонов на склоне жизни писал: «Покровский отвергался, а на его место ставился учебник истории Шестакова не потому, что вдруг возникли сомнения в тех или иных классовых категориях истории России, а потому, что потребовалось подчеркнуть силу и значение национального чувства в истории и тем самым в современности, в этом и был корень вопроса. Сила национально-исторических традиций, в особенности военных, была подчеркнута в интересах современной задачи. Задача эта, главная в то время, требовала мобилизовать все, в том числе и традиционные, национальные, патриотические чувства, для борьбы с германским нацизмом, его претензиями на восточное пространство и с его теориями о расовой неполноценности славянства»³¹. Это обоснованное мнение современника тех событий об объективных причинах критики Покровского и его школы можно дополнить словами из написанной К. Б. Радеком передовой статьи «Правды» от 27 января 1936 г., в которой комментировались принятые официальные документы с резко негативной оценкой Покровского. В статье недвусмысленно указывалось на необходимость выполнить «в области русской истории ...ту работу ломки меньшевистских традиций, которая была проделана в области общей истории под влиянием выступления товарища Сталина с работой „О некоторых вопросах истории большевизма“»; и содержался откровенный призыв к историкам учиться у Сталина, ибо он «...лучший ученик Маркса, Энгельса и Ленина... показал нам, как во всех других областях, так и в области истории, как продолжить их работу». Иными словами, К. Б. Радек объяснял, что развенчание Покровского — это удобный повод для закрепления сталинского влияния в исторической науке. Это обстоятельство, а также отсутствие в работах Покровского возвеличивания теоретических заслуг Сталина, его деятельности в российском революционном движении, что никак не устраивало идеологов культа личности, явились другими

глубинными причинами, побудившими Сталина по-иному расставить акценты, жестко связав задачу создания новых исторических учебников с разгромом Покровского и его школы.

Еще до январских публикаций «Правды» и «Известий» советскую историческую науку захлестнули репрессии³². В начале 1935 г. по необоснованным политическим обвинениям были арестованы директор Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина В. И. Невский, его ученица, ведущие сотрудники группы по истории пролетариата Института истории Комкадемии П. И. Анатольев, П. П. Парадизов и В. С. Зельцер. Был снят с работы, исключен из ВКП(б), а затем арестован директор Ленинградского отделения этого института, первый декан исторического факультета Ленинградского университета Г. С. Зайдель. Покинули свои должности заместитель директора Института истории Комкадемии Н. Н. Ванаг, ответственный секретарь журнала «Историк-марксист» Ю. М. Бочаров, научный сотрудник института М. А. Рубач. Интенсивный проработке подверглись сотрудники института, члены редакции журнала «История пролетариата СССР» А. М. Панкратова и О. Н. Чаадаева. По делу так называемой «ленинградской контрреволюционной группы Зиновьева, Сафарова и других» был арестован бывший ответственный секретарь ОИМ, лектор центральной школы НКВД И. Л. Татаров. В Казани в феврале 1935 г. широкий резонанс получило «дело» троцкиста Н. Н. Эльвова — тогда декана исторического факультета местного педагогического института.

В следующем году начавшуюся критику Покровского сопровождала новая волна репрессий, подкрепленная новыми «аргументами». Жертвами беззаконий и произвола стали Н. Н. Ванаг, Ю. М. Бочаров, М. А. Рубач, первый декан исторического факультета Московского университета Г. С. Фридлянд, директор Ленинградского историко-философского института А. Г. Пригожин, бывший директор Историко-археографического института АН СССР С. Г. Томсинский, директор Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б) О. А. Лыдак, первый декан исторического факультета Азербайджанского университета и исполняющий обязанности директора Института истории партии при ЦК КП(б) Азербайджана Б. Н. Тихомиров, заместитель директора Международной ленинской школы З. Л. Серебрянский, историки А. И. Малышев, Б. М. Фрейдлин, З. Б. Лозинский, И. П. Токин, В. М. Далин, С. А. Пионтковский, А. И. Ломакин и многие другие. В канун Нового года, прямо на праздничном вечере в ИКП истории был арестован его директор Т. М. Дубыня.

В 1937 г. репрессии охватили не менее широкий круг советских историков. Погибли историки партии, видные партийные работники Н. Н. Попов и С. П. Коршунов. Были арестованы новый декан исторического факультета Ленинградского университета С. М. Дубровский, сменивший арестованного Г. С. Зайделя на посту директора Института истории Ленинградского отделения Комкадемии С. С. Бантке, новый директор ИКП истории В. И. Зеймаль, все руководство Историко-партийного ИКП во главе с директором В. Г. Кнориным и его заместителями П. Я. Вискне и Ф. А. Андерсоном, заместитель директора Института истории АН СССР А. Г. Иоаннисян, руководитель кафедры истории СССР Московского университета П. О. Горин, руководители кафедр истории народов СССР и всеобщей истории ИКП истории П. С. Дроздов и Ф. Ф. Козлов, историки Б. Б. Граве, И. В. Фролов, М. А. Лурье, Л. Г. Райский, Е. И. Ривлин, И. М. Троцкий, А. Г. Слуцкий, Н. М. Войтинский, А. И. Уразов, Д. Я. Кин, Е. П. Кривошеина и многие другие ученые. Как сообщал 31 марта 1937 г. на партийном собрании Института истории АН СССР директор Н. М. Лукин, институт по числу выявленных «вредителей» занял первое место в системе Академии наук. Только в Ленинградском отделении этого института из 20 сотрудников аресту подверглись 14 человек³³. Самого академика Н. М. Лукина постигла та же участь — в феврале 1938 г. без каких-либо объяснений он был снят с поста директора института, а спустя полгода, 22 августа арестован. Позднее были репрессированы бывший первый заместитель Покровского по президиуму Комкадемии М. А. Савельев, заместитель директора ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) В. Г. Сорин, другие историки.

В такой обстановке начавшаяся критика Покровского и его школы набрала быстрый темп, приняв беспрецедентные масштабы. Неукоснительно выполнять «первоочередную задачу исторического фронта» призывали советских историков передовые статьи в журналах «Большевик», «Историк-марксист», «Борьба классов» и др.³⁴ Методологические ошибки Покровского изобличали П. О. Горин, М. Д. Каммари, А. В. Щеглов, В. Котович³⁵. С разгромной рецензией на «Русскую историю в самом сжатом очерке», отрицая какую-либо положительную роль этой книги в предшествующие годы, выступил И. Сероглазов³⁶. Взгляды Покровского на национально-освободительное движение на Украине в XVII в. критиковал Н. Л. Рубинштейн³⁷. В Ленинграде критике Покровского было посвящено состоявшееся 16 февраля 1936 г. общегородское собрание научных

работников и преподавателей, на котором с основным докладом выступил С. М. Дубровский. Он же сделал доклад «Историческая концепция М. Н. Покровского» на проходившем 25—28 февраля 1936 г. специальном пленуме ГАИМК³⁸. Два полных дня — 28 января и 2 февраля 1936 г. — критиковали Покровского в ходе обсуждения решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР об исторических учебниках участники закрытого партийного собрания Института истории Комкадемии в Москве. С развернутого доклада об ошибках Покровского, с которым выступил секретарь парткома И. А. Кудрявцев, началось подобное мероприятие 3 февраля в ИКП истории³⁹. В апреле 1936 г. с критических выступлений о Покровском К. Б. Радека, П. О. Горина и А. М. Панкратовой открылись организованные Наркомпросом РСФСР курсы для учителей средних школ⁴⁰.

Этот первый критический залп уже содержал тот набор стандартных обвинений в адрес Покровского, которые затем начали кочевать из одной статьи в другую. Критики Покровского без какой-либо попытки проследить эволюцию его взглядов однозначно квалифицировали их как «антимарксистские», «антидиалектические» и «ликвидаторские» по отношению к исторической науке. В вину Покровскому ставилось его положение «история есть политика, опрокинутая в прошлое», причем, справедливо подчеркивая, что партийность историк понимал упрощенно, «в смысле перенесения современных политических отношений, борьбы, споров в прошлое», никто из критиков не замечал или не хотел замечать, что сами критикуют Покровского с тех же искаженно понимаемых позиций партийности и историзма, попирая объективную истину в угоду политическим требованиям дня. Всю свою методологию Покровский, по мнению оппонентов, заимствовал у А. А. Богданова и П. Б. Струве. В качестве главного изобличающего доказательства фигурировала теория торгового капитала, которой Покровский будто бы придерживался с первых шагов в науке до своей смерти. По поводу и без повода вспоминалась политическая принадлежность Покровского к группе «Вперед», фракции «левых коммунистов».

Однако было бы упрощением не видеть, что для отдельных историков содержавшаяся в сообщении «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)» крайне негативная оценка Покровского была явно неожиданной. Для П. С. Дроздова, М. Д. Каммари, А. В. Щеглова Покровский еще оставался крупнейшим ученым страны. «Он был всемирно известным ученым-историком, — писал М. Д. Каммари. — Никто не может отрицать его огромной эрудиции, глубины и живости его пытливой мысли, его заслуг в изучении истории революционного движения, в деле разоблачения дворянской, буржуазной и меньшевистской, ревизионистской историографии... Бесспорны его значительные заслуги в деле марксистского освещения хода русской истории, отмеченные Лениным»⁴¹. Ему вторил А. В. Щеглов: «В более ранних работах Покровского имеют место весьма значительные элементы махизма, но они не исчерпывают его метода и даже не являются характерными для последнего периода деятельности Покровского. <...> Покровский, преодолевая буржуазное и мелкобуржуазное влияние, пришел к большевизму и стал одним из лучших борцов за ленинско-сталинскую линию партии»⁴². Но как совместить несомненные научные достижения ученого с директивными указаниями о Покровском? Противоречие столь очевидно, что его наглядность пугала самих авторов, и они, словно боясь усомниться в правильности директивных оценок, сбивались затем на перечисление действительных и мнимых ошибок Покровского.

Если первые критические работы еще содержали нотки сомнения в виновности Покровского, то после февральско-мартовского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б), итоги которого были представлены как «исторический поворот» в советской историографии, тон критики ужесточился. Этому способствовали появившиеся в этот период директивные публикации в газете «Правда», в которых констатировалось неблагополучие в советской исторической науке и содержались настойчивые требования развернуть «более последовательную» критику Покровского и его школы⁴³. Старые статьи П. С. Дроздова, М. Д. Каммари, А. В. Щеглова, с их попытками совместить несовместимое теперь явно не устраивали. Не случайно, выступая 5 мая 1937 г. на собрании сотрудников ИКП истории с отчетом о деятельности журнала «Историк-марксист», его главный редактор Н. М. Лукин говорил: «...„Правда“ целиком права, когда говорит, что мы совершенно недостаточно вели борьбу с этими антимарксистскими, антиленинскими концепциями Покровского и его школы... Одну статью мы дали, но и она не свободна от неряшливых формулировок. В этой статье Дроздов, с одной стороны, говорит, и вполне правильно, что Покровский никогда не был настоящим марксистом, что до конца своих дней он не овладел марксистско-ленинской методологией, а с другой стороны... утверждает, что Покровский выполнил задачу разгрома буржуазно-помещичьей концепции русской истории». Но как Покровский, спрашивает далее Лукин, мог разгромить до конца буржуазную историографию, если он не был марксистом?»⁴⁴

Сами Дроздов и Щеглов, словно оправдываясь за проявленную «слабость», в новых публика-

циях в разностной форме критиковали работы Покровского⁴⁵. Дроздов при этом пытался опорочить школу Покровского — эту, по его определению, группу, состоявшую из нескольких десятков молодых историков, сделавших своим знаменем историческую концепцию Покровского, и на долгое время захватившую руководство исторической наукой. Не утруждая себя анализом трудов представителей этой школы, к ее отличительным чертам Дроздов относил поголовное подхалимство и зажим самокритики. По иронии судьбы с подобных ненаучных позиций 31 октября 1937 г. лекции самого Дроздова, к тому моменту уже арестованного, критиковал в своем докладе «Методы и приемы вредительской работы на историческом фронте» в ИКП истории А. В. Шестаков⁴⁶. Он тоже призывал не сводить всю критику к личности покойного ученого и требовал обратить «общественное внимание на непосредственных виновников» неблагополучия исторической науки.

Призывы эти, однако, не воплотились в реальность. В обстановке репрессий и беззакония критика школы Покровского неизбежно сосредоточилась на рассмотрении взглядов самого Покровского, поскольку арест кого-либо из учеников или сподвижников ученого автоматически означал изъятие его трудов из научного оборота, что лишало участников критической кампании возможности упоминать эти труды. Порой складывались просто, неожиданные ситуации. Так, для сборника «Против исторической концепции М. Н. Покровского» статью «Мировая империалистическая война в освещении М. Н. Покровского» подготовили Я. А. Берзин и А. С. Ерусалимский. Статья впервые увидела свет на страницах журнала «Большевик»⁴⁷. Но в сентябре 1937 г. управляющий Центральным архивным управлением СССР Я. А. Берзин был отстранен от работы, а затем арестован по так называемому делу «о шпионской организации ЦАУ»⁴⁸, и перепечатывать статью стало нельзя. Редакция сборника все же нашла выход из затруднительного положения, опубликовав статью почти без изменений, но под другим названием, за подписью одного А. С. Ерусалимского⁴⁹.

Подготовку известного сборника «Против исторической концепции М. Н. Покровского» Институт истории АН СССР начал по заданию Президиума АН СССР во второй половине 1937 г. В течение полугодия различными авторами было написано 27 статей общим объемом более 50 печатных листов. Многие из статей предварительно были обсуждены на заседаниях секторов и общепартийских собраниях, другие в несколько сокращенном виде опубликованы в журнале «Историк-марксист»⁵⁰. Основную организационную работу по сборнику выполнил ученый секретарь института С. К. Бушуев. Во внутреннем рецензировании активное участие принял А. В. Шестаков, который, хотя и не был в числе авторов, подготовил обличительную статью о взглядах Покровского на Октябрьскую революцию⁵¹. К печати сборник под условным названием «Против антиленинских и антиисторических взглядов М. Н. Покровского» был утвержден на заседании ученого совета института 29 марта 1938 г.

До весны 1939 г. в основном был подготовлен и второй том сборника, ответственным редактором которого стал А. Л. Сидоров. Как и в случае с первым выпуском, отдельные статьи этого тома также предварительно были опубликованы и обсуждены⁵². Статьи, по каким-либо причинам не вошедшие в сборники, другие критические работы о Покровском, увидели свет на страницах журналов⁵³.

Среди авторов, принявших участие в сборниках, были многие авторитетные историки страны, занимавшие ведущие позиции в изучении проблем, по которым они критиковали Покровского. Свое отношение к концепции недавнего руководителя исторической науки выразили известнейшие представители старой школы Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, С. В. Юшков, А. Н. Насонов, их последователи — Н. М. Дружинин, К. В. Базилевич, Б. Б. Кафенгауз и др. Вторую группу авторов составили ученики Покровского — А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, А. Л. Сидоров и др.

Атмосфера репрессий и беззакония, в которой готовились сборники, во многом объясняет, почему выпускники ИКП и других комвузов выступили с более резкой и необъективной критикой своего бывшего учителя, нежели представители старой школы, которым, казалось, было что вспомнить о трагических событиях так называемого «академического дела» конца 20-х гг. Именно от учеников Покровского в первую очередь требовали неукоснительного соблюдения закрепленных в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“» директивных оценок Покровского. Именно их ряды в наибольшей степени пострадали от репрессий, поскольку принадлежность к школе Покровского рассматривалась чуть ли не как предательство интересов партии и народа.

Широко известно, что тон критике в первом выпуске сборника задала вводная статья

А. М. Панкратовой «Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского», в которой скрупулезно перечислялись политические ошибки Покровского на всех этапах его жизни, полностью игнорировалось положительное значение научно-организаторской деятельности ученого, крайне необъективно оценивались научные работы, главная из которых — «Русская история с древнейших времен», — по словам автора, «не представляла шага вперед ... в деле выработки марксистско-ленинской схемы русской истории, ибо она игнорировала все важнейшие выводы марксистской теории»⁵⁴. Однако менее известно, какую интенсивную «проработку» выдержала А. М. Панкратова, прежде чем из-под ее пера вышла статья, столь резко расходившаяся со всем тем, что она писала раньше о Покровском. Появлению статьи предшествовали арест ее бывшего мужа историка Г. Яковина, арест ближайших коллег по группе истории пролетариата Института истории Комкадемии, закрытие редакции «Истории пролетариата СССР», неоднократные обсуждения «непартийного поведения» самой А. М. Панкратовой, закончившиеся 27 августа 1936 г. ее исключением из ВКП(б) на партийном собрании ИКП истории, временной высылкой из Москвы в Саратов.

В подобных условиях работали тогда едва ли не все ученики Покровского, многие ученые старой школы. И все же, несмотря на целенаправленное политическое воздействие, печать индивидуальности авторов оставила свой след в критических статьях, и эти статьи, объединенные под одним заглавием на обложке томов, получились далеко не равноценными как по тону критики, так и по своему содержанию.

С откровенно очернительских позиций были написаны статьи А. Л. Сидорова, Д. А. Баевского, С. К. Бушуева, А. В. Пяковского, А. Л. Попова, Е. А. Луцкого, И. Г. Викторова⁵⁵. А. Л. Сидоров, в частности, более обосновывал «порочность» методологических взглядов Покровского, чем анализировал воззрения ученого на русско-японскую войну 1904—1905 гг. В своей критике он исходил из априорной установки о якобы хорошей осведомленности Покровского во всех перипетиях дипломатической и военной истории империалистической России и его безусловном знакомстве с ленинскими произведениями. Упор на наиболее слабые работы Покровского, нежелание проследить эволюцию взглядов ученого, приверженность к оскорбительным ярлыкам продемонстрировали в своих работах С. К. Бушуев, А. В. Пяковский, Д. А. Баевский. Не многим отличалась в этом отношении и обширная статья А. Л. Попова, хотя в ней имела ценная неисториографическая часть — результаты авторского исследования архивных документов по внешней политике царской России. Особый интерес в статье представляла постановка вопроса об относительной самостоятельности сферы международных отношений и отсутствии автоматизма в ее взаимодействии с экономической основой. Подобные соображения автора открыто расходились с утверждениями Покровского о том, что внешняя политика прямо и непосредственно обслуживает господствующую систему экономических отношений. Концепцию Октябрьской революции Покровского из его отдельных высказываний, взятых вне связи с контекстом и без учета времени их формулирования, произвольно конструировал И. Г. Викторов. Манифест политического обвинения, а не исследовательскую статью представляла работа Е. А. Луцкого. Подготовленная в срочном порядке в последний момент, так как второй выпуск сборника задерживался, работа изобилвала сравнениями взглядов Покровского (естественно, не в пользу обвиняемого) с «Кратким курсом истории ВКП(б)». Не случайно автор позднее с тяжелым чувством вспоминал об этой статье⁵⁶.

Более основательными и объективными в критических оценках были статьи М. В. Нечкиной, Е. А. Мороховца, Н. П. Руткевича, М. О. Косвена⁵⁷.

Основную часть статьи М. В. Нечкиной составил анализ взглядов Покровского на восстание Пугачева. Для самой Нечкиной эта тема оказалась связана с самокритикой, так как в конце 20-х — начале 30-х гг. с позиций концепции Покровского она подготовила несколько очерков по данному вопросу⁵⁸. И вот теперь ей предстояло определить отношение к ранее написанному. Избегнув стандартных заявлений об «антимарксизме» Покровского, М. В. Нечкина сумела довольно обстоятельно показать развитие взглядов ученого, их сильные и слабые стороны. На первом этапе изучения Покровский, по ее мнению, определил характер и движущие силы восстания как казацко-крестьянские. Покровский, указывала она, впервые в отечественной историографии подчеркнул, что восстание явилось продуктом общерусских условий и имело общероссийское значение. Спустя годы в «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровский резко изменил свои взгляды, охарактеризовав восстание как раннюю буржуазную революцию, с которой ведет отсчет история российского революционного движения. Такая трактовка, справедливо отмечала

М. В. Нечкина, явно ошибочна, ибо политического лозунга борьбы с самодержавием как основного лозунга буржуазной революционности стихийное крестьянское восстание не выдвигало и не могло выдвинуть. Крупным недостатком этой работы Покровского М. В. Нечкина считала крайнюю модернизацию причин восстания. «Вообще модернизация явлений,— замечала она в этой связи,— грубое перенесение черт более поздних исторических явлений на более ранние — одна из частых ошибок Покровского»⁵⁹. Элементы модернизации восстания Покровский сохранил и в последний период творчества, когда он недооценивал стихийность и преувеличивал сознательность и организованность восставших. Однако именно в эти годы ученый, подчеркнула М. В. Нечкина, сумел правильно квалифицировать восстание как крестьянское. Покровский, перечисляла она достоинства его последних работ, «впервые в литературе широко поставил вопрос о влиянии восстания Пугачева на последующую политику правительства», «впервые выделил и разобрал роль народностей в этом движении». Более того, в работе «Новые данные о пугачевщине» ученый привел свежий архивный материал о национальном гнете в царской России. «Материал этот настолько ярок,— замечала критик,— что по праву уже давно вошел в преподавание (даже среднешкольное) и популяризацию вопроса...»⁶⁰. Вклад Покровского в разработку темы для М. В. Нечкиной был несомненен, и этот итоговый вывод не заслоняли ни содержащиеся в статье необоснованные упреки, ни сознательный отказ автора, видимо, из-за желания избежать сравнения с работами арестованного С. Г. Томсинского, употребить по отношению к восстаниям термин «крестьянская война».

Оценка работ Покровского о декабристском движении получилась у М. В. Нечкиной более суровой, хотя и здесь тон критики своей сдержанностью выгодно отличался от аналогичной статьи И. К. Гохберга. Для доказательства ошибок Покровского на протяжении всей статьи М. В. Нечкина использовала прием сопоставления взглядов Покровского с трудами Ленина. Не случайно статья начиналась с изложения ленинской концепции декабризма. Если ранние очерки Покровского, по мнению автора, были чрезвычайно далеки от ленинских оценок, то в работах 20-х гг. ученый уже иначе расставил акценты, подчеркнув объективно буржуазное содержание декабристского движения и выделив в качестве центрального пункта программы декабристов земельный вопрос. Но все же он не понял ленинской концепции революционного движения. Покровский неоправданно расчленил декабристское движение на революционное Южное и либеральное Северное течения, модернизировал причины восстания, связав их с ростом хлебных цен, пренебрежительно отнесся к движению в целом, охарактеризовав его как «корыстное» и «аристократическое». В итоге, справедливо заключила М. В. Нечкина, ученый не смог постигнуть особенностей дворянской революционности и первого этапа российского революционного движения.

Метод сопоставления взглядов Покровского и Ленина на реформу 1861 г. использовал в своей статье и Е. А. Мороховец. Опираясь на результаты собственных исследований⁶¹, автор охарактеризовал недостатки представлений ученого на экономические предпосылки реформы. При этом он неоправданно ограничил проблему развитием капитализма в деревне, опустив такую важнейшую предпосылку, как технический переворот в промышленности. «Основная ошибка Покровского,— писал он,— заключалась в том, что его схема построена на методологически ложной почве: причины кризиса барщинного хозяйства нужно искать не в условиях рынка, а в условиях производства»⁶². По мнению критика, Покровский излишне концентрировал внимание на хлебной торговле и барщинном хозяйстве, в котором усматривал элементы капитализма, тогда как процессы разложения крестьянства, выделения из крестьянской массы сельскохозяйственных предпринимателей, ведущих капиталистическое хозяйство на земле, выпали из его поля зрения. «Правда, когда Покровский писал свои работы,— справедливо замечал в этой связи Е. А. Мороховец,— вопрос этот был почти не освещен в литературе...»

Более обстоятельно, по его мнению, Покровский раскрыл политические и социальные предпосылки реформы. Ученый «совершенно правильно подчеркивал значение роста крестьянского движения как стимула, побудившего правительство и широкие круги дворянства „поторопиться с реформой“», справедливо упоминал о «громадном значении крымского разгрома», правильно выделял различные течения среди дворянства, причем «характеристика либералов у Покровского совпала в общем с их характеристикой у Ленина»⁶³. Однако и здесь, полагает критик, ученый не избежал серьезных ошибок, в частности в освещении хода крестьянского движения, позиций Герцена и Чернышевского, политических итогов реформы и т. д.

В заключение Е. А. Мороховец обобщил ошибки, которые сделал Покровский в течение своей научной деятельности. В результате выводы получились заостренными и в значительной степени противоречили содержанию статьи.

В отличие от откровенно обличительной работы Я. А. Берзина и А. С. Ерусалимского статья Н. П. Руткевича в своей критической части была более основательной и объективной. Автор не просто отмечал основные методологические и фактические ошибки Покровского, но постарался учесть причины их возникновения. Так, характеризуя высказанную историком в 1915 г. мысль о русском царизме как главном виновнике войны, он справедливо подчеркнул, что Покровский выдвинул ее с целью разоблачить лживые уверения русских социалистов-оборонцев о «благородной» миссии России в борьбе с германской агрессией.

Взгляды Покровского на развитие отраслей производственной деятельности первобытного человека аргументированно опроверг М. О. Косвен. Не прибегая к надуманным обвинениям, он доказал несостоятельность утверждений ученого о том, что земледелие предшествовало охоте, и раскрыл ошибочность тезиса Покровского об отсутствии родового строя у восточных славян.

Периоду феодализма в концепции Покровского посвятили свои статьи ученые старой школы. В основном подготовленные ими работы, как и лучшие очерки выпускников комвузов, отличали более сдержанный тон и осмысленный подход к критике, когда она не являлась самоцелью, а служила делу изучения конкретной истории. Не случайно, характеризуя статьи сборников, академик Л. В. Черепнин выделил эту сторону критики, подчеркнув, что в сборниках наряду с доказом теоретически несостоятельных положений Покровского были «рассмотрены не привлекавшиеся Покровским положения марксизма об условиях формирования централизованных государств, а также проблема становления самодержавия как формы политического строя в период укрепления крепостничества; (...) углублялось понимание взаимодействия базиса и надстройки, роли классовой борьбы как движущей силы истории общества...» и т. д.⁶⁴ При этом, конечно, многие работы ученых старой школы не были избавлены от необъективности, вытекавшей из стремления оценить труды Покровского с позиций достижений историографии второй половины 30-х гг.

Взгляды Покровского на Киевскую Русь и ранний феодализм освещали в сборниках три автора — Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин и С. В. Юшков⁶⁵. Рассмотрев основные дореволюционные работы ученого, Б. Д. Греков пришел к выводу, что Покровский неверно понимал сущность феодализма и феодальной государственной власти и исказил действительную историю Киевской Руси. В частности, он не признал существования в IX—XII вв. оформившегося государства, хотя немало страниц посвятил описанию «своеобразной формы военно-торговой республики» или «военно-торговой ассоциации». Пользуясь данными В. О. Ключевского и представителей буржуазной науки, Покровский, по мнению Грекова, составил преувеличенное представление о роли торговли и городов, принизив основу тогдашней экономики — сельскохозяйственное производство. Исходя из ложного тезиса об обнищании страны, он неправильно истолковал процесс распада Древнерусского государства и образования феодальных удельных княжеств, неверно доказывал, что татаро-монгольские завоеватели, разрушив старые города-«паразиты», способствовали тем самым скорейшему объединению Руси.

Ошибочным взглядам Покровского Б. Д. Греков противопоставил собственную концепцию генезиса феодализма, ранее выдвинутую в своих работах⁶⁶. Автор сформулировал новые ценные положения о сущности вехового строя Древней Руси, его происхождения и последующей эволюции. Однако, сосредоточив внимание только на двух работах Покровского, Греков не показал изменения взглядов ученого.

Во многом с оценками Грекова совпадали критические заключения С. В. Юшкова. Отказавшись от своих прежних выводов о творчестве Покровского⁶⁷, он теперь усматривал в дореволюционных работах ученого, а также в «Русской истории в самом сжатом очерке» многочисленные недостатки, констатируя неправильные представления о возникновении феодального землевладения и феодальной ренты, искажение подлинной роли торговли и городов, неверный взгляд на политический строй и расстановку классовых сил в Киевской Руси, причины ее упадка и мотивы принятия христианства. То обстоятельство, что в результате усилившейся в 1930 и 1931 гг. критики Покровский в статье «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России» пересмотрел свои взгляды на сущность феодализма, не меняло общей отрицательной оценки работ ученого, так как, по мнению Юшкова, Покровский в конце жизни «дал лишь частичную критику своих ошибок» и «не отошел от экономического материализма»⁶⁸.

По-иному, с позиций признания определенных научных заслуг Покровского в изучении феодализма, писал о нем С. В. Бахрушин. «В 1910 г., когда Покровский выпустил впервые свою „Русскую историю с древнейших времен“, — отмечал он, — вопрос о русском феодализме был далеко

еще не освоен буржуазной исторической наукой». Поэтому «...попытка применить выводы Павлова-Сильванского к созданию новой концепции русской истории, которую мы находим в труде Покровского, казалась смелой и новой»⁶⁹. Конечно, Покровский, как справедливо отметил Бахрушин, при этом неизбежно повторил коренные недостатки идеалистической концепции Павлова-Сильванского, отождествив феодализм с политическими институтами, а феодальную эпоху с периодом феодальной раздробленности. Не понимая основы феодальной формации — способа производства, ученый, по мнению Бахрушина, придумал для периода, начинающегося с XVI в., особую торгово-капиталистическую формацию и признал феодалов-дворян наряду с посадом представителями торгового капитала. Правда, замечает далее критик, «надо сделать оговорку, что в позднейшей „Русской истории в самом сжатом очерке“ Покровский делает некоторую попытку рассматривать феодализм именно как способ производства... Но эта поправка, как она ни существенна, не отражается на общей его концепции, которая остается прежней».

В вопросе о Киевской Руси Покровский, по определению Бахрушина, был не столь беспомощен, как это представил Греков. Напротив, ученый в некотором смысле предвосхитил работы Грекова, правильно угадав зарождение феодальных отношений уже в Киевской Руси и высказав верную мысль о тесной зависимости смердов от княжеской власти. Ценные заключения о феодальной деревне Покровский, однако, сочетал с ошибочной характеристикой роли торгового города, который он рассматривал как нечто самодовлеющее.

Резкой критике подверг Бахрушин взгляды Покровского на значение татаро-монгольского нашествия в отечественной истории. Покровский, указывал он, под влиянием предшествующей буржуазной историографии подменил вопрос об образовании Русского государства вопросом о возвышении Москвы, игнорировал подлинную заинтересованность народа в объединении страны, не увидел ту поддержку, которую оказали великокняжеской власти различные слои господствующего класса. Заявления ученого о том, что «объединение Руси вокруг Москвы было на добрую половину татарским делом», его идеализация культурного уровня захватчиков и политики золотоордынских ханов, по справедливому мнению Бахрушина, принижали значение национально-освободительной борьбы русского народа.

Против искажения Покровским героического прошлого русского народа выступил А. Н. Насонов⁷⁰. Поставив задачу «не столько оценить труды Покровского для определения места, занимаемого им в нашей историографии, сколько проверить его взгляды на конкретно-историческом материале», автор солидаризовался с Бахрушиным, констатируя многочисленные просчеты Покровского в освещении темы. Едва ли не единственным достоинством взглядов ученого критик считал то, что он «...обратил внимание на разницу в отношении татар к князю и лучшим людям, с одной стороны, и к черни — с другой...». Ценной частью статьи являлся сжатый очерк татарской политики на Руси, в котором автор, по собственным словам, использовал только некоторые выводы своей работы⁷¹.

С позиций достижений советской историографии 30-х гг. критиковал Покровского в вопросе, который являлся наиболее популярным и удобным объектом обличения, К. В. Базилиевич⁷². Видный специалист в области изучения позднего феодализма и торговой политики, он умело вскрыл методологическую несостоятельность теории торгового капитализма Покровского. «Покровский,— писал критик,— по-видимому, не замечал основных противоречий ...собственной схемы. В изложении экономической истории XVII в. Покровский постоянно подчеркивал экономическую деградацию, возврат к натурально-хозяйственным отношениям и слабость частного торгового капитала, которому он противопоставлял могущественную и монополистическую царскую торговлю. Между тем, согласно схеме, частный торговый капитал именно в это время создал политические формы своего господства (т. е. самодержавие.— А. А.) и ликвидировал феодальные отношения». В результате у Покровского, остроумно замечал К. В. Базилиевич, «эпоха торгового капитализма... оказалась в XVII в. без торгового класса»⁷³. Интересные критические заключения автора соседствовали, однако, с бездоказательной констатацией статичности взглядов Покровского, и это обстоятельство наряду с сознательным отказом от сравнения работ ученого с трудами его предшественников явилось главным недостатком статьи.

Скруплезно перечислил фактические ошибки Покровского в изложении истории России конца XVI — начала XVII в. А. А. Савич⁷⁴. Он сделал вывод о том, что ученый ушел от рассмотрения большинства вопросов польско-литовской интервенции. Но критик не отметил сильной стороны взглядов Покровского — его анализа классового содержания событий начала XVII в.

Противоречивой была статья В. И. Пичеты на аналогичную тему⁷⁵. С одной стороны, ее автор

критиковал Покровского за зависимость взглядов от концепций буржуазных историков и использование понятия «Смута», когда правильнее было бы обозначить события термином «крестьянская война», справедливо указывал, что Покровский по существу снял вопрос о польско-шведской интервенции. С другой стороны, Пичета с надклассовых позиций, не замечая социального содержания, охарактеризовал движение Лжедмитрия, сведя все причины успехов движения к военной помощи польских магнатов. Стремление любой ценой возродить национальные традиции помешало Пичете сохранить объективность, и он не только не заметил основного достоинства работ Покровского, который в противовес дворянско-буржуазной историографии попытался показать классовое содержание народных выступлений того периода, но и не смог раскрыть высказанную им в начале статьи правильную мысль о сложном переплетении в событиях XVII в. антифеодального крестьянского движения и интервенции.

В другой своей статье В. И. Пичета не менее резко критиковал Покровского за «антипатриотизм» в освещении истории войны 1812 г.⁷⁶ Автор справедливо указывал, что Покровский не сумел проникнуть в глубокий смысл понятий⁷⁷ «Отечественная война» и не увидел народного характера войны. Основная методологическая ошибка Покровского, писал Пичета, повлекла за собой другие просчеты — в объяснении причин и хода кампании, значения Бородинского сражения, итогов войны. В противоположность высказываниям Покровского Пичета едва ли не впервые в советской историографии на основе опубликованных документов охарактеризовал партизанское движение, поставил вопрос о причинах зарождения, содержании и формах народной борьбы. Однако, обоснованно подчеркнув народный характер войны 1812 г., он опустил различия в классовых интересах дворян и крестьян и проигнорировал корыстные цели, которые преследовали в войне царизм и правящий класс.

С обстоятельного очерка дворянской и буржуазной историографии проблемы начал статью «Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского» Б. Б. Кафенгауз⁷⁸. Такое введение позволило автору определить значение работ Покровского не только в сравнении с достижениями советской историографии 30-х гг., но и сопоставить их с трудами предшественников и современников ученого. В результате критик пришел к выводу, что «концепция М. Покровского представляла известный интерес, как попытка преодолеть буржуазные взгляды... Это была попытка понять... эпоху, исходя из анализа ее экономики, и вскрыть классовую природу петровской империи»⁷⁹. Однако ученый истолковал петровские преобразования в духе ошибочной схемы торгового капитализма. Покровский, писал Кафенгауз, считал, что Россия при Петре переживала недолгую весну торгового капитализма, после чего наступил крах и промышленный кризис, который он объяснил тем, что «самый способ воздействия Петра на промышленность был таков, что должен был распугивать, а не привлекать капиталы». Такое искусственное разделение эпохи Петра на два периода, справедливо замечал критик, понадобилось Покровскому для того, чтобы связать отдельные звенья в общий ход русского исторического процесса, связать эпоху Петра с дворянской монархией XVIII в. С другой стороны, это деление в угоду схеме торгового капитализма породило характеристику петровских реформ как неудачных, и эта «... мрачная, отрицательная характеристика эпохи распространилась на все ее стороны — на экономическую политику, военные реформы, внешнеполитическую историю, явления культуры, личность самого Петра»⁸⁰. При этом едва ли не самой поразительной чертой концепции, указывал Кафенгауз, являлось отсутствие у Покровского указаний на положение крепостного крестьянства и классовую борьбу. Лишь в последних работах 1930—1931 гг. заключал автор, Покровский начал отходить от сложившейся схемы, определяя петровские административные реформы как проявление бюрократизма. Но на этом правильном пути историк успел сделать только первые шаги, не завершив коренного пересмотра своих ошибочных представлений.

Взгляды Покровского по вопросам социально-экономической истории России, внутренней и внешней политики царизма конца XVIII — первой половины XIX в. с высоты современных ему научных достижений подверг критике Н. М. Дружинин⁸¹. Он аргументированно показал, что колебания в объеме хлебного экспорта и в уровне цен на зерно, которые Покровский клал в основу понимания крупных процессов и явлений, в действительности не были в тот период столь явно выраженными, как это представлялось историку. Вскрыв методологическую несостоятельность концепции борьбы торгового капитала с капиталом промышленным, посредством которой Покровский объяснял разложение феодальной системы и формирование капиталистических отношений в экономике страны, критик затем обстоятельно перечислил ошибки ученого в характеристике классовой борьбы крестьянства, позиций общественных движений, внешней политики правительств

ва, причин и итогов Крымской войны 1853—1856 гг. В противовес уничижительным оценкам Севастопольской обороны в трудах Покровского, Н. М. Дружинин охарактеризовал эту проблему как «проявление народной самодеятельности, мужества и самопожертвования». «Какова бы ни была внешняя и внутренняя политика царизма, вторжение врага на русскую территорию затрагивало жизненные интересы русского народа», — писал поэтому «...мы имеем полное основание провести историческую аналогию между Отечественной войной 1812 г. и Севастопольской обороной 1854—1855 гг.»⁸².

Последнее утверждение вызвало у рецензентов первого выпуска сборника резкие возражения. Бывший выпускник ИКП Н. Л. Рубинштейн и группа авторов в «Историческом журнале» в положениях Н. М. Дружинина увидели попытку сползания с классовых позиций в оценке Крымской войны и оправдания аннексионистской политики самодержавия в отношении Турции. «Осуждение Н. Дружининым пораженческих позиций выдающихся борцов за народ Чернышевского и Добролюбова, — писали они, — созвучно суждениям Покровского с его пренебрежительным отношением к Чернышевскому»⁸³.

В целом выход сборников «Против исторической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» оценивался в появившихся многочисленных откликах положительно⁸⁴. Практически единодушно как достоинство сборников рецензенты выделяли освещение в них конкретно-исторических проблем на основе произведений классиков марксизма-ленинизма. Никто из рецензентов при этом не подвергал сомнению некорректное сопоставление в статьях взглядов Покровского с результатами исследований советских ученых второй половины 30-х гг. Напротив, попытки отдельных авторов хоть как-то осветить для своего времени сильные стороны исторических воззрений Покровского вызвали у рецензентов полное непонимание. Хотя появление сборников свидетельствовало, как констатировали сами рецензенты, что «значительные кадры историков уже преодолели пороки школы Покровского», все они дружно предлагали продолжить и ужесточить критику, более последовательно связав разоблачение конкретных ошибок Покровского с его «антимарксистской методологией». Как и в начальный период критической кампании, настойчиво повторялись требования не сводить всю критику к фигуре одного Покровского, расширить самокритику советских историков.

Своеобразной рецензией на первый выпуск сборника являлась статья Ем. Ярославского «Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой „школы“ Покровского». Впервые опубликованная 12 января 1939 г. в «Правде», она затем с незначительными дополнениями была перепечатана в качестве вводной статьи ко второму тому сборника. Судя по названию, дословно заимствованному из постановления ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“, эта работа должна была содержать анализ трудов историков школы Покровского. Однако Ем. Ярославский ограничился крайне тенденциозным рассмотрением произведений главы школы. Сознательно повторив лишь негативные оценки и выводы, которые высказали авторы первого выпуска, он дополнил их надуманными обвинениями об игнорировании Покровским исторических фактов, отрицании им объективности исторических знаний, принижении роли большевистской партии как руководящей силы революции и т. п. В итоге статья ярко воплотила в себе такие отрицательные черты критики Покровского, как очернительство, навешивание ярлыков, передергивание, продемонстрировала открытый отход от принципа историзма в оценке творчества ученого.

Обвинения в адрес Покровского Ем. Ярославский повторил, выступая 14 июля 1939 г. на Всесоюзном совещании руководителей кафедр марксизма-ленинизма в Москве. Пересказав основное содержание своей обличительной статьи, он особо подчеркнул, что «тов. Сталин лично не раз указывал на то, что Покровский во многих своих работах не являлся марксистом»⁸⁵.

Несмотря на то, что в рецензиях содержались призывы активизировать критику Покровского и его школы, фактически после издания двухтомника критическая кампания пошла на убыль. Накануне войны к творчеству Покровского возвращались лишь М. А. Гудошников, С. И. Ковалев и Н. Л. Рубинштейн⁸⁶. Цели, которые преследовали организаторы кампании, были достигнуты. Покровский был низвергнут, его научные заслуги перечеркнуты, многие ученики и сподвижники, вне зависимости от того, следовали они официальному курсу или имели собственное мнение, физически уничтожены. В историографии окончательно утвердился культ Сталина. «Вы — великий корифей самой передовой теории — теории марксизма-ленинизма. Вами вписаны новые замечательные страницы в эту преобразующую мир великую науку. Вы вооружили историческую науку своими замечательными теоретическими работами и указаниями, которые служат для нас, советских

историков, программой научной работы», — писали в приветственном письме И. В. Сталину в связи с его 60-летием 21 декабря 1939 г. видные ученые-историки страны⁸⁷. Сталинская методология и сталинские методы работы публично были объявлены образцом, к которому следовало стремиться всем советским историкам⁸⁸. В литературе наметилась вполне устраивавшая идеологов культа личности тенденция идеализации прошлого, особенно наглядно проявившаяся в нарушении классового подхода к оценке внешнеполитической деятельности русского самодержавия. В изучении революционного движения и советской истории пышным цветом расцвели догматизм и начетничество, слепое следование канонам «Краткого курса истории ВКП(б)»⁸⁹.

Однако, несмотря на далекие от науки цели организаторов критической кампании, ее искусственно раздутые масштабы, оскорбительные формы и тон, губительные последствия репрессий, было бы неправильно отрицать рациональные моменты в критике Покровского. Эта критика имела объективные основания. Она способствовала преодолению нигилизма в отношении к дореволюционному историографическому наследию. Не случайно именно во второй половине 30-х гг. были предприняты переиздания капитальных трудов Г. Ф. Миллера, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, М. М. Богословского, других видных представителей дворянской и буржуазной науки. Критика Покровского обусловила отказ историков от увлечения абстрактными социологическими построениями и, схемами, по крайней мере в изучении дореволюционной истории, вызвала расширение научных интересов ученых, содействовала более глубокому проникновению их в существо исследуемых проблем, активизировала разработку истории национально-освободительной борьбы русского народа. Она значительно ускорила работу советских ученых по написанию школьных и вузовских учебников, особенно по отечественной истории. Появившиеся в 1938—1940 гг. двухтомный вузовский учебник по истории СССР, учебник по истории СССР для 8—10-х классов средней школы, другие учебники не просто популяризировали фактический материал, но воплощали творческие достижения советской историографии в разработке тех проблем, в изучении которых Покровский сделал немало ошибок. Наконец, лучшие критические статьи второй половины 30-х гг. углубляли и уточняли оценку трудов самого Покровского. В целом негативно определивший содержание и итоги критической кампании против Покровского, О. Д. Соколов, как это не удивительно, при анализе исторических взглядов ученого опирался именно на эти работы⁹⁰.

И последнее замечание. Думается, что появившиеся в нынешние дни попытки идеализации творчества М. Н. Покровского и однозначно отрицательной трактовки критических выступлений 30-х гг. не прибавляют авторитета ученому. Масштаб и значимость его научной деятельности таковы, что он со всеми присущими ему ошибками и противоречиями остается выдающейся личностью в истории советской исторической науки.

Примечания

¹ См.: ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 120, д. 358, л. 1—3, 39.

² Статью К. Б. Радека «Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского» см.: Борьба классов. 1936. № 3. В том же журнале (№ 2) был перепечатан и критический очерк Н. И. Бухарина о Покровском.

^{2a} См.: Нечкина М. В. Вопрос о М. Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934—1938 гг. о преподавании истории и исторической науки (К источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 232—246.

³ См., напр.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; его же. Оценка М. Н. Покровского как историка в советской историографии // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971; Чернобаев А. А. М. Н. Покровский — ученый и революционер // Вопросы истории. 1988. № 8; Соловей В. Д. Процесс становления советской исторической науки (1917 — середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии // История СССР. 1988. № 4 и др.

⁴ См.: Вопросы истории. 1989. № 5. С. 154—159.

⁵ См.: Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 104.

⁶ Большевик. 1924. № 14. С. 114.

⁷ Там же. № 1. С. 139—141.

⁸ Вестник Коммунистической Академии. 1926. № 15. С. 256, 282.

⁹ См.: На боевом посту марксизма: Стенограмма торжественного заседания, посвященного 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М. Н. Покровского. М., 1929.

¹⁰ Цит. по: Луцкий Е. А. Развитие исторической концепции М. Н. Покровского // История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. С. 362.

¹¹ Малаховский Вл. На два фронта (к оценке народолюбия). М., 1930. С. 63—64.

¹² История ВКП(б) / Под ред. Ем. Ярославского. Вып. 2. Т. 3. Изд. 2. М.; Л., 1931. С. 32.

¹³ Архив АН СССР (далее — ААН), ф. 1759, оп. 5, д. 78. л. 19.

¹⁴ Парта́рхив Института истории партии МГК и МК КПСС (далее — МПА), ф. 474, оп. 1, д. 23, л. 20б.; д. 24, л. 40об.

- ¹⁵ Там же, д. 23, л. 2—4.
- ¹⁶ Там же, д. 107, л. 46—47; ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 33, 42.
- ¹⁷ Подробнее см.: Дунаевский В. А. Большевики и германские левые на международной арене (Некоторые аспекты темы в освещении советской историографии конца 20-х — начала 30-х годов) // Европа в новое и новейшее время: Сб. ст. М., 1966; Маньковская И., Шарапов Ю. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5.
- ¹⁸ В этой связи следует сказать, что мнение Дж. Энтина о санкционированной поддержке Л. М. Кагановичем Ем. Ярославского в декабре 1931 г. и его предположения о стремлении Сталина сместить больного Покровского весьма спорны. См.: Enteen G. The Soviet Scholar — Bureaucrat: M. N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. L., 1978. P. 165—186.
- ¹⁹ Зайдель Г. М. Н. Покровский — историк-большевик // Проблемы марксизма. 1932. № 1—2; Панкратова А. М. М. Н. Покровский — большевистский историк // Борьба классов. 1932. № 4; ее же. Новые проблемы исторической науки в СССР // Вестник Коммунистической Академии. 1934. № 4; Тольцер С. М. Н. Покровский и некоторые вопросы истории войны и международной революции // Борьба классов. 1933. № 5 и др.
- ²⁰ См.: Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5.
- ²¹ См., напр.: Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.
- ²² МПА, ф. 211, оп. 1, д. 5, л. 36.
- ²³ Говорков А. А. К вопросу о формуле М. Н. Покровского «история есть политика, опрокинутая в прошлое» // Вопросы методологии истории и историографии. Вып. 3. Томск, 1974. С. 25; Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 22—23.
- ²⁴ Enteen G. Op. cit. P. 33.
- ²⁵ МПА, ф. 474, оп. 1, д. 11, л. 9.
- ²⁶ Покровский М. Н. Неправда об историках-марксистах // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 222.
- ²⁷ Горин П. О. М. Н. Покровский — большевистский историк. Минск, 1933. С. 5.
- ²⁸ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сб. док. Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 170—171.
- ²⁹ МПА, ф. 211, оп. 1, д. 5, л. 27.
- ³⁰ Вебер Б. Г. Империализм в оценке М. Н. Покровского // Книга и пролетарская революция. 1935. № 4.
- ³¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 183—184.
- ³² Об этом см. также: Брачев В. С. Указ. соч.; Горяинов А. Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2.
- ³³ МПА, ф. 211, оп. 1, д. 11, л. 66—68.
- ³⁴ Историческая наука и ленинизм // Большевик. 1936. № 3; Дроздов П. Решение партии и правительства об учебниках по истории и задачи советских историков // Историк-марксист. 1936. № 1; За преодоление ошибок школы М. Н. Покровского // Борьба классов. 1936. № 3; Проблемы исторической науки и наши задачи // Советское государство. 1936. № 2 и др.
- ³⁵ Горин П. О некоторых ликвидаторских взглядах на историческую науку // Большевик. 1936. № 7; Каммари М. Теоретические корни ошибочных исторических взглядов М. Н. Покровского // Под знаменем марксизма. 1936. № 4; Щеглов А. Методологические истоки ошибок М. Н. Покровского // Там же. № 5; Котович В. Антиленинская концепция истории большевизма в трудах М. Н. Покровского // Красная летопись, 1936. № 2.
- ³⁶ Борьба классов. 1936. № 4. С. 122—127.
- ³⁷ Рубинштейн Н. Классовая борьба на Украине в XVII веке // Борьба классов. 1936. № 4. С. 35—46.
- ³⁸ Историк-марксист. 1936. № 2. С. 173—174.
- ³⁹ МПА, ф. 211, оп. 1, д. 8, л. 10—16, 21—26; Борьба классов. 1936. № 3. С. 129—143.
- ⁴⁰ Борьба классов. 1936. № 5. С. 122—127.
- ⁴¹ Каммари М. Указ. соч. С. 2—3.
- ⁴² Щеглов А. Указ. соч. С. 69.
- ⁴³ Об идиотской болезни — беспечности в журнале «Историк-марксист» // Правда. 1937. 15 марта; Федоров И. Политическая слепота и беспечность. Журнал «Историк-марксист» за 1936 год // Там же. 20 марта; Генкина Э. Политическая близорукость и ее плоды (журнал «Борьба классов» за 1936 г. «Исторический журнал». № 1 и 2 за 1937 г.) Там же. 11 мая; Как готовятся кадры историков // Там же. 9 июня и др.
- ⁴⁴ МПА, ф. 474, оп. 1, д. 102, л. 159об.
- ⁴⁵ Дроздов П. Историческая школа Покровского // Правда. 1937. 28 марта; Щеглов А. Задачи исторической науки в СССР // БСЭ. Т. 30. 1937. Стб. 24—29.
- ⁴⁶ Стенограмму доклада и прений по нему см.: ААН, ф. 638, оп. 1, д. 188.
- ⁴⁷ Большевик. 1937. № 10. С. 57—69.
- ⁴⁸ См.: Пшеничный А. П. Репрессии архивистов в 1930-х гг. // Советские архивы. 1988. № 6. С. 45—46.
- ⁴⁹ Ерусалимский И. А. Происхождение мировой империалистической войны 1914—1918 гг. в освещении М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939. С. 495—517.

- ⁵⁰ Информацию о докладах С. В. Бахрушина, Б. Д. Грекова, М. В. Нечкиной, А. М. Панкратовой, К. В. Базилевича см.: Историк-марксист. 1937. № 5—6. С. 265—267; 1938, № 3, с. 153, 161; Сидоров А. Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны 1904—1905 гг. // Там же. 1937. № 3; Греков Б. Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. Н. Покровского // Там же. № 5—6; Савич А. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского // Там же. 1938. № 1.
- ⁵¹ Шестаков А. Об извращении М. Н. Покровским истории великой пролетарской революции в СССР // Исторический журнал. 1937. № 9. Замечания А. В. Шестакова на рукопись сборника см.: ААН, ф. 638, оп. 1, д. 480, 502.
- ⁵² Фохт А. О методических и педагогических ошибках М. Н. Покровского // Исторический журнал. 1937. № 2; Ярославский Ем. Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Правда. 1939. 12 января; Исторический журнал. 1939. № 2. Информацию о докладе Б. Б. Кафенгауза «Извращение „школой“ Покровского вопроса о реформах Петра I» см.: Историк-марксист. 1939. № 4. С. 197.
- ⁵³ Руткевич Н. М. Н. Покровский о возникновении мировой войны // Историк-марксист. 1938. № 3; Косвен М. Ошибки М. Н. Покровского в вопросах первобытной истории и древнейшей истории восточных славян // Там же. № 5; Виктор И. Ошибки М. Н. Покровского в оценке Октябрьской революции // Там же; Мавродин В. В. Искажение М. Н. Покровским вопросов истории образования Русского государства // Ученые записки ЛГУ. 1938. № 19. Сер. ист. наук. Т. 4. Вып. 1; Ефимов А. Антимарксистские извращения и вульгаризаторство М. Н. Покровского в вопросах о буржуазных революциях в Западной Европе и Америке // Исторический журнал. 1939. № 3; Гохберг И. Об антиленинской концепции М. Н. Покровского по вопросу о декабристах // Там же. 1939. № 6; Киселев С. С. «Экономический материализм» М. Н. Покровского // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1939. Т. 19; Семернин П. Материалистическое понимание истории и «школы» Покровского. Ростов н/Д, 1939 и др.
- ⁵⁴ Против исторической концепции М. Н. Покровского М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 61.
- ⁵⁵ Там же. См. статьи: Сидоров А. Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны. С. 460—494; Баевский Д. Народничество в освещении М. Н. Покровского. С. 427—459; Ч. 2. М.; Л., 1940. См. статьи: Бушув С. К. Искажение образа Н. Г. Чернышевского в работах М. Н. Покровского. С. 198—209; Пяковский А. В. Критика антиленинских взглядов М. Н. Покровского на буржуазно-демократическую революцию в России. С. 391—456; Луцкий Е. А. Извращение М. Н. Покровским истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР (1918—1920 гг.). С. 457—485; Попов А. Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М. Н. Покровского. С. 210—390. См. также: Виктор И. Указ. соч.
- ⁵⁶ См.: История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. с. 337.
- ⁵⁷ Нечкина М. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. С. 244—275; ее же. Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского // Там же. С. 303—336; Мороховец Е. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении М. Н. Покровского // Там же. С. 387—426; Руткевич Н. Указ. соч.; Косвен М. Указ. соч.
- ⁵⁸ Нечкина М. Новые материалы о пугачевщине // Обществоведение в трудовой школе. 1927. № 2—3; ее же. Крестьянские революции: Разинщина и пугачевщина. М.; Л., 1930 и др.
- ⁵⁹ Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. С. 266.
- ⁶⁰ Там же. С. 268, 275.
- ⁶¹ Ранее Е. А. Мороховец опубликовал книгу «Крестьянская реформа 1861 г.» (М., 1937).
- ⁶² Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. С. 396.
- ⁶³ Там же. С. 399, 411.
- ⁶⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 6.
- ⁶⁵ Греков Б. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. С. 70—116; Бахрушин С. «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского // Там же. С. 117—139; Юшков С. В. М. Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма // Там же. Ч. 2. С. 25—58.
- ⁶⁶ Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 72; его же. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935 и др.
- ⁶⁷ Юшков С. В. М. Н. Покровский как историк русского феодализма. Л., 1928.
- ⁶⁸ Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 2. С. 25, 27—28.
- ⁶⁹ Там же. Ч. 1. С. 117.
- ⁷⁰ Там же. Ч. 2. Насонов А. Н. Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского. С. 59—90.
- ⁷¹ См.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
- ⁷² Базилевич К. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. С. 140—178.
- ⁷³ Там же. С. 168, 173.
- ⁷⁴ Савич А. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского // Там же. С. 179—243.
- ⁷⁵ Пичета В. И. Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII века // Там же. Ч. 2. С. 91—139.
- ⁷⁶ Его же. М. Н. Покровский о войне 1812 г. // Там же. Ч. 1. С. 276—302.
- ⁷⁷ Там же. С. 294.

- ⁷⁸ Там же. Ч. 2. С. 140—176.
⁷⁹ Там же. С. 175.
⁸⁰ Там же. С. 155, 167—168.
⁸¹ Там же. Ч. 1. Д р у ж и н и н Н. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского. С. 337—386.
⁸² Там же. С. 380—381.
⁸³ Р у б и н ш т е й н Н. Борьба с антимарксистскими извращениями и вульгаризаторством в исторической науке // Под знаменем марксизма. 1939. № 5. С. 165—180; Бочкарев А. и др. [Рец. на кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского (ч. 1)] // Исторический журнал, 1939. № 8. С. 133—142.
⁸⁴ См. рецензии на эти книги: Историк-марксист. 1939. № 4. С. 157—162; Книга и пролетарская революция. 1939. № 7—8. С. 66—72; Исторический журнал. 1941. № 6. С. 115—122.
⁸⁵ Обработанную стенограмму выступления см.: Ярославский Е. М. Критика ошибок и извращений «школы» Покровского // Советская наука. 1939. № 9—10. С. 50—67.
⁸⁶ Г у д о ш н и к о в М. А. Антимарксистские взгляды М. Н. Покровского на феодализм // Ученые записки Иркутского гос. пед. ин-та. 1940. Вып. 5; К о в а л е в С. И. М. Н. Покровский // БСЭ. Т. 45. 1940. Стб. 856—870; Р у б и н ш т е й н Н. Л. Русская историография. М., 1941. В «Ученых записках» МГПИ им. К. Либкнехта планировалась публикация статьи К. В. Сивкова «Дворянская монархия XVIII в. в концепции М. Н. Покровского» (см.: Историк-марксист. 1941. № 6. С. 155).
⁸⁷ МПА, ф. 211, оп. 1, д. 16, л. 127—130.
⁸⁸ См., напр.: Панкратова А. «Краткий курс истории ВКП(б)» и историческая наука в СССР // Правда. 1939. 8 сентября; е е же. Сталин и исторический фронт // Историк-марксист. 1940. № 1. Философ В. Ю. Гессен подготовил специальную книгу «Теория и метод исторического исследования (сталинская методология исторического анализа и задачи историков)» (см.: ОР ГБЛ, ф. 632, карт. 28, д. 1).
⁸⁹ См.: М а с л о в Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11.
⁹⁰ Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 119, 128, 129 и др.

© 1991 г.

В. Л. СТЕПАНОВ

НИКОЛАЙ ХРИСТИАНОВИЧ БУНГЕ

В ряду выдающихся реформаторов России, таких, как М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и др., следует назвать и Николая Христиановича Бунге (1823—1895), деятельность которого до сих пор должным образом не оценена и не изучена. Он во многом остается «забытым» реформатором. Между тем Бунге — одна из интереснейших политических фигур XIX столетия. Жизнь этого одаренного и разностороннего человека удивительно многогранна. Он был известным ученым-экономистом, автором ряда научных трудов, признанным авторитетом в области кредита и денежного обращения, незаурядным педагогом, профессором и ректором Университета св. Владимира в Киеве, опытным практиком-финансистом, талантливым публицистом, отзывавшимся на самые острые проблемы современности. Наконец, уже на склоне лет ход событий вознес Бунге на самую вершину бюрократической пирамиды — он занимал посты министра финансов (1881—1886) и председателя Комитета министров (1887—1895).

Степанов Валерий Леонидович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Бунге вошел в историю как министр-либерал, стремившийся к реализации своей программы экономических преобразований в условиях политической реакции царствования Александра III. Но еще в дореволюционной литературе обнаружили две разные точки зрения на характер и итоги его мероприятий. В работах большинства исследователей, в основном экономистов, Бунге был провозглашен «прекрасным знатоком русской экономической жизни», «человеком громадной эрудиции», «одним из талантливейших людей своего времени», «чутким администратором», «выдающимся по широте мысли министром финансов», которому «Россия обязана целым рядом полезных финансовых реформ»¹. В. Т. Судейкин, автор очерка о деятельности Бунге, назвал период его министерства «самой замечательной эпохой в истории русских финансов»². П. Л. Кованько, посвятивший монографию налоговым мероприятиям Бунге, видел в нем «великого преобразователя»³.

Однако некоторые историки и публицисты (А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, Б. Б. Глинский и др.), рассматривая Бунге как реформатора и сторонника обновления России, в то же время скептически отзывались о результатах его политики и считали предпринятые им меры паллиативами⁴. И. И. Петрункевич отмечал, что все преобразования министра финансов «одинаково пропитаны духом бюрократизма и лишены жизненности»⁵. В целом в дореволюционной историографии тема не была изучена сколько-нибудь полно. Единственная крупная специальная работа о Бунге, принадлежащая перу Кованько, охватывает лишь податные реформы и основана на ограниченном круге источников.

Отдельные аспекты министерской деятельности Бунге затрагивались в трудах советских историков 1950—1960-х гг. (А. П. Погребинского, И. Ф. Гиндина, П. А. Зайончковского, М. С. Симоновой) по проблемам внутренней политики правительства второй половины XIX в. Авторы высказали точку зрения о буржуазной направленности курса министра финансов. Вместе с тем в противовес традиционному для дореволюционной литературы мнению о либерализме Бунге они указывали на консервативность и даже реакционность его политических взглядов, преданность самодержавию и крепостническому дворянству⁶.

Новый подход к оценке воззрений и политики Бунге проявился в последние полтора десятилетия в работах Н. И. Ананьич, Л. Е. Шепелева и Б. В. Ананьича⁷. Н. И. Ананьич характеризует министра финансов как «буржуазного реформатора», программа которого «как бы вступала в определенные противоречия с общим политическим курсом правительства»⁸. Шепелев подчеркивает «чужеродность» Бунге по политическим убеждениям в реакционном правительстве Александра III⁹.

Интерес к Бунге замечен и в современной зарубежной историографии. Западные ученые Т. фон Лауэ, Дж. Э. Сноу (США), О. Крисп (Англия), В. Кирхнер, П. Шайберт, Х. Мюллер-Линк, М. Хильдермайер (ФРГ) и др. рассматривают его как крупного государственного деятеля, политика которого был направлен на развитие производительных сил России и проведение либеральных реформ¹⁰.

И в отечественной, и в западной литературе взгляды и политика Бунге еще не изучены с должной полнотой. Их исследование, как правило, проводилось фрагментарно и не включало предшествующую деятельность Бунге. За пределами внимания историков остаются такие важные стороны его биографии, как формирование мировоззрения, круг общения, участие в либеральном движении и «великих» реформах 60-х гг., разработка программы экономических преобразований и др. Это препятствует целостному восприятию жизненного пути Бунге, не позволяет всесторонне оценить его мероприятия на посту министра финансов, нарушает преемственность эпох 60—80-х гг. Слабо изучено обширное наследие Бунге — его многочисленные публицистические работы, научные труды, лекционные курсы, переписка, разбросанная по различным архивным фондам, официальные и неофициальные записки и другие документы. Многие из этих источников использованы в предлагаемой статье.

Данная тема требует специального фундаментального исследования. Изучение взглядов и разносторонней деятельности Бунге дает новый материал для анализа таких важных проблем, как выявление источников формирования идеологии российского либерализма, роль либеральных бюрократов в реформах второй половины XIX столетия и использование ими при подготовке преобразований опыта европейского законодательства, преемственность их идей и политики в 1850—1880-е гг., значение финансово-экономических реформ первой половины 80-х гг., преемственность курса Министерства финансов в последнее двадцатилетие XIX в. и др.

В статье сделана попытка в самой сжатой форме осветить основные вехи биографии Бунге,

раскрыть цели, которые он ставил перед собой при разработке программы экономических мероприятий и в своей политике как глава финансового ведомства, оценить реальные итоги его государственной деятельности, определить влияние его идей на политику правительства последующего периода.

* * *

Будущий министр родился 11 ноября 1823 г. в Киеве, в семье врача, дворянина немецкого происхождения. Его отец, Христиан Бунге, окончил медицинский факультет Йенского университета в Германии и пользовался широкой известностью в городе как специалист по лечению детских болезней. Мать, Екатерина Николаевна (в девичестве Гебелер), была умной и начитанной женщиной. Бунге получил прекрасное домашнее образование. В семье культивировались трудолюбие, дисциплина, любовь к знаниям и приверженность к лютеранскому вероисповеданию. Уже в ранние годы Бунге отличался высокой работоспособностью и ответственным отношением к порученному делу, обладал хорошей памятью и основательным знанием нескольких иностранных языков. В гимназии он сразу же стал первым учеником в классе и оставался им до конца учебы¹¹. В 1841 г. он поступил на юридический факультет Университета св. Владимира. В студенческие годы началось увлечение Бунге политической экономией, которое на всю жизнь определило круг его основных научных интересов.

В 1845 г., после окончания факультета, Бунге был направлен в лицей кн. Безбородко в Нежине. Здесь он сблизился с другими молодыми либерально мыслящими преподавателями. По воспоминаниям своего ученика Е. Э. Картавцева, Бунге стал «душой и главой кружка, горячо сочувствовавшего проповеди Грановского и Белинского, — кружка, не скрывавшего отрицательное отношение свое к тогдашним язвам русского общества — крепостному праву и взяточничеству — и искавшего идеалов на Западе»¹². Этот кружок превратился в духовный центр лицея, и его деятельность оказывала сильное влияние на студентов и педагогов.

Годы, проведенные в Нежине, были временем становления либеральных политических убеждений Бунге. С юных лет в нем зрела глубокая неприязнь к деспотизму, произволу, крепостничеству, коррупции, подавлению личной и общественной инициативы, которые так отличали царствование Николая I. Будучи западником по своим воззрениям, Бунге тем не менее признавал самобытность российской государственности. Он считал абсолютистскую форму правления наиболее соответствующей историко-географическим условиям страны и особенностям русского национального характера. Подобно другим либералам, Бунге рассматривал самодержавие как «всесловный» государственный институт, как «внешний авторитет», стоящий над обществом. Он верил в способность неограниченной монархии к решению назревших экономических и политических задач. Эта вера еще более укрепилась в нем после отмены крепостного права и других реформ 60-х гг., проведенных правительством. Бунге полагал, что политика преобразований, осуществляемая «верховой властью», укрепит ее социальные основы и позволит России избежать революционных потрясений, которые пережили страны Запада. Его политическим идеалом стала самодержавная монархия, базирующаяся на строгом соблюдении законности, широкой гласности в обсуждении общественных проблем и развитии местных выборных учреждений по английскому образцу. Он сдержанно относился к идее введения центрального представительства, считая этот шаг преждевременным до тех пор, пока самодержавие не исчерпало своих реформаторских потенций. Поэтому следует учесть, что верность принципу самодержавия в тот период нельзя воспринимать как синоним реакционности, поскольку либералы, и в их числе Бунге, в отличие от консерваторов, видели в абсолютистской монархии орудие реформ.

В Нежине Бунге продолжал свои занятия политической экономией. В 1847 г. он защитил магистерскую диссертацию, посвященную торговому законодательству Петра I. Формирование его научных экономических взглядов происходило под влиянием западной политэкономии, где в первой половине XIX в. господствовало фритредерское, или «манчестерское» направление. Бунге был убежденным сторонником частной собственности, частного предпринимательства, конкуренции и свободы торговли. Он возражал против непосредственного вмешательства государства в экономические отношения. С его точки зрения, задача «верховой власти» в этой области должна сводиться лишь к законодательной деятельности с целью стимулирования хозяйственной жизни.

С этих позиций Бунге позднее в своих трудах подверг критике социалистические теории А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, Л. Блана, Ф. Лассалья, Ж. Прудона и др.¹³ Он рассматривал

социализм как «зло, от которого гибнут нравственность, долг, свобода, личность»¹⁴. В последние годы жизни Бунге выступил против идей марксизма. Причину популярности этого учения он видел в том, что К. Маркс «обращается к хищническим инстинктам обездоленного человечества». «Скачок из царства необходимости в царство свободы, возвешенный марксистами,— писал Бунге,— был бы скачком из царства признания права, труда, долга, совести, законности — или в царство деспотизма большинства и всеобщего рабства, или в царство анархии, где ничто не сдерживает личного индивидуального произвола, где человеку все дозволено, чего он ни пожелает»¹⁵.

По мнению Бунге, единственным средством для борьбы с влиянием социализма на народные массы является путь социальных преобразований, устраняющих препятствия для развития свободного предпринимательства и личной инициативы. Подобная политика, полагал он, в свою очередь должна привести к процветанию общества и подъему благосостояния неимущих слоев населения. В этом убеждении заключалось «кредо» Бунге, основа его реформаторских воззрений.

В 1850 г. Бунге был переведен в Университет св. Владимира и спустя два года, защитив докторскую диссертацию «Теория кредита», получил звание профессора. Его преподавательская деятельность в университете на кафедрах политической экономии и полицейского права продолжалась три десятилетия. За это время он «взрастил» многих учеников (студенты называли их «бунгистами»). Впоследствии некоторые из них стали известными учеными (Д. И. Пихно, Н. И. Зибер, А. Я. Антонович, Г. С. Сидоренко и др.). Однако Бунге так и не создал своего оригинального направления в политэкономии. Обладая критическим складом ума, он стремился в каждой теории найти наиболее слабые и уязвимые места. Среди его учеников были экономисты самых различных взглядов¹⁶.

Общественное оживление после Крымской войны и начало подготовки реформ означали перелом в жизни Бунге. Он принял активное участие в либеральном движении и дискуссиях по вопросам предстоящих преобразований. Еще в 1854 г. произошло сближение Бунге с членами петербургского кружка Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина, который был одним из центров консолидации либералов. Здесь разрабатывались теоретические основы и конкретные проекты будущих реформ. Личные связи, установившиеся у Бунге с представителями столичной интеллигенции и чиновничества, сыграли впоследствии немалую роль в его возвышении¹⁷.

Во второй половине 50-х гг. быстро возросла известность Бунге-публициста. Он стал постоянным автором «Русского вестника», «Отечественных записок», «Экономического указателя» и других известных периодических изданий. Среди его публицистических работ наиболее заметное место занимают статьи, посвященные отмене крепостного права¹⁸. Бунге всегда ратовал за становление в России частного крестьянского землевладения и видел в нем залог прогрессивного экономического развития страны. Как и другие либеральные публицисты, он отстаивал освобождение крестьян с землей на выкуп. В статьях он предложил свой план выкупной операции, указал на тесную связь реформы с преобразованием кредита, системы налогообложения и паспортного устава. Его выводы опирались на опыт аграрного законодательства Австрии, Пруссии и других европейских стран. Вопросы, поднятые им, были подхвачены прессой и привлекли внимание правительства. В публицистике Бунге широко освещал также проблемы промышленного развития, железнодорожного строительства, акционерного учредительства, денежного обращения.

Бунге по праву может считаться видным участником просветительского движения передовой русской интеллигенции 50-х гг. Большой общественный резонанс вызвали его статьи, где он выступал за восстановление автономии университетов и демократизацию их управления, укрепление связи высшего образования с потребностями жизни, повышение специализации преподавания, протестовал против засилья классической системы обучения, призывал правительство и общество усилить внимание к нуждам студентов¹⁹.

Выступления Бунге в печати способствовали росту его авторитета в Университете св. Владимира. Здесь сложилась влиятельная либеральная группировка, ядром которой был «триумвират» — Бунге и профессора истории П. В. Павлов и В. Я. Шульгин. Несмотря на свою молодость, Бунге стал главой либеральной «прогрессивной партии» в университете. Вскоре «триумвират» получил могущественного покровителя. Летом 1858 г. попечителем Киевского учебного округа был назначен выдающийся ученый-хирург, герой обороны Севастополя Н. И. Пирогов. Горячий сторонник коренной перестройки народного образования, он тесно сошелся с Бунге. Именно по его настоянию в начале мая 1859 г. молодой 35-летний профессор занял пост ректора, что не имело precedента в истории университета. Однако Бунге не успел приступить к своим новым обязан-

ностям. Его срочно вызвали в Петербург для участия в работе Редакционных комиссий (1859—1860), учрежденных для подготовки законопроекта об отмене крепостного права.

Бунге был приглашен в Комиссию в качестве члена-эксперта как авторитетный экономист и специалист в области финансов для практической разработки важнейшего звена реформы — выкупной операции. Он сразу же примкнул к либеральному большинству и на заседаниях Общего присутствия последовательно отстаивал коренные вопросы будущего преобразования — освобождение крестьян с землей за выкуп, установление принципов бессрочного пользования наделами и неизменности повинностей. Бунге внес основной вклад в подготовку «Положения о выкупе». В общественном мнении и научной литературе он заслужил репутацию видного деятеля крестьянской реформы ²⁰.

В декабре 1861 г. Бунге вошел в состав специальной комиссии Министерства народного просвещения и принес немалую пользу при создании либерального университетского Устава, утвержденного 18 июня 1863 г. Участие в «великих» реформах 60-х гг. стало важным этапом жизни Бунге и наложило глубокий отпечаток на его взгляды. Он навсегда сохранил верность идеалам этой эпохи и до конца своих дней оставался «шестидесятником».

В начале 60-х гг. положение Бунге как ректора университета осложнилось. Влияние либеральной группировки уменьшилось, и вскоре «триумvirат» распался: Павлов был переведен в Петербург, а Шулгин покинул университет. Весной 1861 г. получил отставку Пирогов. Накануне польского восстания в университете усилились консервативные настроения. В декабре 1862 г. ректор не был переизбран на новый срок. Впоследствии Бунге занимал этот пост еще дважды (1871—1875 и 1878—1880). Как глава университета он пользовался большим уважением среди молодежи. Ректор постоянно интересовался студенческими делами и старался проявлять заботу о нуждах учащихся. Бунге проводил гибкую, компромиссную политику по отношению к студенческому движению. Ему не раз удавалось предотвращать волнения. Лишь весной 1880 г., когда революционная агитация особенно широко проникла в учебные заведения, ректор оказался бессильным справиться с выступлениями студентов и ушел со своего поста ²¹.

В 1863—1864 гг. Бунге преподавал финансовое право цесаревичу Николаю Александровичу (умершему в 1865 г.). Личное знакомство с Александром II и его семьей имело огромное значение для резкого взлета карьеры Бунге в начале 80-х гг.

После начала реакции во второй половине 60-х гг. и падения влияния либеральных бюрократов Бунге, по словам Картавцева, «оставался как бы забытым в Киеве» ²². Но он был слишком энергичной натурой, чтобы удовлетвориться ролью провинциального профессора. Еще в 1862 г. он возглавил по совместительству третью в стране по величине Киевскую контору Государственного банка. Позднее по его инициативе в городе были основаны Общество взаимного кредита и несколько других частных кредитных учреждений. Это позволило Бунге приобрести богатый опыт практической финансовой деятельности и стало для него своего рода репетицией накануне вступления в должность министра финансов. Когда в Киеве ввели городское самоуправление, он был избран гласным Думы и принимал участие в работе многих комиссий, занимавшихся различными вопросами городского хозяйства.

В пореформенные десятилетия успешно продолжалась научная и публицистическая деятельность Бунге. В своих работах он много размышлял о важнейших задачах экономической политики, поставленных на очередь отменой крепостного права, но так и не решенных правительством в 60—70-е гг. Бунге видел в этом основную причину финансовых и экономических трудностей. Сохранение сословной податной системы, непомерная тяжесть налогов и выкупных платежей, сокращение крестьянских наделов в ходе реформы крайне отрицательно сказывались на благосостоянии сельского населения, вели к росту недоимок и хроническим бюджетным дефицитам. Финансовые преобразования 60-х гг. не обеспечили баланса государственных доходов и расходов и достаточно эффективного государственного контроля, что способствовало бюджетной путанице и злоупотреблениям средствами казны. Устаревшее торгово-промышленное и акционерное законодательство серьезно тормозило развитие промышленности и банков. В срочной реорганизации нуждалось железнодорожное хозяйство. Непрерывный выпуск со времен Крымской войны необеспеченных кредитных билетов породил невиданную инфляцию и падение курса рубля. В России отсутствовали какие-либо законы, регулирующие отношения рабочих и предпринимателей.

Для преодоления этих кризисных явлений Бунге предлагал ряд мер, составивших в совокупности обширную программу либеральных преобразований, основа которой была заложена еще при подготовке «великих» реформ. Ключевое место в этой программе занимали вопросы социальной

политики, касающиеся материального и правового положения рабочего класса и крестьянства.

Мероприятиям по крестьянскому вопросу Бунге придавал первостепенное значение. Он подчеркивал, что целью «Положений» 19 февраля 1861 г. является превращение крестьян в земледельцев-собственников. Для решения проблемы малоземелья Бунге рекомендовал организовать широкое переселенческое движение крестьян на окраины страны, которое должно сопровождаться устранением препятствий, сковывающих свободное перемещение сельского населения — отменой паспортного сбора, подушной подати и круговой поруки. Он отмечал тесную связь аграрных преобразований с реформой податного дела. С целью облегчения налогового бремени крестьянства Бунге, помимо упразднения подушной подати, предусматривал отмену соляного налога и понижение выкупных платежей. По его мнению, для восполнения убытков казны следовало привлечь к налогообложению «достаточные» слои населения — увеличить налоги на землю и недвижимость, установить налоги на доходы от промышленных и торговых предприятий, а также денежных капиталов, заключающихся в процентных бумагах и банковских вкладах. Все эти меры, полагал Бунге, послужат основой для введения в будущем единого «всесоюзного» подоходного налога²³. В области рабочего вопроса Бунге планировал разработку фабрично-заводского законодательства, создание рабочих ассоциаций, участие трудящихся в прибылях предприятий и др.²⁴

В программе большое внимание уделялось проблеме соотношения частного предпринимательства и государственного участия в экономике. К концу 60-х гг. Бунге пересмотрел свои крайние фритредерские убеждения. Для него было очевидно, что отсталость России, ее тяжелое экономическое положение, явная неконкурентоспособность по сравнению с передовыми странами Запада, узость внутреннего рынка и плохие средства сообщения делали невозможной реализацию принципа свободы торговли и государственного невмешательства в хозяйственную жизнь. Отнюдь не называя себя протекционистом, он признал за протекционизмом «историческое значение» и считал необходимым обеспечить некоторые отрасли отечественной промышленности достаточным таможенным покровительством²⁵. Осторожно Бунге подходил и к вопросу о преобразовании железнодорожного дела. В конце 50-х гг. он призывал к развитию «духа предприимчивости» в строительстве новых линий. Но обнаружившиеся в 60—70-е гг. негативные последствия (разгул спекуляций и злоупотреблений частных компаний, которые субсидировались государством на льготных условиях, рост их задолженности казначейству, низкая провозная способность дорог, неупорядоченность тарифной системы) заставили Бунге высказаться за выкуп частных железных дорог в казну и указать на некоторые преимущества государственного железнодорожного хозяйства²⁶.

Однако, несмотря на свои «отступления» от прежних взглядов, Бунге оставался сторонником частной инициативы. Как и ранее, он видел в ней главный двигатель экономического прогресса и допускал государственное вмешательство до определенных пределов. Бунге был сторонником отчуждения в частные руки государственных имуществ (неосвоенных земель, лесов, фабрик, заводов, горных промыслов)²⁷, выступал за развитие частного кредита и переход от концессионной (разрешительной) системы акционерного учредительства к явочной, позволявшей покончить с бюрократическим произволом и волокитой при создании акционерных предприятий²⁸.

В работах второй половины 70-х гг. Бунге изложил свой проект мероприятий по борьбе с инфляцией и падением курса рубля, который включал восстановление металлического обращения, постепенное извлечение из обращения кредитных билетов и пополнение металлического запаса с помощью государственных процентных займов. Но при этом он отмечал, что успех денежной реформы зависит от глубоких экономических преобразований и общего обновления всей хозяйственной жизни²⁹.

Для упорядочения финансового управления Бунге выдвигал задачу введения единого финансового плана и бюджета, ограничения несоразмерных «со средствами народа» государственных расходов путем сокращения государственного аппарата, усиления контроля и гласности при осуществлении ведомственных расходов³⁰.

Программа Бунге носила комплексный характер и предусматривала преобразования во всех сферах народного хозяйства. Ее цель заключалась в продолжении реформ 60-х гг. и окончательном устранении укоренившихся и чрезвычайно живучих остатков старого крепостнического общества, и прежде всего — стеснения частного предпринимательства. Необычной в программе была ее социальная направленность, констатация неразрывной связи улучшения финансового и экономического положения страны с повышением жизненного уровня широких слоев населения. Это выгодно отличало ее от традиционных программных документов финансового ведомства, которые, как правило, преследовали узкие цели увеличения доходов казны. При подготовке программы

Бунге старался учесть опыт европейского законодательства, будучи убежден в сходстве экономического развития России и Запада. Но ему было чуждо слепое копирование европейских теорий, институтов и правовых норм. В изучении опыта других стран он демонстрировал рациональный подход, стремясь использовать его в специфических хозяйственных условиях России. Программа Бунге, отражавшая взгляды либеральных кругов, получила признание и поддержку в обществе, что сыграло определенную роль в привлечении известного ученого к государственной деятельности.

Это произошло в момент кризиса самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг., когда группировка либеральных бюрократов в лице председателя Верховной распорядительной комиссии (позднее министра внутренних дел) гр. М. Т. Лорис-Меликова, военного министра Д. А. Милютина, председателя Департамента государственной экономии Государственного совета А. А. Абазы и их сторонников приобрела в «верхах» преобладающее влияние. Выступая за либерализацию правительственного курса и осуществление реформ, Лорис-Меликов стремился провести на ведущие посты своих единомышленников. В июне 1880 г. по его рекомендации и с одобрения Александра II Бунге был назначен товарищем министра финансов С. А. Грейга. Он навсегда покинул Киев и переехал в столицу.

В сентябре по поручению императора Бунге составил для него записку об основных направлениях будущей политики финансового ведомства, где изложил многие идеи своей программы³¹. Кажется, поручение такого рода свидетельствовало о намерении Александра II назначить Бунге на министерский пост. Однако этого не произошло. После увольнения Грейга в октябре 1880 г. Лорис-Меликов предпочел предоставить эту должность не вчерашнему киевскому профессору, а Абазе, который обладал большим весом при дворе и в правительстве и мог оказать ему более действенную поддержку. По уровню компетентности в специальных финансовых и экономических вопросах Бунге заметно превосходил своих коллег по либеральной коалиции. В нем, по воспоминаниям современников, «чувствовался знаток дела»³². Высокие покровители Бунге при подготовке преобразований старались опереться на его научный авторитет. Обновленное руководство Министерства финансов вместе с МВД в ноябре 1880 г. добились отмены соляного налога и вынесло на обсуждение в Государственный совет вопрос о понижении выкупных платежей и переводе бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп. Весной 1881 г. Абазы и Лорис-Меликов получили от Государственного совета санкцию на разработку законопроектов о переселении крестьян на казенные земли, о предоставлении им дешевого кредита для приобретения земельных участков, об отмене круговой поруки и облегчении выхода из общины.

Но убийство Александра II резко изменило ситуацию. Отказ нового императора утвердить «конституцию» Лорис-Меликова и издание манифеста 29 апреля 1881 г. стали причиной отставки либеральных министров. После ухода Абазы Бунге оказался в министерском кресле. Это объяснялось тем, что, отвергнув политические планы либеральных бюрократов, самодержавие под давлением острой необходимости было вынуждено пойти на реализацию их предложений, касающихся экономического законодательства. Кроме того, в либеральной группировке Бунге являлся фигурой второго плана и не скомпрометировал себя в глазах Александра III участием в поддержке проекта Лорис-Меликова. Наконец, немалое значение имело личное расположение императора к Бунге, которого он давно знал и ценил как опытного экономиста и человека высоких нравственных качеств.

Назначение Бунге было встречено в обществе с воодушевлением и надеждой. От него ждали быстрого оздоровления экономики. Однако он как никто другой сознавал сложность своей задачи. Министерская деятельность Бунге начиналась в исключительно неблагоприятных условиях промышленного и аграрного кризисов, финансового расстройства и подрыва кредитоспособности России на мировом рынке. Его деятельность осложнялась и политическими обстоятельствами. Призванный из Киева для участия в преобразованиях, Бунге возглавил финансовое ведомство в то время, когда противники либерального курса одержали победу. Один из вождей реакции, редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков отстаивал свою программу, проповедовал создание так называемой «национальной экономики», независимой от передовых стран Европы и действующей в «общенародных» интересах, требовал немедленного установления высоких таможенных барьеров, протестовал против социальных мероприятий и денежной реформы. Его взгляды разделяли близкий к Александру III редактор газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерский, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и министр внутренних дел Д. А. Толстой³³. Тем не менее Бунге прилагал все усилия, чтобы продолжить намеченные реформы.

Новый министр финансов представлял собой личность, совершенно не типичную для высших

сфер власти. Небольшого роста, сутуловатый, с тихим голосом, бритым лицом лютеранского пастора и неизменной саркастической улыбкой, он ничем не напоминал грозного «петербургского властителя». Окружающих поражали в министре глубокая интеллигентность, скромность, полное отсутствие бюрократических амбиций и склонности к саморекламе. Стремительное возвышение никак не отразилось на характере и поведении Бунге. Он был по-прежнему прост, доступен и вежлив с любым человеком независимо от его положения, будь то мелкий чиновник или член Государственного совета. Оказавшись в среде петербургской бюрократической элиты, Бунге не хотел выполнять «правила игры» — никогда не реагировал на нападки и не наносил ответных ударов, не был способен к интригам и закулисной борьбе. Как государственному деятелю ему часто не хватало напористости и настойчивости в достижении цели. В своей политике он всегда действовал осторожно, с обдуманностью ученого, тщательно взвешивая последствия каждого шага.

Сознавая непрочность своего положения, Бунге остро нуждался в поддержке. Успеху некоторых инициатив министра финансов способствовал тот факт, что в Государственном совете после увольнения с высших постов «осели» многие либеральные деятели — А. А. Абазы, М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, М. С. Каханов, Е. А. Перетц и др. Особенно важное значение для Бунге имело содействие Абазы, вновь занявшего должность председателя Департамента государственной экономии, и председателя Комитета министров М. Х. Рейтерна.

Министр финансов не чувствовал должной опоры и в своем собственном ведомстве. Он столкнулся с оппозицией недовольных чиновников, не разделявших его реформаторских планов и методов управления. Поэтому Бунге постарался привлечь в министерство способных, энергичных и близких ему по взглядам людей. Пост управляющего Крестьянским и Дворянским банками занял его бывший ученик Е. Э. Картавцев. Министр перевел из Киева и другого ученика — Д. И. Пихно, который получил место члена Совета по железнодорожным делам. В подготовке различных законопроектов принимали участие чиновники министерства, известные экономисты О. А. Ольхин и Ю. Г. Жуковский. Некоторые сотрудники Бунге — директор и вице-директор Департамента окладных сборов А. А. Рихтер и В. И. Ковалевский в 60-е гг. проявляли сочувствие революционным идеям, подвергались преследованиям и считались «неблагонадежными». Но Бунге не смущали эти обстоятельства. Он привык оценивать людей по деловым качествам.

Центральное место в политике министра финансов отводилось крестьянскому вопросу и податному делу. Он стремился воплотить в жизнь свою заветную мечту о развитии в России частного крестьянского землевладения. Переводом в 1881 г. бывших помещичьих, а в 1886 г. государственных крестьян на обязательный выкуп достигалась цель либерального большинства Редакционных комиссий — приобретение крестьянами земли в собственность. Для преодоления земельного голода Бунге не раз в официальных документах поднимал вопрос об организации крестьянских переселений в Сибирь и Среднюю Азию. В задачу основанного в 1883 г. Крестьянского банка входило с помощью субсидий облегчить крестьянам приобретение земли. В Министерстве финансов началась разработка законопроектов об отмене круговой поруки и преобразовании паспортного устава.

Для уменьшения податной «тяготы» сельского населения в 1881 г. были понижены выкупные платежи, а в 1882—1886 гг. отменена подушная подать. Чтобы перенести часть налогового бремени на другие сословия, финансовое ведомство осуществило увеличение гербового сбора (1882), государственного поземельного налога и налога на недвижимое имущество в городах (1883), установило налог с наследства (1882) и на доходы с денежных капиталов (1885), провело реформу торгово-промышленного обложения (1884—1885). С целью улучшения порядка взимания налогов в 1885 г. учреждена податная инспекция.

Однако добиться повышения крестьянских доходов не удалось. Мероприятия по обложению имущих слоев не могли дать достаточного экономического эффекта и полностью возместить потери казны в результате понижения выкупных платежей, отмены соляного налога и подушной подати. Министр был вынужден встать на путь повышения косвенного обложения. В 1881—1886 гг. непрерывно возрастали питейный сбор, акцизы на сахар и табак, таможенные пошлины. Тяжесть косвенных налогов почти целиком легла на плечи крестьянства, что свело на нет все социальное значение податных реформ.

Бунге стал инициатором первых в России актов фабрично-заводского законодательства. В 1882, 1885 и 1886 гг. были приняты законы, которые определяли условия труда детей, подростков и женщин, регламентировали порядок найма и увольнения рабочих, выдачи заработной платы, наложения штрафов и т. д. Для контроля за выполнением законов создавалась фабричная инспекция.

Министр финансов предпринял серьезные шаги, чтобы навести порядок в железнодорожном хозяйстве — постепенно ограничивалась выдача ссуд компаниям, было начато государственное строительство дорог и выкуп частных линий в казну.

Повышение таможенных пошлин и огосударствление железных дорог означали усиление государственного вмешательства в экономику, что в известной мере противоречило взглядам Бунге. В это время в Европе резко возросла популярность идей протекционизма, которые разделяли консервативные круги России и сам Александр III. Но основное влияние на таможенную политику министра финансов оказали фискальные интересы и необходимость покровительства отечественной промышленности. Бунге так и не стал убежденным протекционистом. В одной из последних работ он подчеркивал, что «общество благоустроенное» есть «результат непрерывного совокупного действия правительства и народа»³⁴. Впоследствии Бунге критиковал своих преемников И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте за чрезмерное, с его точки зрения, увлечение протекционизмом.

Важной стороной деятельности Министерства финансов была подготовка денежной реформы — изъятие из обращения части кредитных билетов, накопление золотого запаса в Государственном банке, принятие в 1885 г. нового монетного устава, который установил пробу для серебра и золота по образцу большинства европейских стран.

В области финансового управления Бунге старался обеспечить бюджетное и кассовое единство государственных доходов и расходов и ограничение сверхсметных затрат. Но, несмотря на все усилия, ему не удалось справиться с финансовыми трудностями. Тяжелые экономические условия, расходы при проведении податных реформ и неудача попытки поднять платежеспособность населения не позволили министру избавиться от дефицитов, колебаний курса рубля и высокой государственной задолженности.

Курс Министерства финансов во многом противоречил экономическим установкам реакции. В печати развернулась яростная кампания, которую возглавляли Катков и Мещерский. Известный историк А. А. Кизеветтер вспоминал, что каждая реформа Бунге «вызывала в реакционной прессе новый взрыв возмущения против либерально-демократического министра, который своей фигурой положительно портил общую картину контрреформационного правительства»³⁵. Полемика по экономическим вопросам достигла небывалой остроты. Все общество, писал дореволюционный экономист П. Л. Кованько, разделилось на два лагеря — «лагерь благоговейных поклонников Н. Х. Бунге» и «противоположный — озлобленных его врагов»³⁶.

Среди своих «приближенных» Катков поклялся «свергнуть» Бунге³⁷. Министр финансов подвергался непрерывным обвинениям в незнании российской действительности и нужд народного хозяйства, в слепом следовании западноевропейским доктринам. Неприязнь у реакции вызывало и окружение Бунге. Сотрудники министра постоянно шельмовались в печати. Противники Бунге стремились изобразить его марионеткой в руках шайки «анархистов» и врагов престола, обосновавшихся в финансовом ведомстве³⁸. В передовой статье «Московских ведомостей» Катков прямо объявил Бунге ставленником либеральной «партии», потерпевшей поражение в 1881 г.³⁹

Действия консервативной печати поддерживались Победоносцевым, который всячески уверял императора в гибельности для России политики Бунге. В сентябре 1885 г. с его санкции в типографии Синода, вопреки всем цензурным правилам, была напечатана брошюра товарища обер-прокурора Н. П. Смирнова, содержащая критику курса Министерства финансов с реакционных позиций и обвинения в посягательстве на принцип самодержавия и стремлении к конституции⁴⁰.

Кампания против Бунге находила сочувствие и в Министерстве внутренних дел. Толстой с помощью административных мер пытался воспрепятствовать органам либеральной прессы («Вестнику Европы» и «Русским ведомостям») выступать с защитой министра финансов⁴¹. По его распоряжению был подготовлен и представлен императору список высших чиновников Департамента окладных сборов, начиная с Рихтера и Ковалевского, с перечнем компрометирующих сведений о каждом из них⁴².

Чтобы противопоставить Бунге лицо, достойное занять место министра финансов, Катков и Мещерский выдвинули кандидатуру И. А. Вышнеградского. Этот незаурядный человек совмещал в себе научные дарования крупного ученого-механика с административными способностями опытного менеджера, руководившего несколькими акционерными компаниями. Честолюбивый, стремящийся достичь высот и на поприще государственной службы, Вышнеградский не был особенно разборчив в средствах и примкнул к всесильному редактору «Московских ведомостей» из соображений карьеры. Катков и Мещерский превозносили достоинства Вышнеградского и убеждали Александра III в его способности справиться с дефицитами и очистить Министерство финансов от «радикальных элементов».

В конечном итоге эти рекомендации оказали влияние. Императору явно не пришлось по душе твердость, с которой Бунге отстаивал своих подчиненных. Александр III решил пойти навстречу требованиям «клики» Каткова. В конце 1886 г. Бунге получил отставку, а Вышнеградский стал управляющим министерством. Тем самым процесс подготовки и проведения преобразований был в значительной степени прерван.

Бунге не смог выполнить большую часть намеченной программы и во многом оказался реформатором-неудачником. Министр финансов, вынужденный действовать в обстановке финансово-экономического кризиса и политической реакции, не сумел реализовать своих предложений о крестьянских переселениях и организации дешевого кредита для малоземельных крестьян (ссуды в Крестьянском банке были «по карману» лишь очень малочисленной части сельского населения). На бумаге остались проекты об отмене круговой поруки и пересмотре паспортного устава. Сильное сопротивление «в верхах» встретила идея Бунге о подоходном налоге. Так и не была проведена коренная акционерная реформа. Социальные мероприятия Бунге в той исторической ситуации оказались паллиативами и не могли привести к улучшению материального положения народа. Однако вряд ли можно говорить о полном бесплодии законодательства Бунге, как это с давних пор принято в нашей литературе⁴³. Перевод крестьян на обязательный выкуп, введение новых принципов налогообложения и первые рабочие законы отвечали интересам экономического развития России и служили продолжением реформ 60-х гг. Велика роль Бунге в теоретической разработке и практической подготовке денежной реформы. Он внес существенный вклад в обеспечение будущего промышленного подъема конца XIX в. Благодаря его деятельности министерство Вышнеградского началось при несравненно более благоприятных условиях.

От своих предшественников и преемников Бунге отличается тем, что приоритетное место в его политике принадлежало социальным мероприятиям. Это отменялось еще в дореволюционной историографии М. Т. Туган-Барановским⁴⁴. Вышнеградский и Витте представляли собой деятелей другой формации, вышедших из среды предпринимателей, которые привыкли во главу угла ставить интересы непосредственной экономической выгоды. При Вышнеградском произошел отход от принципов политики Бунге — началось усиление налогового пресса на крестьянство, жестокое выколачивание недоимок по уже отмененной подушной подати, прекратилась дальнейшая разработка фабрично-заводского законодательства и податных преобразований. Возврат к линии Бунге начался лишь при Витте во второй половине 90-х гг.

Удалив Бунге из министерства, Александр III отнюдь не собирался подвергать его опале. Он продолжал оказывать ему покровительство. Не случайно осенью 1886 г., в самый разгар реакционной травли Бунге пригласили для преподавания политической экономии цесаревичу Николаю. В начале января 1887 г. он был назначен председателем Комитета министров. Уход Бунге из министерства неблагоприятно отозвался на судьбе его сотрудников. Постепенно некоторые из них были перемещены на менее заметные должности, а Картавцеву и Пихно вообще пришлось вернуться в Киев.

Пост, который занял Бунге, считался почетным, но менее влиятельным, чем предыдущий. Однако благодаря доверию императора Бунге по-прежнему играл видную роль в государственных делах. К мнению выдающегося финансиста продолжали прислушиваться «в верхах». Далекий от сведений личных счетов, Бунге оказал поддержку Вышнеградскому при обсуждении в высших инстанциях его предложений по восстановлению металлического обращения. Когда в начале 90-х гг. в правительстве возникло течение за возрождение отмененного в 1880 г. соляного налога, Бунге использовал весь свой авторитет, чтобы не допустить этого шага. Яркой страницей его деятельности стала борьба против курса МВД на искусственную консервацию сельской общины (1886—1893), который противостоял программе крестьянской реформы, содержащейся в «Положениях» 19 февраля 1861 г. Он настоятельно, хотя и безуспешно, пытался убедить Государственный совет строить охранительную политику не на общине, а на частном крестьянском землевладении.

В 1892—1895 гг. Бунге был вице-председателем Комитета Сибирской железной дороги, номинально возглавлявшегося цесаревичем Николаем. За годы занятий с наследником (1887—1889) Бунге завоевал симпатию и доверие своего царственного ученика. Преодолевая реакционное влияние другого наставника, Победоносцева, он старался разъяснить цесаревичу огромное значение для России «благотельных» реформ Александра II и доказать ему важность новых преобразований. По инициативе вице-председателя, фактически руководившего работой Комитета, были приняты решения, означавшие поворот в переселенческой политике правительства.

На закате жизни у Бунге возник замысел изложить свои самые заветные идеи и обобщить

весь приобретенный опыт государственной деятельности в виде особой записки, предназначенной для императора. Так появился на свет один из наиболее интересных документов того времени — политическое завещание Бунге, получившее название «Загробные заметки»⁴⁵. В этой записке он обосновывал свою точку зрения по коренным вопросам внутренней политики России. Бунге критиковал контрреформы за их продворянскую направленность, выступал за реорганизацию Государственного совета и привлечение к обсуждению законопроектов земских представителей и экспертов, создание объединенного правительства, расширение хозяйственных полномочий местных выборных органов, смягчение цензуры. Большие разделы «Загробных заметок» посвящены рассуждениям автора о мерах по борьбе с социализмом, вреде общинного землевладения, рабочему вопросу, необходимости продолжения финансовых преобразований, начатых в первой половине 80-х гг. и др.

Особое место занимает изложение взглядов Бунге по национальному вопросу. Он разделял принятый при Александре III правительственный лозунг «Россия для русских». Это дало повод И. Ф. Гиндину и П. А. Зайончковскому характеризовать его как «махрового реакционера» и «консерватора»⁴⁶. Действительно, Бунге призывал к установлению преобладающего положения в стране русской государственности (государственной власти, учреждений, законов), русской народности, русского языка и православной церкви. Но можно ли считать такие убеждения критерием «реакционности»? Ведь политические установки либеральных бюрократов не исключали элементов национализма. Как справедливо замечает Дж. Э. Сноу, «настаивание на едином национальном языке, культуре и религии гармонично вписывалось в либеральные идеалы, несмотря на то, что это сходно с консервативной политикой»⁴⁷. Линия раздела между либералами и консерваторами в правительстве проходила не в области программы национальной политики, которая, в общем, была единой для «верхов», а в области методов ее осуществления. Бунге отрицательно относился к «архинационализму» Победоносцева и его единомышленников. Витте писал позднее, что «русифицированные тенденции Бунге... резко разошлись бы со взглядами наших современных правительственных русификаторов»⁴⁸. В «Загробных заметках» Бунге предлагал гибкие, либеральные методы для «сближения окраин с коренною Россией», проявил себя сторонником тщательного и добросовестного изучения общественных отношений, быта и нравов других народов, населяющих империю, подчеркивал недопустимость прямого административного вмешательства при решении национальных проблем, стеснения свободы совести иноверцев, насильственного «искоренения» языков и др.⁴⁹ Поэтому точка зрения И. Ф. Гиндина и П. А. Зайончковского представляется неверной. Политические взгляды Бунге в целом не утратили либерального характера. После смерти Александра III Бунге переработал свою записку и переадресовал ее Николаю II.

Как завещание можно рассматривать и последнюю работу Бунге — «Очерки политико-экономической литературы», опубликованную в год его кончины. В этой книге он в очередной раз предостерегал против пренебрежения вопросами социальной политики и указывал на опасность подобного подхода для стабильности государственных устоев. Автор писал, что «невнимание к действительным интересам более или менее многочисленной части населения, совершенно необходимой для удовлетворения потребностям частным и государственным, а тем более попытка остановить духовный и материальный рост народа была бы совершенным безумием». Стремление «поворотить историю назад», считал Бунге, «лишило бы государство могущества и заставило бы его отречься от своего назначения»⁵⁰.

В 1894 г., после вступления на престол Николая II, председатель Комитета министров вошел в ближайшее окружение молодого императора. Его влияние на бывшего ученика еще более возросло. Управляющий делами Комитета министров А. Н. Куломзин вспоминал, что «идеям Бунге до известной степени соответствовали резолюции и указания, которые Николай II клал в первые месяцы своего царствования на прочитываемых им губернаторских и генерал-губернаторских отчетах»⁵¹. В либеральных кругах это было воспринято как доброе предзнаменование. «В России, в особенности в земской России, — писал Картавцев, — с трепетом и надеждой следили за Николаем Христиановичем. Там помнили, что он был деятелем освобождения крестьян, что при нем сняты подушные; там помнили это и надеялись, что и в третий раз он выдвинется в том же направлении и в той же области»⁵². Но эти надежды не осуществились. 3 июля 1895 г. Бунге скоропостижно скончался в Царском Селе. «Загробные заметки» были обнаружены при разборе его бумаг в домашнем архиве и переданы императору. Ознакомившись с запиской, Николай II распорядился отпечатать ее в нескольких десятках экземпляров и раздать великим князьям, некоторым министрам и членам Государственного совета. Однако консерваторам взгляды Бунге по-прежнему казались опасными. Его имя оставалось для них синонимом «радикализма». Когда Куломзин

передал экземпляр «Загробных заметок» новому председателю Комитета министров И. Н. Дурново, то последний «раскричался», заявив, что он и Бунге «взбунтуют» Россию⁵³.

Но, несмотря на это, идеи Бунге оказали немалое влияние на политику правительства конца XIX — начала XX в. Прежде всего это относится к деятельности С. Ю. Витте, который «очень высоко» ставил Бунге «как ученого финансиста». В начале своего министерства Витте, по собственному признанию, слабо разбирался в крестьянском вопросе и питал славянофильские симпатии к общине. «Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Бунге, — писал Витте. — Он обратил мое внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это средневековая община, не допускающая совершенствования»⁵⁴. Воздействие Бунге во многом объясняет тот факт, что во второй половине 90-х гг. Витте превратился в противника общины и возобновил курс своего предшественника в сфере аграрного законодательства: предложил проект перехода крестьян к индивидуальной земельной собственности (1898), добился облегчения паспортного режима (1894) и провел отмену круговой поруки (1903). Он продолжил линию Бунге и в рабочем вопросе — по его инициативе были приняты законы о нормировании рабочего дня (1897) и вознаграждении рабочих, получивших увечье вследствие несчастных случаев на производстве (1903).

Постепенно Витте стал также единомышленником Бунге в деле подготовки денежной реформы. Но это произошло не сразу. Вскоре после назначения министром финансов он внес предложение о новом выпуске кредитных билетов для покрытия экстренных государственных расходов и строительства Сибирской железной дороги. Бунге сразу же восстал против этого замысла и в личных беседах с Витте сделал все, чтобы заставить его отказаться от своих намерений. Немалую роль в становлении взглядов нового министра сыграли работы Бунге по денежному обращению⁵⁵. Не случайно бывшие противники Бунге видели в политике Витте воплощение ненавистных планов свергнутого «профессора». Когда министр финансов приступил к введению в стране золотого монометаллизма, Мещерский направил ему письмо, где заклинал адресата не принимать «проклятое наследство» Бунге⁵⁶. При обосновании своих инициатив Витте часто ссылался на «Загробные заметки» во «всеподданнейших» записках и докладах⁵⁷.

По указанию Николая II в 1900 г. с «Загробными заметками» ознакомился министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Идеи Бунге об участии рабочих в прибылях предприятий и развитии рабочих ассоциаций в трансформированном виде были использованы руководством МВД при проведении политики «полицейского социализма» и создании зубатовских «союзов»⁵⁸.

В 1904 г. Куломзин вручил экземпляр записки Бунге министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому. Некоторые положения «Загробных заметок» отразились в «высочайшем» указе 12 декабря 1904 г., в котором декларировались намерения правительства пересмотреть крестьянское законодательство, расширить права земских и городских учреждений в вопросах местного благоустройства, ввести государственное страхование рабочих, устранить ряд стеснений печати, осуществить начала религиозной терпимости и др.⁵⁹

Однако по-настоящему для идей Бунге пробил час после 1905 г. Их влияние ярко проявляется в столыпинских планах аграрных преобразований, преследующих цель сделать крестьянина хозяином на своей земле и не допустить скатывания России в бездну революции.

* * *

В истории либерального реформаторства второй половины XIX в. Бунге принадлежит особое место. Как государственный деятель он обладал редкой способностью остро ощущать потребности времени и умел смотреть в будущее дальше других творцов внутренней политики. От него тянутся многие нити в бурное для нашей страны начало XX в. История деятельности Бунге — это история становления и эволюции либеральной программы преобразований в России. Его политическая судьба уникальна. Убежденный либерал и «шестидесятник» он был «последним из могижан» в реакционном правительстве Александра III, т. е. получил доступ к рычагам власти в тот момент, когда самодержавие после убийства в 1881 г. «царя-освободителя» утратило инициативную роль в реформах. В этом заключалась трагедия Бунге-политика. С завершением его государственной карьеры окончательно сходит со сцены поколение либералов 60-х гг.

В нашей литературе немало написано о ненависти либералов к революции, страхе перед народом, утопизме их идеологии. Но при этом часто забывают о том, что многие из этих людей

были горячими патриотами России, которые искренне мечтали о преодолении ее вековой отсталости и грядущем процветании, хотя и надеялись прийти к этому мирным путем, рассчитывая на здравый смысл «верховой власти». К ним относился и Бунге, просветитель по призванию и реформатор по характеру своей деятельности.

Примечания

- ¹ Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Т. 1. Харьков, 1899. С. 475; Билимович А. Д. Министерство финансов: Исторический очерк. Киев, 1903. С. 64; Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. С. 122; Локоть Т. В. Бюджетная и податная политика России. М., 1908. С. 168; Хрулев С. С. Финансы России в связи с экономическим положением ее населения. СПб., 1908. С. 10; Вербицкий А. П. Основные формы подоходного обложения в их историческом развитии и система законодательства о подоходном налоге в России. Иркутск, 1916. С. 18.
- ² Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов. СПб., 1895. С. 52.
- ³ Кованько П. Л. Главнейшие реформы, проведенные Н. Х. Бунге в финансовой системе России. Опыт критической оценки деятельности Н. Х. Бунге как министра финансов (1881—1887). Киев, 1903. С. 1.
- ⁴ Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 217; Кизеветтер А. А. История России XIX века. Ч. II. М., 1909. С. 94, 102, 107; Глинский Б. Б. Период твердой власти: Исторические очерки. 1. Внутренняя политика России в эпоху восьмидесятых годов // Исторический вестник. 1912, № 7. С. 301; № 8. С. 667.
- ⁵ Петрункевич И. И. К аграрному вопросу // Аграрный вопрос. Т. 1. М., 1905. С. XIX.
- ⁶ Погребинский А. П. Финансовая политика царизма в 70—80-х годах XIX века // Исторический архив. 1960. № 2. С. 130; Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960. С. 56—57; Симонова М. С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX века // История СССР. 1963. № 1. С. 73; е е же. Отмена круговой поруки // Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 160; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 27, 88, 91.
- ⁷ Ананьич Н. И. Податные реформы в первой половине 80-х годов XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978; Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; [Ананьич Б. В.] Россия перед революцией. 1895—1904 годы // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984.
- ⁸ Ананьич Н. И. Указ. соч. С. 106, 171.
- ⁹ Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 136.
- ¹⁰ Kirchner W. Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1950. S. 202, 203; Crisp O. Russian Financial Policy and the Gold Standard of the End of the Nineteenth Century // Economic History Review. Vol. 6. 1953. № 2. P. 159—160; Laue T. von. Sergius Witte and the Industrialization of Russia. N. Y., 1963. P. 4—5, 19—23; Scheibert P. Die russische Agrarreform von 1861. Ihre Probleme und der Stand ihrer Erforschung. Köln—Wien, 1973. S. 78, 96—97, 104—105; Müller-Linck H. Industrialisierung und Aussenpolitik. Preussen-Deutschland und das Zarenreich von 1890. Göttingen, 1977. S. 210—213, 215—217, 270—276; Hildermeier M. Industrialisierung, sozialer Wandel und Rückständigkeit // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 3. Halbband 1. Stuttgart, 1983. S. 116—117; Snow G. E. The Years 1881—1894 in Russia: A Memorandum Found in the Papers of N. Kh. Bunge. A Translation and Commentary. Philadelphia, 1981.
- ¹¹ Плансон А. А. Былое и настоящее. СПб., 1905. С. 27.
- ¹² Картавцев Е. Э. Николай Христианович Бунге: Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 20.
- ¹³ См.: Бунге Н. Х. Полицейское право. История экономических учений. Киев, 1869; е го же. Полицейское право. Т. 1. Киев, 1873; е го же. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895.
- ¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 677 (Александр III), оп. 1, д. 617 — Бунге Н. Х. Загробные заметки, л. 38 об.
- ¹⁵ Бунге Н. Х. Очерки... С. 153—154, 156.
- ¹⁶ Картавцев Е. Э. Указ. соч. С. 24—25.
- ¹⁷ Безобразов В. П. Из дневника сенатора // Былое. 1907. № 9. С. 25.
- ¹⁸ Бунге Н. Х. Об изменении юридических отношений в России вследствие предстоящего преобразования крепостного права // Отечественные записки. 1858. № 8; е го же. Кредит и крепостное право // Русский вестник. 1859. № 2, 4.
- ¹⁹ Е го же. О современном направлении русских университетов и о потребностях высшего образования // Русский вестник. 1858. № 3; е го же. Об устройстве учебной части в наших университетах // Русский вестник. 1858. № 10 и др.
- ²⁰ Картавцев Е. Э. Указ. соч. С. 21; Кованько П. Л. Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения. Киев, 1914. С. 62; Scheibert P. Op. cit. S. 78.
- ²¹ Романович-Славатинский А. В. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832—1884 гг. Воспоминания и заметки // Вестник Европы. 1903. № 6. С. 504—505.
- ²² Картавцев Е. Э. Указ. соч. С. 23.

- ²³ Бунге Н. Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 149, 199, 223; его же. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению. СПб., 1880. С. 36—38, 42; ОР ГПБ, ф. 550 (ОСРК), д. 235 — Бунге Н. Х. Лекции по финансовому праву, л. 61, 227—230, 465 об. — 466 об.
- ²⁴ Подробнее см.: Степанов В. Л. Рабочий вопрос в социально-экономических воззрениях Н. Х. Бунге // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 3. С. 17—26.
- ²⁵ Бунге Н. Х. Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии // Русский вестник. 1867. № 10. С. 431; его же. Полицейское право. Киев, 1869. С. 256.
- ²⁶ Бунге Н. Х. Политико-экономическое обозрение 1855—1857 годов. Железные дороги земного шара // Отечественные записки. 1858. № 4; его же. Монополия железнодорожного царства и ее ограничения // Вестник Европы. 1876. № 3; его же. Монополия железнодорожного царства и ее ограничения // Вестник Европы. 1876. № 3; его же. Полицейское право Т. II. Киев, 1877. С. 134—136.
- ²⁷ Бунге Н. Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 149—162; ОР ГПБ, ф. 550, д. 235, л. 155.
- ²⁸ Бунге Н. Х. Значение промышленных товариществ и условия их распространения. Ч. I—III. СПб., 1857—1858; его же. Главное банковое и торговое общество в Санкт-Петербурге. СПб., 1859; его же. Возможны ли частные оборотные банки в России? СПб., 1864; его же. Банковые законы и банковая политика // Сборник государственных знаний. Т. I. СПб., 1874.
- ²⁹ Бунге Н. Х. О восстановлении металлического обращения в России. Киев, 1877; его же. О восстановлении постоянной денежной единицы в России. Киев, 1878; его же. Заметка о настоящем положении...
- ³⁰ ОР ГПБ, ф. 550, д. 235, л. 461—464 об.
- ³¹ Бунге Н. Х. О финансовом положении России / Публикация А. П. Погребинского // Исторический архив. 1960. № 2.
- ³² Ковалевский П. М. Власти предрержащие. Из посмертных бумаг П. М. Ковалевского // Русская старина. 1909. № 5. С. 245.
- ³³ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия... С. 143—144.
- ³⁴ Бунге Н. Х. Очерки... С. 41.
- ³⁵ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914). Прага, 1929. С. 127—128.
- ³⁶ Кованько П. Л. Главнейшие реформы... С. 1.
- ³⁷ Половцев А. А. Дневник. Т. I. М., 1966. С. 460.
- ³⁸ См. письмо В. П. Мещерского Александру III: ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 112, л. 6—6 об.
- ³⁹ Московские ведомости. 1886. 25 февраля.
- ⁴⁰ Смирнов Н. П. Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства. СПб., 1885.
- ⁴¹ Безобразов В. П. Дневник // Русская старина. 1908. № 11. С. 309.
- ⁴² Половцев А. А. Указ. соч. Т. I. С. 378.
- ⁴³ Погребинский А. П. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁴ Туган-Барановский М. И. Витте и Бунге как министры финансов // Северные записки. 1915. № 3. С. 151.
- ⁴⁵ Существуют два основных варианта этого документа. Первый, предназначенный для Александра III, хранится в его личном фонде в ЦГАОР СССР (ф. 677, оп. 1, д. 617), второй, подготовленный для Николая II, был после смерти Бунге размножен типографским способом под названием «1881—1894. Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге» (один из экземпляров хранится в Библиотеке ЦГИА СССР). Окончательный, более поздний вариант был опубликован на английском языке американским историком Дж. Э. Сноу с введением и комментариями. См.: Snow G. E. Op. cit. Подробнее о создании «Загробных заметок» см.: Шепелев Л. Е. «Загробные заметки» Н. Х. Бунге // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971.
- ⁴⁶ Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 57; Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 91.
- ⁴⁷ Snow G. E. Op. cit. P. 12.
- ⁴⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. III. М., 1960. С. 257.
- ⁴⁹ Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. IV. СПб., 1902. С. 23—24; 1881—1894. Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге. С. 44—45, 51, 60; Бунге Н. Х. Загробные заметки, л. 9 об., 15 об.
- ⁵⁰ Бунге Н. Х. Очерки... С. 159—160.
- ⁵¹ ЦГИА СССР. ф. 1642 (А. Н. Куломзин), оп. 1, д. 198 — Куломзин А. Н. Пережитое, л. 4 об.
- ⁵² Картавцев Е. Э. Указ. соч. С. 37—38.
- ⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 198, л. 4.
- ⁵⁴ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. I. С. 170; Т. II. С. 449.
- ⁵⁵ Там же. Т. I. С. 170, 362, 363—364. См. также комментарии к данному тому Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананьича. С. 544.
- ⁵⁶ ЦГИА СССР. ф. 1622 (С. Ю. Витте), оп. 1, д. 448, л. 1.
- ⁵⁷ Там же, ф. 1642, оп. 1, д. 198, л. 4.
- ⁵⁸ Кризис самодержавия в России. С. 81.
- ⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 198, л. 4.

ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

(К постановке проблемы)

Вторая половина XVIII в. в России ознаменована расцветом культуры, определявшимся во многом развитием просветительского мировоззрения и ростом исторического самосознания. Становление системы образования, книгоиздательской деятельности; расцвет журналистики и введение в оборот значительного исторического материала совпали с комплексом правительственных мероприятий по «отечествоведению», поощрявших занятия историей. Сочинения Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, опубликованные в это время, определили путь исторической мысли.

Однако характер исторического знания, уровень исторических представлений в обществе нельзя почитать, ограничившись изучением трудов только выдающихся историков XVIII в. Историческая мысль имела разные «образцы», формировавшие ее. Так, появление Н. М. Карамзина обусловлено не деятельностью его выдающихся предшественников, но всей совокупностью факторов развития русской исторической мысли. К сожалению, мы знаем об этих факторах до обидного мало.

Одним из них можно считать появление во второй половине XVIII в. в разных центрах русской провинции достаточно большой группы исторических сочинений, далеко не равнозначных по уровню, характеру и объему исторического материала. Общее число таких сочинений, известных как исторические описания, доходит до 70, они появились почти во всех губернских центрах, в большинстве городов русского Севера, Поволжья, и юга России¹.

В настоящей статье предпринят анализ ряда работ провинциальных историков как произведений исторической мысли второй половины XVIII в. Автор всецело отдает себе отчет в том, что выделение комплекса исторических произведений, созданных в русской провинции, в особую группу имеет смысл только в контексте изучения истории науки, как феномен для исследовательского рассмотрения; в общем же смысле нет «исторической мысли провинции», а есть общерусская историческая мысль, независимо от того, где жил, творил, издавал свои труды историк.

Другая сторона обозначенной проблемы — в том, что развитие исторической и шире — общественной мысли правильнее изучать на материале разных (пусть небольших, но достаточно важных) культурных центров страны, тогда учитывается весь спектр местных исторических и культурных традиций. Следовательно, в этом смысле также правомерно понятие «провинциальная историография». В таком значении употребляли в своих работах термин «провинциальный» Н. К. Пиксанов, О. Г. Ласунский².

Чем было обусловлено появление исторических работ в русской провинции? Каков их состав? Какие из них наиболее содержательны в историографическом плане?

Происхождение провинциальных исторических описаний — составной части русской исторической мысли — тесно связано с общими условиями ее развития, которые определялись во второй половине XVIII в. культурными сдвигами в стране, ростом общественного самосознания, распространением просветительских доктрин. Эта связь обнаруживается и в повышении престижа исторических знаний, воспитывающих гражданственность и в расширении круга лиц, обратившихся к изучению истории, и в накоплении исторических знаний³. Писание истории было осознано в это время многими представителями российского общества как в центре, так и на местах⁴. Некоторые частные губернские библиотеки середины и второй половины XVIII в. содержали, как показывают специальные исследования, богатые подборки западноевропейских исторических сочинений, имелись

Севастьянова Алла Александровна, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета.

в них и работы отечественных историков⁶. О хорошем знании исторической литературы авторами описаний свидетельствуют многочисленные ссылки и примечания на их страницах, причем значительная часть касается публикаций источников. Вся эта «самоподготовка» получает как бы второе дыхание в связи с начавшимися государственными анкетными обследованиями страны.

По подсчетам историков, с 1760 по 1786 г. учреждения и правительство предприняли 18 разных анкетных обследований⁶. Все сколько-нибудь значительные анкеты, как правило, включали несколько вопросов по истории. Ответы на них требовали поиска местных источников и обращения к тем лицам, которые могли на местах «сочинить» историческую часть описаний, это стимулировало творчество провинциальных историков.

К важнейшим предпосылкам появления исторических описаний относится и давняя традиция составления хроник-летописей (чаще всего городских). Пережив в XVIII в. ряд обновлений, городовые летописцы к середине века сохраняли архаичный погодный способ изложения с вкраплениями документальных материалов и авторских отступлений. «Летописание» претерпело кризис формы, когда «сверху» внезапно анкетами была предложена матрица строго направленного изложения по «вопросам-ответам». В результате появилось три новых способа повествования: строго формулярное «топографическое описание» по «запросным пунктам» анкеты; старый городской летописец, дополненный и расширенный экономико-географическими данными о губернии или наместничестве; авторское историко-краеведческое сочинение, родившееся «на стыке» анкетной и летописной форм.

Примерно половина появившегося в этот период массива описаний — топографические, они хорошо известны историкам и довольно давно служат источниками по исторической географии⁷. Исторического материала в них очень мало, чаще всего — это краткие, без рассуждений ответы на вопросы о гербе города, его основании, древностях края. Тексты многих топографических описаний были опубликованы еще в XVIII в. и сыграли свою положительную роль в распространении исторических знаний на местах. Однако как источник по истории мысли они малосодержательны, и потому их привлечение в нашем историографическом анализе незначительно⁸.

Городовые летописцы («градские истории») в поздних самостоятельных редакциях второй половины и конца XVIII в. в большой степени основывались на образцах местного летописания, уходившего своими корнями в древность. Составители последних редакций летописцев, как правило, сохраняли «древнюю» часть, сокращая и редактируя ее, но главное их внимание было сосредоточено на новой, современной им части произведения. Происхождение и эволюция позднего местного летописания хорошо прослежены, например, по Вологодскому, Устюжскому, Нижегородскому летописцам⁹. Однако при решении других вопросов исследовательский анализ останавливался как раз на отмеченном рубеже поздней редакции, т. е. именно там, где, по справедливому выражению Н. А. Казаковой, летопись превращается «в произведение провинциальной историографии»¹⁰. Из немногих городских летописцев поздней редакции опубликованы лишь единицы, увидевшие свет главным образом в XIX в. благодаря деятелям губернских ученых архивных комиссий¹¹. Отдельные наблюдения, в основном над рукописными текстами поздних летописцев, обнаруживают их место в истории исторической мысли: в них зафиксирован окончательный переход от летописного к историческому повествованию.

Среди трудов провинциальной историографии особо выделяется группа авторских описаний (их более 30), появившихся главным образом во второй половине 80-х и в 90-х гг. XVIII в. Их названия еще сплошь и рядом звучат как «исторические и топографические» и даже «топографические» описания, но по существу это первые историко-краеведческие исследования. Их отличают яркие авторские предисловия, продуманность замысла, обязательные ссылки на источники, разнобразие источниковой базы. Авторские описания в них наиболее содержательны для анализа изучаемого историографического направления.

Итак, провинциальной историографии присущи следующие черты. Во-первых, авторы этих произведений — выходцы из разных слоев общества — дворянства, духовенства, чиновничества, мещанства, т. е. представители грамотной прослойки города. Авторы были выходцами из той среды, проблемы и чаяния которой были им близки и понятны. В целом их произведения содержат важную информацию о воззрениях широких кругов общества того времени.

Во-вторых, важнейшей особенностью этой историографии была опора на свод местных памятников и их традиции. Всякое историческое сочинение о крае, содержащее трактовки источников, питало автора, определяло его позицию, вследствие чего ее можно даже рассматривать как продолжение письменной традиции этого края.

Третья особенность — краеведческая направленность провинциальной историографии. Конеч-

но, многие сочинения местных историков повторяли или пересказывали общерусские концепции И. Гизеля, Ф. Сафоновича или «Ядра Российской истории» Манкиева. Но не они определяли лицо этой историографии. Типичный ее автор — человек, озабоченный судьбами своего края, историк-любитель. Впрочем, в XVIII в. специального исторического образования не существовало и это скорее не отличало, а наоборот, сближало историков-любителей с Татищевым, Шербатовым и Болтиным, чье творчество было творчеством профессионалов-самоучек. Провинциальный историк, правда, как правило, так и оставался любителем, дилетантом «до конца».

Провинциальную историографию характеризует также преемственность в писании местной истории — более поздние историки опираются на предшествующие краеведческие сочинения. Но это, разумеется, еще не сложившиеся местные школы ¹².

Несколько слов о хронологических рамках темы. Ее ограничение второй половиной XVIII в. определяется сложившимися в тот период условиями развития исторической мысли, о которых уже говорилось. В начале следующего, XIX столетия факторы воздействия изменятся, и наступит новый этап развития историографии.

* * *

Изучение провинциальной историографии, по мнению С. Л. Пештича, автора самого содержательного из немногих советских обзоров сочинений о «местной истории», началось не ранее середины прошлого века ¹³. Отдельные высказывания современников можно найти в литературе столетием раньше. Так, Г. Ф. Миллер писал о необходимости знания истории городов, ибо «... особенные оных происшествия заслуживают быть исследованы и обнаружены, потому они всегда к объяснению всеобщей истории ... несколько способствуют» ¹⁴. Эта мысль о полезности местной истории для создания истории общероссийской встречается у В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и в «предуведомлениях» самих историков провинции. Впрочем, оценки «местной истории» тогда не были однозначны. А. Т. Болотов в 1777 г. со свойственной ему иронией весьма скептически отозвался о самом предприятии и возможностях местных описаний в условиях «российской незрелости» ¹⁵. Известна отрицательная оценка и ранних Олонецких описаний Г. Р. Державина в бытность его наместником Олонецкого края. Но, судя по его участию в составлении нового, добротного текста описаний, в важности самого дела он не сомневался ¹⁶.

Последующий почти полувековой период не внес каких-либо существенных изменений: созданные сочинения переписывали на местах и использовали как свод данных по географическому положению и экономико-политическому развитию отдельных местностей. Этому способствовало продолжавшееся составление исторических описаний в начале XIX в. и новые их публикации. Как известно, А. С. Пушкин, работая над «Историей Пугачева», обратился к рукописи «Описания осады Оренбурга». Автором этих «Описаний» и других исторических сочинений, посвященных Приуралью, был один из самых видных провинциальных историков XVIII в. П. И. Рычков, «смирной добросовестностью в развитии истины» которого восхитился великий поэт.

В середине XIX в. появлением работы С. М. Соловьева «Писатели русской истории XVIII века» было положено начало изучению главных трудов историков XVIII в. ¹⁷ Но до выхода работы А. Н. Пыпина труды историков провинции, за исключением сочинений В. В. Крестинина и П. И. Рычкова, не упоминались исследователями. А. Н. Пыпин составил широкий обзор «литературы описаний России», включив в нее все, что так или иначе относилось к описанию местностей: «топографические», сочинения историков, «путешественные» записки экспедиций Академии наук, материалы географических словарей и месяцесловов ¹⁸. Он отметил лучшие образцы исторической мысли — записки А. Засецкого о Вологде и А. Шафонского о Чернигове.

В конце XIX — начале XX в. о сочинениях по местной истории вспоминали лишь в связи с изучением демократического элемента в истории литературы или в классической литературе описаний географических экспедиций ¹⁹.

В советское время к историческим сочинениям, написанным в провинции, обращались в исследованиях по исторической географии, историографии русского города, истории источниковедения. В общих курсах по истории исторической науки приводились, как правило, общие оценки или обзоры (Пештич) «памятников местной истории» ²⁰.

Исследование Н. Л. Рубинштейна по исторической географии, посвященное описаниям 80-х гг. XVIII в., открыло заново комплекс «топографических описаний». Автору и его последователям удалось выявить и собрать воедино сведения о многих опубликованных и неопубликованных топографических описаниях по всем регионам страны ²¹. Начиная с работы Рубинштейна и вплоть до

80-х гг., практически не ставился вопрос о месте этих сочинений в развитии исторической мысли конца XVIII в. Исследователи изучали их как богатый источник по исторической географии, экономической мысли, а также в связи с правительственной практикой фискальных мероприятий и анкетных обследований²².

Более содержательными в интересующем нас аспекте оказались работы по истории источниковедения. В одной из своих ранних работ С. Н. Валк исследует изменение состава источников и отношение к ним историков от Татищева и Шлецера до Чулкова, Левшина и Крестинина²³. Настаивая на социальной обусловленности тем и источников каждого историографического направления, в данном случае раннебуржуазного, С. Н. Валк пишет о «робком нападении Крестинина на летописи» как на источник малопригодный для его работ о третьем сословии. Если этот вывод об использовании летописи Крестининым с нашей точки зрения не бесспорен, то несомненно справедлив вывод исследователя о новых источниковедческих опытах этого направления исторической мысли²⁴.

Изучение состава источников и других вопросов истории источниковедения XVIII в. было продолжено в 60-е гг. в работах А. Т. Николаевой, Л. Н. Пушкарева, В. В. Фарсобиной²⁵. Они рассмотрели на материалах сочинений Татищева, Шербатова, Болтина, Миллера, Шлецера, Ломоносова, а также Новикова, Рычкова, Голикова и Крестинина важные темы определения предмета источниковедения, отбора, классификации и происхождения источников, их толкования и критики в XVIII в. В новейших статьях В. П. Козлова проблема отношения к источнику в российской историографии рубежа XVIII—XIX вв. вновь поставлена в повестку дня²⁶.

В 60-е гг. шла интенсивная разработка историографии русского города²⁷. Появившиеся чуть позднее работы С. С. Илизарова во многом аккумулировали предшествующие наблюдения²⁸. В своем диссертационном исследовании С. С. Илизаров впервые после С. Л. Пештича заявил об историографической ценности «исторических очерков и хроник» XVIII в. по истории городов²⁹. Илизарову же принадлежит мысль о городовом летописании XVIII в. как историографическом источнике. Автор сделал ряд интересных наблюдений, хотя его сомнения в способностях авторов некоторых описаний к «самостоятельному научному поиску» представляются спорными, а утверждение о том, что работа в провинции велась «в основном благодаря академическим экспедициям», кажется мне просто неверным³⁰.

Исследования позднего городского летописания в 80-е гг. дали ряд важных наблюдений и по развитию исторической мысли³¹.

Перспективы в изучении местных описаний не в последнюю очередь связаны с их изданием и переизданием, потому упомянем о недавно вышедших в свет текстах топографических описаний, а также о программе издания этих источников, подготовленной Отделом исторической географии и демографии Института истории СССР АН СССР³². Отдельные замечания по истории местных описаний есть в недавних работах по истории специальных исторических дисциплин, таких, как генеалогия, краеведение³³.

Краткий историографический обзор показывает, что специального исследования, посвященного исторической мысли российской провинции во второй половине XVIII в., нет; предметом более или менее пристального рассмотрения были лишь взгляды В. В. Крестинина, П. И. Рычкова, тогда как перечень только авторских сочинений центральных областей России достигает трех десятков наименований. Имеющиеся обзоры трудов провинциальных историков, к сожалению, нельзя назвать полными, а общие их оценки и иллюстративное использование некоторых текстов не отвечают на вопрос о месте и значении этих сочинений в исторической мысли XVIII в. Попытаемся предложить подходы в решении этого вопроса.

Восемнадцатый век, напомним, трактуется в общих курсах историографии как «время превращения знаний в науку». Какой была современная провинциальным историкам наука (или знание) история?

Хотя среди нужных и полезных знаний в русском обществе история давно уже заняла одно из первых мест, она продолжала оставаться предметом, не вполне постигаемым. Были сделаны первые попытки связать старое и новое в единый процесс развития, который, правда, понимался только как эволюция. У самых видных историков поиски объяснений развития ограничивались чаще всего установлением прямой связи между природными условиями и жизнью страны. Историческое прошлое понималось как свод хороших и плохих примеров. Поэтому предмет и задачи истории представители этой науки связывали с ее воспитательной, образовательной и патриотической ролью в обществе.

В «Предъизвещении» к «Истории Российской» В. Н. Татищев обозначил предмет истории как «воспоминание» прошедшего, «приключений добрых и злых». Польза истории в том, что она дает «всякому народу и области» знание собственного прошлого, хотя, как считает историк, нужно изучить и иностранную историю, без которой «своя не будет ясна и достаточна». Задача общерусской истории виделась В. Н. Татищеву в борьбе с «баснями» об отечестве, распространенными в Европе, которые «обличатся и опровергнутся» тогда, когда будет создана русскими своя древняя история³⁴. Другой крупный историк XVIII в. — М. М. Шербаков — цель истории видел в исправлении «правов» в России, для чего призывал к познанию примеров и образцов прошлых столетий.

Рассуждения о задачах, предмете и значении истории, имеющиеся в предисловиях к лучшим сочинениям провинциальных авторов, прямо восходят к трактовке этих вопросов их замечательными предшественниками. Наиболее ранним и полным отражением татищевской схемы надо считать «Предупреждение» к «Опыту Казанской истории» П. И. Рычкова³⁵. Мотив важности истории для «примеров и наставлений» и особого значения отечественной, а не «чужестранной» истории у Рычкова напоминает нам отмеченное положение Татищева и известные призывы просветительства. В том же духе следующее высказывание Рычкова — о необходимости истории для народов, «науками просвещенных». Далее в «Предупреждении» автор привел логически безупречное умозаключение: все просвещенные народы имеют свою историю, России она также нужна, ее создание «необходимо требует» истории каждой из российских провинций. Так, опираясь на В. Н. Татищева, П. И. Рычков дает первое обоснование историко-краеведческим изысканиям.

Как и Рычков, но менее умело и более кратко писали о содержании предмета истории другие провинциальные авторы. В Вологодском описании А. Засецкий подчеркивал невозможность искусственного отделения истории края от общероссийской истории, предлагая дать описание «... по древности о России и частично о городе Вологде»³⁶. С. Ларионов подчеркивал важность местной истории, в частности своего Курского края, указывая на пробел в российской истории, где «многие знаменитые мужи положили неусыпные труды свои», посвятив их или «истории прежних времен», или «истории всего государства»³⁷. Но, как замечает псковский историк Н. Ильинский, «... в сию общую о России историю не могут вмещены быть все подробности отдельных описаний»³⁸. Таким образом, перенимая у Татищева и его последователей общий смысл рассуждения об истории, провинциальный автор дополняет его тезисом: «от истории „областей“ к истории всего государства», после чего вся схема обретает для него законченность.

Высказывания авторов, склонных к теоретическому осмыслению предмета истории, и более поверхностные суждения их коллег о полезном и приятном занятии историей от «истинного усердия услужить отечеству» можно расценить и как свидетельство заметного места истории в общественном сознании. Так, тверской историк из «разночинских детей» Диомид Карманов повторил рассуждения П. И. Рычкова, сместив, однако, акцент на воспитательно-патриотическую роль исторического знания: «... Народы обитаемого нами земного шара в истории трудятся. Но если вообще история приносит нам великия пользы и наполняет дух наш приятности, то история отечества нашего тем больше нас упользовать и усладить может... Домашний пример больше наставляет. ... При всем том не можем мы еще похвалиться, чтоб имели мы совершенную всех российских областей историю. О многих городах сего не достаёт, в том числе и о Твери, моем Отечестве...»³⁹.

Важно отметить, что предисловия и предварительные замечания к тексту (среди которых есть и откровенная дань литературным штампам того времени) — это черта нового вида сочинений — работ по истории. Факт обретения российской исторической мыслью формы повествования наиболее убедительно доказывает, как нам представляется, именно произведения провинциальной историографии. Неравнозначность подготовки авторов в данном случае ничего не меняет. Наоборот, незрелое произведение менее способно скрыть существование «каркаса» требований, заданность формы.

С середины 80-х гг. XVIII в. в работах провинциальных историков становится заметно шире круг привлекаемой авторами печатной продукции. Это — словари, месяцесловы, неизменно пользующиеся вниманием материалы новиковской «Древней Российской Вивлиофики». Среди упомянутых в ссылках исследований отечественных и зарубежных изданий — сочинения Геродота и Флавия, Цезаря Барония, Иоганна Хюбнера, Самуила Пуффендорфа, «Деяния Петра Великого» Голикова, «путешественные» записки разных народов. Авторы привлекали печатные материалы часто как непосредственные источники, выбирая из них сведения по истории своего края, «отечества». Вопрос об источниках и достоверности добываемых сведений является кардинальным в оценке любого течения исторической мысли⁴⁰.

Едва ли можно говорить о «критике источников» в современном понимании этого термина. Татищевская схема разделения источников по степени их достоверности на пять «родов» была знакома историкам провинции, хотя и не использовалась ими. Широко применялся в их работах метод сличения известий разных источников, также заложенный трудами видных историков XVIII в. Однако миллеровский системный подход к собиранию исторических материалов, текстология Байера, исторический синтез по Шлецеру остались невостребованными в изучаемом течении мысли. Стихийно во многом осваивались принципы документированного изложения, блестящие примеры которого дал М. М. Щербатов; его рационализм «здорового смысла» и борьба с «баснословием» успешно перенимались и вводились в работы провинциальными историками.

Не предлагая историкам провинции современных представлений о критике источников, усложнимся вести речь о понимании ими достоверности источника и отношении к предположительному и доказательному в их работах.

Размышления об источниках и о своих возможностях провинциальные авторы помещали обычно в предисловиях к своим работам. Здесь встречаем рассуждения о «несбыточных баснях», «неразрешенном сумнительстве» как главных опасностях для добротности содержания исторических трудов. Такие размышления привели в своих работах Крестинин, Ильинский, Карманов, Вештомов, Засецкий, Дмитриевский⁴¹. Сама постановка вопроса о «верных» (т. е. достоверных) источниках, «исправных к порядочному писанию истории», означала, в сущности, тот же призыв к борьбе с баснословием с точки зрения здравого смысла, который связан в истории исторической мысли с трудами Щербатова.

Провинциальная историография задавала себе и более сложный вопрос о соотношении догадок (т. е. предположений) и ясных свидетельств (доказательных утверждений). Вот, к примеру, четыре разных точки зрения на этот вопрос:

И. Дмитриевский, 1798 г.: «На догадке заключения полагать можно при необходимости, когда нет твердых доказательств. Если же оные имеются, то нет нужды употреблять догадку, потому что истина из самого действия видима быть должна».

В. Крестинин, 1792 г.: «Все повествуемое мною ...утверждается старинными свитками и записками... под моим ведомством обретающимися. Повествование о делах первых половины нынешняго века имеют свое основание частью на не сумнительных сказаниях исправных свидетелей и частью на письменных свидетельствах».

Евгений [Болховитинов], 1800 г.: «Если в недостатке ясных свидетельств позволительно в истории иметь убежище... к справедливейшим догадкам, то и в исследовании о начале г. Воронежа ничего более не остается, как только поискать по историям и запискам правдоподобных поворотов к таковым догадкам».

Д. Карманов, 1775 г.: «Я не думаю, чтоб кто поставил в порок писателю истории то, что он иногда не о всем обстоятельно пишет, не отыскав известий, лишь бы справедливо предлагал свои повести, не примешивая басен и своих мечтаний».

Если Евгений и особенно тверич Карманов допускают в вопросах доказательности известную «компромиссность» историка, то отношение к доказательности намного строже у Дмитриевского и тем более Крестинина.

Таким образом, сама требовательность историков различна, хотя провозглашение тезиса о достоверности обязательно. Впрочем, интересна не столько декларативность в этом вопросе, сколько источниковедческая практика. Как работали провинциальные историки, какие приемы использовали в своей обработке источниковых сведений, чтобы приблизиться к «справедливейшему» повествованию?

В предисловиях и непосредственно в текстах встречаются обмолвки, замечания и даже рассказы о том, как трудились авторы. Самый главный и едва ли не единственный метод — это сличение известий разных источников с целью выявления правдоподобных свидетельств. Например, в описании Ильинского есть замечание: «... Сии летописные остатки сличал я с Российской историею и другими изданными летописцами и не прежде давал им вероятие, пока не видел хотя краткого о том подтверждения»⁴². Дмитриевский пишет: «Сколько старых летописей и новейших сочинений собрать случай подал, — все то из оных ...выписал. Теперь начнем описанные в тех повествованиях обстоятельства брать себе на примечания»⁴³. Сходные замечания оставили Дм. Зиновьев в Казанском, А. Вештомов в Вятском описаниях. Д. Карманов со свойственной ему энергичностью выражений так обозначил свой метод: «Известия из российских летописцев в одно место собрал, связал и в порядок привел»⁴⁴.

Более пространно описывает свой творческий процесс младший современник и достойный

преемник Крестинина «верховажский мещанин» Матвей Мясников: «Я, любя российские древности и памятники, начал собирать исторические бумаги и старобытные хартии города Шенкурска для составления исторического описания Ваги... паки воспламенилось во мне желание собирать отечественные древности, в разных хранилищах пересмотрел многия ветхия книги и старинныя свитки, числом более пятисот свитков, и собрал ... несколько письменных книг и старинных рукописей. Сии древняя важеския бумаги многократно читал, перечитывал, рассматривал и сличал, и привожу теперь хронологический порядок, а ныне я... по довольном рассмотрении и сличении собранных мною исторических бумаг, осмеливаюсь составить сие описание»⁴⁵. Вывод о достоверности покоится у автора на совпадении показаний разных источников.

Сопоставление разноречивых источников, разных по происхождению, подчас порождало трудности историко-критического порядка, которые авторы связывали с собственной «неискусностью», отдаленностью «темных времен», «седой древностью», поглотившей источники. Иногда материал «перевешивал» умение с ним справиться, тогда попадаются замечания о трудности выбора версии изложения. «Не знаю, чему приклониться», — простосердечно признался в подобном положении Сергей Ларионов из Курска. Источниковедческие сложности носили объективный характер.

Провинциальная историография второй половины XVIII в. при всем отличии и многообразии своих форм испытывала воздействие тех же факторов развития, что и общероссийская историческая наука. Провинциальные историки мудро верили в возможности своих последователей и полагали, как В. В. Крестинин, что «несовершенство единого историка исправляется совершенством другого. Общее сие правило для историческия истины наблюдать нужно»⁴⁶.

В истории исторической мысли с именами В. В. Крестинина, П. И. Рычкова, а также И. И. Голикова и М. Д. Чулкова связывается «зарождение буржуазной историографии»⁴⁷. Основаниями для такого суждения стали рационалистическое мировоззрение, происхождение этих авторов из средних слоев населения, разрабатываемая ими тематика гражданского общества. Применим ли этот укоренившийся тезис для определения характера изучаемого течения исторической мысли русской провинции?

Наглядным примером того, сколь неоднозначными были в этих работах общественно-мировоззренческие ориентации, является творчество В. В. Крестинина, которого называют одним из основоположников буржуазного направления исторической мысли. Выходец из купеческой семьи, «архангелогородский гражданин» Крестинин во взгляде на предмет и задачи истории выступает как просветитель: история призвана «открыть истину», она полезна своей справедливостью, обязательна для гражданина. Вера в могущество знаний у Крестинина благополучно уживалась с провозглашенной автором благодатью самодержавных правлений. В обосновании своего обращения к истории города Архангельска Крестинин ссылается на слова Екатерины II: «Знание истории и географии политической нужно всякому, а необходимо дворянину»⁴⁸. Одновременно Крестинин — вдумчивый автор совсем уж не «дворянских» архангельско-холмогорских посадских очерков, рационально оценивающий торговлю, «художества», «сельское домостроительство».

Сочинения Крестинина и других историков, трудившихся в русской провинции, свидетельствуют об отсутствии прямой связи между теоретическими представлениями этих авторов, сословной принадлежностью, тематикой их трудов. Для творчества провинциальных историков, среди которых были представители самых разных сословных групп — дворянства, купечества, мещанства, духовенства, нехарактерна выверенность мировоззренческих позиций. То же наблюдаем и в тематике их сочинений: размышления о монарших деяниях и происхождении народа, о власти и государстве соседствуют с темами истории города, ремесел, торговли.

В работах историков русской провинции тесно переплелись элементы рационализма и идеи просветительства, новые, часто стихийные тенденции буржуазного мышления и старые, архаичные схемы средневековья. Опираясь на крепкие традиции местных памятников письменности, эта историография освоила и опробовала все способы исторического повествования, подготовив тем самым, вместе с другими течениями исторической мысли качественно новый период ее развития, наступивший в начале XIX в.

Примечания

¹ Круг рассматриваемых исторических сочинений ограничен произведениями, созданными в центре европейской части страны, собственно российской провинцией; юго-западный украинско-белорусский, как и урало-сибирский регионы, имевшие свою специфику развития исторической мысли и литературных традиций, достаточно, кстати сказать, изученную, в настоящей работе не анализируются.

- ² См.: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928; Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). Воронеж, 1985. С. 4—5.
- ³ См.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1971. Ч. III. С. 78—79, 144.
- ⁴ Там же. С. 77—78; Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. Л., 1982. С. 183.
- ⁵ См. сборники трудов по книговедению Библиотеки Академии наук СССР: Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979; Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1982; Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в. Л., 1983; Книга и книготорговля в России в XVI—XVIII вв. Л., 1984 и др. См. также: Лукьянов В. В. Библиотека Иоанна Быковского // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 49—53; Тютчев Д. Б. Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988; Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. Л., 1988.
- ⁶ Дик Н. И. Ломоносовский период в развитии русской географии. М., 1976. С. 62.
- ⁷ Сохранились опубликованные и неопубликованные топографические описания всех наместничеств и губерний России, составленные в результате анкетных обследований по изучению природо-хозяйственных ресурсов страны. См.: Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Вып. 31. М., 1953. С. 87—107.
- ⁸ Автор согласен с замечанием Л. В. Милова о том, что топографические описания — «поверхностные компилятивные сводки материала», их источниковедческая обработка, весьма трудоемкая, дает малообнадеживающий историографический материал.
- ⁹ Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XII. Л., 1981. С. 66—90; Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985; Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в.: Автореф... канд. ист. наук. М., 1987.
- ¹⁰ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 68.
- ¹¹ См., напр.: Титов А. А. Летопись Великоустюжская. М., 1889; е го же. Угличская летопись // Труды Ярославской губ. ученой архивной комиссии. Вып. I. М., 1890; Летопись о стране Вятской и Повесть о стране Вятской // Труды Вятской губ. ученой архивной комиссии. Вып. III. Отд. 2. 1905; Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886.
- ¹² Например, ранние летописи Вологды стали источником первого городского летописца Ивана Слободского, а затем записки Слободского использовались в вологодском описании А. Засецкого; три произведения вятской традиции — Вятский летописец, Повесть о стране Вятской и сочинение А. Вештомова «История вятчан» — иллюстрируют преемственность историографии Вятского края с конца XVII до начала XIX в.; Двинской летописец был источником для В. В. Крестинина, на работу которого, в свою очередь, ссылается М. Мясников в рукописном «Историческом описании ...Ваги» (Архив ЛОИИ, ф. 226, № 52).
- ¹³ Пештич С. Л. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁴ Чит. по: Пештич С. Л. Указ. соч. С. 144.
- ¹⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738—1795: В 4 т. Т. 4. СПб., 1873. Стлб. 906—909.
- ¹⁶ См.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 169.
- ¹⁷ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредьяковский, Шербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митрополит Платон // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 2. Ч. I. М., 1855. С. 3—82.
- ¹⁸ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. I. СПб., 1890. С. 97—133.
- ¹⁹ См.: Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889; Черяев П. Н. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины // Филологические записки. Вып. 3—4. Воронеж, 1904; Шапов А. Н. Сочинения. Т. III. СПб., 1908.
- ²⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1965. С. 208; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957. С. 260; Пештич С. Л. Указ. соч. С. 141—172; Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. Л., 1982. С. 204—209.
- ²¹ См.: Рубинштейн Н. Л. Топографические описания...; Сивков К. В. Источники по истории сельского хозяйства Европейской России во второй половине XVIII в. // Проблемы источниковедения. Вып. 8. М., 1959; См. также: Греков Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. // ЛЗАК за 1927/28 г. Л., 1929; Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России. XVIII — перв. пол. XIX в. // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 7. М., 1971.
- ²² См. сборники по исторической географии: Историческая география России XVIII в. Ч. I—II. М., 1981; Проблемы исторической географии России. Вып. 4. М., 1983 г.
- ²³ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII века // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8. С. 36—49. См. также: Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры: К 70-летию П. Н. Беркова. М.; Л., 1966. С. 66—73.
- ²⁴ Характеризуя этот новый опыт в статье «Исторический источник...», Валк писал: «... Здесь прямой путь будет лежать от истории коммерции и мануфактур к отбору распеваемых в харчевнях песен и рассказываемых в городской среде сказок. Сколько ни кустарный характер носят первые опыты этого рода работ... они заслуживают внимания, намечая подчас тот путь, по которому пройдет потом позднейшая историография». (Валк С. Н. Указ. соч. С. 45.)

- ²⁵ Николаева А. Т. Краткий очерк развития источниковедения в России в XVIII веке: Уч. пос. М.: МГИАИ, 1962. См.: ее же. Русское источниковедение XVIII века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1968; ее же. Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII—XX веков: Уч. пос. М.: МГИАИ, 1975; Пущкарев Л. Н. Определение исторического источника в русской историографии XVIII—XX вв. // Археологический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 75—76; Фарсоби́н В. В. Отечественная историография о предмете и задачах источниковедения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
- ²⁶ Козлов В. П. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца XVIII — первой четверти XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX. С. 9—27; Т. XXI. Л., 1990. С. 5—17.
- ²⁷ См. историографические обзоры А. Л. Хорошкевич, Ю. Р. Клокмана, П. Г. Рындинского, С. Н. Валка в: Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966.
- ²⁸ Илизаров С. С. Русский город глазами историков XVIII в. // Русский город: Историко-методологический сборник. М.: МГУ, 1976; его же. Городовое летописание как источник по историографии города (К постановке вопроса) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980; его же. Русский феодальный город в историографии и источниках XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; его же. О формировании термина «исторический источник» в русской исторической литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1984.
- ²⁹ Илизаров С. С. Русский феодальный город... С. 20.
- ³⁰ Там же. С. 18. Наоборот, академики — участники экспедиций (напр., Зуев, Озерецковский) получили материалы именно из рук местных историков.
- ³¹ См.: Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978. С. 200—206; ее же. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Там же. Т. XII. Л., 1981. С. 66—90; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод. Новосибирск, 1984; Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985. См. также: Буганов В. И. Издание и изучение русских летописей в XVIII в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 327—334; Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. / Под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М., 1981.
- ³² См.: Водарский Я. Е. Об издании топографических описаний наместничеств Севера конца XVIII в. // Археография и источниковедение истории европейского Севера РСФСР: Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. Вологда. 1989. С. 124—126.
- ³³ См. напр.: Каменский А. Б. К истории изучения генеалогии в России в XVIII в. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 150—159; его же. О попытках составления родословной книги во второй половине XVIII в. // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ, 1985. С. 78—82.; Афиани В. Ю. Начало журнальной археографии в России в XVIII в. // Археографический ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 26—34. См. также: Глаголева О. Е. Культура русской провинции конца XVIII — первой половины XIX в. (Просветительская деятельность в Тульской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987; Присенко Г. П. Проникновение в былое. Тула, 1984; Майорова А. С. «Описание шестимесячной Оренбургской осады» П. И. Рыкова — первый исторический труд о событиях Крестьянской войны 1773—1775 гг. // Историографический сборник. Вып. 12. Саратов, 1983. С. 66—79; Бондарева Е. А. Исторические воззрения М. Д. Чулкова // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 119—140.
- ³⁴ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. С. 79—83.
- ³⁵ Опыт Казанской истории древних и средних времен, сочинен Петром Рычковым... СПб., 1767.
- ³⁶ Засецкий А. Исторические и топографические известия по древности о России и частию о городе Вологде и его уезде... М., 1780.
- ³⁷ Описание Курского наместничества с древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым. М., 1786. Посвящение [Б.п.].
- ³⁸ Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания... составленное... Николаем Ильинским. СПб., 1790. Ч. 1. Предисловие. [Б.п.].
- ³⁹ Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. 1775/Подгот. В. Колосов. Тверь, 1893. С. 17—18.
- ⁴⁰ Отношение провинциальных историков к источнику (восприятие гносеологической категории «источник», отбор источников, их выявление, использование) — тема особой статьи.
- ⁴¹ См. соответственно описания Архангельска, Пскова, Твери, Вятки, Вологды, Владимира.
- ⁴² Историческое описание города Пскова... Предисловие.
- ⁴³ Дмитриевский Ив. О начале Владимира, что на Клязьме. 1798. — ГПБ ОР, Эрм. 344, л. 50б.
- ⁴⁴ Карманов Д. И. Указ. соч. С. 20.
- ⁴⁵ Историческое описание страны, издревле известной под именем Ваги... // Архив ЛОИИ, ф. 226, № 52, л. 1 об.—2.
- ⁴⁶ Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском... СПб., 1792. С. VIII.
- ⁴⁷ См., напр.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 208; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957. С. 260; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до сер. XIX века) Харьков, 1959. С. 124—126; Историография истории СССР/Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. Изд. 2, испр. и доп. М., 1971. С. 95—100; Сахаров А. М. Историография истории СССР Досоветский период. М., 1978. С. 82—85.
- ⁴⁸ См.: Краткая история о городе Архангельском... С. 1.

ПУБЛИКАЦИИ

© 1991 г.

«ПОГРУЖЕНЫ В ЭШЕЛОНЫ

И ОТПРАВЛЕНЫ К МЕСТАМ ПОСЕЛЕНИЙ...»

Л. БЕРИЯ — И. СТАЛИНУ

Сегодня, в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, одной из трагических страниц которого была насильственная депортация народов в 30—50-е гг.

В Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» было заявлено, что беззаконие и произвол не обошли стороной ни один народ, ни одну республику.

После смерти Сталина акции по депортации народов были осуждены как незаконные. Однако ликвидация последствий этих преступлений приняла затяжной характер, что до сих пор вызывает острые конфликтные ситуации. В настоящее время ведется усиленная работа по устранению причин национальной напряженности в нашей стране. Решаются как проблемы народов, права которых были восстановлены в 50-х гг., так и турков-месхетинцев, крымских татар, немцев Поволжья, корейцев, курдов, греков и других народов.

События, связанные с депортацией, долгое время замалчивались нашей исторической наукой. Их изучение было невозможно из-за недоступности архивов. В настоящее время архивы начинают приоткрываться.

В предлагаемой вниманию читателей подборке представлены связанные с депортацией народов документы из коллекции ЦГАОР СССР, хранящиеся в так называемой «Особой папке Сталина», где руководство канцелярии НКВД во главе с С. С. Мамуловым (Мамуляном) собирало копии исходящих делопроизводственных материалов специально для «вождя народов».

В подборке даны докладные и запросы Берии в ГКО и лично Сталину и Молотову, приказы Берии руководителям НКВД на местах. Здесь имеются также отчеты заместителей Берии, лиц, возглавлявших местные органы НКВД, о результатах проводимых операций, сведения о количестве переселенцев, их новом месте жительства, правовом статусе и т. д.

Объем публикации не позволяет включить другие не менее интересные материалы. Часть из них была использована составителем в статьях*.

Представляемая публикация, материалы которой в ходе исторического исследования, естественно, должны сопоставляться с другими документами, подвергаясь тщательному источниковедческому анализу, особенно учитывая характер учреждения, из которого они исходят, может способствовать изучению темы. Документы публикуются в порядке хронологии событий. Однотипные документы даны под общим заголовком.

Из публикации исключены материалы, касающиеся депортации из прибалтийских республик. Их материалы лежат в основе статьи, которая готовится к печати составителем данной публикации.

В ряде документов опущен текст, содержащий малозначительные детали. Эти места в публикации отмечены отточием в угловых скобках.

Н. Ф. Бугай

Примечание

* Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-х годах // История СССР. 1989. № 6; его же. За что переселяли народы // Агитация, 1989. № 11; Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; Депортация // Политический собеседник (Минск). 1990. № 3; О депортации калмыцкого народа // Тегин Гере (Свет в степи.— Элиста). 1990. № 3 и др.

* * *

№ 1

Справка Министерства внутренних дел СССР К вопросу о выселении с Дальневосточного края корейцев

В 1937 г. с территории Бурят-Монгольской АССР, Хабаровского, Приморского краев и Читинской области на территорию Узбекской и Казахской ССР были выселены корейцы.

На учете спецпоселенцев эти корейцы не состояли, а лишь в паспорта им были внесены ограничения сроком на 5 лет о проживании их только в местах выселения.

Директивой МВД СССР № 196 от 2 августа 1946 г. всем административно высланным, имеющим в паспортах ограничения на 5 лет, срок которым окончился, в т. ч. и корейцам, высланным из Дальневосточного края, [было предписано] выдавать новые паспорта без ограничения и прописки их по месту жительства на общих основаниях.

Второй директивой МВД СССР № 36 от 3 марта 1947 г. было дано разъяснение о порядке применения директивы МВД № 196 1946 г. при выдаче новых паспортов корейцам.

Согласно этой директиве, было предложено выдавать корейцам паспорта только для проживающих в республиках Средней Азии, куда они были переселены, за исключением приграничных районов этих республик. Этой же директивой корейцам воспрещалось проживание в Дальневосточном крае (Бурят-Монгольской АССР, Приморском и Хабаровском краях, в Читинской области).

Таким образом, в течение 7 месяцев с августа 1946 г. по март 1947 г. часть корейцев имела возможность получить паспорта без каких-либо ограничений.

Других данных о корейцах, выселенных из Дальневосточного края Отдел спецпоселений не имеет, т. к. они на учете спецпоселений не состояли¹.

Сентябрь 1949 г.

Начальник Отдела спецпоселений

В. В. Шиян

№ 2

Указ

Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»² от 28 августа 1941 г.

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья³.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится

кровапролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровапролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей и Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности. В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселенцев немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

№ 3

Докладная записка

Государственный комитет Обороны
товарищу Сталину И. В.
товарищу Молотову В. И.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК от 28 октября 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы.

Для обеспечения проведения операции и предотвращения случаев сопротивления или побега НКВД заблаговременно были приняты необходимые оперативно-войсковые мероприятия, организована охрана населенных пунктов, сбор переселяемых, сопровождение их в места погрузки в эшелоны.

В начале операции было арестовано 750 калмыков, состоявших в бандах, бандпособников, активных пособников немецких оккупантов и другого активного элемента.

Всего погружено в 46 эшелонов 26 359 семей или 93 139 переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую обл. Во время проведения операций происшествий и эксцессов не было. Эшелоны с переселенцами сопровождалась работниками НКВД.

НКВД СССР совместно с местными организациями приняты необходимые меры по приемке, обеспечению жильем и трудовому устройству переселенцев в местах расселения.

2 января 1944 г.
Л. Берия

№ 4

Народный комиссариат внутренних дел СССР
Заместителю наркома С. Н. Круглову⁴

В ноябре 1943 г. были депортированы из Карачаевской автономной области 14 774 семьи — 68 938 карачаевцев. После выселения основного контингента Управление Народного Комиссариата СССР по Ставропольскому краю выявило еще 329 карачаевцев. Все были выселены в места основного проживания. Общее количество выселенных граждан карачаевской национальности составило 69 267.

6 февраля 1944 г.
Начальник Управления НКВД по Ставропольскому краю
Ткаченко
Заместитель начальника Управления НКВД по Ставропольскому краю
Ивлев

ТЕЛЕГРАММЫ БЕРИИ СТАЛИНУ

Государственный комитет Оборона
товарищу Сталину

№ 5

Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459 486 человек⁵, включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией и в г. Владикавказе.

Учитывая масштабы операции и особенность горных районов, решено выселение провести (включая посадку людей в эшелоны) в течение 8 дней, в пределах которых в первые три дня будет закончена операция по всей низменности и предгорным районам, и частично по некоторым поселениям горных районов, с охватом свыше 300 тыс. человек.

В остальные 4 дня будут проведены выселения по всем горным районам с охватом оставшихся 150 тыс. человек.

⟨...⟩ Горные районы будут блокированы заблаговременно...

В частности, к выселению будут привлечены 6—7 тыс. дагестанцев, 3 тыс. осетин из колхозного и совхозного актива районов Дагестана и Северной Осетии, прилегающих к Чечено-Ингушетии, а также сельские активисты из числа русских, в тех районах, где имеется русское население.

⟨...⟩ Учитывая серьезность операции, прошу разрешить мне остаться на месте до завершения операции, хотя бы в основном, т. е. до 26—27 февраля 1944 г.

17 февраля 1944 г.

Л. Берия

№ 6

Для усиления проведения операции по выселению чеченцев и ингушей после Ваших указаний в дополнение к чекистско-войсковым мероприятиям проведено следующее:

1. Было доложено председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Молаеву о решении правительства о выселении чеченцев и ингушей и о мотивах, которые легли в основу этого решения.

Молаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнить все задания, которые будут ему даны в связи с выселением. Затем в Грозном вместе с ним были назначены и созданы 9 руководящих работников из чеченцев и ингушей, которым и было объявлено о ходе выселения чеченцев и ингушей и причинах выселения.

⟨...⟩ 40 республиканских партийных и советских работников из чеченцев и ингушей нами прикреплены к 24 районам с задачей подобрать из местного актива по каждому населенному пункту 2—3 человека для агитации.

Была проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии духовными лицами Б. Арсановым, А.-Г. Яндаровым и А. Гайсумовым, они призывались оказать помощь через мулл и других местных авторитетов.

⟨...⟩ Выселение начинается с рассвета 23 февраля с. г., предполагалось оцепить районы, чтобы воспрепятствовать выходу населения за территорию населенных пунктов. Население будет приглашено на сход, часть схода будет отпущена для сбора вещей, а остальная часть будет разоружена и доставлена к местам погрузки. Считаю, что операция по выселению чеченцев и ингушей будет проведена успешно.

22 февраля 1944 г.

Л. Берия

№ 7

Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев

попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека. На 11 час. утра вывезено из населенных пунктов 94 тыс. 741 чел., т. е. свыше 20 проц., подлежащих выселению, погружено в железнодорожные вагоны из этого числа 20 тыс. 23 человека.

23 февраля 1944 г.

Л. Берия

№ 8

Докладываю о ходе операции по выселению чеченцев и ингушей. На утро 24.02. вывезено из населенных пунктов 333 тыс. 739 чел., из этого числа погружено в железнодорожные эшелоны 176 тыс. 950 чел. Во второй половине дня 23 февраля почти во всех районах Чечено-Ингушетии выпал обильный снег в связи с чем создались затруднения в перевозке людей, особенно в горных районах.

24 февраля 1944 г.

Л. Берия

№ 9

Ознакомился с материалами по поведению балкарцев как во время наступления немецко-фашистских войск на Кавказе, так и после их изгнания. В период прорыва немцами линии фронта под Ростовом в 1942 г. антисоветские элементы в Балкарии активизировали враждебную работу в тылу Красной Армии, создавали банд-повстанческие группы. Тяжелой была обстановка и при отступлении частей 37-й армии, отходившей через перевалы Кавказского хребта, через Балкарию. В Черекском районе балкарцы разоружили воинское подразделение. ...Убили командирский состав и захватили одно орудие. Одну банду возглавлял бывший председатель исполкома районного Совета... *

⟨...⟩ По указке немцев и привезенных ими с собой эмигрантов Шокманова и Кемметова, балкарцы договорились с карачаевцами об объединении Балкарии с Карачаем.

Только в течение 1942—1943 гг. за антисоветскую работу и бандитизм было арестовано 1227 чел., из них коммунистов и комсомольцев — 186 человек. Бежали с немцами из Балкарии 362 чел.

В связи с предстоящим окончательным выселением чеченцев и ингушей считал бы [необходимым] часть освободившихся войск и чекистов использовать для выселения балкарцев с Северного Кавказа с расчетом закончить эту операцию 15—20 марта тек. года, до покрытия лесов листвой.

Балкарцев насчитывается 40 900 чел., проживающих в подавляющем большинстве в четырех административных районах, расположенных в ущельях Главного Кавказского хребта, общей площадью 503 тыс. гектаров, из которых около 300 тыс. составляют сенокосы, пастбища и леса.

Если будет Ваше согласие, я сумел бы до возвращения в Москву организовать на месте необходимые мероприятия, связанные с выселением балкарцев.

Прошу Вашего указания.

24 февраля 1944 г.

Л. Берия

№ 10

Операция по выселению чеченцев и ингушей проходит нормально. К вечеру 25 февраля погружено в железнодорожные эшелоны 342 тыс. 647 человек. Со станций погрузки отправлены к месту нового расселения 86 эшелонов⟨...⟩

26 февраля 1944 г.

Л. Берия

Докладываю об итогах операции по выселению чеченцев и ингушей. Выселение было начато 23 февраля в большинстве районов за исключением высокогорных населенных пунктов.

По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 [человек], в том числе 91 250 ингушей. Погружено 180 эшелонов, из которых 159 эшелонов уже отправлены к месту нового поселения.

Сегодня отправлены эшелоны с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые использовались при проведении операции.

Из некоторых пунктов Галанчожского района остались невыселенными 6 тыс. чеченцев в силу большого снегопада и бездорожья, вывоз и погрузка которых будет закончена в 2 дня. Операция прошла организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов.

(...) Проводится проческа и лесных районов, где временно оставлено до гарнизона войск НКВД и опергруппа чекистов. За время подготовки и проведения операции арестовано 2016 человек антисоветского элемента из числа чеченцев и ингушей. Изъято огнестрельного оружия 20 072 единицы, в том числе винтовок 4868, пулеметов и автоматов 479.

(...) Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов.

п. 2 Для обеспечения подготовки и успешного проведения операции по выселению балкарцев приняты все необходимые меры. Подготовительная работа будет закончена до 10 марта и с 15 марта будет проведено выселение балкарцев⁶. Сегодня заканчиваем здесь⁷ работу и выезжаем на один день в Кабардино-Балкарию и оттуда в Москву.

1 марта 1944 г.

Л. Берия

№ 12

В проведении операции* принимали участие 19 тыс. оперативных работников НКВД и НКГБ, «Смерш»⁸ и до 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых с различных областей, значительная часть которых до этого участвовала в операциях по выселению карачаевцев и калмыков и, кроме того, будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев (...)

В результате проведенных трех операций выселены в восточные районы СССР 650 тыс. чеченцев и ингушей, калмыков и карачаевцев.

В процессе подготовки операции по выселению чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков и балкарцев проведена работа по ликвидации банд, созданных и вооруженных немецко-фашистскими оккупантами при отступлении с Северного Кавказа. Проведено изъятие антисоветского элемента и нелегально хранящегося у населения оружия.

7 марта 1944 г.

Народный комиссар внутренних дел Союза СССР

Л. Берия

№ 13

НКВД докладывает, что операция по выселению балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР закончена 9 марта. Погружено в эшелоны и отправлено к местам нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37 103 балкарца, кроме того, арестовано 478 чел. антисоветского элемента. Изъято 288 единиц огнестрельного оружия. Заслуживающих внимания происшествий во время проведения операций не было (...)

Для обеспечения порядка и охраны в горных районах Балкарии временно оставлены оперативно-чекистские группы с небольшими войсковыми командами.

11 марта 1944 г.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. Берия

Приказ № 76—5000/33 от 11 марта 1944 г.⁹

Организовать в ряде районов оперативные группы с войсковыми гарнизонами и мобилизовать все силы на ликвидацию действовавших 7 бандгрупп (89 человек) и 14 банд одиночек.

Наркому внутренних дел Северо-Осетинской АССР Такаеву принять участие в ликвидации банд в Лесненском, Урванском, Черекском районах, граничащих с Северной Осетией, создать 2—3 разведывательные группы, обеспечить охрану продовольствия.

Л. Берия

№ 15

**Справка
о ходе перевозок балкарцев по состоянию
на 6 час. 17 марта 1944 г.**

Погружено 14 эшелонов, находятся в движении 14 эшелонов (Оренбургская железная дорога — 9 эшелонов), Ташкент — 5 эшелонов. Всего погружено в эшелоны 37 713 человек. Переселенцы направляются во Фрунзенскую область 5446 чел., Исык-Кульскую — 2702 чел., Семипалатинскую — 2742 чел., в Алма-Атинскую — 5541 чел., Южно-Казахстанскую — 5278 чел., Омскую — 5521 чел., Джалал-Абадскую — 2650 чел., Павлодарскую — 2614 чел., Акмолинскую — 5219 чел.

17 марта 1944 г.

Заместитель начальника 3 Управления НКГБ СССР

Волков

Начальник Отдела перевозок НКВД СССР

Аркадьев

№ 16

**Справка
о ходе перевозок спецконтингента
с Орджоникидзевской железной дороги по состоянию
на 6 час. 17 марта 1944 г.**

Всего погружено 180 эшелонов, прибыли на места 171 эшелон, в пути — 9. За отчетное время прибыло к месту назначения и разгружено 19 эшелонов.

Из прибывших переселенцев 468 583 чел. направлены: Джалал-Абадская обл. (24 281 чел.), Ошская (29 908 чел.), Фрунзенская (34 410 чел.), Джембульская (16 665 чел.), Алма-Атинская (29 098 чел.), Восточно-Казахстанская (34 542 чел.), Кызыл-Ординская (26 514 чел.), Кустанайская (45 665 чел.), Актюбинская (20 309 чел.), Семипалатинская (31 236 чел.), Павлодарская (41 230 чел.), Акмолинская (60 330 чел.), Карагандинская (37 938 чел.).

Происшествий не было. Перевозка в основном закончена. Из оставшихся в движении 9 эшелонов будет сегодня подведено к пунктам назначения 5 эшелонов. Остальные 4 эшелона, следующие в Восточно-Казахстанскую область, будут доставлены в пункты назначения 21 марта 1944 г.

17 марта 1944 г.

Заместитель начальника 3 Управления НКГБ СССР

Волков

Начальник Отдела перевозок НКВД СССР

Аркадьев

**Отчет
о проведении специальных перевозок
в связи с выселением чеченцев, ингушей, балкарцев ***

Заместителю наркома Б. З. Кобулову

Во исполнение указаний товарища Берии транспортными органами НКГБ, НКВД совместно с администрацией железной дороги были проведены мероприятия, обеспечивающие вывоз в кратчайший срок спецконтингента с Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, балкарцы). Всего подано 194 эшелона — 521 247 человек.

На основе опыта перевозок карачаевцев и калмыков нами были проведены некоторые мероприятия, давшие возможность значительно сократить потребность в подвижном составе и уменьшить количество потребных поездов.

Так, по расчету численности спецконтингента требовалось для перевозки их — 15 207 вагонов (272 состава), считая как прежде по 56 вагонов в каждом эшелоне. Фактически же было отправлено 12 525 вагонов или 194 состава по 65 вагонов в каждом. Потребность в вагонах была сокращена на 2652 вагона или 41 состав (по 65 вагонов в каждом).

Уплотнение погрузки спецконтингента с 40 чел. до 45 чел. в вагоне при наличии 40—50% детей в составе спецконтингента вполне целесообразно.

Упразднение в эшелонах вагонов для багажа, имея в виду, что брать громоздкие вещи выселенцам не разрешалось, а личные вещи каждая семья забирала с собой в вагоны, было сэкономлено значительное количество вагонов, оборудование (ведер, досок, печей и т. д.), а именно досок — 37 548 шт., ведер — 11 834, печей — 3500 шт.

К недостаткам перевозок спецконтингентом следует отнести невозможность проведения санобработки их, в результате чего в дороге имели место случаи заболевания сыпным тифом. Однако в результате принятых мер эпидемия была предотвращена.

Для оперативного состава и войск НКВД потребность составила 4711 крытых вагонов, 1984 платформ.

Начальника Управления Орджоникидзевской железной дороги Х. Т. Восканова и заместителя начальника дороги К. В. Ильченко необходимо представить к правительственной награде, как и других отличившихся служащих железной дороги.

18 марта 1944 г.

Начальник 3 Управления народного комиссариата госбезопасности СССР

Мильштейн

№ 18

Приказ № 00419—00137

от 13 апреля 1944 г.

**«О мероприятиях по очистке территории
Крымской АССР от антисоветских элементов»**

Наркому внутренних дел Крымской АССР тов. Сергиенко и Наркому государственной безопасности тов. Фокину по мере продвижения частей Красной Армии в Крыму немедленно организовать на освобожденной территории органы НКВД и НКГБ для проведения оперативно-чекистской работы¹⁰. Ответственные за исполнение Серов, Кобулов, Сергиенко, Фокин.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Л. Берия

Народный комиссар госбезопасности СССР

В. Меркулов

Из докладной записки

Наркому внутренних дел Л. Берии

На 1 апреля 1940 г. населения в Крымской АССР насчитывалось 1 126 800 чел., татар — 218 тыс. Точных данных о численности татарского населения не было. За период с 17 по 20 апреля 1940 г. из Крыма было эвакуировано 180 тыс. человек. Все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар. Были высланы 62 тыс. немцев, расстреляны немцами 67 тыс. евреев, караймов, крымчаков.

50 тыс. человек были насильно эвакуированы в Крым немцами из Кубани, Таманского полуострова. 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении из Крыма.

В Евпаторийском секторе выявлена шпионско-диверсионная резидентура в составе 67 человек, созданная в 1942 г. обер-лейтенантом германской армии Мильтсом под прикрытием курсов овцеводов Земельного управления Крыма «Вики».

22 апреля 1944 г.

Б. Кобулов и И. Серов

Телеграмма

Товарищу Л. Берии

Подготовительную работу по операции считали возможным закончить к 18—20 мая, а всю операцию к 25 мая.

Для обеспечения предстоящей операции считаем необходимым:

1) выделить в наше распоряжение 2000 грузовиков, 1500 т автобензина, приблизительно к 15 мая;

2) для обеспечения приема имущества спецконтингента командированными представителями хозяйственных органов Наркомзема, Наркомзага, Наркоммяспрома, Наркомпищепрома <...>

5) разрешить выселить 330 человек немцев, австрийцев, венгров, румын, итальянцев, проживающих в Крыму, а также до 1000 проституток, проживающих на курортах и в городах Черноморского побережья.

Симферополь

7 мая 1944 г.

Кобулов, Серов

Из докладной записки

Государственный Комитет Обороны

И. Сталину

<...>Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа¹¹ и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работе как в сельском хозяйстве — колхозах и совхозах, так

и в промышленности и транспорте. Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ВКП(б) Узбекистана тов. Юсуповым.

По предварительным данным, в настоящее время в Крыму насчитывается 140—160 тыс. населения. Операция по выселению будет начата 20—21 мая и закончена 1 июля. Представляя при этом проект постановления, прошу Вашего решения.

10 мая 1944 г.
Народный комиссар внутренних дел СССР
Л. Берия

№ 22—25

Телеграммы Кобулова, Серова Берии

Москва. Народный комиссариат внутренних дел СССР
тов. Берии Л. П.

№ 22

Во исполнение Вашего указания сегодня, 18 мая т. г., с рассветом была начата операция по выселению крымских татар.

По состоянию на 20 часов подвезено к станциям погрузки 90 000 человек, из них погружено 17 эшелонов и отправлено в места назначения 48 400 человек. Находятся под погрузкой 25 эшелонов.

Во время операции никаких эксцессов не имело места. Операция продолжается.

Симферополь

18 мая 1944 г.
Кобулов, Серов

№ 23

По состоянию на 12 час. 19-го мая т. г. подвезено на пункты погрузки спецконтингента 140 000 человек. Из них погружены и отправлены 44 эшелона общим количеством 119 424 человека. Находятся под погрузкой 13 эшелонов. Операция продолжается.

Симферополь

19 мая 1944 г.
Кобулов, Серов

№ 24

По состоянию на 18 часов 19-го мая т. г. подвезено спецконтингента к станциям погрузки 165 515 человек. Отправлены к местам назначения 50 эшелонов численностью 136 412 человек. Операция продолжается.

Симферополь

19 мая 1944 г.
Кобулов, Серов

№ 25

Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая т. г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 180 014 чел., погружено в 67 эшелонов, из которых 63 эшелона численностью 173 287 чел. отправлены к местам назначения, остальные 4 эшелона — будут также отправлены сегодня.

Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6 тыс. татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в гг. Гурьев, Рыбинск, Куйбышев.

Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста «Московуголь» 8000 человек спецконтингента 5000 чел. также составляют татары.

Таким образом, из Крымской АССР вывезено 191 044 лиц татарской национальности.

В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 чел., а всего за время операции 5989 чел.

Изъято оружия в ходе выселения: минометов — 10, пулеметов — 173, автоматов — 192, винтовок — 2650, боеприпасов — 46 603.

Всего за время операции изъято: минометов — 49, пулеметов — 622, автоматов — 724, винтовок — 9888 и боепатронов — 326 887 шт. При проведении операции никаких эксцессов не имело места.

Симферополь

20 мая 1944 г.
Кобулов, Серов

№ 26

Из справки Л. Берии на имя И. Сталина о бывших польских гражданах

На сентябрь месяц 1941 г. было учтено ранее арестованных и высланных в тыловые районы СССР из западных областей Украины и Белоруссии (с территории бывшей Польши) — 389 382 чел.

Из их находились в тюрьмах, лагерях и местах ссылки 120 962, в спецпоселениях (осадники¹² и др.) — 243 106, в лагерях военнопленных — 25 314.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии бывших польских граждан было освобождено из мест заключений, ссылки, спецпоселений и лагерей для военнопленных — 389 041 чел. Не были амнистированы и по состоянию на 1.IX.1942 г. оставались в заключении — 341 чел.

В 1942 г. были эвакуированы в Иран из числа амнистированных, в т. ч. военнослужащих армий Андерса — 76 100, членов их семей — 43 755 чел. Умерли с 1941 по 1943 г. — 11 516 чел. Передано в Польскую армию Берлинга — 36 510 чел....

1 мая 1944 г.
Л. Берия

№ 27

Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину И. В.

После выселения балкарцев среди населения Кабардинской АССР остались семьи активных немецких ставленников, предателей и изменников Родины, добровольно ушедших с немецкими оккупантами.

НКВД СССР проверил имеющиеся на каждую семью компрометирующие материалы, считает целесообразным выселить из пределов Кабардинской АССР в Джамбульскую и Южно-Казахстанскую области Казахской ССР 710 семей, с общим количеством 2467 человек, главы и члены которых являлись активными немецкими ставленниками, предателями и изменниками Родины и добровольно ушли с немцами.

Выселение произвести в таком же порядке, как были выселены карачаевцы, чеченцы и ингуши. Прошу Вашего согласия¹³.

20 мая 1944 г.
Народный комиссар внутренних дел СССР
Л. Берия

Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину И. В.
товарищу Молотову В. М.

После освобождения областей Западной Белоруссии и Литовской ССР от немецко-фашистских захватчиков банды состояли из членов польской Армии Крайовой, литовских националистов (комитет «Литовский национальный фронт»). По приближенным данным, в Белоруссии действуют 80 польских банд.

В Литве — 84 банды, состоящие из контрреволюционных элементов. Широко ведется антисоветская агитация, распространяются листовки. Для ликвидации банд в Литовскую ССР командирован Круглов¹⁴, в Белоруссию — Кобулов. В Белорусскую ССР направляются 13 полков (18 890 чел.) и Литовскую ССР — 5 полков (6020 чел.).

1 декабря 1944 г.
Народный комиссар внутренних дел СССР
Л. Берия

№ 29

Телеграмма

Народный комиссариат внутренних дел СССР
Наркому Берии Л. П.

Прибывшие переселенцы из Грузинской ССР 15% (8 тыс. чел.) не обеспечены продовольствием, одеждой, обувью и прочим. Необходимо выделить 200 т муки, 50 т крупы, 50 тыс. м мануфактуры¹⁵.

10 января 1945 г.
Заместитель наркома внутренних дел Казахской ССР
Меер

№ 30

Народный комиссариат внутренних дел СССР
Начальнику Отдела спецлагерей НКВД СССР
тов. Шитикову

Освобождаемых из спецлагерей калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, крымских татар, армян, болгар, греков, проживавших ранее в Крыму, а также турков, курдов, хемшинов, проживавших ранее в пограничных районах Грузинской ССР, направлять:

- а) калмыков — в распоряжение Управления НКВД по Новосибирской области;
- б) карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей — в распоряжение Наркомата внутренних дел Казахской ССР;
- в) крымских татар, турок, курдов, хемшинов — в распоряжение Наркомата внутренних дел Узбекской ССР.
- г) крымских армян, греков, болгар — в распоряжение Управления НКВД по Свердловской области.

7 февраля 1945 г.
Заместитель наркома внутренних дел СССР
В. В. Чернышев

Справка

Народный комиссариат внутренних дел СССР
Заместителю наркома
тов. Чернышеву В. В.

Караимы в Крыму поселились в X—XI веках, это религиозная секта в иудаизме, опиравшаяся на догматические основы Библии, толкуемой отлично от последователей раввинизма.

Затем крымские караимы сложились в особую народность, говорящую на крымско-татарском языке, и по своим нравам и обычаям почти ничем не отличаются от крымских татар.

Караимы не ограничиваются в правах.

Всего их по состоянию на 10 июля 1944 г. было учтено в Крыму 6357 человек. Лишь некоторая часть их подвергалась переселению как подпадавшая под действие постановлений Государственного Комитета Обороны.

Было бы целесообразным тех караимов, которые переселены, не возвращать в Крым, оставив их на жительство в местах поселений.

Караимам, не подвергавшимся переселению, а их немного, разрешить проживать в Крыму.

Очевидно, караимов переселять с крымскими татарами бесполезно, просим разъяснений¹⁶.

Симферополь

24 марта 1945 г.
Нарком внутренних дел Крымской АССР
В. Сергненко

№ 32—35

Из докладных записок

Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР
тов. Берии Л. П.

№ 32

В августе 1944 г. из Орловской, Воронежской, Рязанской областей были переселены в Алтайский, Красноярский края, Томскую, Тюменскую области 433 семьи (1448 человек) участников активных сектантов организации «истинно-православных христиан» («ИПХ»). В колхозы они не вступают, законов — не признают. Так, в Михайловском районе Тюменской области из 167 работают 8 человек. Необходимы меры по привлечению их к общественно-полезному труду, снять со снабжения всех трудоспособных спецпоселенцев, отказывающихся от работы, привлечь к уголовной ответственности за тунеядство, направить стариков и детей в инвалидные дома.

15 января 1945 г.
М. Кузнецов, В. В. Чернышев

№ 33

На 1 января 1945 г. на спецпоселении в Коми АССР находятся: из Прибалтики и Молдавии 15 816 человек. В IV квартале 1944 г. прибыли спецпоселенцы — бывшие кулаки 39 человек. В декабре 1944 г. прибыли спецпоселенцы члены семей «оуновцев» — 872 человека, высланные из Одессы фольксдойче¹⁷ — 310 чел.

Всего в Коми АССР числятся на учете 7576 семей (19 052 чел.) спецпоселенцев, из них мужчин — 4723, женщин — 7944, детей — 6385.

Среди спецпоселенцев бывших кулаков — 13 977, оуновцев — 3172, спецпоселенцев ссыльных из Прибалтики — 1001 чел., спецпоселенцев-немцев — 942 человека.

Убыло из спецпоселений во втором квартале 1944 г.: освобождены 297 чел., умерло — 331 чел.

В лесной промышленности трудоустроены 11 987 чел., в тресте «Комилес» — 6724 чел., в «Печорлес» — 4887 чел., в сельском хозяйстве — 5039 чел., в других предприятиях — 2125 чел., в Наркомречфлот — 795 чел., Киртранслес — 376.

Всего трудоустроено 7922 чел.

13 февраля 1945 г.
Нарком внутренних дел Коми АССР
Л. Буянов

№ 34

По состоянию на 1 марта 1945 г. вывезено из Украинской ССР и расселено 6365 семей (16 522 чел.), из них: в Архангельскую обл. — 1745 семей (4163 чел.), в Иркутскую обл. — 1350 семей (3601 чел.), в Коми АССР — 1324 семьи (3188 чел.), в Красноярский край — 720 семей (2133 чел.), в Кировскую обл. — 694 семьи (2015 чел.), в Молотовскую обл. — 426 семей (1132 чел.), в Тюменскую обл. — 106 семей (290 чел.). Происшествий и побегов при расселении не было. Прибывшие семьи оуновцев трудоустроены и расселены в лесных промыслах.

13 марта 1945 г.
Начальник Отдела спецпоселений Народного комиссариата внутренних дел СССР
М. Кузнецов

№ 35

В Литовской ССР на 15 марта 1945 г. проведено 2257 чекистско-войсковых операций¹⁸. Ликвидированы 497 бандгрупп, численностью 16 983 чел., убито бандитов 5364 чел., захвачено 10 923 чел., арестовано 31 674 чел., в том числе участников националистического подполья 11 412 чел., задержано дезертиров, уклонявшихся от службы в Красной Армии, 33 670 чел., явились с повинной 9376 человек.

Изъято орудий — 4, минометов — 48, ПТР — 33, пулеметов станковых — 72, пулеметов ручных — 662, автоматов — 912, винтовок — 7606, револьверов и пистолетов — 1229, гранат — 6190, патронов — 1 070 410.

26 марта 1945 г.
Министр внутренних дел СССР
С. Н. Круглов
Начальник Отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР
А. Леонтьев

№ 36

Секретно

Народному комиссару внутренних дел СССР
Маршалу Советского Союза тов. Берии Л.*

На территорию Украинской ССР прибыло из-за границы в порядке репатриации 2214 человек немцев-граждан СССР.

Считали бы целесообразным переселить их в места поселения немцев, в частности, в Коми АССР и в Молотовскую обл., и использовать на работе в местной промышленности. Просим Вашего указания.

20 сентября 1945 г.
Чернышев, Кузнецов

Справка Отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве спецпоселенцев на октябрь 1946 г.

Всего находилось на спецпоселении 2 463 940 чел., из них мужчин 655 674, женщин — 829 084, детей до 16 лет — 979 182.

Наибольшее количество спецпоселенцев расселено: Казахская ССР — 890 698 чел., Узбекская ССР — 179 992 чел., Кемеровская обл. — 129 423 чел., Киргизская ССР — 120 858, Молотовская обл. — 115 436 чел., Свердловская обл. — 113 746, Красноярский край — 112 316 чел., Алтайский край — 35 381 чел., Новосибирская обл. — 92 968 чел., Томская — 83 276, Тюменская — 56 611, Челябинская — 51 865, Омская обл. — 44 767.

В числе спецпоселенцев находились: чеченцы и ингуши — 400 478 чел. (мужчин — 97 441, женщин — 110 818, детей до 16 лет — 191 919), карачаевцы — 60 139 чел. (10 595, 16 860, 32 557); балкарцы — 32 817 чел. (6147, 10 284, 16 386); калмыки — 81 672 (19 506, 24 169, 32 997); крымские татары, болгары, греки — 193 959 чел. (43 135, 68 343, 82 481); немцы — 774 178 (122 336, 296 014, 355 828), мобилизованные немцы — 121 459 чел. (71 207, 50 252), бывшие кулаки — 577 121 (165 519, 203 893, 208 309); турки, курды, хемшины — 84 402 чел. (16 353, 23 277, 44 772); оуновцы — 29 351 чел. (5526, 14 069, 9756); фольксдойче — 2681 чел. (442, 1551, 688), немецкие пособники — 3185 (335, 1557, 1093), истинно-православные христиане — 1212 (102, 659, 451); переселенцы из Литовской ССР 5426 (1170, 2311, 1945); власовцы — 95 386 чел. (95 359, 27).

Распоряжение № 151 начальникам УМВД краев и областей

Министерство внутренних дел республик,
Начальникам УМВД по краям и областям [по списку]

Совершенно секретно

В связи с поступающими запросами МВД СССР предлагает:

Всех бывших сотрудников НКВД—НКГБ и МВД—МГБ, относящихся к национальностям, переселенным навечно в период Великой Отечественной войны (чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы, калмыки, немцы, крымские татары и др.), немедленно взять вместе со всеми членами их семей на учет спецпоселения по месту нахождения в настоящее время.

Объявить под расписку Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпоселенцев» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» названным выше выселенцам и установить в отношении их режим и административный надзор в соответствии с Приказом НКВД СССР № 00246 от 8 марта и № 001445 от 7 декабря 1945 г. Об исполнении сообщить.

12 марта 1949 г.

Зам. министра внутренних дел СССР
генерал-майор Рясной

Телеграмма

Народный комиссариат внутренних дел
СССР заместителю наркома генералу
В. В. Чернышеву

Проследовал эшелон с балкарцами «Северный Кавказ-455», прибыл на Омскую железную дорогу. Балкарцы доставлены в 14 эшелонах с числом пассажиров 37 618 человек, а разместить их предполагаем: в Алма-Атинской области — 5541 чел., во Фрунзенской — 5416 чел., Иссык-Кульской — 2702, Южно-Казахстанской — 5278, Омской — 5521, Семипалатинской — 2742, Джалал-Абадской — 2650, Павлодарской — 2614, Акмолинской — 5124 человека.

23 марта 1949 г.
Начальник Отдела перевозок НКВД СССР
Аркадьев

№ 40

**Справка о трудовом использовании выселенцев
и спецпоселенцев по отраслям народного хозяйства**

В сельском хозяйстве — 770 748 чел., в том числе:
в совхозах — 110 263; в угольной промышленности — 160 780 чел., в лесной и бумажной промышленности — 128 548 чел., в местной промышленности — 52 223 чел., в металлургической — 34 598 чел., в золотодобывающей и на других предприятиях и стройках МВД СССР — 118 046 чел., в железнодорожном строительстве МПС — 20 378 чел., в легкой промышленности — 19 568 чел., в машиностроении — 17 882 чел., в рыбной промышленности — 13 210 чел., в торговых организациях — 8580 чел., в промышленности стройматериалов — 11 811 чел., в химической — 6892 чел., в других отраслях народного хозяйства — 115 981 чел. Всего по отраслям народного хозяйства СССР — 1 483 089 чел.

январь 1950 г.
Министр внутренних дел СССР
С. Круглов

№ 41

**Распоряжение Сталина
от 3 декабря 1952 г. № 31514 рс**

Копия. Совершенно секретно.
Совет Министров СССР
Москва. Кремль.

1. Предоставить право Министерству государственной безопасности СССР снять с учета спецпоселенцев освобожденных от работы на предприятиях Комбината № 6 Второго главного управления при Совете Министров СССР и строительстве № 665 Министерства внутренних дел СССР спецпоселенцев-«власовцев» в порядке, установленном Постановлением Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г. № 3857—1763.

2. Обязать Совет Министров Киргизской ССР и Узбекской ССР по согласию с Министерством госбезопасности СССР трудоустраивать на работе в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве республик в местах поселений лиц, оставленных на спецпоселение навечно, по мере освобождения их от работы на Комбинате № 6 и строительстве № 665.

3. Установить, что впредь при высвобождении спецпоселенцев от работы на предприятиях Комбината № 6 и строительстве № 665 в отношении спецпоселенцев-«власовцев» руководствоваться порядком, установленным в п. 1, а в отношении выселенных навечно — п. 2 настоящего распоряжения.

Председатель Совета Министров СССР
И. Сталин

№ 42—43

Указы Президиума Верховного Совета СССР

№ 42

О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны.

Учитывая, что осуществление ограничений в правовом положении находящихся на спецпоселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа, в дальнейшем не вызывает необходимости, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа.

2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. Пегов

Москва. Кремль
16 июля 1956 г.

№ 43

О снятии ограничений с граждан СССР азербайджанской национальности, переселенных в 1944 г. из Грузинской ССР и в связи с тем, что при переселении в 1944 г. из Аджарской ССР, Ахалцихского, Ахалкалакского, Адигеновского, Аспиндзского, Богдановского районов Грузинской ССР оказались неправильно переселенными граждане азербайджанской национальности, на которых впоследствии были распространены ограничения по перемещению, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять все ограничения с граждан азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Аджарской АССР, Ахалцихского, Ахалкалакского, Адигеновского, Аспиндзского, Богдановского районов Грузинской ССР в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР.

2. Принимая во внимание, что районы Грузинской ССР, откуда производилось переселение граждан азербайджанской национальности, в настоящее время заселены, а возможностей к размещению и хозяйственному устройству их в других районах республики по заявлению правительства Грузинской ССР отсутствуют, предоставить право этим гражданам по их желанию переселиться на постоянное жительство в Азербайджанскую ССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

Москва. Кремль
31 октября 1957 г.

- ¹ Справка составлялась В. В. Шияном более десяти лет спустя после депортации корейцев. Однако автор ее, судя по всему, не поинтересовался архивами, которые свидетельствуют, что в результате многочисленных обсуждений, дискуссий был издан приказ наркома внутренних дел СССР Л. Берия от 2 июня 1945 г., согласно которому советские корейцы были взяты на учет как спецпоселенцы. Все меры по ужесточению проживания распространялись и на них. Корейцев было депортировано более 122 тыс.
- ² Указ распространялся на немцев, проживающих в Автономной республике немцев Поволжья, в Саратовской и Сталинградской областях, — 438 280 человек (по другим источникам — 446 480). Остальные немцы, которых насчитывалось более 800 тыс., проживали дисперсно в других республиках, краях и областях СССР. По каждому из регионов принимались постановления, указы, распоряжения ГКО, СНК и т. д.
- ³ Данные не подтверждаются.
- ⁴ Полный текст доклада был подготовлен 6 февраля 1944 г. Как отмечается в сводках Отдела спецпоселений НКВД СССР, в так называемый «период первых эшелонов» из Карачаевской автономной области были отправлены 62 842 карачаевца, из них 37 249 взрослых. Указ Президиума Верховного Совета СССР (1115—13) о выселении карачаевцев был принят 12 октября 1943 г., постановление СНК СССР (1118—342 сс) — 14 октября 1943 г.
- ⁵ По данным отчетов Отдела спецпоселений НКВД СССР в «период первых эшелонов» было переселено 310 630 чеченцев и 81 100 ингушей.
- * Фамилия неразборчива.
- ⁶ Операция по выселению балкарцев была начата 8 марта 1944 г.
- ⁷ В Чечено-Ингушетии.
- * По выселению чеченцев и ингушей.
- ⁸ Военная контрразведка СССР.
- ⁹ Приказ издавался в связи с активизацией террористических выступлений на территории Кабардино-Балкарии в первой половине 1944 г. 21 мая 1944 г. генерал Б. З. Кобулов, направляясь из Крыма в Грозный, послал из Ростова-на-Дону телеграмму на имя Берия, в которой извещал, что в связи с усилением выступлений бандповстанческих элементов, в том числе и в Кабардино-Балкарии, им будет взята мотострелковая Московская дивизия в составе трех полков (2 полка — в г. Грозный, 1 — в Дагестан). «Я счел бы необходимым, — телеграфировал Кобулов, — взять из Крыма также 170-й полк внутренних войск, который ранее дислоцировался в Кабарде, имеет опыт работы в горах и был бы весьма полезным для предстоящих мероприятий». Надо отметить, что 170-й полк был направлен по приказу Берия в Ташкент.
- * На документе имеется пометка о том, что с отчетом были ознакомлены Л. П. Берия, Л. М. Каганович, В. Н. Меркулов, Б. З. Кобулов.
- ¹⁰ Во исполнение приказа на территории области были образованы 7 оперативных секторов, выделено 20 тыс. войск НКВД СССР.
- ¹¹ Обвинение в предательстве, действительно совершенном отдельными группами крымских татар, было необоснованно распространено на весь крымско-татарский народ.
- ¹² Осадники — переселенцы из Польши, характеризуются в документах НКВД как бывшие военнослужащие Польской армии, выполнявшие в Польше полицейские функции. Проживали на территории областей Западной Украины и Западной Белоруссии.
- ¹³ 20 июня 1944 г. Кобулов сообщал Берии: «Операция по выселению бандпособников, изменников родины, предателей, членов их семей и ушедших с немцами с территории Кабардино-Балкарии проведена. Отправлены 605 семей — 2051 человек: из Нальчика — 470 семей (1651 чел.), из Прохладной — 63 семьи (187 чел.), из Муртазово — 72 семьи (203 чел.). Отбыл эшелон из 53 вагонов. Остались исключенными из списков выселяемых родственники служащих в Красной Армии, старики более 70—90 лет».
- ¹⁴ Начальник Отдела спецпоселений НКВД СССР.
- ¹⁵ Следует отметить, что СНК СССР уже 20 января 1945 г. издал распоряжение № 942рс об отпуске переселенцам из Грузии 851 т муки и 213 т крупы. Депортация из Грузии проводилась на основе постановления ГКО (№ 6279сс) от 31 июля 1944 г. и приказа НКВД СССР № 001176 от 20 сентября 1944 г. К 16 час. 17 ноября 1944 г. из Грузинской ССР было отправлено 81 324 турка, курда и хемшина, а всего было переселено к концу 1944 г. 94 955 представителей названных национальностей.
- ¹⁶ Из ответа зам. наркома НКВД СССР В. В. Чернышева наркому внутренних дел Крымской АССР от 2 апреля 1944 г.: «С Вашим предложением о каринах НКВД СССР согласен. Соответствующие указания по этому вопросу Отделу спецпоселений НКВД СССР даны. Карамы, за некоторым исключением, были оставлены в Крыму.
- ¹⁷ Фольксдойче — лица, добровольно принявшие гражданство фашистской Германии.
- ¹⁸ Акции по переселению народов Прибалтики продолжались до начала 50-х гг.
- * На документе имеется виза и подпись: «Согласен, Л. Берия. 25.IX».

АМЕРИКАНСКИЕ СОЛДАТЫ В СИБИРИ

Поводом для очередного опроса в американском штате Миннесота послужила круглая дата: в августе 1988 г. исполнилось 70 лет с того момента, когда американские солдаты, принявшие участие в совместной с японцами интервенции в Сибири, высадились во Владивостоке. Проведенный исследовательской организацией «Миннесота полл» опрос дал результат, которому не следует удивляться. Выяснилось, что 73% американцев не знают о том, что после победы Октябрьской революции войска Соединенных Штатов в течение 21 месяца находились на территории России, выполняя отнюдь не миротворческую миссию. Комментируя итоги опроса, газета «Миннеаполис стар энд трибюн» отметила: «Упоминания об этой интервенции сегодня не встретишь ни в одном выступлении вашингтонских деятелей, не найдешь его и в школьных учебниках»¹.

Какую-то часть вины за эту неосведомленность американской публики несет и академическая наука Соединенных Штатов, хотя в ее активе есть и серьезные в профессиональном отношении исследования, дающие в целом достоверную картину того, как Соединенные Штаты совместно с Англией, Францией и Японией, в нарушение международных принципов, встали на путь вмешательства в гражданскую войну в России. Да, разумеется, в США опубликованы серьезные в научном плане и внушающие доверие труды на эту тему. Но наряду с ними есть и другие, в которых появление американских солдат в Сибири и на Севере нашей страны в 1918 г. изображается в виде незначительного эпизода или досадного недоразумения, случившегося в силу нежелания США конфликтовать с союзниками, вынудившими-де Вашингтон впутаться в эту историю, хотя он и оговорил свое участие в карательной операции выполнением чисто «вспомогательных» функций — помощь в эвакуации чехословацкого легиона из России, охрана коммуникаций и складов, оказание технического содействия в связи с разрухой на транспорте и т. д. Со злой иронией, отклоняя эту версию о негrehовном поведении Соединенных Штатов, та же газета «Миннеаполис стар энд трибюн» резонно заметила: «Советские историки оценивают решение президента Вильсона послать войска в Россию как открытый акт агрессии. И действительно, какие чувства испытал бы, к примеру, президент Линкольн, если бы в разгар гражданской войны в Америке там высадились иностранные войска, а их командование заявило бы: „Не обращайтесь на нас внимания, мы просто будем обеспечивать перевозку грузов по железной дороге“?»²

В правдоподобии официальной версии, согласно которой военное присутствие американцев в Сибири не преследовало целью свержение Советского правительства, одним из первых усомнился генерал У. Грэвс, назначенный командующим американскими вооруженными силами, участвовавшими в 1918—1920 гг. в совместной японо-американской интервенции в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. С течением времени это сомнение переросло в острое чувство неловкости и стыда за совершенную его правительством непростительную ошибку. Изданные Грэвсом в 1931 г. мемуары-исповедь (в переводе на русский язык вышли в Советском Союзе в 1932 г.³) сполна передают это чувство. В них приоткрыта завеса над тайной, окружавшей организацию интервенции против Советской России. По вполне понятным причинам Грэвс в своей книге был не всегда последовательным и откровенным. Подвергнув себя в ряде случаев самоцензуре, он вольно или невольно делал уступки правительственной версии «сибирской экспедиции», с которой, судя по всему, сам не был согласен.

Сейчас благодаря введению в научный оборот новых архивных данных нам известно неизмеримо больше, чем было возможно и, прямо скажем, считалось допустимым знать об этом во времена Грэвса. Публикуемые ниже новые документы из коллекции Гуверовского института войны, мира и революции проливают дополнительный свет на события той фазы в истории вмешательства США и их союзников во внутренние дела России, которая была связана непосредственно с военным вторжением сил интервентов на территорию Советской страны и организацией под их эгидой подобия единого фронта из пестрых и соперничающих друг с другом контрреволюционных группировок — колчаковцев, белочехов, казачьих атаманов и т. д.

Предлагаемые вниманию читателя документы, относящиеся, условно говоря, к классу штабных донесений, нуждаются в кратких предварительных замечаниях. Сначала напомним, что угроза интервенции на Дальнем Востоке возникла весной 1918 г., хотя, судя по всему, решение о вмешатель-

стве в «русские дела» было принято в Вашингтоне в первые недели 1918 г., т. е. задолго до того, как в Сибири начался контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса (конец мая 1918 г.*), к подготовке которого американцы также приложили руку. У президента В. Вильсона и у многих его ближайших советников были серьезные колебания и даже опасения оказаться втянутыми в трясины безнадёжной военной авантюры, но в конечном счете возобладало стремление нанести поражение большевизму и поставить заслон распространению его влияния на другие страны. Интервенцию готовили исподволь, одновременно делая заявления о дружественном расположении к народам России и сочувствии их страданиям. Именно в это время В. И. Ленин в «Тезисах о современном политическом положении» (написанных 12 или 13 мая 1918 г.) отмечал: «... Усилилось прямое наступление контрреволюционных войск (Семенова и др.) при помощи японцев на Дальнем Востоке, а в связи с этим ряд признаков указывал на возможность соглашения всей антигерманской империалистической коалиции на программе предъявления России ультиматума: либо войю с Германией, либо нашествие японцев при нашей помощи»⁴. До совместного ультиматума дело не дошло, но слова об угрозе применить силу были сказаны.

6 июля 1918 г., в тот самый день, когда в Москве было совершено убийство германского посла Мирбаха и поднят мятеж девых эсеров, в Белом доме на секретном совещании принимается окончательное решение об интервенции (совместно с Японией) в Сибири. Случайное совпадение? Возможно. Но тогда почему это решение, объявляющее о желании США ограничиться оказанием помощи белочехам в их продвижении по Транссибирской магистрали и подкрепленное заверением не вмешиваться во внутренние дела России, не было обнародовано тогда же, 6 или 7 июля? Ждали, что все решится само собой. Советское правительство будет низложено, и, таким образом, отпадет необходимость военного вмешательства? Именно на такое предположение наталкивает сам факт уведомления только 17 июля американским правительством сначала союзников, а затем, много позднее, 3 августа 1918 г., и всех остальных посредством заявления для печати о переходе США к новому курсу в «русском вопросе» — к военному вмешательству. Но как бы то ни было, сразу же обнаружились два лика американской политики в русских делах: один — для всеобщего обозрения, запечатлевший торжественное обещание не ущемлять суверенитета народов России, и другой — так сказать, с теневой стороны, являющий собой неприятие того выбора, который был сделан этими народами в Октябре 1917 г.

Администрация Вильсона неизбежно должна была понести моральные издержки в связи со своим решением направить войска в Сибирь в то время, когда США не находились в состоянии войны с Советским государством и не получали просьбы об оказании «помощи» ни от одной из противоборствующих сторон. Это обстоятельство вызвало понятное желание правительства в Вашингтоне замаскировать подлинные причины интервенции. «Я должен признать,— писал в своих мемуарах генерал У. Грэвс,— что основания для интервенции Соединенных Штатов, изложенные 3 августа 1918 г., не откровенны и неполны»⁵. Сказано, конечно, слишком мягко, коль скоро сам Грэвс признавал, что дипломатические представители США в России действовали сообразно неписаным инструкциям Госдепартамента, которые предполагали оказание помощи контрреволюции с целью достижения ею военного превосходства над Советами. Мы располагаем сегодня свидетельством того (см. документ № 1), что именно такими неписаными инструкциями, а не принципом невмешательства руководствовались полномочные представители дипломатического ведомства США на территории России. Об этом языком дежурной записи в дневнике происшествий поведал помощник военного атташе в России майор Х. Х. Слоутер, направлявшийся из Челябинска в Самару. Эта запись была сделана 6 августа 1918 г. после беседы Слоутера с генеральным консулом Соединенных Штатов Америки в Иркутске Гаррисом. К тому времени командующий американскими войсками на Филиппинах уже получил приказ об отправке первого контингента военнослужащих США во Владивосток. Пока солдаты плыли на транспортных судах, в американских миссиях, обосновавшихся в сибирских городах, обсуждались планы их использования, в том числе и в военных санкциях против большевиков.

Консул Гаррис и военный разведчик Слоутер были людьми, чьи представления о миссии США в сложившейся ситуации были отмечены печатью самонадеянности. Никаких колебаний, ни грана сентиментальности: США держат в своих руках все нити контроля за положением в Сибири, и они не намерены уступить свое верховенство никому другому. Сомнений в том, что совместный поход стран Антанты и внутренней контрреволюции увенчается успехом, ни у того, ни у другого не было никаких. Как далеко могли зайти в своих действиях интервенционистские силы — это центральный пункт записки Слоутера, — всецело определялось военной обстановкой. Никаких других ограничите-

лей для обоих собеседников не существовало, хотя оба они прекрасно были осведомлены о сделанном двумя неделями раньше официальном заявлении Вашингтона⁶.

И, напротив, вполне допустимо, что генерал У. Грэвс, неожиданно для самого себя назначенный командующим американскими войсками в Сибири, не был детально осведомлен о тех широких стратегических замыслах, с которыми в Белом доме и в госдепартаменте связывали «сибирскую экспедицию». «Я командовал войсками Соединенных Штатов, посланными в Сибирь,— писал он в мемуарах,— и должен признать, что не знал, чего, собственно, Соединенные Штаты пытались достичь путем военной интервенции»⁷. В пользу этого утверждения, возможно, говорит малочисленность военного контингента США, высадившегося во Владивостоке (чуть больше 10 тыс. солдат), но Соединенные Штаты не собирались действовать изолированно, в одиночку, а в этом случае любые благие намерения легко могли превратиться (о чем Грэвс не мог не знать) в свою противоположность.

Публикуемые ниже в хронологическом порядке штабные документы в большинстве случаев подписаны самим Грэвсом или его подчиненными и датированы 1918 и 1919 гг. Читая их, можно убедиться в том, что взаимодействие американцев и японцев в ходе «сибирской экспедиции» (особенно на первых порах) было весьма тесным, а между тем японцы (так же, как, впрочем, англичане и французы) с самого начала не скрывали, что основной целью интервенции была борьба с Советами. Не сомневаясь в конечном счете в достижимости этой цели, командование американского контингента без колебаний встало под штандарты армии вторжения. Ядро этой армии составляли японцы. Используемые ими методы «навязывания порядка» никак не согласовывались с официальной декларацией правительства США об уважении выбора русского народа. Опасение оказаться надолго втянутыми в кровавую авантюру, к тому же обреченную на провал, возникло позднее, после поражения колчаковской армии и развала многочисленных антисоветских правительств и диктатур. Донесение о прибытии первого отряда американских войск во Владивосток из Манилы (см. документ № 2) характерно своим настроением — оптимистический, бравый тон, безоговорочное присоединение к планам японского командования, признание их обоснованности. Датировано оно 15 августа 1918 г.— днем высадки.

Генерал Грэвс с основным контингентом американских войск на транспорте «Томас» прибыл во Владивосток 1 сентября 1918 г. и сразу же обнаружил, что оптимизм относительно быстрого «искоренения большевиков» в Сибири не оправдан, а армию интервентов ожидают здесь трудные испытания с непредсказуемым исходом. Хуже всего было то, как он считал, что жестокость интервентов и находившихся под их контролем белогвардейских атаманов вызвала бурное негодование местного населения повсюду, куда бы ни вступали японские и американские солдаты по мере их продвижения от Владивостока к Благовещенску и создания гарнизонов в больших и малых городах Восточной Сибири. Нужно отдать должное Грэвсу — он, как и другие американцы, непосредственно участвовавшие в сибирской экспедиции, «раскусил», что грубое вмешательство в дела народов России не принесет лавров Соединенным Штатам. Этим, собственно, и было вызвано нарастание скептицизма в его оценках сложившейся в Сибири ситуации и разочарование от общения с «умиротворителями» типа атамана Семенова, которого сам Грэвс называл убийцей и беспутным негодяем. Доклад Грэвса в военное министерство в Вашингтоне от 1 октября 1918 г.— красноречивое подтверждение далеко не однозначного отношения американских военных к сибирской экспедиции (см. документ № 3).

Сознание неизбежности провала всей «сибирской экспедиции» союзников, несмотря на временные успехи одетых, обутих и вооруженных ими контрреволюционных сил зимой 1918 г. и весной 1919 г., привело Грэвса в мрачное состояние духа. Легкой прогулки не получилось, дело принимало неожиданный оборот, и опасность вовлечения американских частей в широкомасштабные операции против Красной Армии вместе с японцами и купленными ими предводителями различных банд, наводивших ужас на сибирских крестьян, представлялась ему уже неотвратимой реальностью. Грэвс проявил прозорливость, что навлекло на него гнев Вашингтона и вообще стоило ему многих неприятностей. Но у него достало мужества в своих донесениях высказать трезвое понимание обстановки в Сибири, невзирая на раздражение дипломатического ведомства и большой прессы США, продолжавших верить, что Колчак, имея за спиной японцев, американцев и белочехов, сокрушит большевиков. Рискуя карьерой и не убоившись быть обвиненным в симпатиях к большевизму, Грэвс одним из первых в Америке произнес: «Нужно выходить из игры». Первоначальный план не удался — партнеры по «экспедиции» (в особенности японцы) не признавали руководящей политической роли, которую Америка намерена была осуществлять в Восточной Сибири, раздоры

и подозрительность в отношении взаимных притязаний не оставили и следа от той почти ритуальной предупредительности друг к другу, которой они обставляли свои первые шаги на сибирской земле. Столкнувшись с непреодолимыми трудностями, Грэвс сделал свой выбор, который ему подсказала военная ситуация и нарастающее сопротивление народа Сибири омскому правителю.

21 марта 1919 г. командующий американскими экспедиционными войсками шлет в Вашингтон донесение, которое бесповоротно делало его решительным сторонником разрыва с прежней линией тесного сотрудничества с японцами и поддержки Колчака. По убеждению Грэвса, эта линия превращала США в заложника абсолютно безнадежной стратегии, не сулившей ничего, кроме неразрешимых проблем и поражений (см. документ № 4).

С доводами Грэвса относительно немедленного вывода экспедиционных сил США из Сибири в Вашингтоне не согласились, но они вскоре были подкреплены разгромом Колчака, развалом всех антисоветских формирований в Сибири и резким обострением внутренней ситуации в самих Соединенных Штатах, где нарастало движение за вывод американских солдат из Советской России. 1 апреля 1920 г. основная часть экспедиционного корпуса США, погрузившись на военные транспорты, покинула Владивосток. Японцы эвакуировали свои войска из Владивостока к 25 октября 1922 г. Последний отряд американских солдат, занимавший остров Русский (под Владивостоком), по требованию главнокомандующего Народно-революционной армии Дальневосточной Республики И. П. Уборевича был снят крейсером «Сакраменто» и направился к берегам Соединенных Штатов в ноябре 1922 г.

В. Л. Мальков

* * *

№ 1

Заявление, сделанное мне в Челябинске американским Генеральным консулом Гаррисом 6 августа 1918 г. перед моим отъездом в Самару в качестве последних указаний:

«Чехи — наши союзники, они также союзники Франции и Англии; все, что они делают при чрезвычайных обстоятельствах или в связи с непосредственными требованиями военной обстановки, мы одобряем и будем их поддерживать. (Комментарий Гарриса: Для нас это единственный способ контролировать политические события здесь в настоящее время. — Х. Х. С.). Именно таким путем, по мнению Буржуа⁸ и моему собственному мнению, можно помочь развитию политической ситуации в России.

Вы можете сообщить об этом чехам по Вашему усмотрению. Я буду беседовать с Павлу⁹ сегодня и полагаю, что нам удастся сделать так, чтобы Гинэ¹⁰ и Жанен¹¹ не попали по ошибке в ложное положение. Мы знаем нашего президента, мы знаем нужды союзников и мы знаем, как и Гинэ, что Соединенные Штаты сейчас диктуют политику союзников в России и в Европе — в политическом плане.

В России Соединенные Штаты будут расходовать живую силу и деньги под руководством компетентных людей. Буржуа и я полностью сходимся во взглядах, и я восхищен им безмерно.

* * *

Я записал это заявление, когда г-н Гаррис завтракал, и, хотя я помнил об этом разговоре, я считал, что потерял все записи о нем, пока не обнаружил этот документ среди прочих бумаг 20 декабря 1919 г.

Х. Х. Слоутер, майор пехоты

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. William S. Graves Papers. Box 1. Statement of the American Consul General Harris, August 6, 1918.

Штаб американских экспедиционных войск в Сибири
Владивосток, 15 августа 1918 г.
Меморандум

Секретно

1. Наш транспорт подошел ко входу в Восточный Босфор в 14 час. 25 мин, где он был встречен двумя японскими эсминцами, эскортировавшими нас в бухту, а также катером с «Бруклина», на борту которого находился капитан Олтхаус, начальник штаба. Поднявшись на борт, он вручил служебную записку, которая прилагается (приложение А). Он был ознакомлен с полученными нами приказами и оценкой обстановки (приложение В). После швартовки к пирсу в 17 час. 37 мин. с визитом к адмиралу Найту ¹² прибыли полковник Стайер и прикомандированные штабные офицеры. Адмирал Найт одобрил оценку обстановки и договорился об официальных встречах с командующими союзными войсками. Адмирал Найт заявил, что он готов выделить для связи офицера морской пехоты и передать во временное пользование десантные орудия с «Крука» в случае, если они потребуются.

2. В 16 час. 00 мин. мы покинули флагманский корабль. Полковник Стайер, полковник Моррис, полковник Лэндон, полковник Уинфри, майор Аллен, майор Бэрроуз и капитан Олтхаус направились инспектировать казармы, предназначенные для размещения американских войск. Полковник Стайер, полковник Лэндон, полковник Моррис, подполковник Уинфри, майор Аллен и майор Бэрроуз в сопровождении капитан-лейтенанта Паттерсона с «Бруклина» посетили командира японского отряда генерал-лейтенанта Ои в его штабе. Нас встретил генерал-майор Накадзима, который и представил нас генералу Ои. Беседа велась на французском языке через генерала Накадзиму, выступавшего в качестве переводчика генерала Ои. После обмена приветствиями полковник Стайер спросил, не выскажет ли генерал Ои как старший по званию какие-либо предложения относительно того, как лучше всего наладить сотрудничество между ними. Генерал Ои ответил, что он располагает информацией о том, что в субботу вечером или утром в воскресенье, 18 августа 1918 г., прибывает генерал Отани и что по просьбе американского правительства генерал Отани назначен главнокомандующим. Полковник Стайер ответил, что он не имеет информации об этом, но что он, разумеется, был бы рад сотрудничать и выразил свое удовлетворение в связи с перспективой службы под командованием генерала Отани. Генерал Ои заявил, что он не имеет указаний отдавать приказы, однако сам он, учитывая ожидаемое в ближайшее время прибытие генерала Отани, хотел бы предложить, чтобы американские войска не предпринимали никаких определенных передвижений до прибытия главнокомандующего, когда ему могут быть изложены пожелания командующего американскими войсками, и он примет решение. Генерал Накадзима предложил выделить офицера связи при штабе генерала Отани. Полковник Стайер ответил, что назначение офицера связи входит в компетенцию генерала Грэвса, который будет присутствовать на совещаниях. Генерал Накадзима заявил, что прибывшие японские войска должны быть размещены вдоль железной дороги между Владивостоком и Никольском. Генерал Накадзима опроверг слух о трагедии с британским отрядом и заявил, что Уссурийский фронт представляется надежным, хотя противник усилил свой левый фланг, перебросив сюда несколько новых эшелонов (4) с локомотивами, одеждой и броней. На этом беседа закончилась.

3. Полковник Стайер, полковник Моррис, полковник Лэндон, подполковник Уинфри и майор Бэрроуз посетили в 18 час. генерал-майора Дитерихса ¹³, командующего чехословаками. После приветствий полковник Стайер заявил через капитан-лейтенанта Паттерсона, выступавшего в качестве переводчика с французского, что он прибыл, чтобы предоставить себя и вверенные ему войска в распоряжение генерала; далее он заявил, что посетил генерал-лейтенанта Ои и запросил информацию относительно использования вверенных ему войск. Генералу Дитерихсу были повторены заявления генерала Ои, изложенные выше. Генерал Дитерихс зачитал последнюю сводку с фронта (телеграмма была получена во время беседы) и разъяснил цели противника и его войск на Северном фронте. Он подчеркнул потребность в людях и особенно в артиллерии, заявив, что из-за нехватки того и другого его силы были вынуждены несколько отойти. Генерал предложил созвать на следующий день совещание командующих союзными войсками, чтобы обсудить и разъяснить сложившееся положение и возможные способы использования американских войск.

Генерал был информирован, что американские войска могут быть использованы всецело по его и генерала Он усмотрению.

5. Генерал Дитерихс выразил огромную радость и удовлетворение в связи с прибытием американских войск с целью усиления его позиций и заявил, что он сам видел, как его люди, собравшиеся около транспортного судна, открыто радовались прибытию американцев.

6. Генерал был информирован, что на подходе новые американские части ¹⁴.

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. William S. Graves Papers. Box 1. Headquarters American Expeditionary Forces, Siberia, Vladivostok. August 15, 1918.

№ 3

1 октября 1918 г.

Начальнику штаба армии США,
Вашингтон, округ Колумбия ¹⁵

Положение в Сибири

1. Пробыв здесь четыре недели, я попытался дать, насколько это в моих силах, оценку положения, сложившегося здесь на сегодняшний день.

2. Полученные мною указания относительно помощи чехам при изменении условий, а также конкретные инструкции вполне ясны для меня.

3. Вопрос относительно того, что может быть сделано в плане оказания помощи русскому народу по восстановлению государственной власти, является очень сложным. Мне не удалось обнаружить вселяющий доверие объект приложения сил и средств для оказания какой-либо военной помощи. Генерал Семенов находится фактически на содержании у японского правительства. Его начальник тыла информировал об этом моего начальника разведки. Теперь он утверждает, что не желает больше получать помощь от японского правительства, а хочет, чтобы его поддержало правительство Соединенных Штатов. Я склонен считать, что эта позиция вызвана, с его стороны, тем обстоятельством, что японское правительство, вероятно, не желает больше оказывать ему такую поддержку, на которую он рассчитывал. Здесь все говорят, — и я полагаю, что это соответствует действительности, хотя я и не могу подтвердить это фактами, — что генерал Хорват также получает жалованье от японского правительства.

4. Генерал Дитерихс, которого я считаю одним из лучших русских генералов, известных мне лично, получает в настоящее время небольшую поддержку от французского правительства. Генерал Пари просил меня предложить правительству Соединенных Штатов присоединиться к союзникам в предоставлении генералу Дитерихсу вооружения, обмундирования, техники, боеприпасов и т. д. из расчета примерно на 85 тысяч человек. Я информировал генерала Пари, что прежде чем я смогу поставить этот вопрос перед Вашингтоном, я должен знать, каковы планы генерала Дитерихса и в каких целях он предполагает использовать эти войска; я хочу также знать, действует ли генерал Дитерихс совершенно независимо от всех русских властей или же он считает себя подчиненным Центральному Сибирскому правительству, находящемуся в Омске, и действует в соответствии с его указаниями. Я не получил никакой информации на этот счет от генерала Пари, который сейчас отбыл на Запад вместе с генералом Гайдой. Я полагаю, что, несомненно, цель генерала Пари заключалась в том, чтобы получить поддержку союзников в мобилизации сил в интересах создания Восточного фронта.

5. Мне представляется, что русские, оказавшиеся у власти, настолько не уверены в своем положении, что готовы согласиться на любое предложение, способное избавить их от сложившихся ужасных условий, в которых они вынуждены находиться. Сообщения со всех концов Сибири убедительно показывают, что русские люди проявляют больше доверия к заявлениям Соединенных Штатов, чем к заявлениям любой другой союзной страны и относятся более дружелюбно к американским войскам, чем к войскам любой другой союзной страны.

6. Я опасюсь, что наше тесное сотрудничество с японцами на линии Уссури на севере приведет к известной утрате тех добрых чувств, которые местное население проявляет по отношению к Амери-

ке. Мы полностью сотрудничали с японцами в ходе их продвижения к Хабаровску и Благовещенску. Обычаи японской армии, по всей видимости, отличаются в некоторых отношениях от тех обычаев, которых придерживаемся мы, вступая в какой-либо город. Командир 27-го пехотного полка говорил мне, что русские обращались к нему с просьбой возместить ущерб, нанесенный действиями японских войск. Весьма вероятно (и я полагаю, что именно так и случится), что действия японских войск, с которыми мы столь тесно связаны, в ближайшее время будут рассматриваться русским населением как действия союзных нам войск, а вслед за этим не будет уже проводиться никакого различия, совершены ли подобные действия японскими или американскими войсками. Если представится возможность направиться в Харбин, как вы упомянули в своем № 26, я надеюсь выбраться из этого затруднительного положения, переведа в Харбин войска, сейчас взаимодействующие с японцами.

7. Если только железная дорога не будет открыта и не будет эксплуатироваться на деловой основе, я не могу себе представить, каким образом люди выдержат зиму. Все это, очевидно, не беспокоит русских, и не видно признаков, что они предпринимают какие-либо энергичные или решительные усилия для подготовки к зиме.

8. Высказанные выше отдельные соображения делаются мною с полным пониманием того, что в них нет конструктивных рекомендаций или информации для военного министерства, но я тем не менее излагаю их с тем, чтобы министерство имело в своем распоряжении оценку обстановки, какой я ее вижу. Я делаю это сейчас, потому что имею возможность переслать свой доклад в Соединенные Штаты прямым образом на борту «Шеридана». Он отплывает в четверг.

У. С. Гр э в с, генерал-майор,
командующий американскими
экспедиционными войсками в Сибири

*Hoover Institution on War, Revolution and Peace. William
S. Graves Papers. Box 1. W. S. Graves to the Adjutant
General of the Army. Washington, D. C. October 1, 1918.*

№ 4

Владивосток, 21 марта 1919 г.
Начальнику штаба армии США,
Вашингтон, округ Колумбия¹⁶

Положение в Сибири

1. Положение здесь становится настолько острым, что, по моему мнению, вполне вероятно, что Соединенные Штаты окажутся втянутыми в дело, которое, по многим признакам, обещает стать серьезным. В соответствии с полученными мною указаниями и в соответствии с моими убеждениями, если бы я вообще не имел никаких указаний, я пытался избежать вмешательства во внутренние дела русского народа. Однако в ходе проведения этого курса встречаются многочисленные трудности. Японцы, бесспорно, опасаются, что Соединенные Штаты захватят плацдарм в Сибири, а их замыслы помешать Соединенным Штатам отличаются предельной грубостью. Они практически купили казачьих атаманов к востоку от озера Байкал, а также вооружили и оснастили войска, действующие под командованием этих казачьих атаманов. Применяя террористические методы, о которых говорится в приложениях (А, В, С и D), эти казаки восстановили против себя практически всех крестьян. Казачьи атаманы, особенно Иванов-Ринов, запрещают любые издания, в которых не поддерживается полностью их политика, а японцы, в этом не приходится сомневаться, субсидируют некоторые газеты, особенно «Дальний Восток», развернувшие кампанию против Соединенных Штатов.

2. Крестьяне считают — и вполне обоснованно, — что если бы здесь не было союзных войск, то не было бы и жестоких зверств, которые творятся сейчас. Естественно, поскольку Соединенные Штаты имеют здесь свои войска и вносят свой вклад в происходящие события, возмущение местного населения распространяется и на Соединенные Штаты. Большевики, разумеется, в полной мере используют эти зверства в своих целях. Их лидеры говорят крестьянам, что единственным шансом

избежать этих расправ является присоединение к ним и что позже они возьмут в свои руки контроль над всей Сибирью. Крестьяне, доведенные до отчаяния, несомненно, присоединятся к любому, кто пообещает извинить их от зверств со стороны казаков.

3. Японцы и казаки атаманы постоянно пытаются заставить всех поверить, что большинство их затруднений вызвано присутствием американских войск в Сибири. Я уже высказывался во Владивостоке и других местах, что американские войска не должны принимать никакого участия в этих столкновениях и что они не могут использоваться для защиты любой из сторон в случае конфликта. Японцы и казаки, несомненно, считают, что если им удастся добиться, чтобы большевики выступили против американских войск, Соединенные Штаты присоединятся к их попыткам уничтожить любую силу, не разделяющую политику казаков, что привело бы к передаче власти в Восточной Сибири казачьим атаманам. Еще большее беспокойство вызывает у меня сознание того, что вызвать беспорядки могут, скорее, эти казачьи войска, чем так называемые большевики. Такое положение не может продолжаться далее, и примерно через месяц, несомненно, начнутся большие неприятности. Японцы начинают проявлять некоторое беспокойство, поскольку в последнее время они посетили меня пару раз и спрашивали, использую ли я американские войска, чтобы защитить их в случае, если они подвергнутся нападению. Ситуация сейчас именно такая, какую японские военные здесь пытались создать в течение нескольких последних месяцев. Я убежден, что они не хотят порядка в Сибири.

4. В дополнение к докладам по этим вопросам, направленным в военное министерство ранее, прилагаю копии писем (приложение E, F, G и H), в которых говорится о передаче полковнику Стайеру вооружения и другого военного имущества казаками, отказавшимися служить под командованием Калмыкова. Не подлежит сомнению, что Калмыков — убийца и грабитель. Также не подлежит сомнению, что об этом известно генералу Ои, командующему японскими войсками в Хабаровске, как и японскому штабу здесь, во Владивостоке. Об этом свидетельствует то, что — как меня лично информировал генерал Инагаки — генерал Ои телеграфировал в японский штаб здесь, что действия Калмыкова представляют собой позор для цивилизации и что он готов применить силу, необходимую, чтобы остановить Калмыкова. Это было в декабре прошлого года. Несмотря на это, они теперь обращаются ко мне и заявляют, что эти вооружения и имущество принадлежат Японии. Японские штабы здесь и в Хабаровске пытались вмешаться в урегулирование инцидента Калмыкова с русскими. Другим свидетельством того, что японское высшее командование в Сибири не только знало об этих жестокостях, но и одобряло их, является прилагаемая копия письма Калмыкова генералу Ои, командующему японскими войсками в Хабаровске (приложение I).

5. 15 марта полковник Болдуин телеграфировал мне из Токио, что генерал-лейтенант Накадзима из японского генерального штаба «явно возражал против того, чтобы ваши войска были размещены в Чите и Маньчжурии». Японцы, очевидно, рассматривают размещение американских войск в Маньчжурии как ущемление своих прав. Я получил указания посоветоваться с г-ном Стивенсом¹⁷ относительно размещения американских войск в целях охраны железной дороги. М-р Стивенс изложил некоторые просьбы, не выполнять которые у меня нет никаких оснований. Это еще одна причина для трений, и ввиду того, что японцы полностью контролируют действия казачьих частей, это дает японцам возможность чинить трудности для американских войск, создавая в то же время видимость, что они не принимают никакого участия в этом. Прежде чем войска выйдут к железной дороге, я намереваюсь собрать всех командиров частей и лично изложить им свое мнение о трудностях, а также предупредить их о необходимости избегать трений. Я надеюсь, что мы сможем добиться успеха, однако положение таково, что Соединенным Штатам придется либо еще глубже увязнуть в здешний ситуации, либо выйти из игры.

У. С. Грэвс, генерал-майор,
командующий американскими
экспедиционными войсками в Сибири

9 приложений¹⁸

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. William S. Graves Papers. Box 1. W. S. Graves to the Adjutant General of the Army. Washington, D. C. March 21, 1919.

Примечания

- ¹ Цит. по: ТАСС. 1988. 24 июня. Сер. АМ, лист 7.
- ² Там же.
- ³ Грэвс У. Американская авантюра в Сибири 1918—1920. М., 1932.
- ⁴ Здесь и далее даты приводятся по новому стилю.
- ⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 322.
- ⁶ Грэвс У. Указ. соч. С. 239.
- ⁶ Отметим, что материалы, приводимые в недавно вышедшей фундаментальной работе видного американского историка Бетти Миллер Антербергер, подтверждают изложенные выше сообщения (См.: Unterberger Betty Miller. The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapell Hill, L., 1989. P. 267).
- ⁷ Грэвс У. Указ. соч. С. 247.
- ⁸ Видный сотрудник французской военной миссии в Иркутске.
- ⁹ Один из дипломатических представителей Чехословакии в Сибири.
- ¹⁰ Майор французской армии, являлся военным представителем Франции при чехословацком корпусе (см.: Вопросы истории. 1988. № 7. С. 147). Поездка майора Слоутера в Самару после прихода там к власти правых эсеров была предпринята с совершенно определенными целями — наладить прочный контакт с контрреволюцией в Поволжье и оказать ей совместно с представителями других союзных миссий, в частности с майором французской армии Гинэ, поддержку до прихода главных сил интервентов с востока. О деятельности Гинэ в Самаре можно судить по следующему свидетельству одного из руководителей самарских «учредителей» — В. И. Лебедева: «Гинэ указал нам, что в целях союзников в России нам необходимо торопиться с взятием городов Симбирска, Казани, а также и Саратова, что, согласно нашему плану, нам необходимо продолжить наши завоевания на Волге до создания и удержания в своих руках Волжского фронта до той поры, пока не подойдут союзники». (Цит. по: Вопросы истории. 1988. № 7, С. 148.)
- ¹¹ Генерал, глава французской военной миссии в Сибири.
- ¹² Командующий американским флотом на Тихом океане. Адмирал Найт и флагманский корабль флота крейсер «Бруклин» находились во Владивостоке с начала 1918 г.
- ¹³ Белогвардейский генерал, пытавшийся вплоть до осени 1922 г. при поддержке интервентов удерживать Приморье под контролем буржуазно-монархических группировок.
- ¹⁴ Публикуемое донесение в адрес военного ведомства США в Вашингтоне было коллективным творчеством штабных офицеров американских экспедиционных войск. Подпись под документом отсутствует.
- ¹⁵ Публикуемый доклад об обстановке в Сибири осенью 1918 г. Грэвс составил собственноручно. Источником информации для него служила довольно разветвленная сеть военных и политических агентов, вошедших в тесный контакт с антибольшевистскими силами.
- ¹⁶ К моменту написания этого доклада руководству Грэвс испытывал двойное моральное давление: мир праздновал окончание мировой войны, однако он и его солдаты продолжали находиться на «сибирском фронте»; его не оставляло также ощущение близкого столкновения с Японией на почве обостряющихся отношений между странами.
- ¹⁷ Стивенс Джон Ф. — глава американской миссии железнодорожных экспертов, назначенной весной 1917 г. В. Вильсоном по согласованию с Временным правительством для оказания помощи в экспедиции Транссибирской магистрали.
- ¹⁸ Приложения в бумагах Грэвса не обнаружены.

© 1991 г.

МАТЕРИАЛЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛУ ПРОВОКАТОРА МАЛИНОВСКОГО

В ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. по приговору Верховного революционного трибунала при ВЦИК был расстрелян провокатор Роман Малиновский. С тех пор прошло более 70 лет, но дело Малиновского продолжает привлекать внимание широкого круга читателей, интересующихся взлетами и падениями революции в России. Интерес этот вызван в значительной мере тем, что за всю историю борьбы царской политической полиции с революционным движением ей только дважды удавалось добиться столь исключительного успеха: в случае с Е. Ф. Азефом, который, будучи агентом охранки, в течение ряда лет руководил Боевой организацией партии эсеров, и второй раз, когда членом ЦК РСДРП, а затем депутатом IV Государственной думы был избран секретный сотрудник Московского охранного отделения (с конца 1912 г. — Департамента полиции) Р. В. Малиновский.

С другой стороны, традиционный взгляд на такого рода исторические сюжеты — только под углом зрения борьбы революционеров с происками царской охраны — стирал до известной степени своеобразие дела Малиновского, проистекающее из различий между социал-демократами и эсерами. Малиновский вошел в большевистское руководство в качестве хорошо известного к тому времени деятеля легального рабочего движения, пик его карьеры совпал с новым революционным подъемом, укрепившим пролетарский фундамент РСДРП и влияние большевиков. Феномен доверия к Малиновскому со стороны лидеров партии имел существенно иную природу, чем в деле террориста Азефа.

До определенного момента на Малиновского делали ставку и меньшевики. Только с 1913 г. его большевизм стал восприниматься в широких кругах социал-демократов как несомненный прежде всего в связи с расколом первоначально единой социал-демократической думской фракции, к которому он имел прямое, а в глазах многих — определяющее отношение. Вне проблемы единства РСДРП невозможно понять и позицию, занятую в связи с делом Малиновского меньшевиками, остроту газетной полемики по этому вопросу в 1914 и 1917 гг.

Легенды и мифы вокруг дела Малиновского были порождены нежеланием историков затрагивать «больную» тему и недостатком достоверной информации о многих ее аспектах, недоступностью важнейших источников. Отсюда фактические ошибки, противоречия, произвольные предположения, типичные для освещения ее как в исторических трудах, так и в справочных изданиях и популярных очерках¹.

Впервые дело Малиновского расследовалось в мае—июле 1914 г., после того, как он внезапно сложил полномочия депутата IV Государственной думы. Комиссия ЦК РСДРП, заседавшая в Поронине, как известно, не сумела установить факт провокаторства. О некоторых подробностях этого расследования рассказал в своих воспоминаниях, написанных в начале 30-х гг., один из членов комиссии Г. Е. Зиновьев; уже тогда он считал необходимым опубликовать наряду с другими источниками протоколы расследования 1914 г.² (в настоящее время они находятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Наиболее масштабное расследование дела Малиновского провела Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. Следователи комиссии допросили многих свидетелей и широко использовали документы, извлеченные после Февральской революции из политических архивов. Часть этих документов была представлена в появившемся в 1918 г. сборнике М. А. Цявловского³. В многотомную публикацию материалов Чрезвычайной следственной комиссии, подготовленную в 20-е гг. П. Е. Щеголевым, вошли стенографические отчеты показаний ряда деятелей департамента полиции, в той или иной мере осветивших и дело Малиновского. Включить в эту публикацию показания допрошенных тогда же социал-демократов Щеголев, видимо, не имел возможности; единственное исключение составили показания Н. С. Чхеидзе⁴. Правда, отрывки из показаний некоторых видных большевиков обнародовали в 1917 г. газеты, но часто в тенденциозно препарированном виде. В советское время с небольшими фрагментами показаний В. И. Ленина читатели могли познакомиться по книге воспоминаний А. Е. Бадаева и по примечаниям к 32-му тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина⁵.

Третье расследование состоялось после возвращения Малиновского в октябре 1918 г. в Советскую Россию из Германии, где он находился в лагере для военнопленных. Это последнее расследование было непродолжительным и базировалось главным образом на данных, полученных Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства.

Ниже публикуется дело Верховного революционного трибунала при ВЦИК по обвинению Р. В. Малиновского в провокаторстве, хранящееся в ЦГАОР СССР (ф. 1005, оп. 8, д. 2). Оно включает в себя 24 документа, 22 из которых до сих пор не публиковались. 15 документов представляют собой машинописные копии собственноручных показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии большевиками и меньшевиками, соприкасавшимися с Малиновским в профсоюзной и партийной работе в ходе избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу, в процессе парламентской деятельности (копирование осуществлено в 1917 г., до Октябрьской революции). Документы публикуются в соответствии с расположением в архивном деле. Опущены лишь не имеющие отношения к Малиновскому места из показаний И. П. Гольденберга, А. И. Рыкова, В. П. Ногина и Б. И. Гольдмана (Горева), а также написанные следователями стандартные вступления, которыми начинается каждый протокол допроса.

Восемь документов являются непосредственным выражением работы Революционного трибунала и его следственной комиссии, во главе которой стояла Е. Ф. Розмирович. Это письменные показания самого Малиновского, два протокола его допросов, обвинительное заключение, список свидетелей, стенограмма заседания трибунала и приговор. Из всего комплекса документов

1918 г. ранее публиковалась лишь отредактированная речь государственного обвинителя Н. В. Крыленко. Здесь она воспроизводится в первоначальном виде, по стенограмме.

В своей совокупности публикуемые документы имеют ключевое значение для осмысления дела Малиновского. Они позволяют прежде всего более верно оценить место всех связанных с ним событий в политической борьбе и рабочем движении. Неизвестные ранее подробности биографии Малиновского, освещая по-новому эту противоречивую фигуру, открывают возможность судить об истоках и особенностях провокации в рабочей среде как социально-психологического явления.

Документы проливают свет и на работу партийной следственной комиссии 1914 г.: на принципы, которыми руководствовались члены комиссии, на объем и характер сведений, имевшихся в их распоряжении. Отпадает, например, получивший распространение тезис об особой роли Н. И. Бухарина как главного разоблачителя Малиновского⁶; сам он себя таковым не считал, так как выступал лишь в качестве посредника в передаче информации от заподозривших Малиновского в 1910—1911 гг. московских меньшевиков, кстати, также не настаивавших тогда на своих подозрениях. Не подтверждается заявление А. А. Трояновского о том, что в 1913 г. выяснить поведение Малиновского требовали «многие товарищи». В то же время нельзя не признать в основном справедливой критику Трояновским организации партийного расследования.

Наконец, материалы собственно Революционного трибунала важны для понимания всей судебной практики первых лет Советской власти, основанной на «революционном правосознании». Легко заметить, что выводы обвинительного заключения и особенно обвинительной речи Крыленко далеко не всегда вытекали из исходных фактических данных (относительно исчерпывающей, как утверждал Крыленко, осведомленности Малиновского в политических вопросах до избрания его в ЦК и в Государственную думу, о якобы враждебной революции деятельности его в плену и т. д.). Скоропалительность суда (состоялось лишь одно заседание) не способствовала выяснению сложных и запутанных обстоятельств дела. Видимо, такое выяснение было признано излишним, так как подсудимый не отрицал свою вину. Но это не значит, что можно принимать показания Малиновского за чистую монету, — он их обдумал задолго до суда, когда не имел представления об объеме уличавшей его документации и не знал, что приговор предрешен.

Публикацию подготовили **Б. И. Каптелов, И. С. Розенталь и В. В. Шелохаев.**

Примечания

¹ См., напр.: Гера́симов В. Слуга двух господ // Московская правда. 1989. 20 августа; Гаврилов Ю. Провокаторы // Огонек. 1990. № 3.

² Зиновьев Г. Е. Воспоминания. Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 204.

³ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Московского охранного отделения. Изд. 3. М., 1918. М., 1990.

⁴ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1924—1927. Т. 1—7.

⁵ Бадаев А. Большевики в Государственной думе: Воспоминания. Изд. 8. М., 1954. С. 287—288; Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 511—512.

⁶ См.: Коэн Стивен. Бухарин: политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С. 39, 44—45, 48, 51, 65; Горелов И. Е. Николай Бухарин. М., 1988. С. 36—39.

* * *

Из показаний И. П. Гольденберга¹

21 апреля 1917 г.

...Романа Малиновского я знал приблизительно с 1907 по 1910 год. Он тогда в партийную организацию не входил, работал в профессиональном союзе рабочих по металлу и был деятельным членом комиссии по рабочим вопросам при с.-д. фракции III Государственной думы, где работал и я. Малиновский производил впечатление очень интеллигентного человека, весьма деятельного и преданного делу работника, в личной жизни очень строгий, вел прямо полусобачье существование в какой-то каморке, развивая в то же время огромную организационную работу в союзе рабочих по металлу; отличался полным бескорыстием — через его руки проходили большие суммы, и никогда ничего не пропадало. Был он очень хорошо принят и в с.-д. фракции III Думы.

На членуме 1910 года в Париже, перед нашим выездом в Россию, были намечены кандидаты в Центральный Комитет, и в первую голову совершенно единогласно был признан заслуживающим кооптации именно Малиновский...

Из показаний А. И. Рыкова ²

25 апреля 1917 г.

...С Романом Малиновским я встретился в Москве в 1914 году ³, когда он вместе с Лобовым издавал там партийную газету ⁴. Он предлагал вступить и мне в состав редакции, но с условием, чтобы полным хозяином направления газеты остался Центральный Комитет, я же настаивал, чтобы издание перешло в руки Московской организации и потому это предложение отклонил. Раньше этого, когда я был в Архангельской ссылке, в 1913 году, я получил через Малиновского письменное предложение от лица «Шестерки», т. е. думской большевистской фракции, принять место секретаря фракции. Малиновский предложил мне жалованье в 100 рублей в месяц, а затем два раза прибавлял все больше и больше — не помню сколько именно, но я предложение не принял. Он был очень энергичный и деятельный партийный работник, несомненный ленинец...

Показания А. М. Никитина ⁵

6 мая 1917 г.

Мое первое знакомство с Романом Малиновским, если не ошибаюсь, относится к 1910 году. Я состоял тогда в Росс. Соц. дем. раб. партии, примыкая к меньшевистскому течению. По партии мы с Малиновским не сталкивались, так как он был, как я считал, большевиком, а мы, меньшевики, в нелегальную работу партийную, как большевики, не входили. В то время, когда появился Малиновский в Москве после высылки его из Петрограда, здесь развивалась деятельность кооперативных учреждений и профессиональных союзов, в которых стал принимать участие и Малиновский. Первое время, впрочем, казалось, Малиновский вел себя скромно, старался не выделяться. Во время работы его (на почве кооперативной работы) — в Моск[овском] кооперативном потребит[ельском] обществе — я его и узнал, причем он произвел на меня впечатление человека энергичного, живого, талантливого и способного влиять на других. Некоторое подозрение как будто мелькнуло против него одно время лишь после того, как [одно] из лиц, приехавших в том году на съезд Пироговского общества ⁶, — накануне съезда было арестовано; а это лицо как раз приезжало в Москву с письмом к Роману Малиновскому. Об этом я узнал впоследствии, а арестованными тогда по Пирог[овскому] съезду явились Плетнев, Козлов и Пильшиков ⁷, из которых первый и теперь находится в Москве в Исполнит[ельном] губ[ернском] комитете. Затем Малиновского некоторое время я потерял из вида; он как будто скрывался, а затем он вновь появился, — кажется, это было в 1911 году, — и был у меня, просил меня дать ему студента, чтобы пополнить свое самообразование; я нашел ему такого студента, но Малиновский почему-то им не воспользовался. В 1912 году происходит следующее. Малиновский некоторое время где-то скрывается. Я слышал, что он уезжал за границу на конференцию ⁸. А я тогда уезжал на Лену, на прииски, а когда вернулся, то происходила передвыборная кампания в 4-ую Государственную думу. В то время среди с.-д. были два течения — большевиков и меньшевиков, причем кандидатура выдвигалась моя и Курского ⁹. Тут появился Малиновский и заявил, что он был на конференции, и там решено выставить его кандидатуру в члены Государственной думы, но, что он работал на фабрике, кажется, в Ростокине под Москвой, — и у него не хватает до 6 месяцев нескольких дней, чтобы иметь право участвовать по закону в выборах: его будто бы хозяин за что-то рассчитал. Я обращался тогда к Курскому и Хинчуку ¹⁰, чтобы принять меры и уладить это обстоятельство. Тогда посоветовали ему сделать запись в книжке рабочей позднее о его расчете, так как он говорил, что запись о времени его ухода с фабрики еще не была сделана. Так он и поступил, и получилось, что он как бы прослужил на фабрике полных 6 месяцев.

В этот период времени Малиновский вел себя как-то уже возбужденно, боевиком, причем импонировал своим положением. Мы, меньшевики, решили, что кандидатуре Малиновского мешать

не следует, раз его выдвигали партийные круги и местные, и раз он на конференции за границей был намечен в кандидаты на члена Госуд[арственной] думы. Он к тому же тогда состоял и членом Областного бюро Р. С. Д. Р. П.; кстати сказать, бюро состояло, как оказалось теперь, из него, Полякова ¹¹, оказавшегося тоже сотрудником Охранного отделения, и третьего присяжного [подозренного] Курского, стоявшего вне всяких подозрений. Затем Малиновский был выбран членом Госуд[арственной] думы; при этом должен сказать, что на собрании выборщиков, хотя и были лица, имевшие большое число голосов, параллельно с Малиновским, но они сняли свою кандидатуру, например Безлепков ¹² после некоторых колебаний и Савинов ¹³. Мы тогда пришли к общему соглашению и находили, что это правильно, так как за Малиновского — были партийные круги. Но после выборов случилось следующее. Как-то на Рождестве, зимой 1912—1913 года, пришли ко мне товарищи Александр Никол[аевич] Потресов ¹⁴ и Дан (Федор Ильич Гурвич) ¹⁵ и сказали, что они получили из Вологды из ссылки письмо от Плетнева или кого другого, которые сообщали, что они подозревают Малиновского в сношениях с Охранным отделением, так как перед Пироговским съездом все были арестованы, приехавшие с письмом к Малиновскому, а он остался на свободе. Дальнейшие события были таковы. Во время выборов Малиновский говорил, что он не допустит межфракционности и будет работать в Думе в смысле объединенной работы фракций. Но потом, я удивился, узнав, что Малиновский являлся большим фракционистом, хотя опять-таки пришлось это объяснять тем, что было известно, что Малиновский ездил тогда на поклон к Ленину, и думали: это объясняется влиянием на него Ленина. В дальнейшем стало замечаться, это было уже в 1913 году, что Малиновский стал держать себя как-то вызывающе по отношению, например, ко мне; он прекратил заезжать ко мне и даже старался подрывать мое влияние среди товарищей, окружил себя такими лицами, как Лобов и Поскребухин ¹⁶, которые оказались провокаторами и ныне арестованы после революционного переворота, а также другими лицами, которые хотя не арестованы, но личности которых для нас недостаточно ясны. Словом, здесь, в Москве, как и в Петрограде, Малиновский тогда произвел раскол в партии. Летом 1913 года обратило внимание еще одно обстоятельство, что почти все лица из выборщиков-кандидатов, которые вместе с Малиновским были в списках по выборам в члены Госуд[арственной] думы, которые потом соприкасались с ним и разъезжали, оказывались арестованными. Но тогда это объяснялось как бы тем, что если он не арестовывался, в то время как другие арестовывались, потому, что он пользовался неприкосновенностью своей, как члена Госуд[арственной] думы; мы считали, что, вероятно, за Малиновским следили, а он был неосторожен, и его товарищей арестовывали, а он оставался неприкосновенным. Теперь, после того, что обнаружилось, приходится объяснять все это иначе. Но, повторяю, в то время у меня лично никаких более или менее основательных подозрений в том, что Малиновский состоял сотрудником Охранного отделения, не было. Добавляю, что никаких директив от Центрального Комитета с. д. относительно Малиновского в смысле содействия проведению его в члены Госуд[арственной] думы мы не получали.

Показания В. Н. Малянтовича ¹⁷

10 мая 1917 г.

С Романом Малиновским я впервые познакомился осенью 1912 года, незадолго перед выборной кампанией в 4-ую Государственную думу. Насколько я помню, его фамилия мне была названа в связи с предполагаемыми кандидатурами от рабочей курии.

На Малиновского мне указали, как на желательного депутата от с.-д. У меня на квартире Малиновский был несколько раз: и один, и в сопровождении какого-то рабочего, фамилии которого не помню.

Поводом к посещению меня было то обстоятельство, что я был членом Предвыборного комитета от с.-д. меньшевиков, а также и то, что я — присяжный поверенный.

Малиновского интересовал между прочим вопрос, не может ли быть опротестовано его избрание по чисто формальным основаниям.

Те фактические данные, какие Малиновский мне сообщал, дали мне право как юристу дать благоприятное для Малиновского заключение. Затрудняюсь сказать в письменной или устной форме я изложил свои соображения. Вспоминаю, что я ему выдал 50 руб. не то из личных средств, не то из сумм, имеющихся в распоряжении комитета на предвыборную агитацию. Мы с ним беседовали о предстоящей работе в Гос[ударственной] думе, и у меня от этих бесед осталось впечатление,

что Малиновский, хотя и принадлежит к фракции большевиков, но не относится непримиримо к деятельности меньшевиков и не лишен правильной оценки действительности.

Когда Малиновский был уже избран в депутаты, он просил как-то меня выступить на одном рабочем собрании делегатов, на котором должно было присутствовать около 20 человек для того, чтобы произнести речь в связи с избранием его, Малиновского, в Думу, о предстоящих задачах с.-д. фракции Гос[ударственной] думы. Я согласился, но перед отходом Малиновского спросил его, будет ли на этом собрании Поляков. Малиновский ответил утвердительно. Тогда я заявил, что я категорически отказываюсь от посещения собрания, так как Поляков мною заподозревается в провокации. При этом я добавил, что у меня нет достаточных данных для публичного обвинения Полякова в провокации, но их вполне достаточно, чтобы и самому быть настороже и предупредить его об этом как депутата. Малиновский мне ответил, что он понимает, что при таких условиях мое посещение не может осуществиться, но он не считает возможным устранить Полякова, который представляет большевиков рабочих в предвыборном комитете. О партийной деятельности Малиновского я не могу ничего сказать. Знаю только, что он считался одним из наиболее толковых и развитых партийных рабочих, могущих публично выступать. И только со слов товарищей, в частности А. М. Никитина, я поддерживал его кандидатуру, хотя эта поддержка выражалась лишь в том, что на одном собрании, где присутствовал Поляков, отстаивавший другую кандидатуру, не помню кого, я высказал мнение, и по существу и по практическим соображениям, в пользу кандидатуры Малиновского. О директивах Центрального Комитета по поводу Малиновского мне неизвестно. Я помню только, что его кандидатура была утверждена Ц. К. После отъезда Малиновского в Петроград в Государственную думу я видел его один или два раза, всегда случайно. Ко мне он не являлся, хотя во время выборов говорил о необходимости поддерживать постоянную связь с Москвой и не только с рабочими, но и с представителями партийной демократической интеллигенции. Такое поведение Малиновского я склонен был объяснять той непримиримой позицией, какую он занял с первых дней выступлений в Думе.

Из показаний В. П. Ногина ¹⁸

17 и 31 мая 1917 г.

...В январе 1910 года было создано в Париже собрание, на котором были кроме 15 человек Ц. К. представители заграничных органов партии Ленин и Мартов ¹⁹, члены Госуд[арственной] думы Чхеидзе ²⁰, от группы «Правда» — Троцкий ²¹ и от группы «Вперед» А. А. Малиновский ²².

Этим собранием был вынесен ряд решений и между прочим было решено: 1) для воссоединения партийных организаций Р. С. Д. Р. П. распустить фракционные центры, уничтожив существование между отдельными группами перегородки, а средства большевиков передать в общую центральную кассу. При этом для организации рабочих по моему предложению решено было создать Русскую коллегию Центр[ального] Комитета из пяти лиц с составом главным образом из рабочих. Предполагалось объединить не только лиц, работающих в нелегальных организациях, но и в легальных; 2) кроме того, было решено созвать партийную конференцию. Перед отъездом из-за границы мы соображали, кого же можно бы было наметить в Русскую коллегию. И вот Зиновьев тогда назвал как возможного кандидата Романа Малиновского, которого я знал по Петрограду в 1907 году как работавшего металлиста. По возвращении моем из-за границы, когда предложение о создании «пятерки» Русской коллегии было сообщено через секретаря Центр[ального] Ком[итета] Розенберга в 1910 году в Петербурге, то проживавшие там члены Ц. К. Исуф («Михайлов»), Ермолаев («Роман») и Бронштейн («Чацкий») ²³ отказались поддержать это предложение, находя, что вмешательство этой коллегии в деятельность Ц. К. было бы подобно вмешательству акушерки, преждевременно желающей ускорить естественные роды. А между тем до этого заграничники — товарищи Мартов и Мартынов дали слово мне, что они поддержат предложение о создании Русской Коллегии, которая должна была образоваться согласно решению Центрального Комитета. После отказа петербургских членов Ц. К. содействовать созданию Русской коллегии я написал письмо Мартову через наше Заграничное бюро, через товарищей-большевиков. Ленин это письмо опубликовал и предложил мне, чтобы я порвал связи с меньшевиками. После того я ему ответил, что считаю для себя решение Ц. К. обязательным и что я решил образовать Русскую коллегию и жду ответа от Мартова.

Между тем я продолжал работать в этом направлении: я стал искать рабочих для Русской коллегии. Весной 1910 г. я встретился с Романом Малиновским, который меня познакомил еще

с рабочим Шевченко²⁴. Я имел в виду присмотреться к ним и решить вопрос, годятся ли они в «пятерку» Русской коллегии. В то же время я продолжал работать здесь для освещения экономического положения рабочих, политического развития их, стараясь укрепить существовавшие тогда партийные организации. Я сделал доклады в заседании партийной организации, в которой состояли тов. Боков и Варвара Никол[аевна] Яковлева²⁵ и в легальной организации, где работали Фрумкин²⁶ (Германов) и В. П. Милютин²⁷. Подыскивая работников для Русской коллегии и состоя тогда один в Бюро Ц. К., я ездил в Иваново-Вознесенск, на Кавказ, в Петербург. Весной же 1910 года, после встречи с Романом Малиновским и знакомства с Шевченко, мне через них удалось отправить в Ярославль нелегальную типографию для печатания летучих листов. В ту весну, в апреле 1910 года, здесь должна была собраться так называемая «русская пятерка» избранная на съезде в Лондоне: представители от 1) большевиков, 2) меньшевиков, 3) «Бунда», 4) от польской орг[анизации] с.-д. и 5) от латышской. В числе представителей были приехавший из-за границы Иосиф Дубровинский²⁸, был здесь здешний Милютин, которого мы хотели выбрать в Ц. К. от меньшевиков; от «Бунда» был Юдин²⁹. Но в то время случилось обстоятельство, указывавшее на деятельность среди нас провокатора. Некоторые товарищи были арестованы. И я едва не был арестован, и если избежал ареста, то только потому, что меня предупредил товарищ Герман. Однако, несмотря на аресты, наши дела наладились, хотя мы чувствовали, что есть что-то неблагополучное у нас.

Стремясь в это время создать «пятерку» Русской коллегии, я устроил 2 совещания в Петровском парке и на Воробьевых горах. Нас собралось пять человек: я, Милютин, Дубровинский («Иннокентий»), Малиновский и Шевченко. Мы с Дубровинским тогда предполагали между собой, что для пятерки можно было бы остановиться на Романе Малиновском. Но когда я ему сделал условное предложение, то Малиновский ломался и как-то не давал определенного ответа. Я знал, что он находился под влиянием жены, и давал ему возможность подумать. Интересная подробность, что когда потом я ему вручил 80 рублей, как человеку, который изъявил готовность отдать себя на работу не в качестве члена Ц. К., а как подсобный работник, то он дал наконец согласие войти в работу. Подозрений в провокаторстве против Романа Малиновского не было. Но в то время вновь произошли события, которые указывали, что среди нас не все благополучно. Произшел ряд арестов, была произведена масса обысков 12 и 13 мая. За эти два дня были арестованы Моисеев³⁰, Шевченко, Милютин, Воробьев, Ежов³¹ (Цидербаум) и другие. Я был арестован 13 мая. В то же время в Охранном отделении находился и арестованный Роман Малиновский, хотя он был через 10 дней освобожден, а я был выслан в Тобольскую губ.

Из ссылки я скоро бежал, сначала был в Саратове, а потом в сентябре или в конце августа приехал в Тулу. Здесь мне уже нельзя было самому вести широкую работу по партии, в то же время в Туле работал вместе со мной другой член Ц. К. — Лейдезин³². В Туле вокруг нас сгруппировалось несколько лиц: моя жена, Милютин и неск[олько] других. Вот тогда же появились среди нас и Поляков («Кацап»), оказавшийся теперь провокатором. Теперь, сопоставляя выяснившуюся провокаторскую деятельность Полякова с некоторыми его поступками в то время, в 1911 году уже, я вспоминаю следующее. В феврале 1911 года у меня в Туле была моя мать. Еще в 1899, 1900—1901 годах, когда я жил на нелегальном положении, мне было известно, что за квартирой моей матери следили охранники, которых она знала в лицо. А в 1911 году она опять стала встречать этих лиц, а от знакомых, которых у нее много в Сокольническом участке, где она давно живет, она узнала даже адрес, № дома, где живет один из тех людей, которые за ней следили. Проживая в Туле, я давал поручения Полякову и осведомился об его адресе: адрес этот совпал с тем адресом, который мне сообщила моя мать. Предполагая, что Полякову опасно жить в том доме, где, может быть, живут охранники, я указал ему, что, по имеющимся у меня сведениям, в этом доме живут охранники, посоветовал уехать с этой квартиры. Однако он не послушал моего совета, а потому я к Полякову после того стал относиться с некоторым недоверием, думал, что он должен был находиться «под карантином» в отношении нашей партийной деятельности. Притом же Поляков как-то странно вел себя, выполняя одно мое поручение. Я дал ему в 1911 г. поручение связать во фракцию с.-д. Госуд[арственной] думы некоторые осведомительные сведения, а после я узнал от тов. Фрумкина, что Поляков, выполняя мое поручение, заявлял себя как бы членом Ц. К. Это произвело на меня неблагоприятное впечатление.

На масленице 1911 года в Тулу к нам приезжал член Государств[енной] думы Захаров³³ вместе с Романом Малиновским. В этот приезд Малиновский, работавший тогда на одном из заводов под Москвой, от которого он потом прошел в Гос. думу, заявил мне, что центральной работы по партии он не может брать.

Между тем у нас положение дел оказывалось такое. За границей было высказано желание соз-

дать «пятерку» — Русскую коллегия, но у нас это не удастся устроить. И мы решили хотя бы создать так называемую русскую пятерку (от поляков, латышей, Бунда, большев[иков], меньшев[иков]). К нам приехал от «Бунда» — опять Юдин и бывал или у Лейдезина или у Марьи Викентьевны Смидович³⁴. Но в ночь на 26 марта в Туле начались обыски, причем были арестованы Милютин, моя жена (Ермакова), Лейдезин, Смидович, все мои ученики, которым я давал уроки по англ[ийскому] языку, и другие знакомые, не имевшие никакого отношения к партии. Я был также арестован и выслан в Якутскую область. Обвинение мне было предъявлено за участие «в Тульской С. Д. Р. П.». Прибыв на место ссылки в Верхоянск, я постарался узнать там, что имелося против меня, и так как по местным «полярным» условиям там возможно было из переписок ознакомиться с моим делом, то я узнал, что Департаменту полиции все было известно о моей деятельности и о том, что мне было поручено создание Русской коллегии. И тогда уже для меня подтвердилось подозрение, что среди нас были провокаторы, осведомившие охранку о нашей деятельности. В ссылке я пробыл до июля 1914 года, когда и вернулся в Европейскую Россию.

Показания А. Е. Бадаева³⁵

19 мая 1917 г.

Романа Вацлавовича Малиновского я знаю давно, приблизительно с 1906 года, когда он был секретарем Союза рабочих по металлу. Я не знаю, состоял ли он в то время в каких-либо нелегальных организациях; однако, помню, что направление его было приближавшееся к большевистскому. Некоторое время спустя, а когда именно, не помню, Малиновский уехал из Петрограда. Затем я его увидел здесь уже в качестве члена 4 Государственной думы. После избрания моего в Думу от петроградской рабочей курии кто-то поставил меня в известность о желании Ленина со мной познакомиться. Не помню, кто именно мне это передал, но только не Малиновский. Я в Краков тогда, однако, не ездил. Перед открытием заседаний в 4 Государственной думе, в начале ноября 1912 года, депутаты стали съезжаться в Петроград. Вскоре среди социал-демократов стали происходить совещания о декларации от имени фракции³⁶. Обсуждение текста продолжалось, помнится, долго, причем у всех нас был отпечатанный на нескольких листах проект этой декларации. Поручили декларацию прочитать и речь произнести Малиновскому. Это объясняется свойствами последнего. Он — человек, обладающий громадным темпераментом, волей, настойчивый, не теряющийся. Речи его всегда производили большее впечатление при их выслушивании, чем при чтении. Я помню, что во время заседания 7 декабря Председатель Государственной думы Родзянко неоднократно прерывал Малиновского, шум справа также мешал ему говорить. Поэтому меня лично несколько не удивило, что Малиновский, кажется, не все прочитал, что значилось в проекте. Это было первое выступление Малиновского в Государственной думе. После того он еще много раз по разным вопросам выступал в Думе, причем припоминаю, что он произносил, между прочим, речь как первый подписавший запрос по делу о провокации в связи с арестами членов 2 Государственной думы. Из отдельных моментов деятельности Малиновского в Думе могу указать, что по вопросу о расколе фракции в Думе Малиновский возмущался действиями «семерки» и горячо отстаивал позицию, занятую «шестеркой». Раскол этот является отголоском общего явления в социал-демократической партии, наблюдавшегося еще значительно ранее, вне Думы: произошли разногласия и разделение партии на известные группы. Течения мысли определились у нас во фракции скоро; шестеро примыкали к большевикам, в их числе Малиновский, семеро — к меньшевикам. Особенно это разногласие выяснилось при обсуждении вопроса о принятии в партию депутата Ягелло³⁷, наша группа была против этого принятия. — При всех голосованиях «семерка», имея лишний голос, проваливала все наши проекты и предположения и мы принуждены были долгое время подчиняться этому положению; в целом ряде вопросов мы оставались в меньшинстве. Ни на какие соглашения и уступки «семерка» не шла, что нас возмущало. Малиновский горячо возмущался и протестовал вместе с нами всеми против такого положения.

Осенью 1913 года мы — т. е. «шестерка» — решили отделиться и заявили, что образуем самостоятельную фракцию, под наименованием «Российская социал-демократическая рабочая фракция». Так произошел этот раскол. Припоминаю, далее, что весной 1914 года, когда был возбужден властями вопрос об ответственности члена Думы Чхеидзе за восхваление республиканского строя, и левые фракции, настаивавшие на безответственности депутатов за произносимые ими с думской кафедры речи, были подвергнуты, в лице 21 депутата, высшей каре, а именно исключению

на 15 заседаний, — Малиновский возмущался создавшимся положением и настаивал на том, что с этими карами парламентскими способами бороться нельзя, что нужны другие приемы борьбы, но что именно он подразумевал под этими словами, я не знаю. Вскоре после этого Малиновский внезапно подал Председателю Государственной думы Родзянко³⁸ заявление о сложении им с себя депутатских полномочий. Фракцию он об этом не предупреждал, и это обстоятельство нас, конечно, до крайности поразило. Объяснение его с Родзянко происходило без нас, и потому я не знаю содержания этих объяснений. Узнав об этом неожиданным шагом Малиновского лишь с думской кафедры, ибо Родзянко немедленно довел об отказе Малиновского от звания члена Государственной думы до сведения общего собрания, мы немедленно пригласили Малиновского во фракцию и потребовали объяснений. Для переговоров был командирован Петровский. Малиновский отказался придти, причем Петровский рассказывал, что он был очень взволнован и говорил «судите меня как хотите, делайте со мной, что знаете, но я ничего не могу Вам объяснить». У меня тогда была мысль, что Малиновский, при его крайней горячности, издергался и изнервничался до последней степени, особенно в связи с упомянутыми событиями, имевшими место в жизни 4 Государственной думы в то время. Никакого другого объяснения поступку Малиновского мы тогда найти не могли. Не особенно удивил меня и состоявшийся в тот же вечер внезапный отъезд Малиновского за границу, ибо, сняв с себя депутатские полномочия, он, по нашему предположению, мог потерпеть как обыкновенный социал-демократ от преследований полиции. Однако вскоре после его отъезда впервые на страницах «буржуазной» печати появились какие-то намеки на провокацию со стороны Малиновского. То же предположение делали и некоторые меньшевики. Один из них — Устинский — определенно высказывался в этом духе, но на все наши требования представить доказательства выставленных обвинений, указать хоть один факт, оказывалось, что никаких доказательств не имеется, а существует лишь предположение, основанное на умозаключении: раз Малиновский так внезапно исчез, сложив с себя полномочия депутата, значит тут дело нечисто. Был назначен суд из 5 лиц (2 большевика, 2 меньшевика и 1 внепартийный присяжный поверенный); меня тогда тоже допрашивали в качестве свидетеля, и я вынес определенное впечатление, что никаких доказательств против Малиновского не имеется. Потому-то все мы тогда осудили ту клевету, которую мы усматривали в неподкрепленных доказательствами намеках на измену Малиновского. Опубликовать это решение не удалось. Вскоре начались преследования, аресты, ссылки, закрытия рабочих газет; сам я скоро очутился в Сибири; читал, между прочим, то письмо, в котором член Думы Муранов³⁹ опровергал слухи о Малиновском, и должен сказать, что Муранов при этом несомненно руководствовался тем же отсутствием доказательств виновности, о котором я только что показывал. — К изложенному на Ваши отдельные вопросы могу добавить следующее. Когда еще Малиновский только что прибыл в Петроград в качестве члена Государственной думы 4 созыва, то он мне рассказывал, что при выборах у него встретилось какое-то серьезное препятствие, которое могло его лишить ценза, но что он ловко вывернулся. Рассказывал он об этом с большим пафосом. Во время состояния членом Государственной думы Малиновский ездил как-то за границу к Ленину, но когда именно, не помню. Я тоже был как-то у Ленина в Кракове; был и еще как-то раз в другом местечке Австрии и никаких стеснений со стороны австрийской полиции не испытывал. Валентина Николаевна Лобова была у нас при «шестерке» в роли секретаря фракции⁴⁰. Она была рекомендована, кажется, из-за границы Лениным и Зиновьевым, кто знакомил ее с нами в Петрограде и содействовал ли ее устройству при фракции Малиновский, я не помню. О том, что последний когда-либо судился за кражи, я сегодня от Вас слышу впервые. От Ленина, как и от многих других лиц, в нашей фракции получались письма. Речи для отдельных депутатов, а также запросы составлялись или редактировались разными лицами. Предъявляемые Вами листы с рукописью, озаглавленной: «К вопросу о взрыве на пороховых и борьба с несчастными случаями» (предъявлено вещественное доказательство) заключают в себе текст, писанный рукой Григория Зиновьева (Радомысльского)⁴¹.

По поводу приведенного выше моего заявления, что направление Малиновского в качестве секретаря Союза рабочих по металлу приближалось к большевистскому, должен пояснить, что я с Малиновским тогда в нелегальных организациях не состоял и потому детально его тогдашних взглядов не знал. Однако все его выступления в Союзе металлистов были ярки, производили большое впечатление и казались мне подходящими к большевистской точке зрения. Однако потом я слышал, что меньшевики, напротив, в тот период времени причисляли его к своим единомышленникам. Таким образом, я не имею данных ответить на вопрос о том, когда именно Малиновский стал большевиком.

По поводу предъявленного мне документа — листка бумаги с надписью «Памятная записка» (протокол осмотра от 22 мая) могу объяснить следующее. Я не знаю, чьим подчерком сделаны запи-

си: «1/3 отдала Бадаеву» и т. д., но могу по этому поводу сказать, что содержание ее относится, несомненно, к передаче нелегальной литературы. Иногда литература приходила к нам для распространения из-за границы. Я помню, что раз, а вполне возможно, что и больше, Роман Малиновский передал мне часть такой литературы. Я ее в свою очередь распространил среди рабочих. Я Малиновскому не сообщал, когда и кому я передаю литературу. Обысков и арестов в связи с передачей мною такой литературы я не припоминаю. Что касается суда над нами⁴², депутатами 4 Думы, то я могу сказать, что нам вменялось в вину нарушение 102 ст. Угол[овного] Улож[ения], которое усмотрено было в целом ряде действий большевиков. Книга протоколов нашей фракции была отобра-на при обыске, и нам никаких материалов затем не возвратили. Пять депутатов-большевиков и четверо посторонних были приговорены к ссылке на поселение. Обвинение было возбуждено в ноябре 1914 года; еще раньше, перед войной, были закрыты все рабочие союзы, газеты, в том числе и «Правда». Малиновский одно время принимал участие и в редакторской, и в хозяйственной частях этого издания.

Газета «Правда» и вся организация вокруг нее сыграла, несомненно, весьма значительную роль в подъеме настроения и рабочего движения; перед войной на Выборгской стороне были баррикады, трамваи лежали на боку, вообще движение было начиная с 1912 года и до войны постепенно повышающимся. В июне 1914 года в Петрограде доходило дело до вооруженных столкновений рабочих с полицией.

Показания Н. К. Крупской⁴³

26 мая 1917 г.

На предлагаемые мне вами вопросы отвечаю следующее. На Пражской конференции в январе 1912 года я не была, и так как Малиновский через Париж, где я находилась тогда, не проезжал, то я с ним тогда и не имела случая познакомиться. После конференции от мужа своего Владимира Ильича Ульянова (Ленина), а также от Зиновьева (Радомысльского) я узнала, что Малиновский произвел хорошее впечатление, что он является даже желательным кандидатом от партии в Государственную думу 4 созыва. Впервые мне пришлось видеть Романа Малиновского осенью 1912 года, когда он, уже будучи избран членом Государственной думы от Московской губернии, приехал к нам в Краков, вероятно, по соглашению с лицами, входившими в Ц. К. Переписку мне пришлось вести с Малиновским еще ранее. Предъявляемые мне вами копии писем, оказавшихся уже в ноябре 1912 года в Департаменте полиции, действительно сняты с моих писем к Малиновскому и те объяснения, которые приведены к этим письмам начальником Московского охранного отделения в представлении № 306352 (предъявлены вещественные доказательства, осмотренные 11-го сего мая), — соответствуют действительности. К стати, могу сказать еще, что те письма с химическим текстом, которые вы мне предъявляете (предъявлено вещественное доказательство, осмотренное 22 мая), — также писаны мною по адресам, указанным или самим Малиновским, или же жившей на его квартире личным его секретарем Валентиной Николаевной Лобовой; письмо с надписью «для № 3» предназначено для Малиновского, остальные же письма — другим лицам. Малиновскому в общем писалось значительно больше писем, чем сколько вы мне предъявляете. Ему давались Центральным Комитетом директивы и лично, так как он приезжал к нам несколько раз за время состояния членом Думы, и письменно. Я могу сказать, что Роман Малиновский производил на меня хорошее впечатление; он великолепно, в деталях знал рабочее движение, очень хорошо умел говорить по профессиональным вопросам; мне никогда и в голову не приходило его провокаторство. Впоследствии, когда я его ближе узнала, он на меня произвел уже более отрицательное впечатление, но уже своими личными свойствами, в политическом же отношении никаких подозрений у меня против Малиновского не было. Отрицательные свойства его характера выражались в некоторой хвастливости, чрезмерном самолюбии, желании везде быть первым; конкуренции он не признавал и не переносил; на этой почве у него с товарищами по фракции произошел ряд недоразумений, причем Малиновский всегда нам старался изобразить своих софракционеров, и особенно Петровского, с плохой стороны, как людей малопригодных и будто бы бездеятельных. Себя же он выставлял центральной фигурой и в Думе, и по сношению с рабочими, и по организации «Правды»; я не помню, был ли Малиновский казначеем «Правды», но некоторое участие он в «Правде» принимал, какое именно, я в точности указать не могу, и полагаю, что роль Малиновского в этом отношении более точно могут осветить депутаты Думы.

Самая же организация «Правды», несомненно, сыграла большую роль в общественном подъеме, начавшемся в 1912 году. Более подробно о роли Малиновского я вам не могу передать. Я считаю, что Малиновский — человек способный, хорошо умеющий говорить, но очень нервный; только в первый свой приезд он держался спокойно; все же остальные разы нервничал до крайности. Когда затем Малиновский неожиданно вышел из членов Думы, то это обстоятельство объяснилось нами как следствие его нервности, его недоразумений с софракционерами. Сам Малиновский приехал к нам в Краков и представлял не вполне ясные причины своего ухода; лишь некоторое время спустя он дал более или менее принципиальное объяснение своему поступку; в начале же ссылался на то, что погорячился, что, если бы председатель Государственной думы не поторопился, то он, Малиновский, взял бы свое заявление об отказе от звания члена Думы обратно и, между прочим, жаловался на то, что другие депутаты, кажется, Шагов⁴⁴ и Муранов, требовали от него каких-то 15 рублей. Обращала на себя внимание некоторая театральность Малиновского. Какие же принципиальные объяснения своего ухода Малиновский представил впоследствии, я в точности не помню, однако могу сказать, что он ссылался на разногласия к товарищам по фракции. Данных, избличавших Малиновского в сотрудничестве в охранных отделениях, не имелось в нашем распоряжении, потому партийный суд единогласно постановил считать обвинение недоказанным; свидетели Розмирович (Трояновская)⁴⁵ и Бухарин⁴⁶ не могли, насколько я знаю, подтвердить своих подозрений никакими серьезными фактами.

Я припоминаю теперь из отдельных эпизодов деятельности Малиновского такой факт. Как-то в 1913 или начале 1914 года Малиновский приехал в Краков с каким-то железнодорожным рабочим, кличку коего я не припоминаю, но она была известна в партийных кругах еще с 1905 года, и объяснил, что этот человек может провезти в Петроград большое количество литературы. Последняя была защита определенным образом и отправлена с этим рабочим; мне известно, что в Петрограде эта партийная литература, весом пуда в 2, была как-то очень дешево и скоро доставлена; нам сообщили, что произошла какая-то задержка литературы, но все же она была доставлена Малиновскому во фракцию. Не помню, кто сообщил об этом. Относится ли к этой литературе предъявляемая мне вами записка (предъявлена найденная в конверте с надписью: «Документы, полученные от „Икса“» записка — протокол осмотра от 22 мая), где говорится, что «1/3 отдана Бадаеву, 1/3 прилагаю при сем» и т. д., я, конечно, не знаю. Вообще же литература предназначалась не лично для Малиновского, а также и для других депутатов, в том числе и Бадаева, который, весьма возможно, как депутат Петрограда, и заведовал распространением этой литературы в столице.

Я не могу припомнить, поручалась ли Роману Малиновскому установка типографии в Гельсингфорсе. Что касается упомянутого уже вопроса о транспорте литературы, могу сказать, что заведывал этим транспортом Альберт (Таршис)⁴⁷, который до начала 1912 года передавал ее затем Бряндинскому⁴⁸ по кличке «Матвей»; но так как из этого транспортирования ничего не выходило, то мы впоследствии пользовались другими способами передачи через местных крестьян. Принимал ли участие в перевозке литературы Андрей Романов⁴⁹ (по нашей кличке «Георгий» или «Жорж»), я не помню; от нас он литературы не получал лично, но по несколько экземпляров он постоянно получал от нас по почте, по указанному им адресу. Кроме того, он был близок с Шумкиным⁵⁰ («Старичок»), через которого он также мог получить литературу, ибо Шумкин однажды получил от нас и провез транспорт литературы. Должна сказать, что Романов последнее время старался отстраниться от дела, и неохотно принимал поручения наши. О том, что «Кацап» (Андрей Поляков) является провокаторм, я ничего решительно не знала. Лично я с ним знакома не была.

Показания Г. Е. Зиновьева

26 мая 1917 г.

Предъявленная мне рукопись о взрыве на пороховых заводах принадлежит мне. Я послал ее Малиновскому для произнесения в Г[осударственной] Думе, как посылал ему и ряд других речей.

Я познакомился впервые с Малиновским в 1906 году осенью или в начале 1907 г. (точно не помню). Малиновский работал тогда в профессиональном движении — у металлистов. Он был ближе тогда к меньшевикам, но в общем старался занимать позицию нейтральную между обеими фракциями. Встречался я тогда с Малиновским редко, так как в профес[сиональном] движении я работал только эпизодически. В наши партийные организации, напр[имер], в Пет[ербургский] комитет нашей партии, Малиновский, насколько я помню, тогда не входил.

Летом 1908 г. я эмигрировал за границу. О Малиновском только изредка кое-что слышал. За годы контрреволюции (1908—1910) Малиновский выдвинулся выступлениями на открытых обще-

ственных съездах (Московский съезд фабрично-заводских врачей). Популярность он имел тогда большую как бывший секретарь Союза металлистов. На этих съездах он защищал линию партии, но никогда не примыкал вплотную к большевикам.

Вновь встретился я с Малиновским в 1912 году в Праге на конференции. Он приехал уже в разгар работ конференции. Продолжал держать себя, как человек, в общем сочувствующий б[ольшевик]ам, но желающий сохранить беспристрастие. Сразу завоевав себе авторитет на конференции и к концу ее работ был бесспорным кандидатом в Ц. К.

Когда мы решили проводить его в Думу, он сказал по секрету, что он живет нелегально, по чужому, но очень «прочному» паспорту. Если не ошибаюсь, он сказал мне это уже именно в Праге. Но, возможно, что я запомнил и что я слышал это от него уже позднее.

Следующее свидание с М[алиновским] было в Кракове — уже после избрания его членом Думы. Он приезжал в Краков часто, перевозил много нелег[альной] литературы, исполнял массу поручений.

О желании сложить полномочия я слышал от него впервые после того совещания в Поронине, на котором решено было поставить ультиматум «семерке» (Чхеидзе и др.) и в случае отклонения создать особую думскую фракцию. Но тогда мы подумали, что это просто капризы. Мал[иновский] казался очень самолюбивым, болезненно самолюбивым человеком. Так как мы выдвигали тогда на руководящие места Петровского⁵¹, то, казалось, он именно на это реагирует капризами.

Малиновский — талантливейший оратор. Когда он рассказывал даже просто о быте рабочих (напр[имер], помню его о различии в типе питерского рабочего Моск[овской] области), можно было заслушаться. Подкупал горячностью. Что такой человек может быть провокатором, никому не могло и прийти в голову.

После сложения полномочий М[алиновский] приехал в Поронин и потребовал суда над собой. (Грозил застрелиться и пр.) К[омис]сия была образована из Ленина, меня и Ганецкого (польск[ого] с.-д.)⁵². Мы выслушали ряд свидетелей (Бухарин, Розмирович), М[алиновский] рассказал нам подробно биографию. У нас не осталось и тени сомнения в том, что он не провокатор. Уход объяснялся личными делами, усталостью, нервностью, болезненным самолюбием. Питерцы требовали более строгих мер за нарушение дисциплины. Но в провокацию ни Петровский, ни Каменев⁵³, ни др. ни секунды не верили.

Из германского плена Мал[иновский] стал писать мне и Ленину. Он стал там организовывать лекции, распространять революционную литературу и пр. Скоро он завоевал там большую популярность (сначала его и там ругали за уход из Думы). Мы получали десятки писем пленных солдат, к[ото]рые хвалили М[алиновского], превозносили его громадную общественную работу в плену.

До последней минуты я был глубочайше убежден в политической честности М[алинов]ского. В Торнео я из газет узнал правду⁵⁴.

К этому собственноручно мною записанному показанию добавляю следующее: По поводу поездок Малиновского в Финляндию могу сказать, что у него был там какой-то знакомый металлист финн, про которого Малиновский говорил нам, что через него можно устроить транспорт литературы. Это нам было весьма на руку, и мы просили потому Малиновского съездить туда. Вообще связь с финляндской социал-демократией представляла, конечно, для нас интерес. Относительно типографии в Гельсингфорсе я могу сказать, что не помню, давалось ли Малиновскому специальное поручение поставить ее там. Но припоминаю, что у нас, возможно, что именно с Малиновским, был как-то разговор о необходимости разыскать там старую нелегальную типографию. Никаких сведений о том, сделал ли что-либо по этой части Малиновский, у меня не имеется. Я припоминаю теперь, что где-то в Финляндии при участии Малиновского был разыскан старый архив большевиков и в частности отдельных товарищей; там были письма Плеханова к Линдову (Лейтайзен) за 1902—1903 годы. Могу еще для характеристики Малиновского добавить, что он казался лишь увлекательным, но вполне искренним. Он был очень нервный, чувствовалась в нем ревность к своим коллегам, которой он не мог скрыть.

На Пражской конференции кроме Малиновского был и Андрей Сергеевич Романов («Аля Алексинский»). Брядинский (по кличке «Матвей») знаком мне не был лично; я слышал, что он приезжал в Париж в то время, когда мы уже уехали на Пражскую конференцию, но не было ему товарищами указано место конференции, так как против него уже были какие-то подозрения. О том, что эти оба лица также провокаторы, мы получили сведения лишь теперь, по возвращении из-за границы в Россию после революции.

Из плена Малиновский посылал нам много писем; письма его были всегда очень неграмотны, но умны, оригинальны. Ни одного из них у меня не сохранилось здесь; я думаю, что в архиве нашем

в Кракове сохранилось довольно много писем Малиновского. Кроме того, после ухода из Думы он привез нам не одну сотню писем, полученных им от рабочих, в частности от избирателей его. Из писем этих была видна большая и бесспорная популярность Малиновского. Эти письма были также оставлены нами в архиве в Кракове или Поронине. Больше добавив ничего не имею.

(Продолжение следует)

Примечания

- ¹ Гольденберг И. П. (Мешковский) — социал-демократ с 1892 г., большевик. В 1905—1910 гг. работал в Петербурге, с 1907 г. член ЦК РСДРП.
- ² Рыков А. И. — социал-демократ с 1899 г., большевик. После V (Лондонского) съезда партии — член Большевицкого центра.
- ³ В действительности встреча с Малиновским состоялась в 1913 г., после возвращения А. И. Рыкова из ссылки по амнистии в связи с 300-летием Дома Романовых.
- ⁴ Имеется в виду ежедневная легальная газета «Наш путь» (25 августа — 12 сентября 1913 г.). Малиновский, на имя которого было снято помещение для редакции, в состав редакции не входил, но пытался подчинить ее своему контролю как член Русского бюро ЦК РСДРП и как московский депутат. Лобов А. И. — журналист, социал-демократ с 1903 г., большевик — был членом редакции «Нашего пути» и одновременно (с марта 1913 г.) секретным сотрудником Московского охранного отделения под кличкой «Мек»; в конце 1915 г. уволен из охраны за пьянство.
- ⁵ Никитин А. М. — социал-демократ, меньшевик, присяжный поверенный, работал в легальных рабочих организациях Москвы. В 1912 г. член социал-демократического избирательного комитета. В 1917 г. министр почт и телеграфов, а затем внутренних дел Временного правительства.
- ⁶ Речь идет о 2-м Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей, проходившем в Москве с 14 по 22 апреля 1911 г. Почти всех делегатов-рабочих полиция арестовала до открытия съезда, остальные в знак протеста отказались участвовать в его работе.
- ⁷ Плетнев В. Ф. — рабочий, социал-демократ, меньшевик в 1904—1914 гг., секретарь Московского союза текстильщиков, делегат 2-го съезда фабрично-заводских врачей. Пильщиков И. А. — делегат съезда от Московского союза портных. Козлов А. Г. — рабочий-меньшевик.
- ⁸ Имеется в виду VI Всероссийская (Пражская) конференция РСДРП.
- ⁹ Курский Д. И. — социал-демократ с 1904 г., большевик, присяжный поверенный. Работал в московской партийной организации и в профсоюзах. В 1912 г. член социал-демократического избирательного комитета.
- ¹⁰ Хинчук Л. М. — социал-демократ с 1898 г., меньшевик (до 1919 г.), затем большевик.
- ¹¹ Поляков А. А. («Кацап») — рабочий, социал-демократ, большевик. В 1911—1915 гг. секретный сотрудник Московского охранного отделения под кличкой «Сидор». В 1912 г. входил в состав социал-демократического избирательного комитета, во время избирательной кампании отстранен от партийной работы в связи с подозрениями в провокации.
- ¹² Безлепов (Безлепкин) А. И. — рабочий, в революционном движении с 1905 г., большевик с 1917 г. Выборщик в IV Государственную думу от рабочей курии Московской губернии.
- ¹³ Савинов И. Т. — рабочий, социал-демократ, большевик, выборщик в IV Государственную думу от рабочей курии Московской губернии. В 1913 г. — член Московского окружного бюро РСДРП, в 1913—1914 гг. — доверенное лицо ЦК РСДРП. В дальнейшем меньшевик.
- ¹⁴ Потресов А. Н. — социал-демократ, меньшевик-ликвидатор.
- ¹⁵ Дан Ф. И. — социал-демократ с 1894 г., меньшевик-ликвидатор.
- ¹⁶ Поскребухин А. А. — конторский служащий, социал-демократ, большевик. С декабря 1911 г. секретный сотрудник Московского охранного отделения под кличкой «Евгений».
- ¹⁷ Малинотвич В. Н. — социал-демократ, меньшевик, работал в Москве. В 1912 г. член социал-демократического избирательного комитета.
- ¹⁸ Ногин В. П. — социал-демократ с 1898 г., большевик, с 1907 г. член ЦК РСДРП.
- ¹⁹ Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) — социал-демократ, меньшевик-ликвидатор.
- ²⁰ Чхеидзе Н. С. — социал-демократ, меньшевик, депутат III и IV Государственных дум, председатель социал-демократической фракции до ее раскола в 1913 г., затем — меньшевистской фракции.
- ²¹ Троцкий Л. Д. — социал-демократ с 1898 г. Имеется в виду газета «Правда», которую с 1908 г. издавали в Вене Троцкий и его сторонники.
- ²² Малиновский А. А. — Богданов А., социал-демократ с 1896 г., большевик до 1909 г.
- ²³ Исув И. А. («Михаил»), Ермолаев К. М. («Роман») и Бронштейн П. А. («Чацкий») — меньшевики-ликвидаторы. Исув с 1907 г. был членом ЦК РСДРП, Ермолаев и Бронштейн — кандидатами в члены ЦК.
- ²⁴ Шевченко С. Е. — петербургский рабочий-меньшевик, был выслан из Петербурга вместе с Малиновским за участие в подготовке I-го Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, проживал с ним в Москве.
- ²⁵ Яковлева В. Н. — социал-демократка с 1904 г., большевичка, вела партийную работу в Москве.
- ²⁶ Фрумкин М. И. (Германов Л.) — социал-демократ с 1898 г., большевик. В 1908—1910 гг. председатель Центрального бюро московских профсоюзов, в 1910 г. — участник формирования Русской коллегии ЦК РСДРП.

- 27 Милютин В. П. — социал-демократ с 1903 г., меньшевик-партиец, затем большевик.
- 28 Дубровинский И. Ф. («Иннокентий») — в революционном движении с 1893 г., социал-демократ, большевик. С 1907 г. член ЦК РСДРП.
- 29 Юдин — Айзенштадт И. Л., с 1902 г. член ЦК Бунда.
- 30 Моисеев С. И. (Зефир) — социал-демократ с 1902 г., большевик.
- 31 Ежов В. (Цедербаум С. О.) — социал-демократ, меньшевик-ликвидатор.
- 32 Лейтейзен Г. Д. (Линдов) — социал-демократ, большевик. После V (Лондонского) съезда РСДРП — член Большевицкого центра.
- 33 Захаров М. В. — рабочий, социал-демократ, большевик, депутат III Государственной думы от рабочих Московской губернии.
- 34 Смидович М. В. — социал-демократка, большевичка.
- 35 Бадаев А. Е. — рабочий, социал-демократ с 1904 г., большевик, депутат IV Государственной думы от рабочих Петербургской губернии.
- 36 Декларация социал-демократической фракции IV Государственной думы была оглашена Малиновским 7 декабря 1912 г. в ответ на декларацию правительства, с которой 5 декабря выступил председатель Совета министров В. Н. Коковцов. Первоначальный проект декларации социал-демократов составил Ф. И. Дан; в ходе обсуждения он подвергся значительной переработке на основе тезисов В. И. Ленина «К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов».
- 37 Ягелло Е. И. — рабочий, член ППС-«левицы», депутат IV Государственной думы от Варшавской губернии. В социал-демократическую фракцию был принят с решающим голосом в вопросах думской работы и с совещательным — по внутрипартийным делам, так как на выборах прошел в депутаты в результате объединения ППС с Бундом против польских социал-демократов.
- 38 Родзянко М. В. — помещик, октябрист, председатель III и IV Государственных дум.
- 39 Муранов М. К. — рабочий, социал-демократ с 1904 г., большевик, депутат IV Государственной думы от рабочих Харьковской губернии. Имеется в виду письмо Муранова в газету «Речь» с протестом против обвинений в адрес Малиновского, снова появившихся в печати после выступления в ноябре 1916 г. в Думе депутата Маркова 2-го, который утверждал, в частности, что Малиновский присвоил рабочие деньги. Муранов сообщил, что, сложив 8 мая 1914 г. депутатские полномочия, Малиновский передал ему «всю кассу».
- 40 Лобова В. Н. — социал-демократка с 1905 г., большевичка. С 1911 г. член МК РСДРП, с ноября 1912 г. секретарь Русского бюро ЦК и группы большевиков-депутатов IV Государственной думы, с конца февраля 1913 г. — в Москве, организовала отделение конторы «Правды».
- 41 Зиновьев Г. Е. — социал-демократ с 1901 г., большевик. В 1906—1908 гг. член Петербургского комитета партии, входил в комиссию ПК по работе в профсоюзах. После V (Лондонского) съезда РСДРП — член Большевицкого центра, с 1912 г. — член ЦК. С речью в защиту спешности запроса социал-демократической фракции о взрыве на Охтенском пороховом заводе Малиновский выступил 25 января 1913 г.
- 42 Судебный процесс над членами большевистской фракции IV Государственной думы проходил в Петрограде 10—13 февраля 1915 г. Суду были преданы также большевики, принимавшие участие вместе с депутатами во всероссийском совещании партийных работников 2—4 ноября 1914 г. в Озерках. Все они обвинялись «в преступном сообществе», поставившем целью «насилственное ниспровержение» существующего образа правления и замену его демократической республикой.
- 43 Крупская Н. К. — социал-демократка с 1898 г., большевичка; в 1912—1917 гг. — секретарь Заграничного бюро ЦК РСДРП.
- 44 Шагов Н. Р. — рабочий, социал-демократ с 1905 г., большевик, депутат IV Государственной думы от рабочих Костромской губернии.
- 45 Розмирович Е. Ф. — социал-демократка с 1904 г., большевичка. В 1913—1914 гг. — секретарь Русского бюро ЦК РСДРП и большевистской фракции IV Государственной думы.
- 46 Бухарин Н. И. — социал-демократ с 1906 г., большевик. До ареста 19 декабря 1910 г. работал в Московской партийной организации, с 1912 г. — в эмиграции в Вене.
- 47 Альберт — Пятницкий И. А. (Таршис) — социал-демократ с 1898 г., большевик.
- 48 Брядинский М. И. — социал-демократ, большевик. С 1909 г. — секретный сотрудник Московского охранного отделения под кличками «Вяткин» и «Кропоткин».
- 49 Романов А. С. — рабочий, социал-демократ, большевик. Делегат Пражской конференции, член Московского областного бюро РСДРП. С 1910 г. — секретный сотрудник Московского охранного отделения под кличками «Пелагея» и «Поля».
- 50 Шумкин В. Г. — рабочий, социал-демократ, большевик. В 1912—1913 гг. входил в состав Московской инициативной группы большевиков. После встречи с В. И. Лениным в Кракове 20 октября 1912 г. — разведной агент ЦК РСДРП по Центральному Промышленному району.
- 51 Петровский Г. И. — рабочий, социал-демократ с 1897 г., большевик, депутат IV Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии, с мая 1914 г. — председатель большевистской фракции Думы.
- 52 Ганецкий Я. С. — член СДКПил с 1896 г., член Главного правления до 1908 г., один из руководителей близкого большевикам течения «розламовцев». С 1907 г. член ЦК РСДРП.
- 53 Каменев Л. Б. — социал-демократ с 1901 г., большевик. После V (Лондонского) съезда РСДРП — член Большевицкого центра. В 1914 г. руководил работой «Правды» и большевистской фракции IV Государственной думы.
- 54 Торнео — пограничный с Швецией город в Финляндии, где В. И. Ленин и другие большевики, возвращавшиеся из эмиграции, узнали из русских газет о разоблачении Малиновского.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДМИТРИЙ ШЕЛЕСТОВ. ВРЕМЯ АЛЕКСЕЯ РЫКОВА: ЭСКИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА. М.: Прогресс, 1990. С. 352. Тир. 50 000

Перед нами — первое за многие годы и жизнеописание, и исследование многогранной деятельности человека, ставшего преемником В. И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

К октябрю 1917 г. А. И. Рыков являлся 36-летним профессиональным революционером, за плечами которого были неоднократные аресты и ссылки. Большевистская партия знала «товарища Алексея» (это не только имя Рыкова, но и его партийная кличка), особенно организации РСДРП в Поволжье. Москвичи же послали его делегатом на III съезд партии в Лондон, где он впервые встретился с В. И. Лениным. Фамилия Сергеев, под которой Алексей Иванович был на съезде, упоминается в съездовских протоколах чуть ли не сорок раз. Среди пяти членов ЦК, избранных на съезде, А. И. Рыков был самым молодым и по возрасту, и по партийному стажу. Это было признанием его партийной зрелости. Он оказался рядом с Л. Б. Красиным, М. М. Литвиновым, А. В. Луначарским, Н. А. Скрипником, Л. Б. Каменевым.

Автор по-новому осмысливает деятельность Рыкова в период от Февраля к Октябрю, порывает со старыми стереотипами, согласно которым, с одной стороны, Рыков якобы сразу принял ленинскую позицию по возвращении из сибирской ссылки, а с другой, наоборот, выступил против ленинского курса на социалистическую революцию. В действительности дело обстояло сложнее. На VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию Рыков отправился из Москвы с убеждением, что позиция Ленина — «крайне максималистская». Это было реакцией на Апрельские тезисы Владимира Ильича. Такую точку зрения Рыков и выразил на конференции от имени московской делегации. Выступил он и против ленинского тезиса о роли российской революции как зачинательницы

мировой революции, международной. Опираясь на положения классического марксизма, Рыков не мог в то время подняться до творческих теоретических высот, сформулированных Лениным на конференции. Именно это обстоятельство и отметил В. И. Ленин в своем заключительном слове, довольно резко определив рыковские взгляды: «Это не марксизм, а пародия на марксизм»¹.

Автор внимательно читается в стенограмму Апрельской конференции и приходит к единственно верному выводу, что все эти споры были внутривнутрипартийной товарищеской дискуссией, которая, по ленинскому определению, приведенному в книге, дает только положительные результаты. Всего через полгода А. И. Рыков скажет на заседании Моссовета: «Без захвата власти рабочими и крестьянами невозможно торжество революции, невозможно спасение родины». На VI съезде партии Рыков был избран членом ЦК.

Известно, что А. И. Рыков получил в ленинском, первом советском правительстве пост народного комиссара внутренних дел, но пробыл на этом посту чуть более недели. Несмотря на это, он успел подписать несколько важных декретов, в том числе «О передаче жилищ в ведение городов». В последующие дни он оказался среди тех, кто, по словам Ленина, дал запугать себя буржуазии. Как известно, 4(17) ноября 1917 г. Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из состава ЦК. Одновременно Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович и Шляпников заявили на заседании ВЦИК о том, что слагают с себя звание народных комиссаров.

Эта кризисная ситуация хорошо знакома историкам. Автор приводит, однако, новые документы и мемуарные свидетельства, показывающие, как подействовали на А. И. Рыкова не только ленинская оценка происшедшего, но и

тот отпор, который дали А. И. Рыкову и В. П. Ногину московские рабочие. По словам Джона Рида, им здорово досталось за это дезертирство на собрании в Колонном зале Дома Союзов. Автор цитирует беседу А. М. Коллонтай с Жаком Садулем, в которой она высказала сожаление «о неосмотрительном поступке Рыкова». В. И. Ленин имел все основания сказать, что «московские рабочие массы не пойдут за Рыковым и Ногинным»². А через три года Владимир Ильич отметил, что перед Октябрьской революцией и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов «сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой необходимости неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены»; «эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»³. Через три месяца А. И. Рыков был снова включен в состав правительства в качестве члена коллегии Народного комиссариата продовольствия, а весной 1918 г. стал председателем ВСНХ.

С весны 1918 г. в течение более чем двенадцати лет А. И. Рыков в той или иной мере стоял у руля советской экономики. Хотя литературное наследие его, как справедливо отмечается в книге, совершенно не изучено, все же надо согласиться с авторской мыслью о том, что Рыков, в отличие, скажем, от Бухарина, был больше практиком, прагматиком, как бы мы сейчас сказали. Но не просто практиком, а крупным политическим деятелем государственного масштаба. Это особенно проявилось еще в годы гражданской войны.

В июле 1919 г. был преобразован Реввоенсовет Республики. Для большей гибкости и оперативности его деятельности он был сокращен до шести членов: Л. Д. Троцкий — председатель, Э. М. Склянский — заместитель, С. И. Гусев, С. С. Каменев — главком, А. И. Рыков, И. Т. Смилга. А. И. Рыков стал чусоснабармом. Эта аббревиатура раскрывается так: чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны по снабжению армии. По современной терминологии А. И. Рыков стал заместителем главкома по тылу. Ему были вручены диктаторские полномочия, подобные тем, какие имел А. Д. Цюрупа в продовольственном деле страны. Этот чрезвычайный орган действовал до августа 1921 г.

В книге рассмотрены основные мероприятия, которые были осуществлены под руководством Рыкова по снабжению Красной Армии продовольствием и вооружением. В. И. Ленин оце-

нил это одной фразой: «Рыков, когда работал в Чусоснабарме, сумел подтянуть дело, и дело шло»⁴.

И здесь нужно сказать о двух главных идеях, которые проводит автор в своей монографии. Первая — А. И. Рыков был соратником В. И. Ленина, близким, надежным, хоть и допускал ошибки, которые отмечаются в работе. Вторая — он стал преемником Ленина на посту главы Советского правительства. Мемуаристы свидетельствуют, что другой кандидатуры после смерти Ленина не было, она просто не возникала.

Сюжет «В. И. Ленин и его соратники» лишь в последнее время начал исследоваться по-новому, притом внимательно, всесторонне. А ведь даже после того, как отошла в тень всех затмевавшая фигура И. В. Сталина, этот сюжет рассматривался по старинке. До сих пор в фойе Музея Революции возвышается скульптура: В. И. Ленин в центре, справа от него — Я. М. Свердлов, слева — Ф. Э. Дзержинский. А где же остальные? Я. М. Свердлов работал бок о бок с Владимиром Ильичем всего два года (с весны 1917 г. по весну 1919 г.), а Ф. Э. Дзержинского В. И. Ленин высоко ценил как пролетарского яковинца, но как политика всерьез не воспринимал (что нашло отражение и в ленинском завещании и на что жаловался и сам Феликс Эдмундович).

Если же говорить о том историческом периоде, который мы называем переходом к нэпу, то в числе ближайших соратников В. И. Ленина несомненно находился А. И. Рыков. Именно он, так же, как и А. Д. Цюрупа, повседневно занимался народным хозяйством страны в то время как другой заместитель Председателя Совнаркома — Л. Б. Каменев — предпочитал «чистую» политику. И то, что многогранная деятельность Рыкова на этом посту исследована и раскрыта в рецензируемой книге, делает ее убедительной и интересной.

Именно государственная деятельность А. И. Рыкова в первую очередь привлекла автора. Рассказ о ней более всего удался в работе. Следует заметить, что в исследуемое время государственная деятельность того или иного вождя, как тогда называли руководителей партии и правительства, теснейшим образом переплеталась с партийной; добавим — внутрипартийной. Вот об этом-то хотелось бы видеть в рецензируемой книге побольше материала, знать поподробнее. Хотя надо признать, что по отношению к 1928 г. такой упрек излишний.

Особо следует отметить оригинальную трак-

товку в книге ленинского политического завещания. Автор глубоко прав, подчеркивая, во-первых, что этот документ значительно шире шести личных характеристик, как бы важны они ни были. Во-вторых, автор совершенно верно увязывает продиктованные В. И. Лениным строки, адресованные съезду партии, с тем, что говорил и писал Владимир Ильич в 1921—1922 гг., т. е. в последний период активной политической деятельности. Можно сказать, что болезнь Ленина стала мощным катализатором его реакции на процессы, происходившие в партии, в стране, в высших эшелонах государственной власти. Владимир Ильич отлично понимал все, что вокруг него происходит, но единственное, что он мог сделать, это диктовать свое мнение... стенографистке. Автор трактует эту ситуацию как высочайшую трагедию шекспировского масштаба. И он прав.

Повествование о жизни и деятельности А. И. Рыкова временами перемежается значительными отступлениями, характеризующими конкретную обстановку, в которой они протекали. Можно пенять Д. К. Шелестову, что этих отступлений или характеристик многовато. С другой стороны, без них трудно было бы представить весь объем и значение работы Рыкова. Надо сказать и то, что не всегда эти составные части политического портрета Рыкова стыкуются.

Некоторые существенные аспекты проблемы, исследованной в работе, остались нераскрытыми. Назовем лишь одну из них — взаимоотношения соратников В. И. Ленина между собой. Известно изречение, что короля делает его окружение. Было бы некорректным прямо переносить смысл и значение этого афоризма в советское время. Да и по-разному все было: при В. И. Ленине — одно, при И. В. Сталине — совсем другое. Тем не менее стоило остановиться на том, какими были отношения, скажем, А. И. Рыкова и А. Д. Цюрупы. Оба были заместителями Ленина в Совнарком, пользовались его доверием. Правда, Цюрупа рано ушел из жизни (1928 г.), но ведь пять лет он работал бок о бок с Рыковым. В книге этому уделено лишь полстраницы.

Рецензируемая монография насыщена выходами в современность, что нечасто встретишь в историографии. Автор не только не боится такого приема, но успешно им пользуется, связывая историю далеких от нас лет с нашими днями. Особенно это заметно во второй части книги, в которой говорится, как происходила сталинская расправа с А. И. Рыковым.

И здесь — трагедия того, как ломали и уничтожали таких людей, как Рыков. Здесь много еще неразгаданного. И автор пытается внести свою лепту в эту разгадку. Он рассматривает самые разные версии подготовки и проведения процесса 2—12 марта 1938 г., закончившегося гибелью А. И. Рыкова. Более полувека прошло с той поры. Какими бы зигзагами ни петляла история, правда о событиях прошлого, о людях, безвинно погибших в годы сталинщины, пробила себе дорогу.

Иногда авторским выходам в современность не хватает определенности, договоренности до конца. Так, на с. 166 «вдруг» говорится о том, что А. И. Рыкову довелось участвовать в похоронах М. В. Фрунзе. И здесь же следует авторская реминисценция о том, что, случайно или нет, Сталин загорелся рукой от фотографа на этих похоронах... И далее, что Фрунзе умер от несложной операции «не без участия „человека из Кремля“...» Тут и «многоустая московская молва», и «документальных подтверждений „не появилось“».

Если уж автор берется писать об этом, то надо быть точным и объективным. М. В. Фрунзе действительно оперировали в конце октября 1925 г., но по поводу язвы не желудка, а двенадцатиперстной кишки. Это, разумеется, не самое главное. Убили же его лошадиной дозой наркоза, которую сердце бывшего каторжника, таскавшего тюки с хлопком во Владимирском центре, не выдержало. Кому это было выгодно? Разумеется, Сталину. Но почему?

Незадолго до операции, в июне, ЦК партии принял постановление «О политике партии в области художественной литературы». Подготовили его И. М. Варейкис и М. В. Фрунзе. Тут-то старые большевики, знавшие о завещании В. И. Ленина и всколыхнулись: победитель Колчака и Врангеля, 40-летний государственный деятель, разбирается в литературе — готовый генсек! Участь М. В. Фрунзе была предрешена.

А литературное произведение, посвященное участи М. В. Фрунзе, появилось вскоре. То была «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка. Вот тогда-то и пошла «многоустая московская молва».

Основанная на архивных материалах, данных прессы и свидетельствах мемуаристов, рецензируемая монография выполнена на высоком научном уровне. Автор показал, что историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать, а нужно восстанавливать ее такой, какой она была. Обогащают книгу приложения: список

членов ЦК, избранного на XI съезде РКП(б) 2 апреля 1922 г., состав Политбюро и Секретариата ЦК, а также председателей ЦКК, избравшихся после XIII—XVII съездов партии (1924—1934 гг.), состав правительства СССР (1924—1935 гг.). Даны примечания, библиография, именной указатель.

В целом же монография «Время Алексея Рыкова» — добротная, профессиональная работа, написанная живым, образным языком. Она воскрешает в памяти современных чита-

телей облик бойца старой, ленинской большевистской гвардии Алексея Ивановича Рыкова, ленинского соратника и преемника.

Ю. П. Шарапов

Примечания

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 363.

² Там же. Т. 35. С. 58.

³ Там же. Т. 41. С. 417.

⁴ Там же. Т. 45. С. 114.

Г. А. ГЕРАСИМЕНКО. ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ. М.: Наука, 1990. С. 264. Тир. 2000

Новое историческое мышление все в большей степени охватывает проблематику исторических исследований. Его влияние выражается и в том, что исследуются сюжеты, которые раньше не были предметом глубокого изучения, и в новом подходе к анализу исторических явлений, который характеризуется прежде всего отказом от схематического, упрощенного изображения истории. Этот процесс, под знаком которого идет сейчас развитие советской исторической науки, нашел свое отражение и в рецензируемой монографии о земском самоуправлении.

Отношение советских историков к земству было в основном весьма негативным. Во главу угла ставилось известное ленинское положение о земстве, как пятом колесе в телеге самодержавия. А что касается его послеоктябрьской истории, то все сводилось к тому, что земские учреждения заняли контрреволюционные позиции и были быстро ликвидированы. А как реально обстояло дело? В условиях российской империи их деятельность принесла немало пользы. Они внесли вклад в социальную практику. Земство, бесспорно, было пятым колесом в телеге самодержавия. Но относится это определение главным образом к его роли в государственном управлении. Царское правительство никоим образом не хотело допустить участия земства в решении государственных дел. В стремлении всячески ограничить возможность вмешательства земства в эту сферу отражалась политика самодержавия — не отдавать Россию либералам. Кстати, связь такого отношения к земству с общей политикой самодержавия автор мог бы подчеркнуть. Говоря о деятельности земского самоуправле-

ния, нужно отметить: земские школы — крупное и не самое худшее звено в системе народного просвещения, земские врачи пользовались высокой репутацией, земские учреждения предпринимали практические попытки повысить продуктивность крестьянских хозяйств, культуру сельскохозяйственного производства.

Во Введении коротко, но многообязывающе сформулирована цель исследования: «показать историю российского земства и вскрыть причины краха земского самоуправления» (с. 5). Однако внимание автора сосредоточено на судьбах земства в период от Февраля к Октябрю и после Октября. Он обосновывает такую направленность своей работы: этот период истории земств до сих пор оставался практически слабо изученным, хотя они активно участвовали в борьбе за власть.

Хотя главное место в книге занимают события 1917—1918 гг., она начинается с главы «Земства под опекой царской бюрократии». Ведь в дореволюционную историю земства уходят корни многих последующих явлений, отношения общества к земству и земства к государству и т. д. Конечно, в этой главе невозможно было детально проанализировать всю историю земства с 1864 по 1917 г., но в ней сделано главное — в сжатой форме изложено, как развивались взаимоотношения земства и государственной власти. При этом, однако, автору следовало бы больше внимания, обратить на переходный, если можно так выразиться, характер земских учреждений.

Земское самоуправление было в известной степени органом именно переходного типа, в котором смыкались уходящая сословная

и утверждающаяся классовая структура общества. Фактически автор говорит об этом, но не ставит точку над «и», не подводит итога своим суждениям. Он упоминает, что земство формировалось на основе имущественного ценза, т. е. принципа безусловно буржуазного, и вслед за этим отмечает, что на уездных и губернских земских собраниях председательствовали предводители дворянства — а это институт, присущий сословному строю. Не случайно В. И. Ленин говорил о всесословном представительстве, с которым не могла ужиться чиновничья клика. «Наряду с феодально-крепостническими учреждениями возникли и стали действовать учреждения буржуазии и либеральных помещиков. Именно это противоречие между явлениями старого и нового порядка, усугубленное спецификой российской действительности, определяло взаимоотношения между царизмом и земствами» (с. 13). Так определил автор противостояние земств и царской бюрократии, показанное в монографии достаточно рельефно и убедительно. Но к этому надо добавить, что такое положение складывалось не только вокруг земства, но и в самом земстве. Таким образом, отрицательное отношение к земству не что иное, как отрицательное отношение сословной монархии к органу, в котором осуществлялся переход от сословных к классовым отношениям. Представляется, что такое «среднее» положение земства являлось очень важным компонентом, определяющим его место в социальной структуре общества и сыгравшим существенную роль в его дальнейшей судьбе.

В книге приводится компетентное суждение крупного специалиста по проблемам самоуправления В. Трутовского о кризисе сословности: «Характерно, что сословное земство 1890 г. больше никем не защищается. Да это и вполне понятно: ибо при все большем оскудении дворянства среди него просто недостает таких элементов, которые бы могли плодотворно вести земскую работу» (с. 49—50). В то же время В. И. Ленин рассматривал земство как готовую организацию русской буржуазии, которую она могла поставить себе на службу в случае прихода к власти.

После Февральской революции Временное правительство отводило земским учреждениям крупную роль в системе органов государственной власти. И возлагало на них большие надежды. Тем не менее земство не стало властью, и даже первому премьеру Временного правительства земцу князю Львову не удалось укрепить его положение. Одной из причин

неудачи, что подтверждается материалами монографии, был сословный характер земства. «Новое правительство решило опереться на земство на первых порах,— писала газета Владимирского губернского исполнительного комитета 23 марта 1917 г.— Однако свободная страна не может управляться до самого созыва Учредительного собрания столь несовершенным аппаратом, как узко сословное земство 1890 г.» (с. 69).

Признавая обоснованность такой точки зрения, все же заметим, что попытка опереться на земство не была случайностью. Автор исходит из того, что земства для буржуазного Временного правительства были близкими и понятными учреждениями. Никким образом не оспаривая такое суждение, стоило бы, пожалуй, добавить и еще одну причину, а именно «срединное» положение земства. Чрезмерно увлеченные классовым подходом к расстановке политических сил, мы подчас забываем, что «середина» — самая удобная позиция, когда речь идет об уравнивании крайностей и на определенном этапе такая позиция поддерживается широкими слоями общества, которые хотели бы обойтись без конфронтации. Так было и в России в 1917 г.

Воздействие «мелкобуржуазной волны», поднявшейся после свержения монархии, сделало мелкую буржуазию «самым массовым действующим лицом политической жизни страны» (с. 68), и это заставило Временное правительство изменить свое отношение к земскому самоуправлению. Если вначале Временное правительство видело в земских учреждениях основной — и в перспективе единственный — аппарат местной власти, то после того, как революция отсекала от него помещиков и начался процесс вытеснения цензовых элементов, оно сочло земства уже недостаточно надежным оплотом и стало искать новые точки опоры. В качестве таковой оно выдвинуло общественные организации и образованные ими комитеты, на которые должны были опираться комиссары Временного правительства.

Положение земств, вопреки надеждам, не упрочилось, а вполне закономерно пошатнулось. На очередь дня, поскольку устранение земского самоуправления еще не назрело, был поставлен вопрос о его демократизации. Борьба за демократизацию показана в книге на основе обширного, интересного и во многих случаях малоизвестного историкам фактического материала, который позволил автору четко проследить наличие трех групп зем-

ских учреждений. Первую группу составили земства, в которых произошли радикальные перемены и которые связали свою судьбу с демократическим лагерем. Эта группа была относительно малочисленной. Больше было земств, состав которых сколько-нибудь заметных изменений не претерпел. Наконец, в третью, самую многочисленную группу вошли земства с частично изменившимся составом гласных. Подведя итоги изменений в социальном составе земств, автор констатирует, что в общем цензовые элементы были потеснены демократией.

А как обстояло дело с их партийным составом? Автор обоснованно утверждает, что «мелкобуржуазная волна» вынесла на первый план «третий элемент» — второй эшелон земских работников, сформировавшихся до Февральской революции. Это — буржуазная интеллигенция, которая стала определяющим фактором в земской деятельности. Однако этот «третий элемент» был воспитан в равных земских традициях и поддерживал старое руководство. Такое сочетание во многом характеризовало социальную сущность вновь избранных земств. Но ведь это сочетание отнюдь не ведомственное, а вообще свойственное тому периоду явление. Не случайно, наверное, партия «третьей силы» — эсеры — выступали за сохранение земств. В книге подчеркивается, что, несмотря на демократизацию, враждебное отношение к земству сохранилось. И опять-таки это отражение общей ситуации — роста недоверия масс к мелкобуржуазной демократии. Для того, чтобы выявить эту связь, и следовало, хотя бы на основе выборочных данных, попытаться проследить изменения партийного состава земств.

С целью укрепить свое положение и получить поддержку деревни Временное правительство решило «достроить снизу» систему земских учреждений и ввело ранее не существовавшее волостное земство. Глубоко проанализировав отношение к нему крестьянства, автор пришел к выводу, что оно не поддерживало образование волостных земств, которое, по их мнению, могло только усилить власть обеспеченных слоев населения. Они были правы уже потому, что изданный Временным правительством «Наказ», регламентировавший выборы волостных земств, отдавал формирование избирательных комиссий земским управам. Оно хотело сделать выборы «всеобщими» и ввело пропорциональную систему голосования, которая, по расчетам правительства, давала превосходство имущим

классам, что в итоге привело к усилению в деревне напряженности. Но, хотя волостные земские собрания по сравнению с общественными комитетами сдвинулись вправо, автор полагает, что считать их буржуазными, как делают многие историки, нельзя. Они были по преимуществу мелкобуржуазными. С этим его мнением вполне можно согласиться.

Однако суждение автора о том, что не существовало прямой связи между классовым составом крестьянских организаций (в данном случае волостных земств) и их политикой, представляется недостаточно обоснованным. Волостные земства были крестьянскими. Это хорошо видно из приведенных данных о составе гласных волостных земств по роду занятий — земледельцев было 78%. О партийном составе, пишет автор, итоговых данных нет. В большинстве случаев партийность не указывалась, тем не менее на основании ряда факторов можно считать главенствующей партией эсеров. Но разве партийный состав не есть отражение классового? Эсеры — партия мелкобуржуазная и ее политика была связана с тем, что она хотела играть роль «третьей силы», пытаясь проводить в политике «среднюю линию». Размышления над приведенными в монографии данными подталкивают к мысли, что земства тоже представляли эту линию. Правда, склоняясь больше вправо, чем влево, в том числе и наиболее радикальные из них — волостные.

В обществе шел процесс не консолидации и стремления к консенсусу, а поляризации и нарастания конфронтации. В этих условиях «средняя линия» быстро теряла сторонников. Крестьяне были недовольны волостным земством, так как оно усиливало влияние буржуазии, а Временное правительство — потому что не удалось полностью прибрать его к рукам.

Интересны данные о большевиках на выборах волостных земств. Известно, что в ряде случаев, особенно осенью 1917 г., ими были одержаны победы, которые удивили даже эсеров. Газета «Дело народа» 12 сентября 1917 г. писала: «Последние дни принесли известия о победе большевиков в Ревеле, Царицыне, Орехово-Зуеве, Иваново-Вознесенске, Твери и др. городах. Победы эти нельзя назвать иначе, как блестящими... Это — рабочее. Но вот выборы в уездное земство в Московском уезде, земские выборы в некоторых волостях Пермской губернии. И везде неожиданный успех большевиков...»

Партийный состав избранных на основе земской реформы Временного правительства

уездных и особенно губернских земств освещается в книге более широко. Подводя итоги выборов, автор отмечает, что эти земства оказались в основном в руках социалистов-революционеров и преобладающее влияние в них получил «третий элемент». Оба результата вполне увязываются друг с другом. В партийном отношении «третий элемент» по логике вещей должен тяготеть к правым эсерам. И все же было бы очень полезно, опираясь хотя бы на неполные данные, подвести итог по партийному составу земств, как это хорошо сделано в таблице по роду занятий гласных, и проследить его изменения между выборами в первой и второй половине 1917 г. В книге подчеркивается, что буржуазная ориентация земств определялась преобладанием в них эсеров. К сказанному можно добавить, что, во-первых, это соответствовало общей расстановке классовых сил, в которой кадеты заняли место монархии, а эсеры — место кадетов, и, во-вторых, что именно правые эсеры выступали сторонниками коалиции с буржуазией.

Суммируя отношение земств к Октябрьской революции, автор выделяет три точки зрения. Придерживающиеся первой считали возможным и нужным сотрудничество с большевиками, второй — отрицали возможность какого бы то ни было соглашения с ними, третьи — не только отрицали такую возможность, но и полагали, что следует вступить в борьбу с большевиками. Таким образом, сложилось три группы земств: одну составили земства, которые пошли вместе с революционным народом, другую — не принявшие Октябрьскую революцию и относительно пассивно противодействовавшие Советской власти и третью — открыто предъявившие свои права на власть и стремившиеся на практике реализовать их. Но в общем в отчете НКВД, на который ссылается автор, констатируется, что с переходом власти к Советам «органы местного самоуправления сплошь и рядом стали оплотом контрреволюции» (с. 174.) Единственно, чего не хватает в предложенной группировке — попытки определить, какие именно земства вошли в ту или иную группу, что их объединяло, какие у них были общие социально-экономические черты. Зависело ли это от близости или отдаленности промышленных центров, от уровня промышленного развития губернии, от времени создания земства и т. д.? Конечно, критерии не могут быть абсолютными. Отклонения неизбежны, в частности, уже потому, что свою роль при этом играли не толь-

ко объективные, но и субъективные факторы. И тем не менее можно попытаться определить в общих чертах, чем объяснялось сходство и разница в позиции земств по отношению к Советской власти. Целесообразность такого анализа заключается в том, что он позволит уточнить, детализировать общую картину расстановки социальных сил в стране.

Нельзя не отметить освещение в книге короткого послеоктябрьского периода истории земских учреждений. Процесс их ликвидации не так прост и безболезнен, как это часто изображалось, вопреки характеристике, данной в отчете НКВД: «Процесс перехода местного хозяйства к Советам принял весьма затяжной и болезненный характер» (с. 204). Насчет затягивания можно поспорить. Полгода (автор считает, что процесс ликвидации земств завершился летом 1918 г.) не такой уж большой срок, но вот о болезненности и сложности этого процесса следовало сказать, что и сделал автор; он отметил и такой факт, как создание Народного комиссариата по делам местного самоуправления. По-видимому, в силу того, что взаимоотношения земства и политических партий в книге оказались на втором плане, автор не обратил достаточного внимания на то, что, помимо всего прочего, создание указанного наркомата было одной из уступок левым эсерам при заключении правительственного блока с ними. Его не было в структуре правительства до вхождения в него левых эсеров и ликвидировано оно было после левозэсеровского мятежа в июле 1918 г. Для устранения земств большое значение имело создание единых органов Советской власти — объединение Советов рабочих и солдатских с Советами крестьянских депутатов, завершенное на III Всероссийском съезде Советов; последний был создан одновременно с Учредительным собранием, о роспуске которого следовало бы сказать несколько больше.

Автор несколько раз обращается к этой проблеме, показывая отношение земств к вопросу о созыве Учредительного собрания и его будущей роли, подчеркивает, что и выборы в земства рассматривались как генеральная репетиция выборов в Учредительное собрание. Последнее обращение к этой теме в книге связано с решением Московского областного съезда земств и городов в январе 1918 г., где говорится, что «Учредительное собрание должно собраться немедленно там, где этому представится возможность. До решения Учредительного собрания съезд предлагает городам

и земствам сохранить всю полноту местной государственной власти, обеспечивая ее всеми доступными средствами от покушения» (с. 214).

Решение, принятое после роспуска Учредительного собрания, требует комментариев. По сути дела, оно явилось открытым объявлением войны Советской власти, означало поддержку будущего Самарского комитета членов Учредительного собрания. «Союз земств и городов» осенью 1918 г. участвовал в Уфимском государственном совещании, которое проходило под лозунгом защиты Учредительного собрания и образовало Уфимскую директорию — последнюю ступеньку к провозглашению власти Колчака.

Следует высказать такое замечание. В книге много фамилий. Некоторые достаточно хорошо известны, другие, по тем или иным причинам, встречаются редко, хотя заслуживают внимания. Например, В. Трутовский, который неоднократно цитируется в работе. Большин-

ству читателей Трутовский неизвестен, а он — крупный специалист в области самоуправления, муниципальной политики. Левые эсеры, войдя в Советское правительство, выдвинули его на пост народного комиссара по делам местного самоуправления. В дальнейшем судьба Трутовского сложилась трагически. Книга, наверное, выиграла бы, если бы содержала краткую характеристику хотя бы некоторых персонажей, сведения об их политической судьбе.

Рецензируемая работа наводит на размышления о целесообразности, необходимости более широкого изучения истории общественных организаций России, действовавших по обе стороны баррикад. И первым шагом в этом направлении могла бы стать книга, отхватывающая всю историю земских учреждений; основание для ее создания дает рассмотренная монография.

К. В. Гусев

И. В. АЛЕКСЕЕВА. АГОНИЯ СЕРДЕЧНОГО СОГЛАСИЯ. ЦАРИЗМ, БУРЖУАЗИЯ И ИХ СОЮЗНИКИ ПО АНТАНТЕ. 1914—1917. Л.: Лениздат, 1990. С. 318. Тир. 50000

Перемены в нашей стране вызывают повышенный читательский интерес к исторической литературе, в частности, посвященной событиям, предшествовавшим Февральской и Октябрьской революциям. Академическая неторопливость научных издательств и выработанный за десятилетия старательного обезличивания индивидуальности исследователя сухой стиль изложения большинства специальных работ поставили историков-профессионалов в невыгодное положение по сравнению с писателями и журналистами. Последние ярко, но далеко не всегда в соответствии с исторической истиной живописуют прошлое России. Я имею в виду даже не заведомую тенденциозность тех или иных публикаций, а упрощенный и поверхностный подход к достаточно сложным явлениям. При подобных обстоятельствах возрастает значение таких работ профессиональных историков, которые сознательно ориентированы на широкую аудиторию и в популярной форме доносят до читателя выводы, основанные на серьезном исследовании.

В жанре популярного изложения серьезных проблем написана и рецензируемая моно-

графия. В ней рассматривается проблема кризиса верхов в России в годы первой мировой войны. Тема эта уже не раз привлекала к себе внимание советских историков. Но автор нашел свой угол зрения. Опираясь в общих сюжетах на работы своих предшественников, он специально исследует взаимоотношения думского «Прогрессивного блока», различных либерально-оппозиционных общественных организаций и западных союзников России. В книге прослеживается, как либеральная оппозиция использовала ссылки на западноевропейское общественное мнение и на опыт функционирования государственных институтов стран Антанты в своем давлении на царизм, — с одной стороны, а с другой — как англо-французская дипломатия, постепенно разочаровываясь в способности царизма успешно вести войну, испытывая возрастающие подозрения относительно готовности правительств России пойти на сепаратный мир, завязывала все более тесные контакты с русской либеральной оппозицией, становясь на ее сторону в конфликте цензурной общественности и правящих верхов.

Справедливо отметив, что в основе тяготения либеральной оппозиции к правящим и общественным кругам Англии и Франции лежало идеологическое родство, автор говорит и о тактических соображениях, определивших усиление кампании за «сближение с союзниками» именно весной 1915 г. То было стремление сгладить возникшее недовольство действиями союзников, перешедших к позиционной войне в момент неудач русской армии, а своей галлиполийской операцией заронивших сомнение в их готовности предоставить России после войны контроль над Константинополем. В то же время проявилось и желание опереться на союзное общественное мнение в предпринятой летом 1915 г. попытке добиться создания «правительства доверия». Не случайно Общество сближения с Англией было создано в Москве 22 мая 1915 г. — тогда же, когда началось общее выступление цензурой общественности за скорейший созыв сессии Думы и за изменение состава кабинета Горемыкина. Не было случайностью то, что его деятельность началась с открытых политических речей виднейших либеральных лидеров. В книге дан наиболее подробный в советской литературе очерк деятельности Общества сближения с Англией и аналогичного ему петербургского Общества английского флага, занимавшихся пропагандой идей парламентаризма и служивших целям установления прямых контактов между русскими оппозиционными лидерами и английскими дипломатами и государственными деятелями, посещавшими Россию.

«Прогрессивный блок» старался привлечь внимание союзников к своим трениям с правительством. Говоря об этом, автор не всегда удачно формулирует суть происходившего. Так, было бы неверно считать, что обращение бюро блока в октябре—ноябре 1915 г. к вопросам внешней политики означало резкую переориентацию либералов, которые, потерпев поражение в области внутренней политики, стали проявлять большую заинтересованность во внешнеполитических делах (с. 152). Сам же автор показывает, сколь большое значение придавали либералы проблемам внешней политики и в первые месяцы войны. На заседаниях бюро блока, о которых идет речь, обсуждалось лишь, какие внешнеполитические вопросы целесообразно выдвигать на предстоящей сессии Думы в интересах достижения внутриполитических целей блока и в какой форме это сделать, чтобы не навлечь на себя недовольство союзников (отсюда желание

обойти щекотливый вопрос об английских займах).

Использование оппозицией внешнеполитической темы для достижения внутриполитических целей отмечает и автор, когда говорит о стремлении либералов дискредитировать правительство в глазах страны и европейского общественного мнения, распространяя слухи о германофильстве Штюрмера и включая в декларацию блока 1 ноября 1916 г. тезис о «растраченном доверии» между Россией и союзниками. Характерно, что, несмотря на растущие антианглийские настроения в правой части «Прогрессивного блока», сходный тезис был, как отмечается в книге, включен и в резолюцию съезда председателей губернских земских управ.

Естественно, что в книге, центральной темой которой являются контакты русской оппозиции с Западом, видное место заняла история поездок либеральных журналистов в Англию в феврале — марте и думской делегации в Англию и Францию в апреле — июне 1916 г. Главной целью этих поездок было получить европейское признание в момент, когда стали рушиться последние надежды сговориться с царизмом (с. 175). Убедительно доказывается, что цель эта была достигнута, о чем свидетельствовали и доверительный характер бесед английских и французских государственных деятелей с Милюковым, и публичные заявления английской стороны о «великом братстве парламентов», и договоренность о создании регулярно функционирующей межпарламентской группы стран Антанты, к которой русские оппозиционные круги могли бы апеллировать в своих конфликтах с царизмом. Интересные материалы для характеристики этих поездок почерпнуты автором из мало использовавшихся до сих пор записных книжек Милюкова, которые он вел во время пребывания в Европе. На этих же записных книжках и на ряде других материалов построен рассказ о второй поездке Милюкова на Запад в августе—сентябре 1916 г., лишь скупо упоминавшейся в предшествующих работах. В ходе этой поездки Милюков зондировал отношение русских дипломатов к замене Сазонова Штюрмером в Министерстве иностранных дел и собирал сведения для своей знаменитой речи «Глупость или измена».

В разделах, о которых шла речь выше, автор опирается в первую очередь на собственные изыскания. В других частях книги, делая отдельные интересные наблюдения, автор выступает преимущественно как популяризатор,

используя для этого разнообразные приемы. Широко цитируются различные мемуары, письма Александры Федоровны к Николаю, протоколы бюро «Прогрессивного блока» и другие материалы. Приводятся, на мой взгляд, даже с некоторым избытком, стихотворные памфлеты того времени. Книга иллюстрирована фотографиями 1914—1917 гг. К сожалению, качество их воспроизведения оставляет желать лучшего, но за это автор ответственности не несет. Читатели будут, безусловно, благодарны за биографические справки как о русских государственных и политических деятелях, так и об английских дипломатах и журналистах. Во многих случаях такие справки представляют интерес не только для массового читателя, но и для специалистов. В то же время подбор этих справок несколько случаен. Так, даны биографические сведения о московском градоначальнике А. А. Андрианове и чиновниках Департамента полиции В. И. Лебедеве и Л. А. Ратаеве, лишь по одному разу упоминаемых в тексте. Но нет справок о видных деятелях оппозиции, принимавших активнейшее участие в деятельности Общества сближения с Англией и Общества английского флага, например, о М. М. Ковалевском. Почему-то «не заслужил» биографии председатель Думы М. В. Родзянко. Если приводятся сведения о генерале Ренненкампе, то естественно ждать справки и о генерале Самсонове.

Понятно, что в справках отражается и личное отношение автора к данному человеку. Но иногда такое отношение выглядит пристрастным. Так, в биографиях Милюкова и Сазонова, помещенных одна вслед другой, о Сазонове говорится, что он умер, «жестоко тоскуя по России» (с. 18), во всем же эмигрантском периоде жизни Милюкова подчеркивается лишь его «космополитизм» и нечто «нерусское» в его характере (с. 14). Между тем реальные факты политической эволюции Милюкова в 1921—1943 гг. были бы ценнее, чем приведенная цитата какого-то случайного и мало значащего мемуариста. И. В. Алексеева, на мой взгляд, вообще не вполне справедлива к Милюкову, настаивая на его якобы чрезмерном западничестве, мешавшем-де ему видеть реальное положение дел в России. Не этим ведь определялись просчеты русского либерализма в оценке состояния и перспектив развития политической ситуации в стране. Встречаются в книге отдельные фактические неточности.

Популярная и в то же время снабженная аппаратом научного издания книга будет полезна не только широкому читателю, но и историкам-профессионалам. Очевидна потребность дальнейшего развития такого жанра в нашей исторической литературе.

В. С. Дякин

И. М. ПУШКАРЕВА. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ 1907—1910 гг. М.: Наука, 1989. С. 271. Тир. 1700

Изучение рабочего движения в России имеет давние историографические традиции. В 60-х — начале 80-х гг. была завершена многолетняя работа большого коллектива авторов, связанная с изданием серии книг, посвященных истории рабочего класса России от его зарождения в XVII в. до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, исследователей больше привлекали периоды революционных взлетов (1905—1907 и 1910—1914 гг.). Слабо изученным периодом истории российского пролетариата оставались годы реакции 1907—1910 гг. Рецензируемая монография, на наш взгляд, существенно восполняет этот пробел.

Дело не только в том, что исследователи российского пролетариата, научные работники, преподаватели и студенты исторических факультетов вузов получили первое академическое издание, посвященное одному из сложных и драматических периодов истории рабочего движения России. В работе сделана первая удачная попытка по-новому осмыслить ряд сюжетов проблемы — и в этом прежде всего достоинство монографии. Автор справедливо отмечает, что практически во всех ранее изданных работах по рабочему движению «искусственно снимался вопрос о влиянии в рабочей среде меньшевиков-ликвидаторов и эсеров». (с. 8). На самом деле, замалчива-

лась либо критически оценивалась деятельность социал-демократических организаций, не имевших прямых связей с большевистским центром. Между тем такие организации в той или иной форме также принимали участие в рабочем движении.

Работу отличает широкая источниковая база — это материалы из государственных и партийных архивов, монографии и статьи, дореволюционные издания и др. Впервые использованы публикации, посвященные рабочему движению в различных регионах страны. Книга свидетельствует о внимательном отношении ученого к своим коллегам из различных регионов страны. Это и позволило, во-первых, значительно расширить диапазон исследования, во-вторых, проследить общее и особенное.

Один из основных разделов книги посвящен положению рабочего класса России в годы реакции. Этому важному сюжету рабочей жизни немало уделялось внимания еще ранее, в книгах В. Я. Лаврычева, Ю. И. Кирьянова, Л. С. Гапоненко, Э. Э. Крузе, К. Ф. Шацилло, Н. А. Ивановой и др., а также в изданиях серии «История рабочего класса СССР». В рецензируемой работе показано развернутое наступление самодержавной власти и буржуазии на рабочий класс, которому противостояли мощный карательный аппарат царизма и различного рода предпринимательские союзы крупного капитала. Автор раскрывает значительно усилившуюся капиталистическую эксплуатацию, опираясь на данные об изменениях в жизненном уровне рабочих страны в целом, отдельных отраслей, предприятий. По мнению автора, такая эксплуатация проявлялась в годы реакции как в старых традиционных формах, так и в других, связанных с наступлением империалистической эпохи, с развитием монополистического капитализма. Третьеиюньская система, заключает автор, не только не ослабила, а, напротив, обострила в стране социально-экономические и политические противоречия (с. 57). Такой вывод заслуживает внимания сегодня, когда исследователи и публицисты еще и еще раз возвращаются к сути третьеиюньской системы и аграрной политики Столыпина.

Большого внимания заслуживает вторая глава монографии, вопреки установившимся традициям названная «В борьбе за революционный путь рабочего движения». В этой связи выделены следующие сюжеты: «Большевики — последовательные хранители революционных традиций», «Формы и методы поли-

тического воспитания рабочих», «Массовые рабочие организации в 1907—1910 гг.». Центральное место в главе занимает деятельность различных политических партий среди рабочих в сложных условиях реакции, наступление которой явилось суровой школой проверки их стойкости и крепости. Но при этом автор сосредоточивается на выработке большевиками в годы реакции новой тактической линии, использовании ими новых форм и методов работы. Как подчеркивается в монографии, характерной особенностью рассматриваемого периода было сочетание опыта старых, закаленных в революции 1905—1907 гг. партийных кадров с энергией и инициативой молодых, преимущественно из числа рабочих. Таким путем сохранялась социальная база РСДРП, а также само ее существование в условиях резкого обострения фракционной борьбы. Цементирующим звеном здесь служила квалифицированная рабочая масса, крепко связанная со своей партией. На основе скрупулезного изучения многочисленных источников в книге исследованы формы и методы легальной и нелегальной работы политического авангарда рабочего класса, его идеологическая и издательская деятельность, работа в профсоюзах и других массовых организациях. В связи с этим подчеркивается ленинская мысль о том, что революционная социал-демократия стремилась не пренебрегать в годы реакции ни малейшей возможностью открытого выступления, расширения базы своего движения, вовлечения в него новых и новых слоев пролетариата, наполнения всей этой деятельности духом революционной борьбы.

Заслуживает одобрения попытка разработать внутреннюю периодизацию рабочего движения в исследуемых хронологических рамках. Речь идет о рабочем движении летом 1907 г., классовых боях пролетариата осенью 1907 — весной 1908 г., стачечной борьбе рабочих в 1908—1909 гг.; рабочем движении на переломе — в 1910 г. Автор резонно не соглашается с существующим мнением о том, что передовым отрядам рабочего класса якобы была «глубоко безразлична участь II Государственной думы» (с. 113). Как мог рабочий класс безучастно относиться к разгону Думы, когда репрессиям подверглась в первую очередь социал-демократическая фракция, т. е. представители пролетариата? Рабочий класс достаточно (с учетом изменившихся условий) активно реагировал на разгон Думы. Его отношение выразилось во многотысячных

митингах, собраниях, стачках протеста, прокатившихся по всей стране. Эта мысль в работе основательно мотивируется: с июня по декабрь 1907 г. в экономических и политических стачках участвовало в стране почти 300 тыс. человек, причем в 50% случаев число участников осталось невыясненным (с. 124). Важно также подчеркнуть, что 74,6% стачечников этого периода участвовало в политических выступлениях.

Анализ всех форм движения пролетариата весной 1908 г. позволил автору заключить, что и первая половина 1908 г. «явно тяготеет к еще „неостывшим“ после революции месяцам классовой борьбы» (с. 161). Лишь со второй половины 1908 г., как установлено в работе, наблюдался повсеместный спад стачечной борьбы (с. 173), а 1909 год стал временем наибольшего разгула реакции в рабочем движении (с. 180). В работе анализируются данные центральных и местных архивов, общие и частные исследования; в итоге воссоздается общая картина борьбы рабочего класса страны в период ее спада. Автор не ограничился рассмотрением событий в центральных районах, что характерно для многих предыдущих исследований, а выделяет также выступление в Закавказье, Белоруссии, Литве, Польше, на Украине, в Сибири. Исследователь стремился выявить общее и специфическое в рабочем движении различных регионов страны, что было обусловлено разным уровнем их социально-экономического развития.

Итогом кропотливой работы стало в монографии уточнение количества забастовок и числа их участников, установление соотношения между экономическими и политическими стачками. Характеризуются позитивное и негативное в рабочем движении, роль различных отрядов пролетариата в классовой борьбе. Таким образом, дается представление о внутренней динамике рабочего движения.

В этой связи привлекает внимание заключительная глава книги «Динамика и итоги стачечной борьбы в годы реакции». В ней обобщены данные о стачках, об их участниках. На этой основе прослеживается соотношение стихийного и организованного, общего и локального, раздробленного и массового в рабочем движении. Автор определяет приливы и спады стачечной волны, профессиональный состав стачечников, динамику движения по губерниям, годам и месяцам.

Исследователи истории рабочего движения в стране, в том числе и автор этих строк, давно

высказывались за необходимость разработки единой методики составления и изучения статистики стачек рабочих *. И. М. Пушкарева вместе с Н. А. Блиновым, В. П. Желтовой, Н. И. Ивановой, Ю. И. Кирьяновым приняла участие в разработке подобной методики. На основе последней в монографии разработаны статистические материалы, относящиеся к периоду реакции. Впервые составлена новая статистика стачек (с. 224—231), которая существенно отличается от имеющейся в историографии. Разумеется, в методике подсчета и полученных данных не все бесспорно. Но несомненно другое — уточненные статистические данные значительно расширяют наши представления о масштабах и размахе рабочего движения в годы реакции. Они свидетельствуют о том, что царизму «нелегко было сбить довольно высокий уровень стачечной борьбы, достигнутой в июле 1907 г.» (с. 229), а в мае 1908 г. «часть революционной энергии пролетариата „выплеснулась“ на поверхность» (с. 230). Массовое рабочее движение в России «замедлило» свой наступательный бег «лишь на весьма короткий исторический срок» (с. 259). Воссозданная в работе общая картина стачечной борьбы свидетельствует: в отличие от сведений фабричной инспекции количество стачек было в 1,7 раза больше, а число стачечников — почти в 2 раза (с. 231). Опираясь на эти данные, автор обоснованно заключает, что число стачечников в годы реакции в два раза превосходило соответствующие показатели 1901—1904 гг., когда в России возникла революционная ситуация. Следовательно, затем рабочее движение характеризовалось не столь уж низким уровнем, как это изображалось до сих пор.

Помимо стачечной борьбы важны и другие формы рабочего движения. В центре внимания автора — профсоюзное и кооперативное движение в 1907—1910 гг. К сожалению, о деятельности многих других легальных организаций рабочих в работе рассказывается мало. Ведь в классовом воспитании пролетариата в годы реакции они сыграли не менее важную роль, чем стачки, являясь связующим звеном между рабочими и политическими партиями различных направлений, в том числе и революционной социал-демократии. Представляется назревшей задача монографического изучения этой проблемы заново, в рамках всей страны.

Весьма плодотворным могло бы оказаться углубленное изучение различных течений в рабочем движении. Автор рассматривает

и этот вопрос. Эта проблема заслуживает специального изучения не только с позиций острой внутри- и межпартийной полемики того периода, но и с точки зрения значения зарождения демократических традиций и процессов в самом рабочем движении, опыта сотрудничества различных направлений в нем.

В книге неоднократно подчеркивается, что и в годы реакции пролетариат сохранил гегемонию в освободительном движении (с. 269 и др.). Перед автором не стояла задача специального исследования вопроса о союзниках пролетариата в годы реакции (с. 268). Но вопрос этот настолько существенный, что стоило бы уделить ему больше внимания, чем это сделано в работе. В противном случае трудно понять, в чем выразилась гегемония пролетариата в освободительном движении. Важно, например, показать влияние российского пролетариата на национально-освободительное движение угнетенных народов. В этой связи весьма актуальным представляется изучение особенностей движения различных национальных отрядов в борьбе российского пролетариата, частью которого те являлись.

Менее изученными оказались и такие важные формы рабочего движения, как демонстрации (особенно их роль в движении:

1907 г.— июнь—май 1908 г.), митинги, собрания, сходки. В нашей литературе эти формы затрагиваются, как правило, мимоходом, как нечто второстепенное в рабочем движении. Между тем трудно переоценить их роль в воспитании пролетариата в целом и его различных отрядов в частности. Будущих исследователей можно было бы ориентировать на важность и необходимость статистических разработок этих форм рабочего движения, хотя такая работа сопряжена с очень большими трудностями.

Жаль, что в книге отсутствуют соответствующие указатели.

Рецензируемая монография в целом — шаг вперед как в развитии советской историографии рабочего класса, так и в теоретическом осмыслении и обобщении истории рабочего движения в годы реакции. Она будет способствовать дальнейшему изучению как проблемы в целом, так и различных ее аспектов.

М. Ш. Шигабулинов

Примечание

См.: История СССР. 1983. № 6. С. 163.

В. Г. ЧЕРНУХА. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПЕЧАТИ. 60—70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА. Л.: Наука, 1989. С. 207. Тир. 1300

Эпоха падения крепостного права и реформ 60—70-х гг. прошлого века, выведших Россию на новый путь развития, неизменно привлекает внимание науки, а также публицистики. Преобразования тех лет определили многое в судьбе нашей страны. Снова и снова обращаются к ним наши современники и потому, что уж очень заметно перекликается та эпоха с нашими днями. Интересны не только крупнейшие реформы той поры; не менее поучительны уроки реформ незавершенных (как цензурная) или так и оставшихся на стадии замысла. Вместе взятые, они помогают вскрыть закономерности в реформаторской деятельности царского правительства, приблизиться к пониманию прошлого и настоящего, заглянуть в будущее. Печать и власть — одна из интереснейших проблем отечественной истории прошедшего столетия.

Дореволюционная историография оставила немало содержательных книг и статей, осветивших фактический ход цензурной реформы. Советские исследователи занимались ею гораздо меньше. Лишь в последние десятилетия стали появляться работы на эту тему. Богаче представлена история журналистики, хотя изучена она очень неравномерно: из поля зрения ученых выпали целые пласты периодики (например, духовно-религиозные и тяготевшие к ним издания), что отразилось и на содержании рецензируемой книги. Жаль, что в ней отсутствует историографический раздел с анализом изучения темы и преобладавших в разные времена тенденций.

Автор использовал широкий круг источников, в основном документальных. Обследованы многие архивные фонды ЦГИА СССР, ЦГАОР СССР, ИРЛИ, рукописных отделов наших

крупнейших библиотек, большой массив прессы. Привлечены также дневники, переписка, воспоминания современников. К сожалению, для обзора источников в книге не нашлось места. Не найдет читатель и списка условных сокращений. Пробелы эти досадны. Зато есть указатель имен — увы, далеко не всегда присутствующий в наших научных изданиях.

Специалисты, без сомнения, высоко оценят профессионализм автора рецензируемой книги, введение в научный оборот значительного фактического материала.

Изложение охватывает более четверти века — от середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Столь широкий исторический фон дает возможность широких сопоставлений и обобщений (правда, не вполне использованную автором). Главные исследовательские задачи определены так: показать, «чем определялась и как формировалась программа политики в делах печати и каким образом, с помощью каких рычагов, „инструментов“ эта программа практически осуществлялась» (с. 4). Такая постановка вопроса заметно отличает рецензируемую монографию от предшествующей литературы по аналогичной тематике.

Структура книги целиком подчинена поставленным задачам. В ней две части: «Программа политики в делах печати» и «Реализация программы политики в отношении печати». В каждой выделены тематические разделы. При всех своих достоинствах такое построение предопределило некоторую статичность изложения. Хронологический принцип позволил бы более наглядно выявить эволюцию правительственной политики в зависимости от быстро менявшейся обстановки в стране, рассмотреть преобразование цензуры в общем контексте реформаторской деятельности правительства. Но, поскольку на таком принципе основывались предшествующие книги и статьи о цензурной реформе, нонятно желание автора взглянуть на проблему под другим углом зрения.

Удачен замысел — открыть первую часть монографии разделом «Общественное мнение и печать», который как бы раскрывает авторское понимание призвания журналистики. Собственно говоря, в книге идет речь именно о ней, а не обо всей печати. Такой подход органически связан с намерением автора показать противостояние самодержавия и общественного мнения, выразительницей которого предстает периодическая печать. Данный аспект исследования разработан весьма обстоятельно.

Однако другая, не менее важная функция

печати — просветительная (неразрывно связанная тогда с идеологической) — по существу даже не затронута. Впрочем, такова устоявшаяся традиция нашей исторической литературы: дореволюционная периодика фигурирует в ней чаще всего как средство идейно-политической борьбы, и только. Между тем в 60-х гг. просветительные задачи печати воспринимались как первостепенные. Печать считали одним из главных, а то и главным средством просвещения. Журналы знакомили читателей с окружающим миром, с буржуазно-демократическими порядками в странах Западной Европы, с новыми знаниями и идеями — философскими, политическими, правовыми, социальными, экономическими. Пресса не только выражала уже сложившиеся в обществе взгляды. Расширяя кругозор читающей публики, давая сильный толчок мысли, она мощно воздействовала на общественное мнение, что особенно беспокоило власть имущих и вызывало их противодействие. Выявить, как отражалась такая позиция верхов на судьбах отечественной культуры и просвещения, на благосостоянии страны, — одна из важных задач при изучении правительственной политики. К сожалению, она не привлекла еще должного внимания исследователей.

В первой же части монографии рассматриваются политика Александра II в делах печати, программа П. А. Валуева, «Программа усовершенствования законодательных и административных мер» (название не из удачных).

Рецензируемая книга прямо примыкает к более раннему исследованию В. Г. Чернухи о внутренней политике российского самодержавия второй половины XIX в. В том же разрезе рассматривается в ней позиция правительства в отношении печати. В центре книги — министр внутренних дел П. А. Валуев. Он, пожалуй, главная фигура повествования. Автор полагает, что именно он выработал и сформулировал программу правительства в делах печати: до него имелись только отдельные ее элементы, после него она лишь уточнялась и дополнялась (с. 53). Влияние этого государственного деятеля было действительно велико. Однако, думается, его роль неволью преувеличена автором. Новая линия правящих верхов в отношении печати определилась во второй половине 50-х г. — самом начале 60-х гг., когда цензура находилась еще в ведении Министерства народного просвещения. Передача ее в Министерство внутренних дел в 1862—1863 гг. имела принципиальное значение. Смысл этого факта, как кажется, недо-

оценен автором. Суть его — в принципиальном различии между задачами названных ведомств, в стремлении самодержавия усилить полицейский надзор за литературой.

Едва ли можно говорить о какой-то единой программе правительства Александра II в этом деле. За время его царствования политика неоднократно менялась, и порой довольно круто. Колебания особенно усиливались на рубеже 50—60-х и 70—80-х гг. Вернее было бы сказать, что у каждого министра, ведавшего печатью, была своя программа, да и та не оставалась неизменной. В связи с этим встает вопрос о механизме действия самодержавной власти. Автор склонен считать, что Александр II «в полной мере определял лицо правительственной политики в делах печати» (с. 33). Это и так, и не так. Разумеется, слово царя было решающим. Без его согласия не предпринималась ни одна важная мера, да и многие частные вопросы оказывались в сфере его внимания. Но это вовсе не значит, что именно он вырабатывал курс политики. Напротив, инициативная роль принадлежала большей частью другим. Проведение того или иного политического курса обычно связывали с личностью определенного министра. При необходимости сменить ориентацию его заменяли другим. Подобная «механика» давала самодержавию возможность маневрировать. Так вершились дела внутри одного министерства. О существенных расхождениях во взглядах руководителей разных ведомств говорит и сам автор (с. 99). Программа министра народного просвещения А. В. Головнина (как и некоторых его предшественников) не была тождественна валуевской. Позицию либеральной бюрократии следовало дать более крупным планом. У нас долго было принято преуменьшать различия между либералами и консерваторами, не говоря уже о разных группировках в правительстве дореволюционной России. Не пора ли отходить от упрощения показа действительности и предвзятых оценок?

Вторую часть книги открывает раздел о законодательстве, в нем сосредоточен богатый материал, помогающий обозреть (правда, бегло) всю историю цензурной реформы с первых подступов к ней в середине 50-х гг. до крушения преобразовательных замыслов в начале 80-х. Столь широкий хронологический охват дает рецензируемой монографии несомненное преимущество перед существующей литературой, где изложение доводилось, как правило, лишь до 1865 г., когда приобрели силу закона новые правила о печати и цензуре. В книге

подробно рассмотрены и позднейшие министерские циркуляры, инструкции цензорам, постановления о печати 1866—1876 гг. (в целом ухудшавшие ее положение), наконец, подготовка в 1880—1881 гг. законопроекта, учитывающего пожелания журналистов, но так и не реализованного. Выразительно показаны растущие противоречия между новыми судами и цензурной практикой, все большее внедрение в нее административных взысканий. Что касается отношения литераторов к преобразованию цензуры, то его можно было бы раскрыть гораздо полнее и ярче.

Отдельные разделы посвящены официальной, официозной, правой печати и особо «Московским ведомостям» М. Н. Каткова. Издания этого рода за некоторыми исключениями мало известны, и монография вносит в их анализ немало нового.

Среди официальной прессы автор выделяет основанную Валуевым в 1862 г. газету «Северная почта». Изучение этой газеты и обстоятельств ее превращения в «Правительственный вестник» много дает для понимания политики верхов. (Правда, сомнительно, что старания Тимашева избавиться от ведомственных газет несколько иной ориентации основывались на «здоровых государственных идеях», — с. 93) Но о богатой ведомственной и местной печати в целом сказано крайне скупо. Трудно согласиться, что она была, как правило, узкоспециальной и информационной. Ко многим ведомственным изданиям такая оценка не приложима (взять хотя бы «Журнал Министерства народного просвещения»). Даже органы Военного и Морского министерств нередко поднимали вопросы большого общественного значения. Кое-какие ведомственные журналы и газеты имели обширные неофициальные отделы, некоторые сдавались в аренду на коммерческих началах. На рубеже 50—60-х гг. к их редактированию приглашались ученые и публицисты либеральных и даже демократических взглядов (Чернышевский, Ушинский, Никитенко). Все это — тоже элементы правительственной политики, заслуживавшие того, чтобы сказать о них особо.

Остальные разделы второй части касаются отношений правительства с частными периодическими изданиями. Убедительно показана сложность этих взаимоотношений даже в тех случаях, когда речь шла о консервативных органах: при всей своей идеологической близости к самодержавию их редакторы действовали довольно независимо от властей, не раз вступая с ними в конфликты. Справедливо от-

мечено, что в 60-х гг. независимость позиции журналиста во многом определяла его репутацию (с. 89).

Говоря об официозной печати, автор постарался избежать встречающихся в литературе упрощений и прямолинейных толкований. В значительной мере ему это удалось. Показана относительность этого понятия в конкретных условиях пореформенной России. На примере «Голоса» видно, что даже газеты, пользовавшиеся субсидиями того или иного министерства, лишь отчасти выполняли роль официозов, поддерживая одни мероприятия правительства и не одобряя другие. Аналогичные факты можно было бы привести о «Нашем времени» Н. Ф. Павлова. Выяснено отрицательное отношение общественного мнения к тем периодическим изданиям, которых подозревали в негласном покровительстве властей.

Наряду с такими изданиями правой печати, как «Московские ведомости», «Весть», «Гражданин», «Новое время», довольно подробно освещена история малоизвестной газеты «Русский мир».

Анализу практической деятельности правительства не хватает завершенности. Ведь оно так или иначе стремилось воздействовать на печать разных направлений, а выделена почему-то только правая печать. В отношении же либеральной и демократической его старания не ограничивались созданием официозов и репрессиями. Почти не привлекается фактический материал о правительственных мерах второй половины 50-х — самого начала 60-х гг. — об обновлении личного состава цензоров (о чем лишь бегло упомянуто), о попытках наладить более тесные контакты с журналистами, привлечь их к сотрудничеству, запросе их мнений о желательных преобразованиях. Очевидно, автор имел в виду относительно большую изученность того периода. Но можно было, не повторяя известное, использовать его для обращений, показав все разнообразие применявшихся правительством приемов и эволюцию его политики на разных этапах. Непонятно, почему во второй части книги речь идет только о газетах, минуя журналы, почему обойден острый вопрос о печати на национальных языках.

Вывод о мизерности цензурной реформы 1865 г., о ее большей консервативности по сравнению с другими преобразованиями тех лет в целом не вызывает возражений. Но не мешало бы сказать и о ее позитивных момен-

тах, дать более детальный анализ Временных правил 1862 и 1865 гг. Хотелось бы узнать и мнение автора о причинах такого характера реформы. Примечательно, что, решившись в конце концов на весьма крупные преобразования, верховная власть в некоторых случаях проявила особое упорство и неуступчивость. Наиболее ревниво она оберегала прерогативы самодержавия и догматы официальной идеологии. Думается, что именно поэтому верхи с таким опасением относились к печати — носительнице новых идей.

Что касается общих результатов политики правительства, то вряд ли можно однозначно говорить о ее бессилии. Нельзя отрицать известную гибкость тактики самодержавия в самые острые, переломные моменты. Но от тактики лавирования, к которой прибегали более дальновидные царские министры, оно при первом удобном случае возвращалось к жесткому курсу, подрывая к себе доверие, увеличивая недовольство образованных людей. Ему недоставало глубины понимания происходивших процессов, готовности поступиться частью своей власти, чтобы обеспечить развитие страны. Действуя вопреки потребностям времени, самодержавие невольно готовило свое падение. Достигая ближайших целей, оно упускало из виду перспективу. И в этом смысле автор прав: в конечном счете политика правительства потерпела неудачу, ибо искоренить демократические и освободительные идеи ему было не под силу.

В наше время печать и связанные с ней проблемы снова оказались в центре внимания, а потому тема книги могла бы заинтересовать многих. К сожалению, рецензируемая монография рассчитана лишь на специалистов. Да и сам автор, судя по манере изложения, отбору фактов и источников, предназначал ее только для профессионалов. Сухо академичны и не всегда удачны заглавия. Почему бы не назвать книгу короче и выразительнее, скажем: «Самодержавие и печать»? (кстати, сразу стало бы яснее, что речь пойдет о России). Желательно выпускать больше литературы историко-культурной, общественной тематики сочетающей в себе научные задачи с популяризаторскими. Тогда к ней с интересом и пользой для себя обратится не только профессионал, но и любый читатель, равнодушный к отечественной истории.

Р. Г. Эймонтова

РОССИЯ И БОЛГАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. 1856—1876:

Документы и материалы. Т. 1. Ч. 1: Февраль 1856— декабрь 1860. София, 1987. С. 546. Тир. 2000; Ч. 2: Январь 1861— декабрь 1863. София, 1987. С. 431. Тир. 2000

В 60-е гг. был подготовлен и издан в Москве трехтомный сборник документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» *. Он был приурочен к 90-летию последней русско-турецкой войны и освобождения Болгарии от османского господства. Высокая оценка сборника специалистами разных стран воодушевила советских и болгарских исследователей на подготовку новой публикации, первый том которой вышел только по прошествии двадцати лет. На сей раз он был отпечатан в Софии и стал результатом подвижнической работы сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института истории Болгарской Академии наук. Новое издание посвящено важному этапу болгарского политического возрождения. С выпуском в дальнейшем всех его томов оно будет хронологически доведено до Апрельского восстания 1876 г. — героического выступления болгарского народа за свое освобождение.

Рецензируемый первый том, состоящий из двух книг, включает 410 документов, содержащих информацию не только об отношении России к национально-освободительному движению болгарского народа, но и по ряду других вопросов внутренней истории двух стран — России и Болгарии; это и международное положение после Крымской войны, и история церкви, культуры и т. д. Документы в своем подавляющем числе отобраны в московских и ленинградском архивах, но имеются и некоторые перепечатки из газет, материалы из рукописных отделов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В сборнике приведены документы на русском, болгарском и французском языках. На французском языке публикуются преимущественно русские документы внешнеполитического характера, почерпнутые из Архива внешней политики России в Москве, который послужил источником для наибольшего числа материалов сборника.

Одна из важных тем, получивших отражение в сборнике, — положение болгар в Османской империи в рассматриваемый период. Речь идет о свидетельствах различного характера — донесения русских консульских агентов,

жалобы самих болгар, документы неофициальных русских кругов. В одном из таких документов — от 19 августа 1856 г. — говорится о нарушениях турецкими местными властями обещаний, данных султаном христианскому населению Болгарии: «На днях начальство потребовало от одного только Терновского округа 7000 человек, 5000 повозок и 10 000 волов для того, чтобы отправить их в Добруджу, где болгаре эти должны заняться постройкою домов и устройством сел для перебежчиков крымских татар, не получая за свои труды никакой платы ни от правительства, ни от татар. Это возбудило величайшее всеобщее негодование...» (ч. 1, док. 21, с. 67). О насилиях и произволе турецких властей в Северо-Западной Болгарии говорит и документ на болгарском языке от 25 ноября 1856 г., посланный болгарскими священниками в Белград (ч. 1, док. 31, с. 85—87). Несколько позднее, в январе 1857 г., министр иностранных дел России А. М. Горчаков получил специальный доклад о положении христианского населения Северной Болгарии, публикуемый на французском языке с переводом на болгарский (ч. 1, док. 44, с. 115—117).

О трудной доле болгарского населения под османским господством свидетельствует и ряд других документов (ч. 1, док. 60, с. 150—152; док. 113, с. 257—260; док. 198, с. 403—410; док. 119, с. 411—412; ч. 2, док. 300, с. 135—137; док. — 320, с. 180—181 и др.). Они дают разностороннее представление о тяжелейшем положении болгарского народа в указанные годы и полностью подтверждают констатацию в первом отчете А. М. Горчакова за 1856 г., после того, как он стал министром: «торжественное обещание султана улучшить состояние своих подданных христиан, изъявленное в Гатти-гумаюне, не изменило положения их» (ч. 1, док. 41, с. 106).

Обстоятельно отражена в сборнике и такая тема, как пребывание болгар в России. Ряд документов посвящен болгарским волонтерам, участвовавшим в Крымской войне на стороне России, и их последующим судьбам (ч. 1, док. 5, с. 36—37; док. 6, с. 37—38; док. 9, с. 42—45). Многие из них приняли русское подданство. Интересно, что в этой связи ново-

му русскому консулу в Адрианополе Н. Д. Ступину было предписано следующее: «Особенному Вашему попечению поручается участь болгар, перешедших в Россию или служивших в нашей армии в последнюю войну и возвращающихся ныне на родину» (ч. 1, док. 17, с. 61). В сборнике представлены различные материалы о болгарских беженцах в России, причинах их переселения, местах устройства и участии в этом центральной и местной российской администрации (ч. 1, док. 10, с. 45—46; док. 13, с. 49; док. 14, с. 51—53). Затронута деятельность Одесского болгарского настоятельства общественной благотворительной организации болгарских эмигрантов, созданной в 1854 г. (ч. 1, док. 29, с. 83—84). Говорится о предоставлении славянским, в том числе болгарским, воспитанникам возможности учиться в России (ч. 1, док. 46, с. 118—119; док. 61, с. 152—153; док. 73, с. 170—171; док. 77, с. 174—176; ч. 2, док. 345, с. 235—238 и др.).

Болгары получали в России различного рода экономические льготы. Так, в связи с голодом, охватившим Таврическую губернию, в 1863 г. были предоставлены подобного рода льготы болгарским переселенцам (ч. 2, док. 405, с. 371). Зафиксирован и такой факт, как помощь болгарину Григорию Кирковичу, который отправился в Москву на фабрику Прохорова для усовершенствования «по части мануфактурной» (ч. 1, док. 32, с. 87) — довольно редкое свидетельство, когда иностранцы приезжали в Россию для повышения своей профессиональной подготовки в области промышленного производства. Фигурируют здесь и документы относительно укрепления экономических связей России с придунайскими странами, в том числе и с Болгарией. Один из таких документов — за май 1857 г. — свидетельствует о предложениях по расширению деятельности Русского общества пароходства и торговли, прежде всего по Дунаю, особенно в Болгарии (ч. 1, док. 55, с. 142—145).

Одно из центральных мест в сборнике занимают материалы о болгарском национально-освободительном движении, его становлении, участии его деятелей в решении тех или иных задач по воссозданию болгарской государственности, таких, как Г. С. Раковский, Р. Николов, Л. Каравелов, П. Ц. Калянджи (Иванов) и др. Помещены документы официального характера о болгарском сопротивлении. Так, консул Н. К. Гирс доносил в марте 1862 г. новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору А. Г. Строганову «о предполагаемом намерении болгарских патриотов на-

чать неприязненные действия против турок в настоящем году» (ч. 2, док. 334, с. 233). Включен в сборник и доклад консула В. Ф. Кожевникова исполняющему должность русского посланника в Стамбуле Е. П. Новикову в январе 1863 г. о политическом настроении болгарского населения Тырнова и его взаимоотношениях с болгарским комитетом в Бухаресте, где находился один из центров болгарского национально-освободительного движения. Здесь же говорится о планах Конаки Вогоридиса — крупного турецкого чиновника болгарского происхождения — по созданию болгарского царства или княжества — одним из проектов, вынашивавшихся в то время в болгарском обществе (ч. 2, док. 374, с. 307—312).

Значительное количество документов посвящено церковному вопросу, который приобрел в Болгарии в середине прошлого века важную роль в широких слоях болгарского населения. Речь шла, с одной стороны, о болгаро-греческом церковном конфликте, поставившем российское правительство в весьма сложное положение, что объяснялось его желанием не допустить разлада в среде православного духовенства. С другой стороны, борьба за самостоятельную болгарскую церковь была составным и довольно важным звеном общей национально-освободительной борьбы болгарского народа. Приводятся документы об отношении русского Синода к болгарской церкви, его помощи болгарским монастырям, например, знаменитому Рыльскому монастырю (ч. 1, док. 11, с. 46—48), сведения о болгарском церковном движении, которые передали своим властям русские дипломаты. Консул в Белграде Н. Я. Мухин в сентябре 1856 г. сообщил, что «различные записки, поданные в императорское министерство касательно положения болгар в Турции, весьма верно изображают проявившееся с недавнего времени стремление этого славянского племени к народности и препятствия, какие они встречают к осуществлению своих видов от сопротивления греческого духовенства» (ч. 1, док. 24, с. 71—72). Ряд документов отражает настроения среди болгарского населения по церковному вопросу (ч. 1, док. 38, с. 100—101; док. 43, с. 111—114), попытки католической пропаганды среди болгар (ч. 1, док. 51, с. 129—135), тяжелое положение православного населения в Болгарии (ч. 1, док. 65, с. 159—163), нарастание греко-болгарских противоречий.

В январе 1860 г. А. Б. Лобанов-Ростовский доносил А. М. Горчакову: «... международная

распря болгар и греков выходит уже из пределов чисто церковного спора за славянскую иерархию и перерождается в племенную вражду, которую разжигают греческие фанатики... не покинувшие мечту о восстановлении Византийской империи и поклявшиеся непримиримой ненавистью к возрождающейся болгарской народности» (ч. 1, док. 167, с. 341—342). Приводятся материалы о злоупотреблениях греческого духовенства (ч. 2, док. 265, с. 64) и обращениях болгар за помощью к России и развитию своей церкви (ч. 2, док. 385, с. 335). Имеются также материалы о попытках русских дипломатических агентов сблизить болгар и греков. Консул Н. Д. Ступин доносил А. Б. Лобанову-Ростовскому: «Заметив с некоторого времени утешительное сближение старшин болгарских с греческими, я умножал мои старания об упрочении мира между единоверцами» (ч. 1, док. 125, с. 285).

В сборнике можно найти документы не только по многим вопросам русско-болгарских отношений, но и касающиеся международного положения в Юго-Восточном регионе Европы, политики Англии (ч. 1, док. 97; с. 211—212; док. 201, с. 417—420; ч. 2, док. 243, с. 5—7), русско-австрийских отношений (ч. 1, док. 216, с. 465—466), взаимоотношений с Францией (ч. 2, док. 310, с. 164; док. 338, с. 214—217), ситуации как на Балканах, так и в европейских странах. Сборник, таким образом, представляет интерес не только для специалистов по зарубежной истории, но и для русистов, занимающихся внешней политикой России, международными связями в области культуры и церкви, внутренней политикой русского правительства, прежде всего связанной с устройством колонистов и просвещением ино-

странных выходцев. В сборнике содержится значительный материал об Александре II, А. М. Горчакове, П. Д. Киселеве, П. Н. Игнатьеве, Е. П. Ковалевском и других русских государственных деятелях.

Однако мало места отведено показу взаимоотношений с Болгарией деятелей российского освободительного движения. А в этой области благодаря серьезным изысканиям советских и болгарских специалистов выявлен ряд источников, которые могли бы представить интерес для составителей рецензируемого труда и существенно дополнили бы общую картину болгаро-русского сотрудничества рассматриваемого времени. В сборнике же приводится лишь одно из обращений М. А. Бакунина, едва упомянуты А. И. Герцен, Н. П. Огарев (ч. 2, док. 336, с. 212), не рассказано о Н. А. Серно-Соловьевиче и В. И. Кельсиеве, специально занимавшихся болгарскими делами. Желателен в таком труде и предметный указатель при том, что имеются неплохой именной и географический указатели.

В последние годы, к сожалению, заметно ослабла работа, связанная с публикацией документальных сборников по истории второй половины XIX в. Поэтому выход в свет рецензируемого издания стал примечательным событием в научной жизни. Естественно, что заинтересованный читатель будет ждать публикации последующих томов.

В. Я. Гросул

Примечание

* Освобождение Болгарии от турецкого ига: Док. и мат. Т. 1. М., 1961; Т. 2. М., 1964; Т. 3. М., 1967.

Т. С. МАМСИ И К. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ. ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА. Новосибирск: Наука, 1987. С. 271. Тир. 1150.

История крестьянского движения эпохи позднего феодализма в России — одна из наиболее разрабатываемых тем в советской историографии. Множество статей, монографий, документальных публикаций содержит огромное количество ранее неизвестных или малоизвестных фактических данных, ценные выводы и наблюдения. Разнообразен спектр поднятых вопросов: формы крестьянской борьбы, влияние на их изменение новых социально-экономических процессов, крестьянские

лозунги и требования, уровень крестьянского общественного сознания, социальная психология крестьянства и т. д.

В настоящее время преобладающим является тип регионального исследования крестьянского движения. Достоинствами его являются широкое привлечение документов местных архивов, выявление региональных особенностей положения и социального протеста крестьянства; при этом сохраняется возможность постановки и изучения обще-

теоретических проблем крестьянского движения. Региональные исследования — база для обобщающих монографических работ. К такому типу исследований относится рецензируемая монография — первый обобщающий труд, посвященный крестьянскому движению в Сибири второй четверти XIX в., завершающему этапу процесса разложения и кризиса феодализма.

Автор привлек практически все сведения, содержащиеся в литературе (в документальных публикациях и исследованиях) о борьбе сибирского крестьянства за этот период. Эти сведения существенно дополнены ценными архивными данными, извлеченными из ЦГИА СССР и пяти областных архивов. Богат и разнообразен характер используемых источников: донесения с мест представителей крестьянской и местной государственной администрации, крестьянские жалобы и судебные иски, официальная переписка местных и центральных бюрократических учреждений. Первичные статистические материалы позволили автору воссоздать конкретную картину положения сибирской деревни, охарактеризовать различные формы и проявления крестьянской борьбы.

Работа имеет четкую структуру. Во введении дан краткий, но содержательный обзор специальной литературы и используемых источников, определены исследовательские задачи. Состояние сибирской деревни во второй четверти XIX в. рассматривается в первой главе монографии. Вторая глава посвящена анализу повседневных форм крестьянского социального протеста. Но основное внимание автор уделяет рассмотрению массовых коллективных выступлений сибирских крестьян в исследуемый период, чему посвящена третья глава. В заключении изложены выводы концептуального характера.

Социально-экономический строй сибирской деревни, в особенности западного региона, конца XVIII — первой половины XIX в. весьма интенсивно изучался советскими сибироведами. Тем не менее автор, опираясь на извлеченные из архивов материалы, приводит новые данные о демографии и колонизационных процессах, земледельческом производстве, промысловой деятельности крестьян, социальных отношениях. Речь идет об огромнейшей территории Западной и Восточной Сибири, включая Дальний Восток (Охотское, Камчатское и Приморское управления), с различными национальными особенностями, с разнообразными природными условиями, обилием малоосвоенных и совсем не освоенных тер-

риторий. Не отрицая этих региональных особенностей развития Сибири и Дальнего Востока, автор подчеркивает то общее, что было характерно для всей этой обширной территории: наличие огромного колонизационного земельного фонда, практически отсутствие крепостного права и, как следствие, «меньшее влияние традиций феодально-крепостнического строя». Отсюда, делает вывод автор, более благоприятные условия для сельскохозяйственного и промыслового предпринимательства, более высокий уровень товарности крестьянского хозяйства. Подчеркивается значительная роль в крестьянском хозяйстве неземледельческих занятий, указывается, что порайонная сельскохозяйственная специализация наметилась здесь еще в XVIII в. Вместе с тем указывается, что земледелие развивалось в основном экстенсивным путем — за счет расширения запашки. Приводятся данные об имущественном положении старожилов, переселенцев и ссыльнопоселенцев, факты применения наемного труда. Определенные «ростки капитализма» здесь несомненно имели место, особенно применительно к предреформенному времени, но вряд ли следует преувеличивать их значимость, равно как и уровень социального расслоения сибирской деревни, которое автор расценивает как «буржуазное разложение». Неправоммерно переносить на Сибирь первой половины XIX в. выводы, сделанные В. И. Лениным для Европейской России конца XIX в. (с. 24, 29). Приведенные в книге конкретные факты скорее всего свидетельствуют о средневековых формах капитализма эпохи первоначального накопления.

Само крестьянское движение в Сибири предреформенного периода рассматривается в работе «как единый процесс, несмотря на различие его уровней и многообразие форм» (с. 17). Все многообразные формы повседневного и коллективного протеста крестьянства автор однозначно расценивает как классовую, антифеодальную борьбу, осложненную внутрикрестьянскими социальными противоречиями на почве «буржуазного» расслоения крестьянства. Насколько правомерна эта оценка? Ведь, как уже сказано, Сибирь практически не знала крепостного права. По последней, десятой ревизии 1858 г. в ней насчитывалось всего 4320 душ крепостных мужского пола, находившихся преимущественно в Тобольской губернии (3149 душ), да и то это в основном дворовые, составлявшие личную прислугу немногих дворян. Речь может идти о так называемом «государственном

феодализме», т. е. о феодальной зависимости от казны лично свободных крестьян. Борьба против этой зависимости (оброчной и других видов феодальных повинностей, произвола местной администрации) действительно приобретала антифеодальный характер. И здесь на первом месте, как справедливо указывает автор, была борьба крестьянства с феодальным правопорядком в сфере поземельных и налогово-рентных отношений с государством.

В этом плане большой интерес представляет вторая глава монографии, в которой рассматриваются борьба за землю, самовольные миграционные движения, борьба с фискальной системой (уклонение от несения повинностей) и пр. Приведен интересный и ценный материал, иллюстрирующий эти формы борьбы. Надо сказать, что в литературе о крестьянском движении больше внимания обращалось на описание коллективных форм протеста в виде волнений и восстаний. Между тем не меньшее значение отнюдь имели и другие нередко скрытые и не поддающиеся никакому статистическому учету ее повседневные формы. Ведь они носили повсеместный и массовый характер, причиняли существенный ущерб самой экономической основе феодального хозяйства и создавали напряженную обстановку, в условиях которой открытые коллективные выступления крестьян приобретали особую социальную опасность. Особенно удачно представлены в монографии данные о бегстве (даже со статистическими показателями) крестьян, об актах самовольных переселений на новые места жительства, которые, видимо, следовало бы квалифицировать не как акты социальной борьбы, а как явления хозяйственно-колониального процесса. Следует также отметить, что такие акции, как, например, хищения, пристанодержательство, сведение личных счетов с представителями местной бюрократической администрации (т. е. акции по существу чисто уголовного характера), с большой натяжкой можно считать проявлениями антифеодальной борьбы.

При рассмотрении в работе повседневных форм крестьянского социального протеста большое внимание уделяется многообразным проявлениям внутрикрестьянских конфликтов, приводятся многочисленные конкретные данные о них, основанные на архивных материалах. Это главным образом земельные конфликты между крестьянскими общинами и отдельными крестьянами (спору о земле, захваты и запахивание земель, уничтожение меж). Есть много данных об «уничтожении

и перераспределении имущества»: поджоги, кражи, вымогательства, неуплата долгов, разбой. Все эти акты, по мнению автора, носили социальный характер, являлись как бы выражением «второй социальной войны» и, следовательно, служили показателем более раннего, нежели в Европейской России, развития капиталистических отношений. С такой трактовкой согласиться нельзя.

Автор не видит разницы между актами социальной борьбы и обыкновенной уголовщиной. Ведь кражи не только у богатого, но и у бедного. Содержащиеся в книге свидетельства показывают, что воровству и грабежу подвергались не только и не столько купцы и «кулаки», сколько среднего достатка крестьяне, причем предметами воровства и грабежа были не одни лишь деньги, но и необходимые для сколько-нибудь сносного существования любого имущественного достатка крестьянина скот, одежда, пища, предметы домашней утвари. Сам автор признает, что кражи и грабежи, «не считаясь со статусом его (имущества — В. Ф.) хозяина» (с. 107). Весьма спорен тезис автора, что картина «расстройства народных порядков» (имеется в виду рост имущественных преступлений в деревне) является показателем развития капитализма. Аргументируется это тем, что подобные преступления существовали и возросли в русской деревне в пореформенный период, хотя никаких конкретных данных (кроме ссылки на Г. И. Успенского) не приводится. Утверждается (опять-таки без каких-либо конкретных сравнительных данных), что в 20—40-х гг. XIX в. имущественных преступлений в сибирской деревне было больше, нежели в то же время в помещичьей Европейской России. Может быть, это и так, если учесть, что Сибирь служила местом ссылки не только «политических», но и чисто уголовного элемента, и в силу этого была наиболее криминогенной зоной в России. Но правомерно ли отсюда делать вывод о «более свободном и более раннем, по сравнению с европейской частью страны, процессе становления капитализма на окраинах»? (с. 106).

Вообще тема «воровства», в котором автор видит преимущественно социальный смысл (как «перераспределение имущества» и «восстановление социальной справедливости»), весьма широко представлена в монографии. Так, с точки зрения автора, работник, обворовав своего хозяина, совершил прямой акт социального протеста, и чем крупнее размер украденного, тем более выражен социальный характер кражи (с. 114). Ведь были и воры-

профессионалы, занимавшиеся грабежом и разбоем и в одиночку, и группами. Неужели их тоже следует рассматривать как «борцов за социальную справедливость»? Например, конокрадство, о котором так подробно говорится в книге, всегда считалось у крестьян самым тяжким преступлением, независимо от того, кто подвергся краже, богатый или бедный крестьянин. Расправы с конокрадами отличались особой жестокостью. У автора же конокрад обретает ореол «борца за справедливость».

Крепостное право служило, по мнению автора, сдерживающим фактором роста имущественной преступности. «В дореформенной, помещичьей деревне, единой в своей нишете перед баринком... воровство и тому подобные поползновения к присвоению чужого имущества были событием небывалым». Эти преступления «бурно выплеснулись наружу в деревне Центральной России в пореформенное время, когда с крестьянства был снят пресс крепостного права, нивелировавшего как имущественное, так и социальное положение крестьян» (с. 116—117). В Сибири, по утверждению автора, это наблюдалось уже в 20—50-х гг. XIX в. и было связано с более «ранним» развитием капитализма. Но здесь позволительно спросить: разве нарастание потока уголовников-ссыльных в Сибирь в 20—50-е гг. XIX в. — не показатель роста преступности в крепостной деревне Центральной России в эти годы? Разве рост преступности в самой Сибири в то время не обуславливался этим притоком уголовного элемента?

Тенденция преувеличения глубины и значимости социальных противоречий внутри крестьянства прослеживается и в описании массовых крестьянских выступлений, носивших преимущественно антиправительственный характер, выражавшийся в протестах против налоговой, административной, религиозной, социальной политики российского самодержавия в данном регионе. Эта борьба приобретала антифеодальную направленность, ибо это были формы протеста против феодальной политической надстройки. Именно данное обстоятельство объединило в этой борьбе различные имущественные, социальные и конфессиональные группы сибирского крестьянства.

На основе архивных материалов в работе выявлены и изучены новые, неизвестные доселе факты массовых крестьянских выступлений, более тщательно исследованы и те, которые ранее освещались в литературе. Так, весьма обстоятельно описано «антиналоговое движение» в 1825—1826 гг. в Сибирском Заура-

лье в связи с усилением податного гнета и произволом местных властей. Отмечается, что здесь крестьянам удалось добиться некоторых уступок от властей — показатель того, что крестьянские выступления не всегда кончались неудачей. Содержателен и анализ коллективного крестьянского протеста летом 1831 г. на Алтае против натурального выполнения подушного оклада (заводскими работами), а также массовых волнений государственных крестьян Тобольской губернии в 1841—1843 гг., связанных с проводимой в 1837—1841 гг. П. Д. Киселевым реформой государственной деревни. Волнения государственных крестьян Тобольской губернии ранее изучались В. И. Бочарниковой и Н. А. Лапиным. Однако автор обнаружил в архивах новые материалы об этих волнениях, что позволило установить состав участников волнений, более полно раскрыть их лозунги и требования. Содержателен очерк об особенностях проведения реформы в государственной деревне Западной Сибири.

Т. С. Мамсык известна как автор серии специальных работ, посвященных истории массовых побегов крестьян и конфессиональных движений в Сибири в конце XVIII — начале XIX в. Основные данные этих исследований включены в рецензируемую монографию. В истории побегов сибирского крестьянства представляет интерес так называемая «проблема Беловодья» — массовых побегов сибирских крестьян в 20—40-х гг. XIX в., вызванных поисками «вольной земли» (фантастической «обетованной» страны, богатой природными ресурсами и свободной от власти «царя-антихриста»). Это движение заключало в себе и определенный социорелигиозный смысл — добиться хозяйственной и конфессиональной свободы на «вольной» земле. Автор указывает, что это движение, антифеодальное по существу, в своем развитии (в конце 30-х — начале 40-х гг.) приобрело заметно выраженную «мелкобуржуазную направленность».

В книге специально рассматриваются крестьянские социорелигиозные организации Сибири в борьбе с конфессиональной политикой правительства Николая I. Приводится много интересных данных об организации и деятельности различных старообрядческих конфессий, о правительственной политике, направленной на «возвращение в лоно православия» старообрядцев. Любопытны данные о фактах контактов старообрядцев Забайкалья (семейских) с политическими ссыльными (некоторыми из декабристов, участниками польского восстания 1830—1831 гг.). Подроб-

но говорится о религиозных спорах между различными конфессиональными группами. И опять-таки здесь прослеживается стремление автора видеть в этих спорах и несогласиях на религиозной почве проявление социальных противоречий внутри крестьянства.

Итак, в рецензируемой монографии собран и систематизирован богатый фактический материал, на основе которого поставлен и освещен ряд важных вопросов положения и борьбы крестьянства Сибири во второй четверти XIX в., отмечена специфика Сибири. Правильно

общий вывод об антифеодальной направленности крестьянского движения в целом. Однако другой тезис автора, проходящий красной нитью через всю книгу, — о «разложении крестьянства как класса-сословия и формировании на этой основе классов буржуазного общества» (с. 227) Сибири уже во второй четверти XIX в., о возникновении в связи с этим процессом в сибирской деревне уже в то время «второй социальной войны» — вызывает серьезные возражения.

В. А. Федоров

ЖАNET ВАЙАН, ДЖОН РИЧАРДС II. ОТ РОССИИ К СССР

Повествовательная и документальная история *

Какими видят нас американцы? Это вопрос, который задают журналисты в телестояках, в прессе, на улицах американских городов. Впечатления, представления американцев различных возрастов и социальных категорий о нашей стране дают весьма разноречивую картину. Однако система взглядов берет свое начало в школьном преподавании и развивается в процессе обучения в высших учебных заведениях. Какие же сведения получают американские студенты о прошлом и сегодняшнем дне Советского Союза? Ответить на этот вопрос легко, если взять учебное пособие для студентов, разработанное под эгидой Программы Центра Гарвардского университета по советским и восточноевропейским языкам и регионам и изданное Независимым Школьным издательством штата Массачусетс в 1985 г. Пособие это сегодня является одним из основных для обучения в США истории России и СССР. В работе над учебником принял участие коллектив авторов, которых подвигла на этот труд Жанет Вайан. Она же совместно с Джоном Ричардсом II провела основную работу по систематизации материала и подготовке его к выходу в свет.

Рецензируемая книга — труд интересный и по содержащемуся в нем материалу, и по форме его подачи. Авторы дали своей работе название, которое говорит само за себя, — «От России к СССР. Повествовательная и документальная история». Основным критерием при подборе документальных материалов — первоисточников, статей, отрывков из литературных произведений — являлась попытка найти оптимальный вариант сближения исторической науки с повседневной жизнью нашей страны. Авторы старались охватить как можно больше аспектов жизни России — СССР в различные периоды истории. Создатели пособия так определяют его основную задачу: «„От России к СССР“ — это результат наших усилий в поисках материалов, которые донесли бы мир России и Советского Союза до наших студентов» (с. XIII).

Работа американских историков значительно отличается от привычных советских учебников для вузов и по содержанию, и по структурной организации материала: в шести главах содержится вся история нашей страны.

Хронологические рамки каждой из глав значительно шире, чем привычная нам периодизация русской и советской истории. Так, четвертая глава называется «Россия в революции, 1917—1928», а следующая — «Советский период: с 1928 года до современности». Отдельная глава, по замыслу авторов, должна дать американскому читателю представление о последнем десятилетии советской истории.

Отметим, что книгу отличает объективный подход к освещению фактов. Ряд моментов авторы рассматривают под отличным от нашего углом зрения, что закономерно. Некоторую тенденциозность при анализе отдельных аспектов русской и советской истории скорее всего можно объяснить традициями американской исторической науки в отношении истории России — СССР.

Особое внимание в работе уделяется отдельным фактам. В специальной рубрике под названием «Факт» («Fact») в пяти-шести строчках говорится о наиболее значительных событиях, выдающихся политических и общественных деятелях, приводятся отдельные статистические данные.

Интересна, на наш взгляд, структура каждой из содержащихся в книге шести глав. Первая часть — сжатое повествование об исторических событиях, перемежаемое «фактами». Вторая же часть — так называемые «Чтения» («Readings»), куда включены документальные материалы, которые кроме краткой вступительной информации не снабжены никакими комментариями. В связи

с этим хочется вспомнить слова Жанет Вайан, которая в личной беседе с автором этой рецензии сказала: «Главное, чтобы молодые люди думали. Не надо навязывать им свои мысли, взгляды. Необходимо давать информацию, которую каждый воспримет на своем уровне, сделает свои выводы, составит собственное мнение». Прекрасный посыл для обучения любому предмету!

Надо отметить, что некоторая тенденциозность наблюдается в трактовке карт и подборке фотографий. Так, например, открывает книгу фотография заснеженной Красной площади, на переднем плане — женщина-дворник и металлические турникеты. Вряд ли стоило авторам начинать с этого рассказ об истории страны.

Очень неполно дана карта «Советские индустриальные ресурсы». (с. 11). Условными знаками отмечено всего 49 пунктов — крупнейшие заводы и комбинаты, ГЭС, природные ископаемые и пр.

В «Чтениях» к первой главе из записок английского журналиста Райта Миллера, жившего в нашей стране с 1934 по 1961 г., «Впечатления очевидца», выбраны этюды «Зима» и «Летний лес»¹. Венчает подборку документального материала рассказ Фарли Моуэта «Жизнь в Новой Сибири»². В результате Россия предстает со страниц книги как страна Холода и Леса.

После такой вводной главы начинается рассказ о том «откуда есть пошла Русская Земля». Авторы этой главы — Джеймс Валин и Джоан Синделл-Успенски — довольно удачно синтезируют все аспекты политической и социально-экономической жизни Руси. Наибольший интерес представляет рассказ о традициях московского нобилитета и царского двора и традициях русской деревни. Два полярных очага русской культуры, но нет той «пролетарско-крестьянской» однобокости, которая, к сожалению, встречается в наших «родных» учебниках. «Факт» же приводит положение, с которым вряд ли можно безоговорочно согласиться: «Известная история Киева, Новгорода и других городов Руси начинается с прихода викингов в IX веке» (с. 29). Дискуссия по норманской теории идет давно и в нашей стране, и за рубежом, но в данном случае авторы не приводят альтернативной точки зрения на эту теорию.

Авторы, работавшие над отдельными главами, по-разному заполняют рубрику «Факт». Так, в третьей главе Ж. Вайан выделяет факт развития книжного дела при Петре I (с. 77), переписку Александра I с президентом Джефферсоном (с. 80), основание русскими форта Росс в Калифорнии (с. 84). Это действительно материал, отражающий эпоху. «Чтения» не ограничены лишь «серьезным» документальным материалом. Легенды, сказки, шутки, столь популярные в России анекдоты — это необходимые штрихи к портрету страны.

Отдельные документы, приводимые в работе, вызывают недоумение, например, отрывок из рассказа английского путешественника Кристофера Марсдена о Москве XVII в.³ Если его свидетельства о политической жизни соответствуют действительности, то никакой критики не выдерживают его описания жизни русской женщины. Например, такие: «...она носила фату (покрывало) на лице... православная женщина XVII века была также закрыта накидкой, как и ее мусульманская сестра» (!?); «... в основе красоты женщины лежала ее полнота, тонкая талия считалась уродством», и далее: «... чтобы пополнить, они лежали в кровати весь день, пили русский бренди (от которого чрезмерно полнеют), потом спали, затем снова пили, как свиньи, которых готовят на убой» (с. 69).

Выше уже говорилось о непривычной для нас хронологии работы. Так, эпоха империализма начинает свой отсчет с правления Петра I. Во введении к главе дается очень интересное объяснение причины падения русского самодержавия: «... взаимное напряжение между необходимостью реформ и страхом перед тем, что эти реформы могут принести, не было разрешено и в конце концов привело к падению империи» (с. 71). Возможно, это утверждение можно отнести к октябрю 1917 г., когда нерешительность перед лицом назревшей необходимости перемен и объективная невозможность пойти на такие перемены явились одними из факторов, способствовавших победе Октябрьской революции. Однако ведь уже в 1861 г. была проведена радикальная реформа существовавшего в стране положения — отменено крепостное право!

Так каким же видят Петра I американские студенты? Возьмем «Факт»: «Петр Великий был одним из самых высоких правителей в истории... около семи футов высоты. Он был очень крепко сложен...» (с. 72); «Россия воевала каждый год в правление Петра, кроме 1725» (с. 72); «по приказу Петра тысячи колоколов с русских церквей были сняты и переплавлены на пушки и ядра» (с. 72). Налицо портрет решительного политического деятеля, и очевидна слабость американцев к экстравагантности!

Правление Петра и эпоха царствования Екатерины характеризуются авторами в основном территориальными захватами. Графически это показано на карте-схеме «Территориальная экспансия России, 1550—1917», которая объективно отражает стремление российского самодержавия к

захвату новых источников сырья и рынков сбыта. Однако термин «аннексия», который употребляют авторы, не всегда достаточно полно отражает характер включения новых земель в состав империи (Украина, Казахстан).

Александр I и Николай I даны в двух ракурсах — и как прогрессивные реформаторы, и как реакционеры. Кроме того, российские самодержцы — это не только и не столько угнетатели и душители свобод. Перед нами — компетентные политические деятели высокого ранга.

Основное отличие концепции учебника в данном вопросе от трактовки советских историков заключается в следующем: если в наших учебниках основной акцент делается на изменение строя «снизу», то американские авторы упирают на реформаторскую деятельность правительства, ничтожно мало внимания уделяя при этом той борьбе, которую вели рабочие и крестьяне за свои человеческие права. Можно только сожалеть, что нет у нас учебника, который сочетал бы в себе эти две концепции на паритетных началах объективизма, был бы золотой серединой между двумя взаимоисключающими точками зрения.

Прочитывая главу за главой, автору данной рецензии не терпелось подойти к материалу, в котором рассказывается о В. И. Ленине — насколько реален будет политический портрет вождя первой в мире социалистической революции? Уделяя Ленину не столь много места, как это принято в советских учебниках, авторы со свойственным им профессионализмом показывают его как крупного политического деятеля, прекрасного организатора, тонко чувствовавшего все нюансы политической обстановки в стране. Без привычной для нас идеализации американские авторы вырисовывают умного, трезво мыслящего теоретика и практика, профессионального революционера.

В США, как известно, популярности политических партий и деятелей придается очень большое значение. Может быть, поэтому авторы подвергают доскональному изучению эволюцию популярности большевиков в Москве и Петрограде в период двоевластия. Приводятся интересные цифры, согласно которым усиление влияния большевиков в массах началось в конце весны 1917 г. и достигло необходимого для захвата власти уровня к концу сентября того же года.

Должное внимание уделяется вкладу в революцию, в частности в Октябрьское восстание, Л. Д. Троцкого. Несмотря на многочисленные материалы в советской прессе, имена Троцкого, Бухарина, Рыкова и многих других деятелей революции до сих пор не заняли своего места в учебниках для школ и вузов. Многие аспекты нашей истории американские студенты знают намного шире.

Объективно и всесторонне рассматриваются авторами личность И. В. Сталина, его отношения с В. И. Лениным и Л. Д. Троцким. Сталин в данной работе — не одиозный диктатор и не «отец народов». Сталин — это политик, стремящийся к власти и убиравший своих политических противников — Зиновьева, Бухарина, Рыкова, многих других, это продукт своей эпохи.

Документы к третьей главе подобраны таким образом, что читатель следит за событиями глазами представителей различных категорий и полярной политической ориентации: «Предложения по индустриализации России» С. Витте, «Что делать?» В. И. Ленина, воспоминания Ф. Юсупова об убийстве Григория Распутина... Нет и намек на дискриминацию в подборке материала. Вот уже действительно студенту дается возможность мыслить, делать выводы, не боясь попасть под пресс авторской позиции.

В «Чтениях», не претендуя на глубину изучения, авторы насыщают этот раздел главы небольшими документальными отрывками, излагают взгляды на революцию под любым возможным углом. Судите сами: «Революция, как ее видел ребенок» (с. 187), «Приезд Ленина» (с. 191), «Джон Рид у Ленина» (с. 201), «Убийство царской семьи» (с. 212).

Несколько слов, сказанных об интервенции в России, дополняет фотография американского солдата, раздающего суп пленным красноармейцам. Можно ли подобный гуманизм ставить на одну доску с теми жертвами и разрушениями, которые принесла интервенция?

Начиная повествование о советском периоде (с 1928 г.), авторы предпосылают этой глобальной теме сводную карту-схему «Вторжения в Россию» (с. 230), наглядно показывающую, что же вынесла Россия за свою многовековую историю: монголо-татарское нашествие, вторжение Наполеона, немецко-фашистскую агрессию, о которой и рассказывается в главе. Однако в тексте нет даже упоминания о Великой Отечественной войне. Военные действия на территории СССР даются в контексте второй мировой войны. О разгроме немцев под Москвой не сказано ни слова! Продвижение вермахта в глубь Советского Союза авторы учебника останавливают только под Сталинградом, и, разумеется, не остался в стороне аргумент о помощи мороза и слякоти советским войскам (с. 238). Странно звучит и следующее сравнение: «Более миллиона людей умерло в 900-дневной блокаде Ленинграда, это в 10 раз больше, чем число убитых атомной бомбой, сброшенной на

Хиросиму» (с. 238). Что это, попытка нивелировать ужасы и последствия ядерной бомбардировки? Что касается карты-схемы Восточной Европы к концу второй мировой войны (с. 240), она явно не удалась. Нет нужды описывать ее подробно, достаточно рассказать, в какой последовательности расшифровывается условная цветовая индикация.

«Члены Варшавского Пакта (1955.— А. С.):

коммунистические государства — не члены Варшавского Пакта;

области, аннексированные в течение II мировой войны (1939—1945.— А. С.).»

По логике этой схемы получается, что отдельные области Белоруссии, Украины и Прибалтики, выделенные на карте, были аннексированы странами Варшавского Договора во время II мировой войны?! Поистине, «все смешалось...»

Ну, а как же преподносят своим студентам сегодняшний Советский Союз создатели учебника? Авторы характеризуют современный СССР как «партию-государство» («Party-state»). В качестве комментария данного положения приводятся четыре характерные черты Советского государства: «преобладание партии над государственным управлением, организация экономики в соответствии с принципом государственного социализма, стремление партии организовывать и контролировать жизнь каждого гражданина, многонациональность и федеративная форма управления как закон истории» (с. 295). Весьма объективный, аналитический подход к существующему в стране положению. Думается, американские ученые достаточно верно подметили основные определяющие нашей сегодняшней жизни.

Последующее утверждение, что «... Советский Союз укрепил территориальное единство царской империи», достаточно верно, хотя в чем-то неправомерна сама установка на подобную аналогию: имперская Россия и Россия Советская — это две антагонистические системы. Не форма определяет содержание, а наоборот. Получив в наследство многонациональное государство со всеми его национальными противоречиями, Советская власть сломала многие институты царизма, ликвидировала прежние формы управления национальными регионами и попыталась изменить саму суть их отношений с центром.

Государственное управление в СССР представлено схемой (с. 298). Оно рассматривается в двух плоскостях: реальная власть, «номенклатура» и формальная власть — «снизу вверх». Возразить нечего. Сейчас предпринимаются попытки изменить данное положение вещей и восстановить подлинный статус народовластия.

В каком советском учебнике для школ или вузов можно отыскать упоминание о теневой экономике, существующей в нашей стране в огромных масштабах? В рецензируемой работе дается краткий, но достаточно емкий анализ этого явления (с. 203). То же можно сказать и об освещении межнациональных отношений: американцы уже в начале 80-х гг. могли прогнозировать те национальные проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Порой авторы не могут удержаться и от ложки дегтя. Любимый конек — диссиденты и КГБ. В «Чтениях» к VI главе, повествующей о сегодняшнем дне Советского Союза, дается отрывок из статьи в «Правде», рассказывающей о разоблачении агента ЦРУ Калинина. Налицо попытка вызвать сочувствие непомерно строгой карой — смертная казнь за передачу разведданных.

Однако в самих США за шпионаж были посажены на электрический стул супруги Розенберг, за антиправительственную деятельность были казнены Сакко и Ванцетти. Есть ли такая страна, в которой отсутствовали бы органы государственной безопасности и власти лояльно относились бы к людям, выступающим против режима?

И еще с одним авторским ходом нельзя согласиться. Речь идет об аналогиях. Не всегда достаточно обоснованно проводятся исторические параллели. Вполне закономерно сравнение России самодержавной и Советской, но исторически неправомерно механистически сравнивать государственные институты, идеологические постулаты, духовные и нравственные эталоны двух диаметрально противоположных систем — капиталистической и социалистической. Вот один из примеров: «... многие вещи так и не переменялись: «... цензура и секретная полиция, контроль государства над политической и духовной жизнью, марксизм и христианство как идеология...» (с. 314). Но, во-первых, нельзя апеллировать к сохранению контроля государства над жизнью страны — государственность оставалась после всех революций: в Англии, Франции, США и, как показывает история, сохранялась независимо от смены общественно-экономической формации. А во-вторых, думается, марксизм — это такая же философия, как и христианство. Христианство прошло через различные стадии становления и спустя тысячу лет приняло нынешний облик. Возможно, такая же судьба ожидает и марксизм?

В заключение хотелось бы остановиться на том, как освещается в работе история русской и советской культуры.

«Золотой век» русской литературы представлен Пушкиным, Толстым, Лермонтовым, Гоголем и Достоевским. Живопись — Илья Репин, музыка — Мусоргский. Начало XX в.: Чехов, Белый, Горький — в литературе, Кандинский, Шагал, Малевич — в живописи. Отдельно рассказывается о Маяковском и Бурлюке. Современной советской культуре уделяется ничтожно мало внимания: фотография Шостаковича и безымянной советской балерины, что странно, так как Большой театр — частый гость в США.

В целом рассмотренный труд заслуживает слов одобрения за масштабность освещаемых проблем, за огромную работу, которая была проведена по подбору документального материала. Если судить по большому счету, книга достаточно объективно и достоверно показала историю России и Советского Союза. Очевидна эрудиция авторов учебника и их высокий профессионализм. И все же наибольшим достоинством работы является ее альтернативность для восприятия студентами. Материал не «давит», его многоликость позволяет мыслить, искать, вырабатывать свою позицию.

Уверен, советским историкам, собирающимся работать над новыми учебниками для школ и вузов, а такая необходимость очевидна, вполне можно позаимствовать что-то и из методики подготовки американского учебника.

А. А. Сахаров

Примечания

* Vaillant Janet G., Richards II John. From Russia to USSR. A Narrative and Documentary History. The Independent School Press, Wellesley Hills, Massachusetts, 1985.

¹ Miller Wright. Russians as People. N. Y., 1960.

² Mowat Farley. The Siberians. Boston, 1970.

³ Marsden Christopher. Palmyra of the North: The First Days of St. Petersburg. L., 1942.

СТАНОВЛЕНИЕ ТРЕХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. ГОЛОСА ИЗ МЕНЬШЕВИСТСКОГО ПРОШЛОГО.

Вводная статья Л. Хеймсона. Кембридж. «Кембридж Юниверсити пресс». 1987. 516 с.*

Книга представляет собой пространные интервью оказавшихся в эмиграции трех деятелей меньшевистской партии — Л. О. Дан, Б. И. Николаевского и Ю. П. Денике, предваренные обширным предисловием видного американского историка, профессора Колумбийского университета Л. Хеймсона (он же выступает в книге и в качестве интервьюера); высказывания каждого из трех меньшевиков-эмигрантов обстоятельно и профессионально прокомментированы (с. 451—515).

Все три интервью, фактически представляющие собой жизнеописания меньшевистских деятелей, первоначально были записаны на магнитную пленку (данная работа проводилась как часть американской межуниверситетской программы проекта по написанию истории партии меньшевиков). Затем полученные данные были переведены в форму письменного текста, и интервьюируемые получили возможность корректировки своих заметок, в том числе смогли исправить ошибки и фактические неточности, которые неизбежны в устной беседе (с. VII). Л. Хеймсон указывает во вводной статье, что импульс к этой работе был дан еще в 1959 г., ибо в тот период девять меньшевиков-эмигрантов все еще проживали в Нью-Йорке, приближаясь к сорокалетнему рубежу своего эмигрантского существования и по-прежнему составляя при этом сплоченный коллектив. Шесть из них (Г. Аронсон, Л. Дан, Д. Даллин, Б. Двинов, Б. Николаевский и С. Шварц) принадлежали ранее к меньшевистской заграничной делегации РСДРП, основанной Л. Мартовым и его единомышленниками после их эмиграции из Советской России. Три других — Л. Ланде, Б. Шапир и С. Волин — входили некогда в меньшевистский Союз молодежи, действовавший сначала подпольно в Советской России и поддерживавший тесные связи с меньшевистской заграничной делегацией РСДРП (с. 2). Все названные деятели были активными сотрудниками «Социалистического вестника», журнала, который был основан меньшевистской заграничной делегацией РСДРП и публикация которого продолжалась и после ее роспуска в 1940 г.

Л. Хеймсон отмечает, что, несмотря на многие годы, проведенные в эмиграции, бывшие деятели меньшевистского движения «были способны сказать свое собственное слово и сохранили коллективную способность сказать его» (с. 3). Рассматривая психологическую и социальную ткань коллективного опыта меньшевиков, американский ученый не без основания отмечает, что при таком анализе «трудно удержаться от впечатления, что на протяжении всей истории этой партии ее руководство сохраняло характер серии кланов, которые объединялись и тяготели друг к другу, хотя в ряде случаев и непримиримо раскалывались» (с. 5). Революция 1905 г. неумолимо вывела деятелей меньшевистского толка из жизни в подполье, бросив их на открытую политическую сцену, где им пришлось сталкиваться с другими политическими группировками и «еще более неконтролируемыми массами русского народа» (с. 4). Л. Хеймсон полагает, что «это драматическое изменение обстоятельств пошатнуло их веру в свою способность управлять событиями» (с. 4), причем сам меньшевизм как ясно выраженное политическое движение и в особенности как политическая культура стал выкристаллизовываться лишь после «коллапса великих революционных надежд 1905 года» (с. 8). В этой связи хотелось бы отметить, что еще до революции 1905 г., после II съезда РСДРП меньшевизм фактически оформился как особая фракция внутри РСДРП, а на самом съезде деятели меньшевистского толка весьма отчетливо проявили себя в дискуссиях, отрицая необходимость создания жесткой модели партии нового типа, проповедуя при этом ориентацию на опыт социал-демократических партий Западной Европы, где в партию принимались все желающие без конкретных обязательств работать в партийной организации и подчиняться партийной дисциплине.

Многие меньшевистские деятели отмечают, подчеркивает во вводной статье Л. Хеймсон, что время после 1905 г. было в какой-то степени значительно более переломным, чем, скажем, годы их юности; именно после революции 1905 г. «большевизм с его жизнью в подполье и кодексом профессионального революционера, с которыми он ассоциировался в их умах, стал казаться меньшевикам не только аморальным, но и аномальным» (с. 9). В 1905—1907 гг. дистанция между меньшевиками и большевиками, как считает Л. Хеймсон, увеличилась по двум основным причинам. Первая касалась расхождений по вопросу о целесообразности и законности коалиций с либеральными партиями и парламентскими группами в связи с учреждением в России новых общенациональных представительных учреждений. «Второй доктринальный конфликт» между меньшевиками и большевиками касался использования существующих легальных возможностей для открытого рабочего и партийного движения (с. 24). По-видимому, спектр этих разногласий был шире, что, кстати, отчасти показано в книге американского исследователя Х. Дрейпера в связи с его анализом термина «диктатура пролетариата», принятого на вооружение программными документами различных течений в рабочей партии России в качестве своеобразного «слова-кода»¹.

В период высшей точки революции, «приходившейся на конец 1905 г.», начавшиеся события смели многие из элементов «рационализма» и «рациональности», которые были характерны, по мнению Л. Хеймсона, для многих меньшевиков. Чувство «рациональности» отчасти было подрублено извне: «рабочее движение, которое они стремились возглавить, оказалось теперь неконтролируемым» (с. 36). Но «рациональности» меньшевиков был нанесен сокрушительный удар и изнутри: меньшевикам «пришлось преследовать политические цели, далеко выходя за рамки, предписанные историческими законами, которые они в ранние годы старались соблюдать и побуждали к этому других» (с. 36). Именно уроки революции 1905 г., а также «чувство политического поражения, вынесенное ими (меньшевиками.— И. Д.) из периода непосредственно последовавшего за 1905 г., в особенности после столыпинского переворота 1907 г., вынудили членов первой политической генерации чувствовать, что отныне они путешествуют по не числящимся на географических картах бурным водам, что заставило их определить для себя новую стратегию и тактику», — отмечает американский историк (с. 36). К сожалению, Л. Хеймсон, поднимая этот важный и несущий в себе немалую актуальность вопрос, не поясняет, насколько выработка «новой стратегии и тактики» сочеталась у меньшевиков с отказом от (или же оставлением) прежних догм, поломанных реальным ходом исторического процесса.

Л. Хеймсон, бесспорно, прав, говоря, что интервью трех меньшевиков, помещенные в издаваемой им книге, дадут читателю лучше понять психологическую динамику той эволюции, которая отличала российскую интеллигенцию в этот «наиболее критический период истории России» (с. 44). Недалек он от истины и тогда, когда утверждает, что взятые в широкой исторической перспективе интервью дают возможность также осветить проблему складывания образа мышления членов меньшевистской партии, а также тех позиций, которые они занимали в процессе принятия и переосмысления своих политических взглядов. Советским историкам также предстоит оценить

правильность мнения американского историка о том, что сведения, сообщаемые авторами, особенно о ранних годах своей деятельности, дают возможность внести «значительные коррективы в некоторые имеющиеся представления об образе мышления русской интеллигенции» (с. 44).

Далее в книге помещены разбитые на несколько частей интервью, данные Л. Хеймсону деятелями меньшевистской партии Л. О. Дан, Б. И. Николаевским и Ю. П. Денике.

Л. О. Дан, супруга Ф. И. Дана, одного из лидеров меньшевизма, охарактеризованного В. И. Лениным в 1906 г. в статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии» в качестве «плехановского единомышленника»², подробно повествует о своей юности и родительском доме. Так, ее отец, «считая себя ассимилированным русским», «был воспитан на русской литературе», мог «цитировать целые страницы из Пушкина наизусть». Непревзойденным классиком русской литературы он считал И. С. Тургенева. Равным образом он «хорошо разбирался во французской и германской литературе» (с. 55).

Л. О. Дан рассказывает в своем интервью о своих занятиях с рабочими табачной фабрики; этот кружок передали ей Н. К. Крупская и З. П. Невзорова, которые, как отмечает Л. О. Дан, «сильно продвинули меня вперед» (с. 85).

Чрезвычайно интересна та характеристика, которую дает Л. О. Дан Г. В. Плеханову и В. И. Ленину. Плеханова она характеризует как «великого человека с огромным количеством мелких черт»; «его убеждение состояло в том, что он был первым во всем», причем он всегда и постоянно хотел «подчеркнуть это» (с. 110—111). Дан считает, что «никогда не существовали два человека, столь противоположные, как Ленин и Плеханов»; эта противоположность, по ее мнению, прежде всего проявлялась в том, что «Ленин не хотел ничего для себя. Плеханов же хотел очень многого» (с. 111). В Плеханове, по словам Дан, «было очень много эгоизма, а в Ленине эгоизма не было». «Ленин был убежден, что он знает правду и это дает ему право не только завоевывать вас на свою сторону, но и добиться того, чтобы вы действовали так, как он хочет, но не потому, что он делает это для себя, а потому, что он знает, что нужно делать. Ленин обладал способностью завоевывать на свою сторону и руководить; к этому был неспособен Плеханов», — отмечает Дан. Характеризуя образ Ленина, Дан пишет: «Ленин никогда ничего не делал ради своей собственной выгоды. Он был абсолютно бескорыстен. Однако я знаю, что многие бескорыстные люди становились в той или иной мере коррумпированными, когда приходили к власти. С Лениным этого не случилось» (с. 111).

Дан рассказывает о своем личном знакомстве с И. В. Бабушкиным и подчеркивает, что он был «выдающимся рабочим». В целом она считает петербургских рабочих чрезвычайно «продвинутым типом рабочих»; подобных рабочих она не встречала, скажем, в Москве (с. 153).

Повествуя о революции 1905—1907 гг., Дан приходит к выводу, что «широкое движение началось уже в январе 1905 г.» По ее словам, большевики «на сто процентов были против гапоновского движения», меньшевики же пытались присоединиться к этому движению и получить на него некоторое влияние (с. 171). В начальный период, — как считает Л. О. Дан, — никто еще не догадывался, что Гапон был агентом полиции, однако и тогда уже было совершенно «ясно, что полиция использует Гапона» (с. 172). Дан считает, что подобное положение создало очень сложную ситуацию для деятелей партийной ориентации, грозя изоляцией от круга тех рабочих, где Гапон имел влияние и где люди не хотели верить, что Гапон связан с полицией. Позднее, после кровавой расправы 9 января, рабочие люди все больше и больше проникались «симпатией к большевикам, говорившим, что это ловушка и что не надо было принимать участия» в шествии (с. 172).

Дан не согласна с теми меньшевистскими лидерами, которые выводят меньшевизм непосредственно из народничества. Как считает Дан, после 1905 г. меньшевики поняли, что «партия должна покинуть свои крошечные ячейки, в частности, подпольные, и должна стать организацией, который зиждется на подлинно широкой базе». Однако не без горькой иронии Дан приходит к ретроспективному выводу, что меньшевики явно «пошли слишком далеко в одном направлении — в деле европеизации партии» (с. 212).

Если Л. О. Дан, несмотря на присущее ей неприятие большевизма, способна, в силу масштаба своей личности, подняться до многих трезвых и взвешенных оценок, то интервью Б. И. Николаевского, который, по дацной ему в 1919 г. характеристике В. И. Ленина, принадлежал к числу «людей, которые отдавали всю свою деятельность враждебной борьбе с большевизмом»³, представляются значительно более мелкими. Он также подробно повествует о годах своей юности, в частности, об учебе в старших классах гимназии и о годах своего политического становления. В январе 1905 г. он познакомился с рабочими кружками, но откровенно признается, что «у него не было особого желания входить в эту жизнь», жизнь рабочих (с. 267). По его словам, он никогда не

увлекался работами Ленина, однако его привлекали статьи Л. Мартова, которые он особенно ценил за присущий им «исторический подход» (с. 289). Б. И. Николаевский вынужден с запозданием признать, что одной из основных ошибок меньшевизма была его антикрестьянская позиция. По его мнению, концепция, согласно которой крестьянство прогрессивно в социальном аспекте, но реакционно политически, в России, где 85% населения состояло из крестьян, связала «меньшевизм по рукам и ногам, и он поэтому не смог прогрессировать с точки зрения политической» (с. 292). Позиция Б. И. Николаевского по отношению к большевикам всегда была, как он признается, «негативной», однако считает, что он в то же время не придерживался практики «фракционного подхода». Так, он печатался в некоторых большевистских изданиях, и когда Ленин выразил желание встретиться с ним, то они встретились (с. 292).

Меньше интересных фактических сведений в интервью Ю. П. Денике. Он отмечает, что особенно увлекался в юности философскими трудами, в частности, охотно читал И. Канта и Э. Маха. Из политических вопросов его особенно интересовали проблемы французского синдикализма (с. 308). К чтению «Искры» он подключился лишь в 1904 или 1905 г. (с. 309). В начальный период своей политической деятельности он мало что читал из памфлетов Мартова, так как «они были нелегальными» и он «боялся, что его арестуют» (с. 309). Денике затрудняется выделить какие-либо особо важные события в период января — августа 1905 г., так как считает, что волны стачечного движения создавали «мощное впечатление, что мы находимся на пороге, пороге революционного взрыва» (с. 316). Объясняя причины поражения революции 1905 г., Ю. П. Денике полагает, что они заключались в «отсутствии координации и организации». Он считает, что «Петербургский Совет некоторое время действовал как второе правительство, но у него не было физической силы удержать свою позицию» (с. 335). В то же время Денике не пытался действительно критически разобраться в той роли, которую сыграло меньшевистское руководство Совета в поражении декабрьского вооруженного восстания.

В целом изданная под редакцией Л. Хеймсона книга интервью деятелей российского меньшевизма, несмотря на некоторую мозаичность и рыхлость сообщаемых здесь сведений, бесспорно, представляет огромный научный интерес. Особую значимость эта книга имеет для советских исследователей дореволюционной истории России, в трактовке которых меньшевистские деятели, по справедливому замечанию наших зарубежных коллег, либо рисуются схематично и исключительно черными красками, либо выпадают вообще⁴. Обращает на себя внимание также и тот факт, что в советской исторической науке, в отличие от американской, не получили распространения фундаментальные публикации подробных и всесторонних интервью сошедших с политической сцены исторических деятелей. Более того, условием пропуска для публикации мемуаров в журнале или в издательстве порой ставится чуть ли не политическое покаяние⁵, каким бы неискренним оно ни было. Не пора ли нам, наконец, начать рассматривать при исследовании своего прошлого весь спектр реально существовавших мнений, всю совокупность действовавших на политической сцене исторических личностей, вне зависимости от того, нравятся они нам или нет. И в этом отношении нам есть чему поучиться у американских авторов, подготовивших к печати книгу «Становление трех российских революционеров. Голоса из меньшевистского прошлого».

И. А. Дьяконова

Примечания

* The Making of Three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik Past/Ed. by L. H. Haimson. Introduction by L. H. Haimson. Cambridge. Cambridge University Press. 1987. 516 p.

¹ См.: Драпер Н. The «Dictatorship of the Proletariat» from Marx to Lenin. N. Y., 1987. P. 75—76.

² См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 282.

³ См. там же. Т. 39. С. 38.

⁴ См.: Гэндайси кэнкю: 1970. № 24. С. 8.

⁵ См.: Юность. № 3. 1989. С. 79.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РУССКО-СКАНДИНАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Оценка норвежского ученого

Норвежский ученый Анне Стальсберг, археолог по образованию, исследует историю скандинавских стран эпохи викингов (конец VIII — середина XI вв.), уделяя значительное внимание вопросам взаимоотношений между Скандинавией и Древней Русью в этот период. Плодотворной работе способствует хорошее владение автором не только своим, скандинавским материалом,

но и русским: А. Стальсберг стажировалась в МГУ у профессора Д. А. Авдусина, неоднократно приезжала в СССР для ознакомления с археологическими материалами и консультаций с советскими учеными. А. Стальсберг хорошо знает труды своих коллег-историков и археологов, опубликованные в нашей стране¹, аннотирует и рецензирует их для норвежского читателя². Данные археологии автор сопоставляет со свидетельствами письменных памятников, используя в работе русские летописи, нарративные древнескандинавские, западноевропейские и восточные источники.

Практически весь корпус сведений по истории русско-скандинавских связей уже введен в науку (исключением являются данные археологии, количество и состав которых расширяются год от года) и неоднократно интерпретировался. В своей работе над проблемой А. Стальсберг стремится по-новому рассмотреть уже известные сведения. В работе 1982 г.³ она проводит анализ скандинавских археологических материалов эпохи викингов, происходящих из северо-западных районов Руси, объединенных в Повести временных лет термином «Верхняя Русь». А. Стальсберг разрабатывает свою методику исследования и систему довольно жестких критериев для идентификации скандинавской принадлежности находок, основываясь на данных, характеризующих погребальный обряд, костюм, магические амулеты и др. Весь материал, вызывающий сомнения, автором из анализа исключается. Краткое описание вещей, которые автор считает бесспорно скандинавскими, приведено в конце статьи в каталоге «Скандинавские находки эпохи викингов из Северо-Западной Руси»⁴.

В ряде статей А. Стальсберг ввела в научный оборот материал, ранее мало использовавшийся в исторических построениях⁵. Речь идет о большом количестве археологических свидетельств, связанных с захоронениями скандинавских женщин на Руси. Эти данные, как показывает автор, могут быть рассмотрены под разным углом зрения, во-первых, как источник информации о самих женщинах, их семейном и социальном положении и роли в общественной жизни, во-вторых, как материал для определения характера деятельности скандинавов на Руси в эпоху викингов. Эти положения А. Стальсберг развивает в работах последнего времени. На них мы остановимся подробнее.

«Женские» находки⁶ составляют значительный процент среди других скандинавских материалов на Руси. Из 122 женских захоронений, 97 мужских и 37 парных (мужчина и женщина), исследованных А. Стальсберг, она считает скандинавскими около 90, в том числе около 35 захоронений скандинавских женщин, около 26 — скандинавов-мужчин и около 27 — парных погребений, где либо один, либо оба индивида — скандинавы. Имеется также 7 детских захоронений со скандинавскими вещами⁷.

По мысли автора, часть скандинавов приходила на Русь вместе со своими семьями (по крайней мере, с женами). Семейная жизнь несовместима с постоянной опасностью и нестабильностью жизненных условий. Из этого следует, что отношения между двумя группами населения были мирными в такой степени, что семьи чужеземцев могли безбоязненно жить среди местного населения. Неотделенность скандинавских находок в могильниках, считает автор, указывает на то, что скандинавы были приняты местным населением, возможно, даже были интегрированы в его среду. «Мирный» подтекст «женских» и «детских» находок очень важен для понимания отношений между скандинавами и исконным населением Руси, в которых преобладали порядок и стабильность⁸.

На протяжении всей эпохи викингов «женские» находки стабильно присутствуют в скандинавских материалах, происходящих из Руси. Этот факт, подчеркивает автор, свидетельствует об определенной степени организованности в отношениях с местным населением Руси и о том, что расположение местного населения к скандинавам, смешение групп населения были не исключением, а правилом в течение всего рассматриваемого периода⁹.

Анализ процентного соотношения захоронений со скандинавскими находками (до 4%) в сопоставлении с общим числом захоронений на 5 могильниках, исследованных автором, позволил А. Стальсберг заключить, что на поселениях скандинавы представляли собой небольшую, но заметную группу чужеземцев, четко прослеживающуюся по археологическим материалам¹⁰.

В ходе длительных, продолжающихся более полутора столетий споров о роли норманнов в истории Древней Руси возникли теории, сторонники которых по-разному трактуют деятельность скандинавов на этом этапе развития Древнерусского государства¹¹. В своих статьях А. Стальсберг многократно возвращается к этой проблеме. Она считает, что изучение археологических материалов может способствовать пониманию характера деятельности скандинавов на Руси. Автор выделяет девять аспектов данной проблемы.

1. Вопрос о скандинавах как основателях Древнерусского государства является основным в споре норманистов с антинорманистами. Решая проблему этнической принадлежности первых русских князей, А. Стальсберг полагает, что на данном этапе изучения она археологически неразрешима¹²,

однако приводит данные (со ссылкой на работу Т. Райс¹³) о скандинавском происхождении русских князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого.

2. Письменные древнескандинавские источники, в частности саги, многократно упоминают о военных походах скандинавских викингов на Русь. Хотя эти сведения саг зачастую стереотипны и вследствие этого малодостоверны, в литературе был сделан вывод об экспансивной, завоевательной политике скандинавов на землях к юго-востоку от Балтийского моря. А. Стальсберг возражает против подобной интерпретации свидетельств письменных памятников. Она считает, что продвижение скандинавов по водным путям в глубь Руси было затруднено из-за большого числа порогов на реках и волоков¹⁴. В случае опасности это обстоятельство не позволило бы завоевателям быстро обратиться за помощью и получить ее или бежать. Автор подчеркивает, что скандинавский материал на Руси не свидетельствует о каком-то антагонизме местного населения с чужеземцами, а напротив, говорит об отсутствии отчуждения и об интегрированности скандинавов¹⁵.

Особая ситуация сложилась в Приладожье, куда скандинавы проникали быстро и без особых затруднений. Но даже и в этом районе происходила интеграция скандинавов, главным образом, как считает автор, в сельских поселениях. Шведское правление, наступившее в Ладоге и ее округе после заключения брака между князем Ярославом Мудрым и принцессой Ингигерд, дочерью конунга Олава Шведского¹⁶, также не повлияло на отношения между местным и пришлым населением¹⁷.

3. Участие скандинавов в грабительских пиратских набегах на побережья Балтики и Каспийского моря зафиксировано письменными источниками. Автор, однако, полагает, что это явление не могло быть широко распространено на Руси из-за особенностей передвижения по рекам — наличия на них большого числа порогов и волоков (исключение составляет район Юго-Западного Приладожья). При систематических набегах местное население должно было бы защищаться от пиратов, однако все признаки (наличие большого числа женских погребений, интегрированность) противоречат данным письменных памятников о наличии вражды¹⁸.

4. Высказывалось также мнение, что ушедшие из дома на восток скандинавы являлись земледельцами-переселенцами, аналогично норвежцам и датчанам, уходившим на запад. Это объяснение, считает А. Стальсберг, вполне применимо к районам вблизи Ладожского озера, где численность местного населения была незначительной, но не к Центральной Руси, где была значительная концентрация населения, основным занятием которого было земледелие. Автор полагает, что в целом материал не дает оснований для заключения о том, что основная часть пришедших на Русь скандинавов была переселенцами-земледельцами¹⁹.

5. О присутствии на Руси в разное время отрядов скандинавских наемных воинов свидетельствуют отечественные летописи, а также древнескандинавские памятники. Потребность в наемниках была велика не только из-за их военной силы и доблести, но также и потому, что по отношению к другим племенам они были независимы и в межплеменных конфликтах слушали только князя. Все признаки, вычлененные А. Стальсберг как характерные для пребывания скандинавов на Руси, свойственны наемничеству: наличие семейных отношений, интегрированность с местным населением, концентрация в местных центрах и, конечно, наличие оружия в захоронениях. Наемники могли по несколько лет жить вместе со своими семьями в одной местности. Отношения между ними и их хозяевами носили договорный характер. Было естественным держать наемное войско в торговых и административных центрах, которые нужно было защищать и контролировать²⁰.

6. Повесть временных лет и Бертинские анналы свидетельствуют о том, что скандинавы выступали на Руси как должностные лица. В ранних государствах князья и короли часто нанимали «администраторов» по причинам, во многом сходным с тем, почему они предпочитали и наемных воинов: большая зависимость от князя и меньшая — от местной племенной знати. Административные лица из призванных на Русь скандинавов, считает автор, вероятно, имели более высокий ранг, чем наемные воины, и в их положении им было еще легче, чем воинам, содержать семью. Проживали они, вероятно, в торговых или административных центрах. Можно предположить, пишет автор, что некоторые из высоких должностных лиц могли быть похоронены на Руси в богатых захоронениях, подобных Плакуну около Старой Ладоги, Гнёздовскому могильнику на Верхнем Днепре и Шестовице на Десне, являвшихся важными центрами. Во всех перечисленных пунктах имеются мужские, женские, а также парные захоронения²¹.

7. Об участии скандинавов в торговле на Руси известно из древнескандинавских и средневековых арабских источников. При проживании скандинавов среди местного населения у купцов появлялась возможность вести торговлю не только во время навигации, но в течение всего года, что, без сомнения, было большим преимуществом. При характеристике положения купца-скандинава

«работающими» сказываются все описанные А. Стальсберг признаки: большое число «женских» находок, свидетельствующих о присутствии семей у скандинавов, концентрации находок на поселениях и могильниках, интегрированности с местным населением²².

Судя по письменным памятникам, торговля являлась мужским занятием. А. Стальсберг, однако, приводит доказательства в пользу высказанной в литературе ранее точки зрения о том, что в отсутствие мужчины женщина в Скандинавии могла брать на себя ведение торговли²³, и показывает, что эта форма деятельности женщины характерна и для Руси. Автор пользуется данными о наличии весового инструмента в погребениях. Она показывает, что на Руси весовой инструмент найден в 37 захоронениях со скандинавскими вещами, из которых 8 — женские, 18 — мужские и 11 — парные захоронения. Автор выдвигает предположение о том, что скандинавские женщины на Руси могли вести торговлю самостоятельно. Сравнивая положение жены бонда в средневековой Норвегии с положением жены купца, А. Стальсберг считает, что обе женщины разделяли занятия мужа. И хотя среди видов деятельности женщины эпохи викингов средневековые источники не упоминают торговлю, А. Стальсберг считает, что это объясняется, с одной стороны, особенностями мышления средневековых авторов, с другой стороны, тем, что женщина работала, в частности торговала, дома, а общественная, внешняя сторона торговли была представлена все же мужчиной²⁴.

8. О наличии скандинавских ремесленников на Руси свидетельствуют, как считает автор, находки в Старой Ладогe и на Рюриковом городище нескольких незаконченных украшений, сломанных, по-видимому, во время изготовления²⁵.

9. Последнее, что отмечает автор, это существование брачных связей населения Швеции и Руси, и в первую очередь районов Юго-Восточного и Юго-Западного Приладожья. Данные о наличии смешанных браков автор видит в материалах, происходящих из верховьев Волги, Гнёздова, Шестовиц. Автор имеет в виду не высшее общество, матримониальные связи которого зачастую объясняются политическими мотивами, но контакты на уровне простых людей и считает, что брак был одной из форм обеспечения поддержки со стороны местного населения²⁶.

Одновременно на одном поселении могли жить скандинавы — наемные воины, должностные лица и купцы. Было бы интересно, замечает автор, разделить предметы, оставленные этими группами населения. По весам и гирькам можно достаточно уверенно определить купца. Оружие вряд ли может служить исключительно признаком воина, поскольку оно могло быть у разных категорий населения²⁷.

Исследование совокупности скандинавских материалов эпохи викингов на Руси позволило автору сделать ряд интересных замечаний, касающихся их хронологического и территориального распределения. Наиболее ранние скандинавские предметы на Руси происходят из Старой Ладоги и датируются приблизительно серединой VIII в. Приток значительного числа скандинавских вещей начинается в IX в., однако подавляющее большинство их относится к концу IX — концу X в. Число находок, датируемых первой половиной XI в., значительно меньше. Предметы IX в. располагаются в Северной и Северо-Западной Руси, т. е. на Волжском пути. Находки X в. обнаружены на всей территории, в то время как позднейшие локализуются вдоль Днепровского пути²⁸.

В середине XI в. меняется характер археологических источников. Предметы, характерные для эпохи викингов, выходят из употребления как в самой Скандинавии, так и за ее пределами, исчезает специфический скандинавский орнамент. С введением христианства меняется погребальный обряд. С этого времени скандинавский элемент эпохи викингов на территории Руси не прослеживается²⁹.

Г. В. Глазырина

Примечания

¹ В одной из своих работ, посвященной сопоставлению применяемых учеными скандинавских стран и Советского Союза принципов и методов работы с археологическим материалом, автор характеризует особенности археологии в СССР, ее понятийный аппарат и терминологию. В методологической односторонности нашей науки, по мнению автора, состоит ее главное отличие от этой области знания в Скандинавии, что затрудняет использование результатов работы советских ученых исследователями из других стран. (Stalsberg A. *Sovjetisk og skandinavisk arkeologi: To verdener — Eller ytre forskjeller som forleder oss til misforstaelser?* // *AmS-Skrifter*. Vol. 11. Stavanger, 1985. S. 75—83.)

² См., например, рецензию А. Стальсберг на недавно опубликованную книгу Н. Л. Пушкаревой «Женщины Древней Руси» (М., 1989): *Kvinner i arkeologi i Norge* (далее — К. А. Н.), № 9—10. Trondheim, 1990. S. 114—117.

- ³ Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence // *Journal of Baltic Studies*. 1982. Vol. XIII. № 3. P. 267—295 (далее — Stalsberg 1982).
- ⁴ Ibid. P. 288—295.
- ⁵ Ibid; Stalsberg A. Skandinaviske vikingetidsfunn fra Russland med særlig vekt på kvinnefunnene // *Unitext*, 1984. Fagskrift № 6. Trondheim, 1984. S. 86—102; i d e m. The Interpretation of Women's Objects of Scandinavian Origin from the Viking Period Found in Russia // *AmS-Varia*. Vol. 17. Stavanger, 1987. P. 89—100.
- ⁶ Принципы определения скандинавской принадлежности женщины: Stalsberg A. The Implications of the Women's Finds for the Understanding of the Activities of the Scandinavians in Rus' during the Viking Age // *K. A. N.* № 5. Trondheim, 1987 (Далее: Stalsberg 1987) S. 34; Stalsberg A. Kvinnene i vikingetiden skal ikke ha noe eget kapittel i historiebøkene // *K. A. N.* № 7. Trondheim, 1988 (далее — Stalsberg 1988₁). S. 57.
- ⁷ Stalsberg 1987. S. 36—37. Приблизительность подсчетов, как отмечает автор, связана с тем, что идентификация пола, культурной принадлежности не является однозначной. Подробный обзор и анализ скандинавских находок на Руси дан в работе: Stalsberg A. The Scandinavian Viking Age Finds in Rus' // Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev. Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters. (Bericht der Römisch — Germanischen Kommission 69). Frankfurt am Main, 1988 (далее — Stalsberg 1988₂). S. 448—471.
- ⁸ Stalsberg 1987. S. 37; Stalsberg 1988₁. S. 58—59.
- ⁹ Stalsberg 1987. S. 46.
- ¹⁰ Stalsberg 1987. S. 37.
- ¹¹ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М. Л., 1965; его же. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1987. С. 152—166; его же. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 35—51; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Послесловие к кн.: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 230—245.
- ¹² Stalsberg 1987. S. 40; Stalsberg 1988₂. S. 465.
- ¹³ Rice T. The Crucible of Peoples // *The Dark Ages*. London, 1965. P. 152.
- ¹⁴ Подробно этот вопрос рассмотрен автором в статье: Stalsberg A. «I Austerveg» — skandinaviske handel i Russland i vikingtiden // «Spor». Fortidsnytt fra Midt-Norge. Trondheim, 1988. № 2. S. 20—25.
- ¹⁵ Stalsberg 1987. S. 40; Stalsberg 1988₂. S. 465—466.
- ¹⁶ Глазырина Г. В., Джексон Т. Н. Из истории Старой Ладogi (на материалах скандинавских сар) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 год. М., 1986. С. 108—115.
- ¹⁷ Stalsberg 1987. S. 40—41.
- ¹⁸ Stalsberg 1987. S. 41; Stalsberg 1988₂. S. 466.
- ¹⁹ Stalsberg 1987. S. 41—42; Stalsberg 1988₂. S. 466.
- ²⁰ Stalsberg 1987. S. 42; Stalsberg 1988₂. S. 466.
- ²¹ Stalsberg 1987. S. 43; Stalsberg 1988₂. S. 466.
- ²² Stalsberg 1987. S. 43; Stalsberg 1988₂. S. 467.
- ²³ Dommasnes L. H. Late Iron Age in Western Norway. Female Roles and Ranks as deduced from an Analysis of Burial Customs // *Norwegian Archaeological Review*. 1982. Vol. 15. № 1—2. P. 83; Ellmers D. Frühmittelalterliche Handelsschiffahrt im Mittel- und Nord-Europa. Neumünster. 1984. S. 178—180.
- ²⁴ Stalsberg 1987. S. 44—45; Stalsberg 1988₁. S. 60—63; Stalsberg 1988₂. S. 467. Подробно участие женщин в торговле в средние века рассмотрено автором в работах: Stalsberg A. Handelskvinner i vikingtiden // *Nytt om kvinneforskning*. Oslo. 1988. № 4. S. 73—79; Stalsberg A. Tok vikingtidens kvinner aktiv del i handelen? // «Spor». Fortidsnytt fra Midt-Norge. Trondheim. 1988. № 2. S. 36—38.
- ²⁵ Stalsberg 1987. S. 45; Stalsberg 1988₂. S. 467.
- ²⁶ Stalsberg 1987. S. 45—46; Stalsberg 1988₂. S. 466—467.
- ²⁷ Stalsberg 1988₂. S. 467.
- ²⁸ Stalsberg 1987. S. 38.
- ²⁹ Stalsberg 1982. P. 284.

ОБ ОДНОЙ ОШИБКЕ

В 4-м выпуске «Материалов по истории СССР» (составители Н. В. Козлова, В. Р. Тарловская, Д. Н. Шанский) ¹ опубликовано несколько листов из Санкт-Петербургской, как полагают составители, таможенной книги 1726 г. (ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, № 32873). Заголовок этой книги — «Книга торговыхъ записокъ проданым от иноземцов к россииском купцамъ заморским товаром». Таможня, как из него следует, не указана; на 1-м листе чернилами, старинным почерком со знаком вопроса написано — «Архангельск», но архивисты сомневались, и там же карандашом написано — «С. Петербург». Однако это книга — Архангельской таможни.

Во внутренней таможне города в течение года велся целый комплекс книг разных типов, регистрировавших различные таможенные «розделки»: явку, отпуск, покупку, продажу товаров, выдачу выписей и извозничьих ярлыков и др. Сохранились пять книг за 1725 г. (ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, № 32740, 32741, 32742, 32786, 32787). С ними связаны и книги 1726 г., в частности, в книге явок (№ 32743) регистрируются товары, оставшиеся непроданными в 1725 г. Все книги 1725 и 1726 гг., в том числе и книга № 32873, имеют одинаковую скрепу: Ка-ме-рир Иван-Те-ля-ков-скон.

Имена бургомистров, ценовальников, торговцев также свидетельствуют о принадлежности книги № 32873 к архангельским. Названный в ней бургомистр Иван Маслов в этой же должности упоминается во всех пяти книгах 1725 г. Судя по собственноручным подписям, они принадлежат одному и тому же лицу. Досмотры двинского ценовальника Степана Рязанова фиксируются в книгах № 32741, 32742, 32743, двинского ценовальника Фомы Тютлина — в № 32743.

Имя комиссара Семена Окулова, упоминаемого в № 32873 в одной из книг 1725 г. встречается в таком контексте: «Камисар Семен Окулов купил на денги с архангелогородцкой пилней мелницы у головы Ивана Рогушина х корабельному ея величества государыни императрицы строению пилныхъ досокъ четырепалешныхъ» (№ 32787, л. 28).

Доказательством принадлежности указанной книги к архангельским служат подписи «по велению», поставленные вместо неграмотного торговца или ценовальника. Холмогорец Василий Еремеев, расписавшийся в данной книге более 30 раз расписывается за других в книгах 1725 и 1726 гг.

В книгах архангельского комплекса 1725 г. и в № 32873 есть целый ряд статей, написанных одними и теми же писцами. Записи в книгах анонимны, но писцы нередко расписывались за других, и идентификация почерков субскрипций с почерками статей позволяет в некоторых случаях установить имена писавших. Горожанину Федору Прядуну принадлежат несколько статей в книгах 1725 и 1726 гг., в них же есть его подписи «по велению», запись о проверке им статей («поверял Федор Прядун» — № 32743, л. 2 об.), регистрируются и его торговые операции (№ 32743, л. 259 об., № 32787, л. 24). То же самое можно сказать и о холмогорце Никифоре Ступинцове, который в книге № 32873 записывает несколько статей, расписывается за ценовальников, его же рукой сделан ряд записей в книгах № 32740, 32742, 32743, в них же встречаются и его подписи за торговцев и ценовальников. Подобных примеров можно привести значительно больше. На наш взгляд, они убедительны, чтобы считать книгу № 32873 архангельской.

В заключение отметим не совсем ясный принцип в расстановке знаков препинания в публикуемом тексте: современным правилам они не всегда следуют, в самом же подлиннике их нет. Слово *важня* — «помещение, где взвешивается товар» — дается с прописной буквы (как топоним?). Думается, что при публикации рукописного текста, тем более первой, следует быть более внимательными к источнику.

И. А. Малышева

Примечание

* Материалы по истории СССР. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в. М.: Высшая школа, 1988.

БЕСЕДА С ЯПОНСКИМ ИСТОРИКОМ

В редакции журнала «История СССР» состоялась встреча с профессором Хиросимского университета С. Хинадой, видным специалистом по аграрной истории России конца XIX — начала XX в. В беседе приняли участие советские историки А. М. Анфимов, И. А. Дьяконова, П. Н. Зырянов, Д. А. Колесниченко, М. А. Рахматуллин, Л. Т. Сенчакова. Они подробно ознакомили профессора Хинаду с состоянием изучения в советской науке таких вопросов, как уровень развития аграрного капитализма в России, характер и формы движения крестьянства в революции 1905—1907 гг., региональные особенности и итоги столыпинской аграрной реформы.

Ниже публикуются ответы профессора Хинады на вопросы советских участников беседы.

* * *

Расскажите немного о себе, о начале Вашего научного пути.

С. Хинада: Хиросима — мой родной город, здесь я родился в 1929 г. Когда началась война я был еще очень юн, даже в самом ее разгаре мне было всего четырнадцать лет, а потому естественно, в тот период я еще не мог полностью осмыслить все события войны и весь ее трагизм. Во время атомного взрыва меня в Хиросиме не было, так как в апреле 1945 г. я был призван в армию и проходил учебу в качестве курсанта военно-морской школы. В августе 1945 г. Америка без всякой на то военной необходимости — к тому времени воевавшая с Америкой Япония была уже совершенно обессилена и не имела особых сил сопротивляться — сбросила атомную бомбу на мирное население моего родного города Хиросимы. Эпицентр взрыва был в 200 метрах от моего родительского дома; все мои родные погибли, и когда я в сентябре 1945 г. приехал в Хиросиму, то на месте цветущего города застал пепелище. Трудно описать мои чувства. Мне было несказанно больно, я был потрясен происшедшим, но надо было продолжать жить, хотя это и было нелегко. Поэтому я решил посвятить свою жизнь одной из самых мирных профессий — исторической науке, призванной сказать человечеству, что трагические события, подобные тем, что произошли в Хиросиме, никогда не должны повториться. Вскоре я стал студентом Токийского университета, моей научной специализацией стало изучение истории сельского хозяйства, в те годы меня очень занимало изучение истории аграрной реформы в Японии. Мой интерес к дореволюционной российской истории возник в связи с японской аграрной реформой и ее проведением: захотелось сравнить те процессы, которые происходили в Японии, с российским материалом, прежде всего с историей дореволюционной России. О моих последующих научных изысканиях вы лучше всего можете узнать из написанных мною трудов, главным из которых является монография «Исследования по аграрной истории России. К вопросу об отработочном аграрном строе накануне революции 1905 г.» *

Вопрос: Широко ли поставлены в Японии исследования по истории России? Было бы интересно узнать Вашу точку зрения на этот счет.

С. Хинада: Да, на мой взгляд, они сейчас ведутся широким фронтом. Особенно в последние десятилетия. А до войны история России и СССР почти не изучалась, работы, которые можно назвать исследовательскими в собственном смысле этого слова, были скорее не правилом, а исключением. Основная исследовательская работа по истории вашей страны развернулась в Японии уже после окончания второй мировой войны. Думаю, что наибольших успехов японские историки-руссисты достигли в изучении периода, который мы в Японии обозначаем термином «киндай» (новое

время) **. Это, конечно, отнюдь не означает, что японские историки не изучают древнюю историю России или историю России в средние века. В этой связи достаточно назвать хотя бы работы профессора С. Ториямы (до недавнего времени он работал в Хоккайдском университете, в Саппоро). Его труды посвящены как раз средневековой истории России и Восточной Европы. Из историков советского периода большую известность имеет профессор Ю. Таниути. Его перу принадлежит книга по «Советской политической истории». Однако я не являюсь специалистом по данным периодам истории вашей страны, поэтому я остановлюсь прежде всего на характеристике работ историков, изучающих Россию периода капитализма и империализма. Наиболее фундаментальное осмысление экономического развития России в конце XIX — начале XX в. сделано, на мой взгляд, в исследованиях профессора Х. Накаямы, в частности в его вышедшей в 1988 г. монографии «Царская Россия и иностранный капитал». Другим крупным исследователем истории России периода капитализма является профессор Токийского университета Х. Вада. Его отличает исключительная многоплановость: он занимается не только политической историей, но и историей социальной, а также экономической историей. Исключительно интересны его исследования по проблемам российского народничества. Х. Вада занимается также и советским периодом. Ц. Хасегава, много времени стажировавшийся в США, посвятил свои исследования проблемам Февральской революции в России. Так что, резюмируя, я могу сказать, что японские историки исследуют историю вашей страны во всем ее объеме.

Вопрос: Среди проблем, изучаемых японскими историками, заметное место занимает русская община. Каковы Ваши взгляды на этому вопросу?

С. Хинада: Община — это не только чисто российское явление. Она — явление и японского аграрного строя, центром которого было, бесспорно, рисосеяние. Интересная исследовательская проблема — это сравнение японской и российской общин. В качестве общего наблюдения я хотел бы сказать, что, во-первых, в японские общины входили землевладельцы, во-вторых, японский крестьянский двор (но:ка) носил сильные индивидуалистические черты. В России же все обстояло наоборот. И здесь, вероятно, проходит грань различия между двумя национальными типами общинного устройства.

В русской общине, кроме феодально-помещичьих обязанностей, налагаемых на нее «сверху», осуществлялись еще и демократические функции «снизу». Поэтому в России и возникла туманная идея создания справедливого общественного строя на базе общины, минуя капитализм. Призыв к возрождению демократических сторон деятельности крестьянского «мира» не означал требования возврата назад, к патриархальным порядкам.

Русская община при определенных условиях имела шанс стать основой нового справедливого общества.

Вопрос: Как Вы оцениваете характер крестьянского движения в период революции 1905—1907 гг.?

С. Хинада: Не подлежит сомнению мысль о том, что по своему характеру революция 1905 г. была буржуазной революцией. Но она не была простой антифеодальной революцией. Я думаю, что когда мы анализируем характер многообразного крестьянского движения в России, мы прежде всего должны обратить внимание на такое явление, как отработочная система при капитализме. Отмена крепостного права в 1861 г. в России дала крестьянам «личную свободу», но отнюдь не отменила собственность бывших помещиков-крепостников на землю, а скорее наоборот, способствовала расширению этой собственности с помощью так называемых «отрезков». Перед помещичьим хозяйством встала задача приспособиться к новым условиям, возникшим в результате отмены внеэкономического принуждения. Если адаптация не происходила, то помещики подвергались неизбежному разорению. Судя по статистике второй половины XIX в. разорение помещичьих имений происходило по всей России. Однако неправы те ученые, которые считают только тенденцию «модернизации» важнейшей для российского сельского хозяйства после отмены крепостного права. Если встать на эту точку зрения, то будет невозможно понять причины первой российской революции. С другой стороны, существует мнение, что отработочная система является в основном наследием крепостнической системы, заключая в себе преимущественно феодальные противоречия.

Я же считаю, что противоречия отработочной системы как переходной системы являются одним из звеньев противоречий сложного капиталистического общества России и органически сливаются с ними. По-моему, при отработочной системе оплата труда была чрезвычайно низкой, зато арендная

плата очень высокой. Сама отработочная система вместе с арендным отношением включает в себя в неразвитой форме противоречие между трудом и капиталом. Поэтому в 1905—1907 гг. мы впервые наблюдаем выступления российского крестьянства против отработочной системы в столь больших масштабах. Есть мнение, что основное содержание требований крестьянского движения того периода было требование земли, основу которого составляла малоземельность крестьянства. Однако это была, так сказать, вершина айсберга, подводная часть которого была представлена конкретными требованиями, касающимися системы оплаты труда и арендной платы при отработках. Так, в крестьянских приговорах «всем миром» против землевладельцев большое место занимали революционные требования повышения (втрое больше) уровня оплаты труда и уменьшения (вдвое меньше) уровня арендной платы. Резюмируя можно сказать, что в революционный период 1905—1907 гг. крестьянские массы России, впадшие в безысходную нищету из-за низкой оплаты труда при отработочной системе, поняв всю ничтожность своего заработка и жестокость условий аренды земли, выступили «всем миром» и солидарно с городскими рабочими, ибо увидели единственный путь своего спасения в уничтожении системы, являющейся источником их унижения. Солидарным выступлением крестьян и рабочих способствовало существование крестьян, постоянно уезжавших в города на отхожие промыслы и возвращавшихся в деревню. Это было результатом развития капитализма в России. Борьба крестьян в революции 1905—1907 гг. имела антипомещичью направленность, однако она не была простой борьбой за землю. Нельзя рассматривать борьбу за землю вне связи с борьбой против отработочной системы. Более того, система низкой оплаты труда в условиях отработок поддерживала не только отработочную систему, но и всю капиталистическую систему России, основанную на низкой заработной плате. Расшатывание ее основ влекло за собой кризис всего капиталистического общества в России. Я думаю, что столыпинская аграрная реформа была направлена против подобного рода крестьянского движения.

Вопрос: В чем состоят особенности изучения истории России в Японии по сравнению, скажем, с американской историографией? Каково влияние американской историографии на японскую?

С. Хинада: Главная особенность заключается в том, что до 60-х гг. влияние работ американских историков, изучавших историю России и СССР, на труды их японских коллег не было слишком заметным. Положение изменилось в 70-х гг., когда в активную науку пришло большое количество молодых японских историков и сами американские историки стали другими.

Конечно, слово «влияние» весьма многозначно. Если раньше некоторые старые концепции отдельных американских историков порой вызывали удивление, то теперь в американскую науку пришли новые интересные исследователи, достаточно в этой связи назвать хотя бы Л. Хеймсона или Р. Маннинг, многие мысли и наблюдения которых весьма глубоки и основываются на изучении материалов архивов СССР. Плодотворному развитию японской историографии мог бы весьма способствовать более широкий доступ молодых японских исследователей в советские архивы. Вообще расширение международного обмена в области исторической науки является, настоящей необходимостью.

Примечания

* Этот труд профессора С. Хинады наряду с другими работами японских историков рекомендован специалистами Института истории СССР АН СССР для перевода и издания в СССР.

** В японской историографии это период примерно с 60-х гг. XIX в.

СОДЕРЖАНИЕ

«Круглый стол» Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (Середина 40-х — конец 80-х гг. XX в.)	3
Безнин М. А. (Вологда) — Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е — первой половине 60-х годов	69
Мионов Б. Н. (Ленинград) — Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие	86

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Артизов А. Н. — Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса)	102
Степанов В. Л. — Николай Христианович Бунге	120
Севастьянова А. А. (Ярославль) — Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы)	134

Публикации

«Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...»	
Л. Берия — И. Сталину. Составитель Бугай Н. Ф.	143
Американские солдаты в Сибири. Составитель Мальков В. Л.	161
Материалы Революционного трибунала по делу провокатора Малиновского. Составители Каптелов Б. И., Розенталь И. С., Шелохаев В. В.	169

Критика и библиография

Шарагов Ю. П. — Дмитрий Шелестов. Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета	183
Гусев К. В. — Г. А. Герасименко. Земское самоуправление в России	186
Дякин В. С. (Ленинград) — И. В. Алексеева. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917	190
Шигабуудинов М. Ш. (Махачкала) — И. М. Пушкарева. Рабочее движение в России в период реакции 1907—1910 гг.	192
Эймонтова Р. Г. — В. Г. Чернуха. Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века	195
Гросул В. Я. — Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856—1876: Документы и материалы. Т. 1. Ч. 1: Февраль 1856 — декабрь 1860; Ч. 2: Январь 1861 — декабрь 1863	199
Федоров В. А. — Т. С. Мамсик. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века	201

История СССР за рубежом

Сахаров А. А. — Жанет Вайан, Джон Ричардс II. От России к СССР. Повествовательная и документальная история	206
Дьяконова И. А. — Становление трех российских революционеров. Голоса из меньшевистского прошлого	210
Глазырина Г. В. — Начальный этап русско-скандинавских отношений. Оценка норвежского ученого	213

Письмо в редакцию

Малышева И. А. (Хабаровск) — Об одной ошибке	218
--	-----

Научная жизнь

Беседа с японским историком	219
-----------------------------	-----

CONTENTS

The Soviet Union and East European Countries: Evolution and Downfall of Political Regimes (mid-40's — Late 80's). A Round Table	3
Beznin M. A. (Vologda) — Peasant Food Market Trade in Non-Black Earth Regions in the 50's and First Half of the 60's	69
Mironov B. N. (Leningrad) — The Influence of the Price Revolution in 18th Century Russia upon Her Economic and Socio-Political Development	86

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Artizov A. N. — Criticisms of M. N. Pokrovsky and His School (on history of the problem)	102
Stepanov V. L. — Nikolai Bunge	120
Sevastyanova A. A. (Yaroslavl) — Historiography of Russian Province of the Second Half of the 18th Century (definition of a problem)	134

Publications

«Crammed into Freight Cars and Deported to Places of Destination ...». L. Beria's Reports to I. Stalin. Compiled by <i>N. F. Bugai</i>	143
American Soldiers in Siberia. Compiled by <i>V. L. Malkov</i>	161
The Revolutionary Tribunal Materials Pertaining to the Affair of Malinovsky, Police Secret Agent. Compiled by <i>B. I. Kaptelev, I. S. Rosenthal, V. V. Shelokhaev</i>	169

Book Reviews and Bibliography

Sharapov Yu. P. — D. Shelestov. Alexei Pykov's Time: A Sketch of a Political Portrait	183
Gusev K. V. — G. A. Gerasimenko. The Zemstvo Self-Government in Russia	186
Dyakin V. S. (Leningrad) — I. V. Alexeeva. An Agony of Cordial Consent. Tsardom, Bourgeoisie and Their Entente Allies, 1914—1917	190
Shigabudinov M. Sh. (Makhach-Kala) — I. M. Pushkareva. Working Movement in Russia in the Period of Reaction 1907—1910	192
Eymontova R. G. — V. G. Chernukha. Press Policies of the Government. 1860's — 1870's	195
Grosul V. Ya. — Russia and Bulgarian National-Liberation Movement. 1856—1876. Documents and Materials. Vol. 1: February 1856 — December 1860; Vol. 2: January 1861 — December 1863	199
Fedorov V. A. — T. S. Mamsik. Peasant Movement in Siberia. The Second Quarter of the 19th Century	201

History of the USSR in Foreign Studies

Sakharov A. A. — Janet Vailland, John Richards II. From Russia to USSR. A Narrative and Documentary History	206
Dyakonova I. A. — The Making of Three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik Past	210
Glazyrina G. V. — The Initial Stage of Russo-Scandinavian Relations. A Norwegian Scholar's View	213

Letters to the Editor

Malysheva I. A. (Habarovsk) — About One Mistake	218
--	-----

Academic Life

A Conversation with a Japanese Historian	219
---	-----

ИСПРАВЛЕНИЯ

В № 5 за 1990 г. допущены ошибки:

С. 153, 22 строка сверху следует читать:

Павлова тем самым признала, что уже тогда он сумел объективно оценить свой поступок.

С. 220, 8 строка снизу — Н. В. Кокшаров

РЕДАКЦИЯ:

Секиринский С. С.	— Отдел истории СССР советского периода
Петров Ю. А.	— Отдел истории СССР периода капитализма
Швейковская Е. Н.	— Отдел истории СССР периода феодализма
Костина Р. В.	— Отдел истории народов СССР
Елисеева Н. В.	— Отдел историографии, источниковедения, методов исторического
Новикова М. А.	— исследования
Юрасовский А. В.	— Отдел истории СССР за рубежом
Польский М. П.	— Отдел критики и библиографии
Полторацкая Л. Н.	— Старший литературный сотрудник
Шляхтина М. В.	— Младший редактор

Технический редактор Глинкина Л. И.

Сдано в набор 06.10.90 Подписано к печати 18.01.91 Формат бумаги 70×100⁷/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 479,1 тыс. Уч.-изд. л. 24,8 Бум. л. 7,0
Тираж 25980 экз. Заказ 549 Цена 2 р. 10 к.

Адрес редакции: 103031, Москва, К — 31, Кузнецкий мост, 19, тел. 923-56-93
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Суд. 64-38

2 р. 10 к.
Индекс 70404

В издательстве «Наука»

готовятся к печати:

КООПЕРАТИВНО-КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР. 1923—1927: Документы и материалы. 1991. 30 л. 3 р. 30 к.

Сборник продолжает публикацию документов по истории кооперативно-колхозного строительства в СССР (период 1917—1922 гг. освещен в работе, вышедшей в свет в 1990 г.) 1923—1927 годы — период нэпа, ставший наиболее благоприятным для развития кооперации, ее наивысших достижений. В сборник включены документы из фондов центральных архивов, (ЦПА ИМЛ, ЦГАНХ и ЦГАОР СССР), в том числе обобщающие документы партийных, государственных и кооперативных учреждений, статьи и речи государственных и партийных деятелей (В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого и др.), письма крестьян, отражающие настроения деревни, ее отношение к кооперации и колхозам.

Книга рассчитана на историков и всех интересующихся историей нашей Родины.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, ПРАКТИКА. 1991. 26 л. 4 р. 20 к.

В советском обществе идут бурные дискуссии: что дала нашей стране и всему миру Октябрьская революция? Была ли у нее буржуазно-демократическая альтернатива? Кто ее совершил: народ или революционная партия? Существует ли связь между революцией и гражданской войной? Ответы на эти и многие другие вопросы дают видные советские историки — участники конференции «Социалистическая революция в России: теоретические и методологические проблемы», проходившей в октябре 1989 г.

Работа предназначена для историков и всех интересующихся историей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51; 690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140; 320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24; 734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 420043 Казань, ул. Достоевского, 53; 252208 Киев, ул. «Правды», 80а; 277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский пр-т, 72; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр-т, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

« НАУКА »

THE GREAT INDIAN COPPER